

**РОЛЬ ЛИЧНОСТИ В ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ.
ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА С. В. ТЮТЮКИНА**

МАТЕРИАЛЫ ВСЕРОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
(10–11 ДЕКАБРЯ 2022 ГОДА, Г. МОСКВА)

Общественная комиссия по изучению и популяризации творческого наследия
С.В. Тютюкина

**РОЛЬ ЛИЧНОСТИ
В ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ.
ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА
С.В. ТЮТЮКИНА**

*Материалы всероссийской научной конференции
(10–11 декабря 2022 года, г. Москва)*

Составитель: И.С. Удальцов

УДК 93/94(063)
ББК 63.3я431
Р68

Составитель:

Иван Сергеевич Удальцов, секретарь Общественной комиссии
по сохранению и популяризации творческого наследия С. В. Тютюкина

Редколлегия:

Илья Ханукаевич Урилов, доктор исторических наук, профессор, академик РАН;
Анастасия Олеговна Удальцова, депутат Государственной Думы Федерального Собрания
Российской Федерации;

Мargarита Ивановна Удальцова, супруга С. В. Тютюкина;

Елена Викторовна Сомова, доктор филологических наук, профессор, президент
Российской ассоциации преподавателей английской литературы (Московский педагогический
государственный университет, Московский государственный лингвистический университет);
Виктор Николаевич Казарин, доктор исторических наук, профессор, магистр юриспруденции
(Иркутский государственный университет);

Есиро Икэда, доктор гуманитарных наук, доцент, президент JCREES — The Japan Council for
Russian and East European Studies (Токийский университет);

Виктория Ивановна Ерыгина, кандидат исторических наук, доцент
(Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина, Инжиниринговый
колледж Белгородского государственного национального исследовательского университета);

Иван Сергеевич Удальцов, секретарь Общественной комиссии по сохранению
и популяризации творческого наследия С. В. Тютюкина.

Рецензенты:

Марина Ивановна Никола, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой
всемирной литературы (Московский педагогический государственный университет);

Генрих Зиновьевич Иоффе, доктор исторических наук, профессор.

Роль личности в историческом процессе. Чтения памяти профессора С. В. Тютюкина :
P68 материалы всероссийской научной конференции (10–11 декабря 2022 года, г. Москва) /
сост. И. С. Удальцов ; Обществ. комиссия по изучению и популяризации творческого
наследия С. В. Тютюкина ; [под ред. И. Х. Урилова, А. О. Удальцовой, М. И. Удальцовой
и др.]. — Казань : Бук, 2023. — 244 с. — Текст : электронный.

ISBN 978-5-907753-29-7.

В книге собраны материалы всероссийской научной конференции «Роль личности в историческом процессе. Чтения памяти профессора С. В. Тютюкина», состоявшейся 10–11 декабря 2022 года в Москве.

УДК 93/94(063)
ББК 63.3я431

СОДЕРЖАНИЕ

ПАМЯТИ МАРГАРИТЫ ИВАНОВНЫ УДАЛЬЦОВОЙ	6
ПРИВЕТСТВИЯ	7
МАТЕРИАЛЫ ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ	11
<i>Сомова Е. В.</i> ОБРАЗЫ РИМСКИХ ИМПЕРАТОРОВ В РОМАНЕ ДЖ. УАЙТ-МЕЛВИЛЛА «ГЛАДИАТОРЫ»	12
<i>Ворохобов А. В.</i> ИСТОРИЯ КАК СПОСОБ БЫТИЯ ЧЕЛОВЕКА.....	17
<i>Гребенкин А. Н.</i> ПОРЯДОК ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РАЗЛИЧНЫХ СТРУКТУР ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ОХРАННЫХ МЕРОПРИЯТИЙ ВО ВРЕМЯ ЮБИЛЕЙНЫХ ТОРЖЕСТВ В ЧЕСТЬ 100-ЛЕТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 Г.	19
<i>Казарин В. Н.</i> РАДИКАЛЬНАЯ ОППОЗИЦИЯ И ВЛАСТЬ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ: ВЗГЛЯД ЖУРНАЛА «СИБИРСКИЕ ОГНИ» 1920-Х ГГ.	24
<i>Ерыгина В. И.</i> ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ НА ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКЕ	27
РАЗДЕЛ I. ЛИЧНОСТЬ КАК ФАКТОР ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА	33
<i>Удальцов И. С.</i> ГИЙОМ ТИРСКИЙ И ЕГО РОЛЬ В ИСТОРИОГРАФИИ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ	34
<i>Павлов К. В.</i> ФЛОРЕНТИНЕЦ ФРАНЧЕСКО ГВИЧЧАРДИНИ: ПРИМЕР СТАНОВЛЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ ЭПОХИ ИТАЛЬЯНСКИХ ВОЙН 1494–1559 ГГ.....	37
<i>Борисова А. В.</i> ИМПЕРАТОР АЛЕКСАНДР I КАК АКТОР РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ЭПОХИ ЛИБЕРАЛЬНЫХ РЕФОРМ	42
<i>Щербакова М. С.</i> «Я ЧЕЛОВЕК СЛУЖБЫ И ПРЯМОГО ДЕЛА»: К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ КОНТР-АДМИРАЛА А. П. ЗЕЛЕНОГО.....	46
<i>Булычева Е. В.</i> ТЕХНИТ ДИОНИСА АСКЛЕПИАД И ЕГО РОЛЬ В ИСТОРИИ АФИН II В. ДО Н. Э.....	51
<i>Власов В. А.</i> ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ КАРЛА I СТЮАРТА И УГЛУБЛЕНИЕ ЕГО КОНФЛИКТА С ПАРЛАМЕНТОМ.....	55
<i>Гимазетдинова Р. Р.</i> КАЦУСИКА ХОКУСАЙ КАК ХУДОЖНИК, СТОЯВШИЙ У ИСТОКОВ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ ЯПОНЦЕВ В НАЧАЛЕ XIX В.	60
<i>Гусарова С. В.</i> ЭТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ НИКОЛАЯ МИСТИКА НА СЛУЖБЕ ВИЗАНТИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА	64
<i>Свиридов Н. А.</i> ЦАРЕВИЧ АЛЕКСЕЙ: ПРЕДАТЕЛЬ ИЛИ ЖЕРТВА ЭПОХИ?	69
<i>Долгих А. Н.</i> КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС ВО ВЗГЛЯДАХ С. С. УВАРОВА.....	71
<i>Елисеев В. В.</i> ТРИУМФ И ТРАГЕДИЯ Г. К. КРАСНОВА (1902–1971).....	76
<i>Мочинская К. А.</i> МИРОВОЕ СТРАДАНИЕ В РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ С. Л. ФРАНКА.....	82
<i>Чжен В. С.</i> БОРЬБА АРХИМАНДРИТА ФОТИЯ (СПАССКОГО) С МИНИСТРОМ ДУХОВНЫХ ДЕЛ И НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ А. Н. ГОЛИЦЫНЫМ И ЕГО РЕЛИГИОЗНОЙ КОНЦЕПЦИЕЙ РЕФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ.....	85
<i>Шаяхметова В. Р.</i> О РОЛИ ЛИЧНОСТИ В СОВЕТСКИХ УЧЕБНИКАХ ИСТОРИИ В 1930-Е ГОДЫ	89

Богатырев А. В. АГАТА КРИСТИ В ЗЕРКАЛЕ СВОИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ.....92

РАЗДЕЛ II. РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ И РЕФОРМАТОРЫ В ИСТОРИИ РОССИИ.....99

Гусарова С. В. ЛИЧНОСТЬ М. М. СПЕРАНСКОГО В ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ИДЕИ РУССКОГО КОНСТИТУЦИАЛИЗМА..... 100

Елисеев А. И. САМАРСКИЕ СТРАНИЦЫ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В. Г. АРХАНГЕЛЬСКОГО..... 105

Ильчук Д. И. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ССЫЛЬНЫЕ МЕДИКИ НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ РОССИИ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX ВВ. (НА МАТЕРИАЛАХ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ) 109

Карева А. В. ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ПЕТРА I КАК ФАКТОР УКРЕПЛЕНИЯ СТАБИЛЬНОСТИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ГОСУДАРСТВА 114

Швецов Ю. А. РОЛЬ Н. Н. НОВОСИЛЬЦЕВА В СОЗДАНИИ ПОЛИЦЕЙСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЧАЛЕ XIX В. 119

Концевой И. А. ПОЗИЦИЯ М. А. СПИРИДОНОВОЙ ПО ВОПРОСУ О ЗАКЛЮЧЕНИИ БРЕСТ-ЛИТОВСКОГО МИРНОГО ДОГОВОРА..... 123

Богачев Н. В. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АЛЕКСАНДРЫ КОЛЛОΝТАЙ ПО РУКОВОДСТВУ МЕЖДУНАРОДНЫМ ЖЕНСКИМ СЕКРЕТАРИАТОМ КОМИНТЕРНА..... 128

Мун В. А. ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА-МИНИСТР А. М. КОЛЛОΝТАЙ (1872–1952) В БОРЬБЕ ЗА ГЕНДЕРНОЕ РАВНОПРАВИЕ 134

Мищенко Н. С. КОНСТИТУЦИОННАЯ РЕФОРМА М. С. ГОРБАЧЕВА 1988–1991 ГГ.: ВОСПРИЯТИЕ И ОЦЕНКИ В США 138

Позднякова А. С. МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ МЕДВЕДЕВ (КУДРИН): ВЯТСКИЙ ПЕРИОД ЖИЗНИ РЕВОЛЮЦИОНЕРА.....141

Полуэктов И. Б., Тумишис М. А. «ПО ПРОИСХОЖДЕНИЮ — ОН ИНОСТРАНЕЦ»: ЖИЗНЬ И СУДЬБА ЧЕКИСТА КАРЛА РОЛЛЕРА 145

Суздальцев И. А. БЫЛ ЛИ ТРОЦКИЙ ЛИДЕРОМ КОМИНТЕРНА? 150

Савина Н. В. ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В РАБОТАХ В. И. ЛЕНИНА 155

Гапоненко С. Ю. А. Н. КОСЫГИН: РЕФОРМАТОР ЭПОХИ «РАЗВИТОГО СОЦИАЛИЗМА»..... 158

РАЗДЕЛ III. ЛИЧНОСТЬ В МАССОВЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ДВИЖЕНИЯХ..... 163

Веденев И. Н. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО СУБЪЕКТА НА ПРИМЕРЕ ИРАКСКИХ КУРДОВ: СУБЪЕКТ ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ И КОЛЛЕКТИВНЫЙ..... 164

Зайцева А. В. РОЛЬ У. БАКЛИ-МЛ. В ВОССТАНОВЛЕНИИ КОНСЕРВАТИВНОГО ДВИЖЕНИЯ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В США..... 169

Святкин М. И. РОЛЬ ЛИЧНОСТИ В ОБРЯДНОСТИ МОРДВЫ, СВЯЗАННОЙ С ЖИЛИЩНО-ПОСЕЛЕНЧЕСКИМ КОМПЛЕКСОМ, В XIX–XXI ВВ. 173

Кальниченко В. Н. ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СТАРООБРЯДЦЕВ ПОСЛЕ 1906 г. И В МЕНЯЮЩИХСЯ УСЛОВИЯХ 1918 г.....177

Флигинская Е. Д. КОНСТРУИРОВАНИЕ КУЛЬТОВОГО ОБРАЗА Г. Е. ЗИНОВЬЕВА В 1920-Е ГОДЫ 182

Каркач М. В. ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ КОЛЕБАНИЯ В ВОСПРИЯТИИ НАЧАЛА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ ЛЕТОМ-ОСЕНЬЮ 1914 ГОДА..... 186

Подлеснов В. И. СПОДВИЖНИКИ И. С. КОЛЕСНИКОВА ВО ВРЕМЯ КРЕСТЬЯНСКОГО ВОССТАНИЯ 1920–1921 ГГ. И ПОСЛЕ ЕГО ПОДАВЛЕНИЯ..... 192

Комаров Д. О. НЕСТОР МАХНО КАК ЛИДЕР САМОБЫТНОГО КРЕСТЬЯНСКОГО ПОВСТАНЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ197

РАЗДЕЛ IV. ЧЕЛОВЕК НА ВОЙНЕ	201
<i>Гайкин В. А.</i> КИМ ИР СЕН И АНТИЯПОНСКИЕ ИНСУРГЕНТЫ В МАНЬЧЖУРИИ 1937–1941 гг.	202
<i>Всеволожский Г. К., Махмутова К. З.</i> ОФИЦЕРСКИЕ СКАЗКИ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ВОЕННО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ.....	206
<i>Елисеев В. В.</i> СТАЛИНСКИЙ СОКОЛ.....	209
<i>Даренский В. Ю.</i> ФИЛОСОФИЯ ВОЙНЫ Ф. А. СТЕПУНА В КНИГЕ «ИЗ ПИСЕМ ПРАПОРЩИКА-АРТИЛЛЕРИСТА».....	213
<i>Ежова О. Ф.</i> «КОЛОБОК». ПУБЛИКАЦИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО ФАКТА ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ. ПО МАТЕРИАЛАМ ФОНДА Ю. В. БРОМЛЕЯ (из переписки Н. Н. Бромлей и Т. Н. Грушевской).....	216
<i>Лукоянова М. А.</i> МАРИНА РАСКОВА — РУКОВОДИТЕЛЬ АВИАГРУППЫ И КОМАНДИР АВИАПОЛКА.....	221
<i>Розмысл Е. В.</i> ЖИЗНЬ И БОЕВОЙ ПУТЬ ИВАНОВА ЕГОРА СТЕПАНОВИЧА (1902–1964 ГГ.)	225
<i>Чурлик А. Ю.</i> СУДЬБЫ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ В ЛАГЕРЕ КОЛОСЬОКИ № 8 В ПЕТСАМО В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ	229
ПРИЛОЖЕНИЕ	233
<i>Удальцов И. С.</i> СТАНИСЛАВ ВАСИЛЬЕВИЧ ТЮТЮКИН. ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ	234
<i>Удальцов И. С.</i> СТАНИСЛАВ ВАСИЛЬЕВИЧ ТЮТЮКИН. ТВОРЧЕСКАЯ БИОГРАФИЯ.....	239

ПАМЯТИ МАРГАРИТЫ ИВАНОВНЫ УДАЛЬЦОВОЙ

После продолжительной болезни 6 декабря 2023 года скончалась старейшая сотрудница Института российской истории РАН Маргарита Ивановна Удальцова. Ей было 80 лет.

Маргарита Ивановна родилась в Ульяновской области в 1942 году, в самый разгар Великой Отечественной войны. Окончила исторический факультет Московского государственного университета. В 1973–1984 годах трудилась в должности младшего научного сотрудника Института истории СССР АН СССР, играла заметную роль в общественной жизни Института и организационном обеспечении его работы. В этот же период опубликовала (в том числе — на страницах журнала «История СССР») ряд научных работ, посвященных истории российского революционного движения.

Больше четырех десятилетий Маргарита Ивановна состояла в браке с выдающимся советским и российским ученым, доктором исторических наук, профессором, главным редактором журнала «Отечественная история» в 1995–2007 годах Станиславом Васильевичем Тютюкиным. Неизменная поддержка и забота со стороны супруги сыграли огромную положительную роль в жизни и творчестве Станислава Васильевича. После его кончины в 2019 году именно Маргарита Ивановна внесла основополагающий вклад в дело сохранения светлой памяти о профессоре Тютюкине. При ее ближайшем участии велась работа по упорядочиванию архива ученого, публикации его работ и тематических сборников, организации памятных встреч и научных конференций, других просветительских мероприятий. Маргарита Ивановна Удальцова — составитель (совместно с И. С. Удальцовым) исчерпывающей библиографии Станислава Васильевича Тютюкина, опубликованной в составе сборника «Всегда оставался верен себе» (ИРИ РАН, 2021), соавтор (наряду с И. С. Удальцовым, Т. И. Филимоновой, А. А. Чернобаевым) «Фотолетописи» об историке, увидевшей свет на страницах журнала «Исторический архив» в 2021 году, составитель (совместно с И. С. Удальцовым, В. В. Шелохаевым, В. Л. Телицыным) книги «Станислав Васильевич Тютюкин. Избранные труды» («Собрание», 2022), участник ряда других публикаций и мероприятий.

Маргарита Ивановна всегда была очень добрым, честным и отзывчивым человеком, наделенным высокими нравственными принципами и чувством долга. Редакционная коллегия посвящает этот сборник светлой памяти Маргариты Ивановны.

От имени редакционной коллегии — **Иван Сергеевич Удальцов**,
секретарь Общественной комиссии по сохранению
и популяризации творческого наследия С. В. Тютюкина

ПРИВЕТСТВИЯ

Уважаемые коллеги, дорогие друзья!

Станислав Васильевич Тютюкин — один из самых выдающихся отечественных историков и Первый среди равных исследователей российского революционного движения.

Шесть десятилетий он кропотливо и с размахом, вдумчиво и плодотворно изучал русские революции. В результате все его труды отмечены знаком высочайшего качества. Они современны и сегодня.

С. В. Тютюкин был замечательным лектором с необыкновенным ораторским талантом, мудрым наставником молодых ученых. Нравственность в жизни и в науке — вот главная черта его характера.

Будучи потрясающе цельным Человеком, Станислав Васильевич на протяжении всей своей благороднейшей жизни являлся преданным сыном, мужем, отцом и дедом. Безмерны были его бережная любовь к родителям, трепетное отношение к любимой супруге, трогательнейшие переживания за сына и, конечно, счастье и гордость за подрастающих внуков, радующих сердечностью, умом, талантами...

Да, истинно радует нас всех и его внук Иван Сергеевич Удальцов — и своим отношением к семье, и, в частности, щепетильностью по отношению к памяти Станислава Васильевича и к его Архиву.

Горд и счастлив, что считаю себя учеником Станислава Васильевича. Быть им — это все равно что прикоснуться к далекой, но яркой и согревающей звезде.

Вновь и снова благодарю судьбу, что со мной такое случилось.

Илья Ханукаевич Урилов,
доктор исторических наук, профессор, академик РАН

Уважаемые коллеги!

Сердечно рада приветствовать участников всероссийской научной конференции, посвященной памяти Станислава Васильевича Тютюкина. Изучение роли личности в истории, в частности — в истории революций и массовых социальных движений, является крайне актуальной исследовательской проблемой, требующей непреходящего внимания специалистов. В связи с этим очень важной задачей становится стимулирование академической дискуссии в рамках авторитетных научных собраний — таких, как наша сегодняшняя встреча.

Особенно отраднo, что встреча эта проходит под сенью благородного образа профессора Тютюкина, который не только внес огромный вклад в объективное осмысление отечественной истории рубежа XIX–XX веков, в частности — персоналий Г. В. Плеханова, В. И. Ленина, Л. Д. Троцкого, но и сам являлся очень масштабной и яркой, достойной уважения и восхищения личностью.

Искренне желаю нам интересной и продуктивной работы!

Анастасия Олеговна Удальцова,
депутат Государственной Думы
Федерального Собрания Российской Федерации

Уважаемые коллеги!

Сердечно рад приветствовать всех участников конференции, посвященной памяти выдающегося советского и российского историка, доктора исторических наук, профессора Станислава Васильевича Тютюкина. Чрезвычайно приятно осознавать, что память об этом прекрасном ученом и человеке по-прежнему сохраняется не только среди его ближайших родственников, друзей и коллег, но и в широких массах отечественных, да и зарубежных исследователей, в том числе молодых. В этом видится мне залог будущего возрождения былой славы российской науки.

Имя Станислава Васильевича составляет предмет великой гордости нашей культуры. Огромен и поныне актуален вклад, внесенный им в изучение истории российских революций, российской общественной мысли и социалистического движения, биографий Плеханова, Ленина, Мартова, Керенского и других политических деятелей. Его многочисленные книги, статьи и рецензии остаются эталоном фактически точного и стилистически выдержанного научного текста. Его многолетняя редакторская работа (прежде всего — на посту главного редактора журнала «Отечественная история»¹) также должна служить (и служит) примером для новых поколений академических сотрудников.

Но не менее важно помнить, что Станислав Васильевич был не только исключительно одаренным, но и глубоко, по-настоящему нравственным человеком. Исследовательский дар сочетался в нем с добротой, честностью, скромностью, аскетизмом и евангельской простотой души. Наука была для него поприщем поиска истины и борьбы за нее. Редко, слишком, к сожалению, редко появляются на земле такие люди — и тем больше лежащая на нас, преемниках и продолжателях, ответственность, ответственность за сохранение слова и дела наших великих предшественников.

В заключение хочу еще раз поблагодарить участников и организаторов конференции. Спасибо — и удачи!

Иван Сергеевич Удальцов,
секретарь Общественной комиссии по сохранению
и популяризации творческого наследия С. В. Тютюкина

¹ Ныне — «Российская история».

МАТЕРИАЛЫ ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ

ОБРАЗЫ РИМСКИХ ИМПЕРАТОРОВ В РОМАНЕ ДЖ. УАЙТ-МЕЛВИЛЛА «ГЛАДИАТОРЫ»

Сомова Елена Викторовна

Московский государственный педагогический университет, Москва

Аннотация

Статья посвящена малоисследованному в отечественном литературоведении роману Дж. Уайт-Мелвилла «Гладиаторы» и вводит в научный оборот новый материал. Автор исследования анализирует основные принципы создания исторического повествования, традицию В. Скотта и концепцию философии истории в романе. Исследуется специфика работы писателя с историографическими источниками при воссоздании исторической эпохи.

Ключевые слова: исторический роман; традиция; жанр; античность; историческое повествование; историографический источник.

В романе Джорджа Джеймса Уайт-Мелвилла (G. J. Whyte-Melville, 1821–1878) «Гладиаторы» («The Gladiators, A tale of Rome and Judea», 1863), воссоздающем Древний Рим времен Иудейской войны, действие охватывает период с 69 до 70 г. н. э. Включая в повествование обширные сведения по истории и культуре Древнего Рима, ранней Британии, Древнего Иерусалима, Дж. Уайт-Мелвилл сопровождает текст ссылками на Тацита, Ювенала, Иосифа Флавия, Светония, Э. Гиббона.

В первой части романа изображается заговор против императора Вителлия, восстание, приведшее к гражданской войне и пожару в Капитолии. Во второй части сюжетные линии вплетены в описание завершающего этапа Иудейской войны и ее кульминации — разрушения Иерусалимского храма.

Образная система исторического романа Дж. Уайт-Мелвилла включает три типа персонажей — вымышленные, исторические и те, чьи имена зафиксированы в исторических источниках, но краткость либо отсутствие сведений делает их фактически вымышленными.

Римский трибун Плацид упоминается в «Истории» Тацита в связи с заговором и предательством императора Вителлия, а также в «Иудейской войне» Иосифа Флавия. Поскольку исторические сведения и комментарии относительно фигуры Плацида весьма кратки, то в романе Дж. Уайт-Мелвилла он является, в сущности, вымышленным персонажем.

Специфику исторических образов определяет принцип контраста. Императоры Авл Вителлий и Тит Флавий Веспасиан представляют различные способы правления и противоположные взгляды на мир. Иудеи Элеазар и Иоанн из Гишхалы — также реальные исторические лица, упоминаемые Тацитом и Иосифом Флавием. Стремясь к власти, они возглавили противоположные партии в Иудее, охваченной гражданской войной.

При создании образов Вителлия и Тита историческими источниками Дж. Уайт-Мелвиллу послужили «Жизнь двенадцати цезарей» Светония и «История» Корнелия Тацита. Следовавшие друг за другом в истории Рима императоры представлены в романе на фоне исторической перспективы. Тацит стремится «познать не только внешнее течение событий, которые по большей части зависят от случая, но также их смысл и причину» [2, т. 2, с. 6]. Дж. Уайт-Мелвилл, опираясь на материалы римского историка, создает яркую картину империи перед гражданской войной, выстраивая соотношение фактов и художественных образов.

Империя сравнивается с величественным зданием, которое заложил Ромул, венец которого возвел Август, и в которое каждое поколение на протяжении семи веков вкладывало свой труд. Развертывая метафору, Дж. Уайт-Мелвилл описывает, как грандиозное сооружение, охватившее

полмира, начинает «оседать и распадаться под давлением размеров и собственной тяжести» [3, с. 167]. Появляется образ весов, на чашах которых колеблется судьба царственного города. Знаком неустойчивости, зыбкости становится быстрая смена императоров — Тиберий, Клавдий, Нерон, Гальба, Отон, Вителлий, Веспасиан, Тит. Трон цезарей, по выражению романиста, «сделался синонимом эшафота и над царственной диадемой грозно дрожал дамоклов меч» [3, с. 27].

Вителлий предстает в романе гротескной фигурой «царственного обжоры» [3, с. 52]. Император появляется в романе не во дворце, а на рыбном рынке: медлительный, с бледным опухшим лицом, мутными потухшими глазами. В прошлом лукавый царедворец, воин, полководец, он поглощен только одной страстью. В комментариях Дж. Уайт-Мелвилл приводит обширные цитаты из Тацита и Светония. По выражению Светония, «более всего отличался он обжорством и жестокостью... Не зная в чревоугодии меры, не знал он в нем ни поры, ни приличия» [1, с. 189]. По свидетельству Тацита, «страсть Вителлия к обжорству была гнусна и неумолима». Для трат на его пиры разорялись и опустошались города, «солдаты отвыкали от труда и воинской доблести и проникались презрением к своему вождю» [2, т. 2, с. 77].

Глава XIV в является реконструкцией одного из пиров Вителлия на основе исторического описания. Намеренно замедляя действие с помощью подробных описаний и избыточности деталей, романист воссоздает картину изобилия, излишества, перенасыщенности. Среди обширной залы, переполненной цветами и плодами, среди бесконечного разнообразия блюд «огромное туловище Вителлия, белое и тучное, возвышается, подобно «гигантскому палтусу» [3, с. 53]. Огромные челюсти, придающие лицу выражение «безумия и чувственности», грубая и прожорливая жадность делают невозможным для обычного человека «состязаться с ним во время обеда» [3, с. 133].

Искажая пропорции, Дж. Уайт-Мелвилл подчеркивает животное начало императора, подавляющее разум. Таков был жалкий итог когда-то успешного полководца: способности его были притуплены и разрушены, силы парализованы, мужество исчезло. Усыпленный рассудок цезаря не мог ни понять, ни разрешить ни одного вопроса. Следуя Светонию, Дж. Уайт-Мелвилл вводит в роман мотив предсказания гражданской войны и свержения императора. В 8 главе «Жизни двенадцати цезарей» Светоний описывает предзнаменование судьбы Вителлия, когда при входе в Рим, воздвигнутые ему повсюду конные статуи внезапно рухнули и лавровый венки, торжественно на него возложенный, упал в поток [1, с. 249].

Описание заговора Юлия Плацида и гладиаторов против императора сопровождается многозначными лейтмотивными образами крови и вина, смываемых водой. Гладиатор Гиппий размышляет о том, что кто бы ни носил порфиру, в амфитеатре все равно будут игры и «кровь будет течь, как вода» [3, с. 206]. «Плесни водой на мраморные плиты, и ты легко смоешь следы крови и вина» [3, с. 211]. В этот момент один из собеседников видит узкую багровую струйку крови на мраморном полу дворца. В финале второй части романа после убийства поверженного императора, его окровавленное тело уносят воды Тибра.

Возвышение Вителлия, его путь к трону представлены в романе Дж. Уайт-Мелвилла в форме исторической ретроспективы. Перед неизбежной гибелью прошлое промелькнуло перед ним, и жизнь показалась пустой и бесцельной. Фаворит четырех императоров, он вспоминает свои роли и маски, ставшие ступенями к трону. Певец, паразит и шут, он был возничим колесницы при Нероне, бросал игральные кости с Клавдием.

Центральным эпизодом потока воспоминаний является картина поля битвы при Бедриаке, воссозданная по описанию Тацита. Мертвая пустыня, пропитанная кровью земля, растерзанные тела оставшихся без погребения вызвали ужас его спутников и размышления о том, «сколь превратно бывает счастье» [2, т. 2, с. 81].

Момент трагической гибели Вителлия также воссоздается по «Истории» Тацита. Фигура императора предстает одновременно и жалкой, и величественной. С царственным достоинством сверженный император перед смертью обращается со словами презрения к изменнику Юлию

Плациду. Со связанными руками, в разорванной одежде, подталкиваемый остриями мечей, Вителлий становится жертвой жестокой толпы.

Политический соперник Вителлия, Веспасиан, в романе Дж. Уайт-Мелвилла не появляется как действующее лицо. Однако романист, следуя Светонию, подробно очерчивает его характер. Отвага и хладнокровие, умеренность и скромность составляли контраст бессилию и пресыщенности Вителлия. Проявляя политический талант и глубокомыслие, Веспасиан следил за ошибками Вителлия и «из-за кулис» управлял игрой, в которой «усыпленный ум» императора неспособен был с ним бороться [3, с. 166]. Подобно кукловоду, он приводил в движение нити, определявшие действия его сторонников: легионы в Галлии бунтуют против Вителлия, восстал флот в Равенне и старые преторианцы готовы на мятеж. Гражданская война, как гроза, готова разразиться над Римом.

Тацит-моралист, подобно многим античным историкам, как правило, не формулирует теоретических обобщений, но изображает состояние умов и нравов, дает нравственную оценку.

Гибель Капитолия Тацит называет «тяжким злодеянием». «Святыня Юпитера перестала существовать, когда мир царил на границе. Созданный предками по указанию богов залог римского могущества, на который не осмелились поднять руку галлы, погубили яростные распри принцев. Пока мы вели войны в интересах родины, храм стоял нерушимо» [2, т. 2, с. 132].

В целом следуя повествованию Тацита, Дж. Уайт-Мелвилл воссоздает события в традициях «школы катастроф». Возникает образ бури, которая, разразившись на закате солнца, посеяла беспорядок и неистовство в большей части города» [3, с. 280]. Мятеж возрастал в силе и жестокости. Рим сделался театром беспощадной гражданской войны, вызванной интригами различных партий, пришедших в этот момент в столкновение. Старая преторианская гвардия, распущенная Вителлием без почестей и вознаграждения, надеясь на воцарение Веспасиана, столкнулась с новой гвардией императора.

Кульминационный момент Иудейской войны, осада Иерусалима и гибель Храма, представлены в романе Дж. Уайт-Мелвилла в традициях «школы катастроф». Действие происходит перед праздником пасхального агнца, когда иудеи стекались в священный город и еще более увеличивали страдания голода и ужасы осады.

В изображении бедствий осажденного города — мертвой, зловещей тишины, нестерпимых мук голода, «свирепого мора, «пожиравшего народ целыми семьями и родами» [4, с. 337], коршунов над неубранными телами, переполнившими улицы, Дж. Уайт-Мелвилл опирается на материалы «Иудейской войны» Иосифа Флавия, утверждавшего, что ужасы «превосходившие все пределы вероятного» [4, с. 362], приводящие рассказчика в содрогание, еще не были описаны в историографических трудах ни эллинов, ни варваров.

Дж. Уайт-Мелвилл избегает сцен смерти, убийств, казней, представленных в «Иудейской войне» Иосифа Флавия. Символичен в романе библейский образ «последних дней» великого города: «Иерусалим лежал, как находящаяся в агонии царица: с прекрасным лицом, изменившимся от истощения, с величественным челом, сдавленным диадемой» [3, с. 380].

Контрастом к сценам страданий и разрушений становятся в романе прекрасные пейзажи — пурпурные холмы Моавы над гладью Мертвого моря; подобный снежной вершине, купол храма из белого мрамора, золотые пластины которого пламенели на восходе солнца. Изображению гибели города в «Гладиаторах» предшествует ретроспективная история Иерусалима, высвечивающая отдельные эпизоды: строительство Храма Соломоном, укрепление и украшение города Иродом Великим, Агриппой Первым.

Неотъемлемой частью истории, символом гордости, славы, древности нации в романе предстает Иерусалимский храм, который «во всем известном тогда мире славился своей величиной, блеском и неслыханными богатствами» [3, с. 383]. На основе описаний Иосифа Флавия, Дж. Уайт-Мелвилл воссоздает архитектурное своеобразие, внутреннее устройство, украшения, религиозную цветовую и числовую символику храма. Впечатление пышности и величия создается с помощью соответствующих деталей: изобилие драгоценных металлов, украшений из дерева,

виноградные лозы с гроздьями в рост человека из массивного золота, храмовая завеса из драгоценных тканей.

Убежденность героя Дж. Уайт-Мелвилла в том, что небо вмешается и спасет избранный народ, исходит из древнего пророчества, на которое указывают Тацит в «Истории», Иосиф Флавий в «Иудейской войне» и Светоний в «Жизни двенадцати цезарей». В священных книгах было предсказано, что приблизительно около этого времени Востоку предстояло добиться могущества, а из Иудеи должен был выйти тот, кто обретет власть над всем миром. Это «туманное» предсказание, как предполагал Тацит [2, т. 2, с. 196], относилось к Веспасиану и Титу. Иудейские мудрецы впали в заблуждение, истолковав предзнаменование в собственных интересах и вступив в войну, пока, по выражению Иосифа Флавия, «падение родного города и собственная гибель не изобличили их неразумия» [4, с. 372].

Золотой купол храма, блиставший на солнце, привлекал алчные взоры, и римляне, движимые, по свидетельству Тацита [2, т. 2, с. 194], не только воинской доблестью, склонялись к тому, чтобы брать Иерусалим штурмом. Тацит и Иосиф Флавий отмечают желание Тита спасти прекрасный и священный город от разрушения. В романе «Гладиаторы» полководец обращается к легионерам с речью, призывая оказать пощаду побежденным и сохранить храм.

Образ Тита Флавия Веспасиана как значимой исторической фигуры Дж. Уайт-Мелвилл создает, исходя из оценки Светония, отмечающего свойственную императору «замечательную красоту, исключительную память и способность едва ли не ко всем военным и мирным искусствам» [1, с. 188]. Наделенный, по выражению историка, «особым даром снискать всеобщее расположение» [1, с. 202], Тит прославил себя великой доблестью и не меньшей кротостью.

Дж. Уайт-Мелвилл, следуя Светонию в том, что физиогномические наблюдения имеют важное значение в оценке характера, дает подробный портрет Тита, который был полной противоположностью Вителлия. Благородные, мужественные черты лица говорили о великодушном характере и неукротимой отваге. «Все выдавало в нем воина и правителя. Открытое, прекрасное лицо, пронизательные глаза, улыбка выражали добрую, искреннюю натуру, склонную не только к героизму, но и к состраданию» [3, с. 405].

Полководец, деливший, как отмечает Тацит [2, т. 2, с. 189], со своими солдатами труды и тяготы походной жизни, предстает в романе Дж. Уайт-Мелвилла олицетворением идеальной «военной машины» римлян. Хорошее знание военной истории, собственный военный опыт позволили Дж. Уайт-Мелвиллу представить в романе обширный материал, связанный с изображением действий римской армии в ходе Иудейской войны. Романист описывает устройство легиона, который, подобно маленькой армии, способен был самостоятельно действовать в любых обстоятельствах; вооружение, осадные машины, укрепление лагеря, порядок атаки и отступления. Сопоставляя порядок и железную дисциплину римлян с неукротимой отвагой, пылкостью и «слепой силой» иудеев, иногда берущими перевес над расчетами военного знания, Дж. Уайт-Мелвилл приходит к выводу, что падение Иерусалима было только вопросом времени.

Исторические предпосылки, названные Дж. Уайт-Мелвиллом, и роковая предопределенность событий, на которую указывает Иосиф Флавий, сделали гибель храма неизбежной: «Бог уже давно обрек храм огню, но вот, наконец, настал предопределенный во времени срок» [4, с. 366]; «Судьба совершила свой круговорот и выбрала тот самый месяц и тот самый день, в который несколько веков назад храм был сожжен вавилонянами» [4, с. 366].

В сценах штурма, финальной битвы, гибели храма, представленных как столкновение стихийных сил, ощутимы в романе традиции «школы катастроф». Кульминации предшествует зловещее безмолвие, словно перед землетрясением или бурей. Затем тишина взрывается неистовыми криками наступавших римлян и иудеев, оборонявшихся с отчаянной отвагой. Воины в клубах черного дыма казались «мрачными призраками», беснующимися и сражающимися, как в сновидении.

В описании битвы Дж. Уайт-Мелвилл обращается к традиции Гомера, когда при отсутствии общей панорамы сцены поединков следуют одна за другой, а воины мифологизируются и героизируются.

В соответствии с описаниями Иосифа Флавия в романе «Гладиаторы» доминируют два образа битвы — пламя и кровь. По свидетельству историографа, «казалось, храмовая гора кипит с самого основания, так как вся она была залита огнем; однако обилие огня не шло ни в какое сравнение с обилием крови, образовавшей озера в священных пределах. Земля совершенно скрылась под мертвыми телами» [4, с. 369].

Несмотря на отвагу, герои бессильны перед стихией беспощадного, яростного кровопролития и обречены на гибель.

Венчает битву гибель храма в огненной стихии. По свидетельству Флавия, один из воинов, словно «подвигнутый некоей божественной силой», хватает горящую головню и бросает ее в храм сквозь золотой проем. Пламя быстро охватило резные орнаменты и деревянные балки. Иудеи же, увидев огненные языки, «сразу лишились и телесной силы и бодрости духа» [4, с. 365]. Тит, пытаясь спасти храм, преданный огню против его воли, заставил солдат тушить огонь, но воины были бессильны противостоять «огненной буре» [3, с. 617].

Возникает образ «опустошительной стихии», безжалостной и непобедимой, возвестившей свою победу над храмом. «Огненные языки скользили и играли по золотой крыше» [3, с. 513]. Храм «пылавший как горнило», превратился в один «колоссальный костер». «Во всех частях города, от стены Агриппы до Елеонской горы, люди наблюдали, как огненный столп катился, расширялся, восходил все выше и вышел небо. Рушились балки, а драгоценный металл лился с крыши в виде пылающей расплавленной массы» [3, с. 514]. Гладиатор Гиппий видит, как золото и кровь текут ручьями по мостовой, но не может найти воды для умирающего Калхааса.

Обращаясь к гиперболическим образам, подчеркивающим грандиозность катастрофы, Дж. Уайт-Мелвилл также опирается на свидетельство Иосифа Флавия. Высота холма вместе с громадными размерами пылающего здания создавала впечатление, что весь город охвачен огнем. «Невозможно представить что-то более мощное и ужасное» [4, с. 368].

Иосиф Флавий, давая комментарий историка, следует идее «неизбежной судьбы для всего живущего и для всех творений рук человеческих» [4, с. 368]. Дж. Уайт-Мелвилл соотносит национальную катастрофу с древними пророчествами, в которых разрушение и осквернение храма было синонимом всеобщего разгрома нации. «Проклятие, доселе бывшее для них только мертвой буквой и непонятным свитком, буквально пало на их голову в потоке огня, святилище их было разорено, национальная самостоятельность уничтожена» [3, с. 514].

Таким образом, исторические события 69–70-го гг. I в. предоставляют Дж. Уайт-Мелвиллу обширный материал для воссоздания эпохи в традициях «школы катастроф» — кровопролитная гражданская война в Риме, ужасы голода и мора в стенах осажденного Иерусалима, битвы и казни, гибель Иерусалимского храма. В романе, созданном во второй половине XIX в., просматривается художественная специфика, разработанная в исторических романах 20–30-х гг. XIX в. Мотивы предопределенности, небесной кары, неизбежности гибели, бессилия человека перед неукротимой стихией войны, образы огня и крови, соответствующая цветовая символика, мифологизация персонажей позволяют рассматривать роман Дж. Уайт-Мелвилла в рамках художественного направления «школы катастроф».

Список литературы

1. Светоний Г. Т. Жизнь двенадцати цезарей / Пер. М. Л. Гаспарова. — М.: Правда, 1988. — 512 с.
2. Тацит К. Сочинения: в 2 т. / пер. с лат. Г. С. Кнабе. — М.: Наука, 1969.
3. Уайт-Мелвилл Дж. Гладиаторы / Пер. с англ. — СПб.: НИЦ «Альфа», 1993. — 528 с.
4. Флавий Иосиф. Иудейская война / Пер. с древнегреч. М. Финкельберг и А. Вдовиченко. — М.: Иерусалим: Еврейский Университет в Москве, 1993. — 509 с.

Abstract

This article presents new material about historical novel by G. Whyte-Melville «The Gladiators, a tale of Rome and Judea». The author of the study has revealed main principles of creating historical narration,

the tradition of W. Scott's and conception philosophy of history in the novel. Explores some specifics of the writer with historiographical sources when recreating the historical era.

Key words: *historical novel; tradition; historiographical sources; genre; tradition; Antiquity; historical narration.*

Информация об авторе: Сомова Елена Викторовна, доктор филологических наук, профессор, Московский педагогический государственный университет, Москва, e-mail: shalot1@rambler.ru

ИСТОРИЯ КАК СПОСОБ БЫТИЯ ЧЕЛОВЕКА

Ворохобов Александр Владимирович

Приволжский филиал Российского государственного университета правосудия, Нижний Новгород

Аннотация

В статье речь идет об истории как способе человеческого бытия. Подчеркивается, что историческое мышление является одной из характерных особенностей мировоззрения, сложившегося в контексте христианской культуры. История охватывает жизнь человека во всех ее проявлениях. В этом смысле история экзистенциальна, а ее осознание предполагает реальное участие в ней в качестве созерцателя и актора.

Ключевые слова: *история, бытие, исторический процесс, экзистенциализм.*

Что такое история и как ее определяют историки? Может показаться, что определение этого понятия тривиально. И все же трудно указать одно общепринятое определение. Можно сказать, что сколько ученых, столько и толкований термина история. В данном сообщении речь пойдет об истории как способе бытия.

Исторический образ мышления, несомненно, является одной из черт европейской цивилизации. Мы встречаем его и за пределами христианского ареала, но, пожалуй, нигде он не оставил такого сильного следа. Более или менее сознательно мы воспринимаем прошлое, настоящее и будущее как логическую последовательность событий [5, с. 11]. Этот «естественный» способ обращения с пространством-временем оказывает глубокое влияние на оценку наших действий. В то же время это вызывает значительные затруднения, когда мы рассматриваем происходящее там, где история воспринимается иначе. Быть историком — означает испытать всю последовательность истории, осознавать множественность опыта и принимать ограничения собственной цивилизации [6]. История больше, чем профессия и обладание определенным набором знаний.

История пронизывает наше существование, от нее невозможно оторваться. Она — органическая часть человека. Согласятся ли с этим все участники исторического процесса? История должна быть общественным служением, служением во имя культуры, во имя мудрости, накопленной человеком на протяжении веков. И как они к этому относятся, каждый день создавая нашу историю? Наконец, история предстает как некая триада: прошлое-настоящее-будущее, четко ориентированная на творцов истории и доминирующая над человеком и его осознанием истории. Что все это значит для реципиентов истории? [1]

Проблема «бытия в мире» явно относится к экзистенциальной интеллектуальной традиции. Следуя Ж.П. Сартру и М. Хайдеггеру, люди — существа, брошенные в мир с задачей существования и снабженные возможностью спрашивать о бытии. М. Хайдеггер назвал этот способ бы-

тия термином «Dasein» и утверждал, что он всегда является самостью в процессе «становления» или «творения». В этом смысле человека можно понять через его способ бытия. Проблема существования может быть прояснена только существованием [2].

Если историк так хорошо знает, насколько его собственная история определяет его способ видения, то прав ли он, убеждая других выйти за рамки опыта национальной истории? В этом и других случаях преодоление трудностей в исследовании различных цивилизаций приносит важный опыт для культивирования и проживания собственной истории. Ничего ни у кого не отнимая, возвращение к отечественной истории должно быть похоже на съезд с обледелой горной трассы на прямую ровную дорогу. И, наверное, хорошо, если мы попытаемся внедрить не только временную, но и пространственную перспективу в сознание тех, кто изо дня в день творит историю нашего народа.

История — это не только знание, наука, осознание. Это также объективная сумма субъективно воспринимаемых событий и процессов и в то же время способ бытия. Способ полного осознания. В истории человека с такой смело нарисованной пространственно-временной перспективой есть не только реестр фактов и полемика. Это прежде всего размышление о собственных поступках, о долге и законе — критерий и руководство к поведению. Такой способ бытия — шанс найти себя в мире, бодрящий опыт возможности взаимопонимания и сотрудничества. Никогда сильнее, чем в поворотные моменты, мы не чувствуем ветер истории, ее пульсацию во всех наших делах.

История человека, конечно, есть не только оценка его роли в событиях. Это прежде всего осознание укорененности в длительности, в этой, казалось бы, безымянной и серой повседневности, отмеренной эпохами, циклами и формациями [4, с. 349–359]. Это возможность отождествиться с другими, с прошлым и будущим, шанс найти смысл существования и необходимость действия. Деятельность, восстанавливающая веру в слово, регенерирующая социальные связи, историческая деятельность. Именно здесь естественным образом встречаются люди, творящие историю, историки, пытающиеся навести в ней порядок, и читатели, ищущие объяснение своим поступкам.

Историческое исследование — это не просто пассивная регистрация условий. Чем дальше человек выходит за пределы своей судьбы, тем больше доказательств он предоставляет своим причинным действиям. История как наука, историк как ученый-специалист являются связующим звеном не только между прошлым и будущим, но и между людьми в их различных социальных ролях. Здесь мы имеем дело с сервомеханизмом, имеющим огромное значение для функционирования общества. Осознание такого участия накладывает на нас обязательства.

С этой точки зрения историческая амнезия общества может быть трагична, но столь же опасно будет оказаться в ловушке узко понимаемого опыта собственной нации. Ведь речь идет о будущем, о выживании и развитии. Для выявления сегодняшних проблем необходимо максимально широкое изучение процессов развития во всем мире [7, с. 284].

Схематическое мышление о путях развития опасно не только для власти. Невежество сегодня обходится нам очень дорого, парализует многие усилия, умножает угрозы [3, с. 12]. Россия снова оказалась в авангарде истории. В такой бесспорно исторический момент предложение выйти за пределы собственного опыта может показаться наивным. Однако я считаю, что если мы можем делать выводы из нашей собственной истории, если мы можем быть нацией в любой ситуации, несмотря на позиции сомневающихся, то мы должны также видеть и осознавать наше будущее в мировом контексте.

Список литературы

1. Бердяев Н. Смысл истории. Опыт философии человеческой судьбы // Париж, 1969. — 268 с.
2. Бросова Н. З. Лесные тропы бытия. Феноменология истории М. Хайдеггера // Вопросы философии. — 2006. — № 11. — С. 155–163.
3. Вороховов А. В. Особенности и принципы русского национального самосознания // Дамакин. — 2020. — № 2 (52). — С. 10–15.

4. Ворохобов А. В. Личность с точки зрения персоналистического актуализма // Труды Нижегородской Духовной семинарии. — Нижний Новгород, 2020. — Вып. 18. — С. 349–359.
5. Ворохобов А. В. Христианское послание и его контекстуализация // Дамаскин. Журнал Нижегородской духовной семинарии. — Нижний Новгород, 2019. — № 4 (50). — С. 10–15.
6. Киселев Г. С. История как бытие // Вопросы философии. — 2014. — № 4. — С. 3–13.
7. Ясперс К. Смысл и назначение истории. — М.: Политиздат, 1991. — 527 с.

Abstract

The article deals with history as a way of human existence. It is emphasized that historical thinking is one of the characteristic features of the worldview that has developed in the context of Christian culture. History covers human life in all its manifestations. In this sense, history is existential, and its awareness presupposes real participation in it.

Key words: history, existence, historical process, existentialism.

Информация об авторе: Ворохобов Александр Владимирович, доктор философских наук, Приволжский филиал Российского государственного университета правосудия, Нижний Новгород, vorokhobov@yandex.ru

ПОРЯДОК ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РАЗЛИЧНЫХ СТРУКТУР ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ОХРАННЫХ МЕРОПРИЯТИЙ ВО ВРЕМЯ ЮБИЛЕЙНЫХ ТОРЖЕСТВ В ЧЕСТЬ 100-ЛЕТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 Г.

Гребенкин Алексей Николаевич

Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации, Орел

Аннотация

В статье рассматривается организация взаимодействия между подразделениями императорской охраны и иными структурами в рамках обеспечения безопасности императора Николая II и членов его семьи во время юбилейных торжеств в честь 100-летия Отечественной войны 1812 года. Авторами выделены и содержательно организованы схемы совместного выполнения обязанностей, функционального и территориального разграничения полномочий.

Ключевые слова: Российская империя, Николай II, 100-летний юбилей Отечественной войны 1812 года, торжества, императорская охрана.

Юбилейные торжества в честь 100-летия Отечественной войны 1812 года являлись масштабными мероприятиями исключительной важности, при проведении которых следовало предусмотреть особые меры охраны. Поскольку Николай II и члены его семьи принимали активное участие в торжествах, ядром системы органов, обеспечивавших безопасность участников празднеств, должны были стать подразделения императорской охраны. На роль их деятельных помощников предназначались полиция, Отдельный корпус жандармов, воинские части, а также Московское Общество добровольной охраны.

Можно выделить следующие формы взаимодействия подразделений императорской охраны и привлекаемых к обеспечению охранных мероприятий структур:

- 1) совместное осуществление деятельности в рамках охранных мероприятий;
- 2) функциональное разграничение деятельности в рамках охранных мероприятий;
- 3) территориальное разграничение деятельности в рамках охранных мероприятий (по рубежам и по участкам).

Совместное осуществление деятельности, как правило, предусматривалось в рамках постовой службы на трассах проезда. Так, для обеспечения безопасности проезда Николая II из Москвы в Троице-Сергиеву Лавру в июне 1912 г. была разработана следующая схема. На пути от станции Сергиево (ныне станция Сергиев Посад Ярославского направления Московской железной дороги) до Лавры по правой стороне дороги находились чины полиции (1 офицер, 1 околоточный надзиратель и 60 городских) и 75 человек народной охраны, а по левой стороне дороги — 1 офицер, 1 околоточный надзиратель, 58 городских и 75 человек народной охраны. Расстояние между станцией и Лаврой составляло около 1 км; таким образом, по каждой стороне дороги чины охраны стояли в 7 м друг от друга, что позволяло осуществлять полный контроль над ситуацией. Привлечение народной охраны являлось не только вынужденной мерой, обусловленной нехваткой городских, но и средством, которое позволяло убедить Николая II в народном характере торжеств и несколько разбавить массу полицейских чинов, которые могли вызвать у царя и его окружения негативные эмоции. Кроме того, поскольку часть городских командировалась из Санкт-Петербурга, было желательно привлечь к охране жителей Москвы и Подмосковья, часто бывавших в Лавре и хорошо знавших местность.

Особые меры безопасности следовало принять во время поездки Николая II от станции Бородино к различным местам сражения. Линия, требовавшая усиленной охраны, проходила от станции до Бородинского дворца, а затем от деревни Семеновской до Спасо-Бородинского монастыря. Поскольку эту линию крайне сложно было взять под контроль силами какого-либо отдельного подразделения, на ней выставлялись посты от различных структур. Так, трассу проезда от станции до дворца протяженностью 4 версты должны были охранять полицейские чины по следующему расчету: с каждой стороны на 1 версту выставлялись 2 классных чина, 5 конных стражников и 15 городских. Кроме того, к охране планировалось привлечь 6000 сельских старост Московской губернии, расставив их на всем пути следования на расстоянии 2 шагов друг от друга таким образом, чтобы каждая верста с 1 стороны охранялась 750 человеками. Общий наряд выглядел следующим образом: 16 классных чинов полиции, 40 конных стражников, 120 городских и 6000 сельских старост, а также несколько сотен казаков. Таким образом, во время посещения Николаем II Бородинского поля, как и во время его поездки в Троице-Сергиеву Лавру, ставка делалась главным образом на создание непроницаемого рубежа охраны, отделявшего путь следования императора от массы народа. Вместе с тем нельзя говорить о том, что лица, отвечавшие за планирование мероприятий, не заботились о качественном улучшении охраны. Поскольку из состава Московской уездной полиции можно было выделить только классных чинов и стражников, городские командировались из других губерний. При этом отмечалось, что «желательно иметь людей Санкт-Петербургской команды, как наиболее опытных в деле охранения порядка в присутствии Его Величества» [2, Л. 20].

Наконец, для обеспечения безопасности Николая II во время его поездок по Москве в 1912 г. контроль над трассами проезда поручался отряду Секретной охраны, в который входили 175 человек из состава Охранной агентуры, подведомственной дворцовому коменданту, 75 агентов Охранной команды Санкт-Петербургского Охранного отделения, а также 150 филеров, командированные в Москву от различных охранных отделений.

Совместное решение задач в рамках осуществления охранных мероприятий предусматривалось и тогда, когда было необходимо взять под контроль большое количество людей. Для наблюдения за массами богомольцев, которые совершали крестный ход из Смоленска в Спасо-Бо-

родинский монастырь с иконой Смоленской Божьей матери (Одигитрией), были привлечены казаки и жандармы. Присутствие казаков в составе отряда, осуществлявшего надзор за участниками крестного хода, было тем более необходимо, что они являлись мобильным компонентом охраны и могли сопровождать процессию на протяжении длительного времени. Весомой причиной усиления охраны было то, что подавляющее большинство участвовавших в крестном ходе было неизвестно московской полиции, поэтому применение мер агентурно-розыскного характера не представлялось возможным. В случае нехватки специальных сил активно привлекали самых надежных представителей населения. Генерал от инфантерии В. Г. Глазов, возглавлявший комиссию по подготовке юбилейных торжеств, писал начальнику канцелярии Министерства императорского двора генерал-лейтенанту А. А. Мосолову, что «...присутствие волостных и сельских представителей является крайне желательным... и в интересах охраны» [1, с. 15].

Еще одной причиной организации совместной деятельности различных охранных структур на трассах проезда была нехватка людских ресурсов на местах. Охрана пути проезда императора от деревни Семеновской до Спасо-Бородинского монастыря осуществлялась на расстоянии менее версты силами конной сотни воинских чинов, предназначенных для наблюдения за богомольцами, а также 4 классных чинов полиции, 8 конных стражников и 30 городских. Ввиду недостатка классных чинов уездной полиции Московской губернии к охране данной линии планировалось привлечь околоточных надзирателей и офицерских чинов из состава как Санкт-Петербургской столичной полиции, так и полицейских подразделений других местностей империи. Кроме того, поскольку железнодорожный путь, по которому императорский поезд прибывал в Москву, проходил вплотную к строениям, по предложению московского градоначальника генерал-майора А. А. Адрианова в помощь малочисленной воинской охране были приданы чины общей полиции [2, л. 24]. Выставление усиленных нарядов предусматривалось во время пребывания Николая II в Бородинском дворце и в Спасо-Бородинском монастыре ввиду ожидавшегося наплыва людей, на пунктах продовольствия народа, на стоянках экипажей, а также на станции Можайск, куда направлялись все пассажирские поезда по причине того, что на станции Бородино находились императорский и свитский поезда. Во все эти места стягивались освобожденные наряды полиции и дополнительно командировались специальная сотня казаков или драгун и 150 городских из состава Санкт-Петербургской полиции при соответствующем числе околоточных надзирателей и офицерских чинов. Наконец, на всякий случай создавался особый полицейский резерв в составе нескольких классных чинов, конных стражников, максимального количества городских, которое можно было выделить из состава стражи Московской губернии и нижних чинов Санкт-Петербургской команды без их ослабления, и специальной сотни казаков или драгун.

Функциональное разграничение деятельности различных структур в рамках проведения охранных мероприятий осуществлялось главным образом во время обеспечения безопасности железнодорожных поездок, а также охраны мест временного пребывания Николая II. Охрана царского поезда требовала привлечения большого количества подразделений императорской охраны, полиции и воинских частей. Начальник канцелярии Министерства императорского двора и уделов А. А. Мосолов вспоминал: «Сколько бумаг надо было составить!. Дворцовая полиция: охрана во время пути. Железнодорожный батальон: охрана мостов и туннелей. Военное министерство: часовые на всем протяжении дороги. После 1906 г. все вопросы охраны полностью перешли в ведение дворцового коменданта. Министерство внутренних дел: кто и где будет представляться их величествам. Гофмаршальская часть: подготовка резиденции. Инспектор высочайших поездов: отход и приход поездов» [4, с. 208].

При охране мест временного пребывания царя руководство охранными мероприятиями поручалось лицам, возглавлявшим части императорской охраны (например, заведующему Охранной агентурой, подведомственной дворцовому коменданту), начальствующему соста-

ву полиции и офицерам Отдельного корпуса жандармов. Роль основного компонента системы обеспечения безопасности монарха возлагалась на части императорской охраны, вспомогательного — на жандармских унтер-офицеров (в т. ч. конных), казаков, драгун и членов Общества добровольной охраны. Конники должны были являться мобильной, подвижной частью охраны, способной брать под контроль значительную территорию. Члены Общества добровольной охраны служили плотной живой изгородью, выставлявшейся в тех местах, где следовало ожидать большого наплыва народа. Так, во время пребывания Николая II в Москве в 1912 г. общее наблюдение за каждым из мест, которое он мог посетить, возлагалось на одного из жандармских офицеров из числа членов комиссии по осмотру зданий, находившихся на линии проезда. Комиссия отмечала, что посещение Шевардинского редута, Масловских укреплений, Утицкой высоты и деревни Горки не требовало принятия особых мер охраны, «но все же необходимо выделить для нее две сотни казаков или драгун, в помощь коим будет стянута конная, а частью и пешая полиция с поля, по окончании церковного и военного торжеств» [2, Л. 20]. Проверкой всех людей, проживавших в этих местах, и их регистрацией должны были заниматься чины Охранной агентуры, подведомственной дворцовому коменданту. Наблюдение за населением и вызывавшими подозрение приезжими лицами возлагалось на 22 филеров, командированных от Московского Охранного отделения. Особые меры безопасности были приняты в Можайске и Гжатске, расположенных неподалеку от Бородино. В Можайск были командированы 1 офицер и 3 унтер-офицера Отдельного корпуса жандармов, а в Гжатск — несколько филеров и отряд полицейской стражи. Контроль за крестным ходом, прибывавшим из Смоленска, поручался 1 жандармскому офицеру и 10 командированным из Смоленска филерам. В случае поездки императора на Поклонную гору и в Фили обеспечение его безопасности возлагалось на полицию Московского уезда, которой должны были оказывать содействие 100 городских из наряда, командированного на Бородинское поле.

К функциональному разграничению прибегали и тогда, когда не было иного средства предотвратить рознь и соперничество между отдельными подразделениями. Например, в 1912 г. московский губернатор В. Ф. Джунковский предложил заменить жандармских офицеров, в течение нескольких последних лет командировавшихся для охраны примыкавшей к железнодорожному полотну стосаженной полосы, чинами уездной полиции, на которых эта обязанность возлагалась ранее. По мнению Джунковского, эта мера была необходима потому, что жандармы, прибывавшие на линию незадолго до высочайшего проезда, ввиду недостатка времени не успевали хорошо ознакомиться с местностью и населением. Кроме того, постоянно возникали конфликты с уездной полицией из-за того, что ее чины были крайне обижены своим отстранением от выполнения почетной обязанности по охране пути, а командированные жандармы, даже младшие по чину, позволяли себе обращаться с уездными полицейскими грубо и высокомерно.

Наконец, территориальное разграничение деятельности в рамках проведения охранных мероприятий по рубежам и по участкам осуществлялось непосредственно в местах высочайших посещений.

Распределение по рубежам выглядело следующим образом. При посещении Троице-Сергиевой Лавры у Святых ворот располагались пристав посада, его помощник и 2 околоточных надзирателя. Они должны были наблюдать за лицами, проходившими в Лавру. Внутри Лавры находились 1 офицер, помощник пристава посада, 1 околоточный надзиратель и 43 городских, из которых 18 человек занимали 9 двойных постов, а 25 человек контролировали путь от Святых ворот до Троицкого собора. За оградой в Лаврском саду и около странноприимного дома стояли 16 городских, занимавших 8 двойных постов, а также 1 околоточный надзиратель, наблюдавший за несением постовой службы. В посаде размещались 25 городских (22 — на 11 двойных постах, 3 — для охраны казначейства и сберегательной кассы). Наконец, на дороге до Вифании дежурили конные стражники.

Каждый из 7 полицейских участков, на которые делилось Бородинское поле, находился в ведении особо командированного классного чина полиции. Ему должны были помогать 2 урядника и не менее 4 конных стражников. Как отмечал В. Ф. Джунковский, «наряд полиции был весьма немногочисленный, так что небольшое число их чинов совершенно было незаметно» [3, с. 13]. Общее руководство охранными мерами возлагалось на Можайского уездного исправника. Из 7 участковых начальников только 1 (пристав 1-го стана Можайского уезда) являлся местным; все прочие командировались из других уездов. Из 14 урядников 1 избирался из числа местных полицейских, а остальные командировались. Наконец, из 28 конных стражников полагалось командировать половину.

Таким образом, разграничение полномочий между отдельными подразделениями охраны и силами, временно привлекавшимися к обеспечению охранных мероприятий, осуществлялось исходя из специфики поставленных задач, количественных и качественных характеристик охранных структур, возможности выделения дополнительных сил или переброски уже имевшихся в распоряжении с одного участка на другой, а также особенностей организации управления различными подразделениями и налаживания взаимодействия между ними. В целом, несмотря на ряд сложностей финансового и организационного характера, система охраны императора во время его участия в юбилейных торжествах в честь 100-летия Отечественной войны 1812 года позволила не допустить совершения террористических актов и осуществить запланированные мероприятия с участием царя и членов его семьи в полном объеме.

Список литературы

1. Бочков Е. А. «Придать юбилею Отечественной войны значение всенародного торжества»: деятельность высших и центральных органов власти и управления Российской империи по организации праздничных мероприятий, посвященных 100-летию Отечественной войны 1812 г. // Новейшая история России. — 2012. — № 3. — С. 6–25.
2. Государственный архив Российской Федерации. — Ф. 97. — Оп. 3. — Д. 108.
3. Джунковский В. Ф. Воспоминания: В 2 т.; под общ. ред. А. Л. Паниной. Т. 2. — М.: Изд-во им. Сабашниковых, Б. г. — 685 с.
4. Мосолов А. А. При дворе императора. — Рига: Филин, 1938. — 232 с.

Abstract

This article deals with the organization of interaction between the units of the imperial guard and other structures within the framework of ensuring the safety of Emperor Nicholas II and his family members during the jubilee celebrations in honor of the 100th anniversary of the Patriotic War of 1812. The authors have identified and meaningfully organized schemes for the joint performance of duties, functional and territorial separation of powers.

Keywords: *The Russian Empire, Nicholas II, the 100th anniversary of the Patriotic War of 1812, celebrations, imperial guard.*

Информация об авторе: Гребенкин Алексей Николаевич, доктор исторических наук, Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации, Орел.

РАДИКАЛЬНАЯ ОППОЗИЦИЯ И ВЛАСТЬ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ: ВЗГЛЯД ЖУРНАЛА «СИБИРСКИЕ ОГНИ» 1920-Х ГГ.

В. Н. Казарин

Иркутский государственный университет, Иркутск

Аннотация

В статье рассматриваются события периода 1905–1907 гг., действия официальной власти и радикальной оппозиции в оценках историков, публицистов и непосредственных участников событий тех лет на страницах общественно-литературного и научно-публицистического журнала «Сибирские огни» в 1920-е гг.

Ключевые слова: «Сибирские огни», радикальная оппозиция, публицистика.

События Первой российской революции глубоко исследованы известным российским историком и историографом С. В. Тютюкиным в монографиях [5, 6, 7] и многочисленных статьях, опубликованных в ведущих научных журналах. Традиция изучения соотношения реформ и революций в России на различных переломных этапах развития общества, государства и властных структур, находит свое отражение и в современной историографии.

Цель данной публикации: рассмотреть события периода 1905–1907 гг., действия официальной власти и радикальной оппозиции в оценках историков, публицистов и непосредственных участников событий тех лет на страницах общественно-литературного и научно-публицистического журнала «Сибирские огни» в 1920-е гг. Журнал стал выходить с марта 1922 г. в Новониколаевске (с 1925 г. — Новосибирске) и быстро стал центром притяжения писателей, журналистов, публицистов, профессиональных историков и экономистов. На его страницах публиковали свои воспоминания деятели общественного и политического движения в Сибири [8]. В условиях становления исторической науки в России и ее обширном регионе в новых социальных реалиях журнал сыграл громадную неocenимую роль.

Следует отметить, что статьи и воспоминания публиковались на страницах журнала не только к юбилейным событиям Первой российской революции. Одна из значимых статей, посвященная положению в сибирской политической ссылке, появилась в журнале в 1923 г. В статье А. Киржница освещены некоторые факты о влиянии ссылных на отдельные события общественно-политической жизни в Сибири. В частности, так называемое дело «романовцев». В феврале 1904 г. часть политических ссылных в Якутской области выразили публичный протест против циркуляров иркутского генерал-губернатора Кутайсова. Они собрались в доме Романова в Якутске, и в ходе столкновений с вооруженными представителями властей произошли жертвы. Состоявшийся летом 1904 г. суд приговорил из 57 обвиняемых 55 к 12 годам каторги. Однако в условиях подъема революции в апреле 1905 г. в Иркутске вновь состоялся судебный процесс по этому делу. С целью оказания давления на суд местный комитет РСДРП организовал две демонстрации. На суде циркуляр генерал-губернатора был признан превышающим его властные полномочия, а речь прокурора по существу явилась косвенной поддержкой осужденных. В результате Иркутская судебная палата ходатайствовала перед Министерством юстиции о замене меры наказания для всех подсудимых двумя годами заключения в крепости без лишения прав [4, с. 137, 140]. Таким образом, этот факт наглядно свидетельствует о явном ослаблении официальной власти перед натиском революции весной 1905 г. Можно говорить о беспрецедентном событии, которое в спокойный период развития общества было невозможно.

Наибольшее освещение на страницах журнала нашли революционные события 1905 г. в Красноярске. С серией статей на эту тему выступил А. Абов (А. Ансон). Автор предварительно отметил, что до этого издавались различные либеральные публикации, а цель его статей — показать

деятельность рабочих и социал-демократов, основываясь на архивных материалах, хранящихся в Красноярском истпарте, воспоминаниях участников революционного движения.

После известия в Красноярске о событиях Кровавого воскресения 9 января в городе уже 12 января начались закрытые собрания на частных квартирах умеренной оппозиции. А 17 января в центре города прошла демонстрация с политическими лозунгами против войны и монархии. Встреченные казаками и солдатами, часть демонстрантов разошлась, но были произведены и аресты инициаторов демонстрации. Мощный подъем стачечного движения охватил Транссиб в июле — августе 1905 г. Проходили собрания за городом с политическими антиправительственными речами: 10 августа на одном из этих мероприятий был убит один и ранены двое рабочих. Это вызвало всплеск забастовочного движения в железнодорожных мастерских и депо. Похоронная процессия собрала около 10 тыс. чел., что являлось проявлением антиправительственных настроений. Но 18 августа был убит еще один рабочий, похороны которого проходили уже тайком. Антиправительственные действия перешли в нелегальные листовки и прокламации. По мнению А. Абова, первый этап революции в Красноярске закончился в августе 1905 г. [1].

Начало следующего этапа автор относит к осени 1905 г., чему способствовало несколько событий: убийство членом боевой организации партии социалистов-революционеров красноярского полицмейстера фон Дитмара (30 сентября), всеобщая забастовка (14–16 октября), и наконец, явное размежевание политических сил после издания Манифеста 17 октября, в результате чего начались столкновения радикальных представителей левых партий с черносотенцами, повлекшие человеческие жертвы [2, с. 133–134]. В это же время стали возвращаться армейские части после окончания русско-японской войны. В начале декабря отдельные воинские части присоединились к рабочим; было объявлено о создании Объединенного Совета депутатов рабочих и солдат. По мнению А. Абова, 8 декабря 1905 г. власть фактически перешла в руки Совета. Каким образом автор обосновал это положение? Городская дума, выборы в которую прошли 4 декабря, была объявлена временной и последней, избранной на основании положений Городового положения 1892 г. Начальствующие лица железной дороги должны были давать отчет о своих действиях председателям созданной в Совете комиссий. Вся охрана перешла в городе перешла в руки Совета. Была занята губернская типография, в которой стали издавать газету «Красноярский рабочий». Но Совет не взял в свои руки казначейство, жандармское управление, управление коменданта города, канцелярию губернатора. В конце декабря 1905 г. Красноярский и Омский полки восстановили прежнюю власть. Все произошло «без единого выстрела и без всякого сопротивления». Несколько дней продержались мастерские, но уже в начале января 1906 г. началась их сдача, после чего последовал суд. Расправа была беспощадной: нескольких солдат приговорили к каторжным работам от 4 до 8 лет, а более сотни солдат были отправлены в арестантские роты на различные сроки. Лиц «гражданского ведомства» заключили в исправительные дома или тюрьмы [3, с. 153, 158–159].

Таким образом, поскольку органы публичной власти и силовые структуры не находились под контролем власти Совета, то нет оснований утверждать, что власть в городе изменилась кардинально. Скорее, произошла некоторая передвижка власти по реализации отдельных полномочий; прежняя власть на время не в полной мере была отодвинута, а затем с помощью подразделений регулярной армии восстановилась.

Несколько иначе предстают события 1905 г. в Красноярске в воспоминаниях известного политического деятеля 1920-х гг. Б. Шумяцкого. По его мнению, уже 16 октября с созданием объединенного стачечного комитета власть в городе была захвачена радикальной оппозицией. Совет рабочих и солдатских депутатов распустил полицию, жандармерию, городскую думу и управу, был создан собственный суд, который «именем революционного народа» выносил приговоры, а также был образован штаб Красной гвардии. Не расходятся авторы в том, что со сдачей после осады железнодорожных мастерских и казарм силами армии восстание 3–5 января 1906 г. было подавлено [9, с. 105, 106, 107, 112]. В то же время А. Абов пишет об октябрьской забастовке в эти дни, но не утверждает, что уже была захвачена власть. Основываясь не только на воспоминаниях, но и архивных материалах, он отмечает, что жандармское управление, канцелярия губернато-

ра не были захвачены Советом, а о создании собственного суда и штаба Красной гвардии не упоминает. Что же касается освещения в журнале противодействия властных структур и оппозиции в сельской местности, то публикаций об этом в журнале намного меньше. А. Киржниц, например, упоминает, что все попытки политических ссыльных в селах Иркутской губернии проводить агитацию посредством распространения брошюр весной 1905 г., то есть даже в условиях подъема революции, закончились неудачей. Крестьяне сразу относили брошюры и прокламации в отделения полиции. Автор констатирует: «Сибирский крестьянин еще спал непробудным сном» [4, с. 147]. Прежде всего, это объяснялось тем, что в Сибири никогда не было крепостного права, здесь не было и земельного голода, характерного для европейской части России. Однако конфликты в сибирской деревне имели место, и революция 1905–1907 гг. лишь обострила их.

П. М. Юхнев на страницах журнала описал так называемый «Змеиногорский погром» в январе 1906 г. на Алтае, когда явные подстрекатели из местных обывателей ездили по окрестным селениям и призывали к погромам на предстоящей Змеиногорской ярмарке. Были сожжены магазины, дои исправника, избия старост и писарей, осуществлялись массовые лесные порубки в кабинетских землях. Относительный порядок восстановился только к весне 1906 г. после введения военного положения [10, с. 92–95].

Таким образом, публикации воспоминаний и отдельные статьи, посвященные событиям Первой российской революции в журнале «Сибирские огни» в 1920-е гг. стали заметным явлением в становлении новой историографии социально-политической истории России. Публикации отличает значительная информативность, вовлечение в научный оборот новых источников, создавших твердую основу для дальнейших исследований.

Список литературы

1. Абов А. (А. Ансон). 1905 год в Красноярске (по архивным материалам и воспоминаниям) // Сибирские огни. — 1923. — № 4. — С. 112–125.
2. Абов А. (А. Ансон). 1905 год в Красноярске (очерк II) // Сибирские огни. — 1923. — № 5–6. — С. 127–139.
3. Абов А. (А. Ансон). 1905 год в Красноярске (очерк III) // Сибирские огни. — 1924. — № 1. — С. 143–160.
4. Киржниц А. Восточно-сибирская политическая ссылка накануне первой революции // Сибирские огни. — 1923. — № 3. — С. 132–148.
5. Тютюкин С. В. Г. В. Плеханов. Судьба русского марксиста. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997. — 376 с.
6. Тютюкин С. В. Июльский политический кризис 1906 г. в России. — М.: Наука, 1991. — 232 с.
7. Тютюкин С. В. Первая российская революция и Г. В. Плеханов. Из истории идейной борьбы в рабочем движении России в 1905–1907 гг. — М.: Наука, 1981. — 334 с.
8. Шелестов Д. К. У истоков советской историографии Сибири // Вопросы истории. — 1972. — № 6. — С. 126–132.
9. Шумяцкий Б. Первый Сибирский Совет рабочих и солдатских депутатов 1905 г. (Страничка из воспоминаний о 1905 г. в Красноярске) // Сибирские огни. — 1925. — № 5. — С. 101–112.
10. Юхнев П. М. Аграрные движения на Алтае в 1905 году // Сибирские огни. — 1925. — № 6. — С. 87–101.

Abstract

The article deals with the events of the period of 1905–1907, the actions of the official authorities and the radical opposition in the assessments of historians, publicists and direct participants in the events of those years on the pages of the social literary and scientific journalistic journal «Siberian Lights» in the 1920s.

Key words: «Siberian Lights», radical opposition, journalism.

Информация об авторе: Казарин Виктор Николаевич, доктор исторических наук, профессор, магистр юриспруденции, Иркутский государственный университет, Иркутск.

ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ НА ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКЕ

Ерыгина Виктория Ивановна

Белгородский юридический институт МВД России имени И. Д. Путилина, Инжиниринговый колледж Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению концепции политических партий в современной отечественной науке. Автор поэтапно раскрывает процесс научного исследования темы политических партий в рамках истории, политологии, юриспруденции. Благодаря имеющимся историческим исследованиям удалось в статье определить основные типы политических партий, появившихся в период с 1900 по 1917 годы и сохранившихся до настоящего времени: 1) консерваторов; 2) консервативных либералов; 3) либералов; 4) неонародников; 5) социал-демократов. В работе выявлены общие закономерности развития партийной системы и ее взаимосвязь с избирательной системой, а также показана роль партий в становлении современного российского конституционализма и парламентаризма.

Ключевые слова: *политические партии, историография, история, юридическая наука, российская многопартийность, история государства и права, государственно-правовая наука, политико-правовые учения, государство, парламент.*

Современная историография политических партий унаследовала от советской науки односторонний взгляд на политические партии, предполагающий возвышение роли одной партии и принижение остальных. Историю и современное состояние политических партий изучают специалисты в области различных общественных и гуманитарных наук: истории, политологии, юриспруденции, социологии, философии, психологии. Междисциплинарный научный анализ данного социально-политического феномена современности способствует познанию сущности политической партии и ее роли как в переломные моменты истории, так и в повседневном управлении обществом, в учредительной, правотворческой, контрольной деятельности государства.

В отечественной историографии можно выделить три основных периода: дореволюционный, советский и современный. Первые работы о политических партиях появились в России еще в XIX — начале XX веков благодаря творчеству известных ученых Б. Н. Чичерина, М. Я. Острогорского, Ю. С. Гамбарова, И. А. Ильина, Л. А. Тихомиров, А. Д. Градовского и др. В этот период появились следующие идеологические концепции, по-разному интерпретирующие роль политических партий в истории: либеральная, консервативная, марксистская, анархическая. Советская государственно-правовая наука базировалась на трудах В. И. Ленина, а также его идее о новом типе партии, рабочей партии, «способной взять власть и вести весь народ к социализму, направлять и организовывать новый строй, быть учителем, руководителем, вождем всех трудящихся и эксплуатируемых в деле устройства своей общественной жизни без буржуазии и против буржуазии» [6, с. 26]. Советские исследователи, безусловно, внесли большой вклад в изучение политико-социальной роли партий в выражении интересов и воли определенных классов или общественных слоев, в конкурентной борьбе за государственную власть.

Одной из первых отечественных работ, посвященных трактовке политических партий как юридического феномена, явилась работа советского и российского ученого-юриста Ю. А. Юдина (1926–2000) «Политические партии и право в современном государстве» (1996), в которой автор анализирует правовое положение политических партий в России и в зарубежных странах. Юдин убедительно показал, что постепенно расширяющееся регулирование пра-

вом комплекса отношений, связанных с образованием, организацией и деятельностью партий, способствует превращению их в правовой институт. Ученый сформулировал понятие и показал основные этапы, формы правовой институционализации политических партий. Автор вводит и широко оперирует термином «партийное право», подразумевая под ним совокупность норм, санкционируемых государством и регламентирующих идеологические, организационные основы и различные сферы деятельности политических партий [24].

В 1990-е годы сразу после краха коммунистического режима стали появляться новые работы в связи с открытием доступа ко многим источникам, которые ранее были запрещены или имели ограниченный доступ для исследователей. В связи с отменой жестких идеологических запретов и ликвидации монополии КПСС на интерпретацию истории открывались многие архивные и библиотечные фонды, которые ранее были недоступны ученым или засекречены. Большую роль в разработке истории политических партий в указанный период сыграли историки, труды которых составили обширную историографию, включающую в себя коллективные и индивидуальные монографии, сборники научных работ, учебники, статьи, диссертации и т. д. Среди видных историков, внесших неоценимый вклад в разработку концепций о роли политических партий в развитии механизма государственной власти и становлении гражданского общества в России в начале XX века, следует назвать С. В. Тютюкина, В. В. Шелохаева, К. В. Гусева, Н. Г. Думову, Г. З. Иоффе, Д. Л. Колесниченко, В. В. Комина, В. А. Кувшинова, Л. М. Спирина, и др.

С. В. Тютюкин выделял пять основных типов политических партий в период с 1900 по 1917 гг.: «1) консерваторов, выступавших за сохранение самодержавной системы; 2) консервативных либералов «октябристского типа»; 3) либеральных, или конституционных, демократов; 4) неонародников; 5) социал-демократов» [14, с. 58].

Совместными усилиями С. В. Тютюкину и В. В. Шелохаеву удалось исследовать тему участия российской социал-демократии в русской революции и изложить свое видение деятельности РСДРП в ходе трех российских революций в книге «Марксисты и русская революция» [21].

С. В. Тютюкин в качестве члена редакционной коллегии участвовал в составлении коллективной монографии «Политические партии в российских революциях в начале XX века», увидевшей свет под редакцией Г. Н. Севостьянова в 2005 году. В этой книге он показал становление многопартийности в России в годы первой российской революции — от ультраправых до ультралевых. Ученый сформулировал характерные особенности российской многопартийной системы: отсутствие массовой проправительственной партии — партии власти, создание в самых разных уголках империи партий и союзов в 1905–1907 гг. ярко выраженный оппозиционный характер, сравнительно быстрое партийное строительство у либералов с начала революции в 1905 г. и стремительное распространение радикальной социалистической идеологии — марксизма и неонародничества. Актуально и пророчески сегодня звучат слова С. В. Тютюкина, что при создании российских партий всех политических направлений в начале XX века широко использовались как идеологические схемы, так и организационный опыт западных партийных образований в сочетании с национальными традициями народов России и представлениями тех или иных групп интеллигенции о дальнейших путях ее развития, что повторяется спустя почти сто лет при формировании современной многопартийной системы. Тютюкиным была также отмечена такая черта российских партий, как полнейшая нетерпимость к инакомыслию, крайняя грубость и не сдержанность межпартийной и внутрипартийной полемики, что не способствовало формированию парламентской культуры [13].

Особую любовь С. В. Тютюкин испытывал к меньшевикам, которым он посвятил отдельную книгу, выделяя в меньшевизме три течения — правое (Аксельрод, Череванин, Потресов), «центр» (Мартов, Мартынов, Дан) и левое (Троцкий, Парвус). Автор также обосновывает особую позицию Г. В. Плеханова внутри меньшевизма и, сравнивает его с другими лидерами российских марксистов, характеризует как наиболее яркого и талантливого представителя «книжного», догматического варианта марксизма, сформировавшегося в конце XIX века [22].

С новых методологических позиций объективности и всесторонности подошел к изучению политических партий как разновидности общественных объединений в своей работе «Политиче-

ский плюрализм и общественные объединения в Российской Федерации: конституционно-правовые основы» (1996) заведующий кафедрой конституционного и муниципального права юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор С. А. Авакьян. В монографии значительное внимание уделено истории конституционно-правового регулирования статуса общественных объединений, к которым относятся политические партии. В работе разъясняются многие понятия такие, как «право на объединение», «равноправие», «добровольность», «самоуправления», «уставные документы», имеющие прямое отношение к политическим партиям, затрагиваются вопросы о порядке создания, регистрации и деятельности общественных объединений, их взаимоотношения с государством [1].

Спустя 15 лет, в 2011 году из-под пера профессора Авакьяна выходит еще одна книга, специально посвященная конституционно-правовому статусу политических партий в России. В учебном пособии проанализирована совокупность норм, определяющих порядок создания, численность, регистрации, деятельности, финансирования политических партий, их права и обязанности, конституционно-правовую ответственность [2].

Эволюцию политических партий изучают также историки государства и права. Так, например, исследователь Е. Н. Пономарев в докторской диссертации (2000 г.) и в ряде своих работ аргументировано показал, что в Российской империи начала XX в. сложились необходимые политико-правовые основы для деятельности политических партий [15; 16; 17; 18; 19]. Другая часть авторов, напротив, предпочитает сводить «современную политическую культуру России к традиционалистскому авторитарному типу как в его царистско-дореволюционной, так и в коммуно-тоталитарной модификациях». Некоторые исследователи вообще считают, что «Россия принадлежит к принципиально иному (чем Запад) цивилизационному типу, в котором никакой «партийности», а, следовательно, и «многопартийности», не может быть по определению». По мнению А. А. Кара-Мурзы, высказанному в статье «Российская политическая культура и проблемы становления партийного плюрализма», «партийная плюрализация не вела к перераспределению власти в государстве в пользу механизмов демократической политики». «В самодержавно-патриархальной ортодоксии феномен «многопартийности» часто интерпретировался чуть ли не как синоним «смуты» [6]. В целом, Кара-Мурза, отвергая крайние точки зрения в интерпретации истории и природы многопартийности, заявляет о необходимости комплексного подхода к анализу феномена «партийности», в котором сочетаются элементы непреодоленного «традиционализма» и западного либерализма в политической культуре России.

В 1999 г. вышла в свет работа доктора юридических наук В. В. Лапаевой «Право и многопартийность в современной России», в которой раскрывается сущность правовой природы политических партий, как посредников между обществом и государством. Основным конституирующим признаком политической партии в монографии указывается их постоянное участие в избирательных кампаниях. Особое внимание в своей работе Лапаева уделяет парламентской деятельности политических партий в различных формах депутатских объединений, включая оппозицию как особый парламентский институт. Несомненным достоинством указанного труда является отдельная глава, посвященная истории разработки и принятия Федерального закона «О политических партиях» [10].

Исследованием истории развития учений о политических партиях занимался Р. Х. Усманов, который в своей монографии «Политические партии и политические процессы (история, теория и современность)» отдельную главу посвятил развитию теорий политических партий. В ней он рассмотрел подробно теорию политических партий М. Я. Острогорского, В. И. Ленина, И. В. Сталина, а также учения западных исследователей. Интерес вызывает трактовка автором «идеи партии» и ее претворение на практике в России XX столетия [23].

Немалый вклад в развитие современной теории о политических партиях внесли Ю. Г. Коргунюк [8], С. Е. Заславский [3], В. А. Лебедев [5] и др. Указанные авторы в целом положительно оценивают роль политических партий в формировании демократической политической системы, обеспечении ее стабильности в России. Большое внимание отечественные ученые уделили ана-

лизу политических партий как субъектов избирательного процесса, так как наряду с созданием политических партий в России происходило становление избирательной системы. По мнению доктора юридических наук С. Е. Заславского, «выборы в органы государственной власти являются тем «ситом», через которое отсеиваются мелкие непопулярные объединения, а оставшиеся, пройдя сквозь горнило избирательных кампаний, становятся эффективными политическими организациями, связывающими систему органов государственной власти со структурами гражданского общества» [3, с. 20]. Об участии политических партий в выборах написано достаточно большое количество работ, в которых выявлены общие закономерности развития партийной системы и ее взаимосвязь с избирательной системой, а также показана роль партий в становлении современного российского конституционализма и парламентаризма.

Изучение истории и современного состояния теории партий предусматривается учебной программой для студентов-политологов. Для них в 2008 году вышло уникальное учебное пособие под названием «Теория партий и партийных систем», автором которого является доктор социологических наук, профессор Б. А. Исаев. В первой части этого пособия в систематизированной форме рассматриваются зарождение и развитие теории партий, начиная с античности и заканчивая современным периодом, а также условия возникновения партий, место и роль партий в политической системе общества. Во второй части дано определение, исследованы место, функции партийной системы в обществе, классификация и типологизация партийных систем [5]. В этом же году выходит подготовленная Исаевым хрестоматия, в которой содержатся статьи и тексты известных зарубежных и отечественных исследователей политических партий, которые служат источниками при изучении теории политических партий [19].

Учебные пособия являются ценными источниками для обобщения и изучения большого разнообразия партий и теоретических знаний о них. В 2010 году Исаевым издается еще один учебник под названием «Практическая партология: генезис партий и партийно-политических систем», в котором дана периодизация истории партий, показан генезис партийно-политических систем ведущих стран мира [4].

В отличие от доминирующего в литературе мнения существует и противоположная негативная оценка деятельности партий, которая высказана доктором юридических наук, профессором Л. М. Карапетяном в работе «Политические партии в судьбе России» [7]. Он признает большое значение и возросшую актуальность государственно-правовых концепций выдающихся отечественных мыслителей по проблемам природы политических партий, которые до сих пор оставались не востребованными. Автор напоминает о тех опасностях, которые подстерегают общество на пути к демократической организации общества и которые были указаны еще в конце XIX — начале XX веков такими отечественными мыслителями, как М. Я. Острогорский, И. А. Ильин, П. И. Новгородцев. Карапетян считает, что «пагубные последствия столетней межпартийной борьбы и власти политических партий в России полностью подтвердили научную обоснованность и стратегическую прозорливость исследований отечественных мыслителей. Но, к сожалению, они не усваиваются новыми архитекторами партийной системы, фанатами партократии» [7, с. 13]. Основные выводы автора сводятся к следующему: «последствия деятельности политических партий в России в течение прошлого столетия подтвердили предсказания и предупреждения выдающихся отечественных мыслителей относительно их «сектантского духа», преследующих узкогрупповые интересы и цели по завоеванию власти»; «в постбольшевистской России продолжается искусственное создание политических партий по западным образцам, не соответствующим эволюционному процессу развития страны и исторически сложившемуся менталитету народа»; «законодательное установление политическим партиям решающей роли в организации государственной власти и управления препятствует процессу становления гражданского общества»; «установление приоритетной роли политических партий в организации власти и правления не согласуется с научной теорией государства и права, международными нормами о правах человека и объединений граждан». Гарантией демократической организации законодательной власти и ее эффективного функционирования Карапетян считает избрание беспартийного (надпартийного) парламента [7].

Конечно, далеко не все выводы ученого бесспорны, и даже имеют утопический характер, например, во взглядах на формирование беспартийного (надпартийного) парламента и наделение общественных организаций политическими функциями. Но, с ним можно согласиться в вопросе о том, что с созданием политических партий, вовлечением их в процесс организации власти и контроля за ней расширяется сфера деятельности гражданского общества.

Ряд современных авторов, специально занимавшихся исследованием политико-правовых учений России конца XIX — начала XX вв., одного из интереснейших периодов в истории нашей страны, применили идеологический подход к дифференциации всего многообразия концепций о государстве и праве. Учения были поделены на три традиционные идеологии: либеральные, консервативные и марксистские или социалистические. Например, доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права МГЮУ имени О. Е. Кутафина А. В. Корнев в монографии «Государство и право в контексте консервативной и либеральной идеологии: опыт ретроспективного анализа» (2013) предпринял сравнительно-правовой анализ консервативной и либеральной политико-правовых идеологий, в рамках которых рассматриваются государство и право, в том числе теория парламентаризма. Консерватизм и либерализм он назвал ведущими доктринами второй половины XIX — начала XX вв., политическими партиями, считавшимися «демиургами политического процесса дореволюционной России» [9].

Имеется большое количество научной литературы, посвященной персоналиям российской политико-правовой мысли.

Таким образом, обзор историографии и источников позволяет сделать вывод о том, что тема политических партий и парламентаризма как институтов представительной демократии исследована с разных сторон, с использованием разных методов в научной литературе. Сама эта литература и источники требуют тщательного системного анализа. Сравнительный анализ различных групп источников — монографий, статей, документов — дает возможность составить более полное представление об уровне развития российской политико-правовой мысли и тенденциях ее развития, сопоставить различные направления в отечественной государственно-правовой науке, сделать обоснованные выводы и использовать их при анализе современного государства, его политического режима и роли в нем политических партий. Представленные литература и источники позволяют сквозь призму времени глубже представить картину происходящих в России политико-правовых преобразований и прогнозировать их будущее развитие.

Список литературы

1. Авакьян С.А. Политический плюрализм и общественные объединения в Российской Федерации: конституционно-правовые основы — М., 1996. — 359 с.
2. Авакьян С.А. Конституционно-правовой статус политических партий в России: учеб. пособие / С.А. Авакьян. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. — 320 с.
3. Заславский С.Е. Организационно-правовые основы участия политических партий в выборах / Заславский С.Е., Зотова З. М. — М.: РЦОИТ, 2007. — 240 с.
4. Исаев Б.А. Практическая партология: генезис партий и партийно-политических систем. — СПб.: ИД «Петрополис», 2010. — 514 с.
5. Исаев Б.А. Теория партий и партийных систем: Учебное пособие для студентов вузов / Б.А. Исаев. — М., 2008. — 367 с.
6. Кара-Мурза А.А. Российская политическая культура и проблемы становления партийного плюрализма // Формирование партийно-политической системы в России / под ред. М. Макфола, С. Маркова, А. Рябова. — М., 1998. — С. 7–19.
7. Карапетян Л.М. Политические партии в судьбе России. — СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2009. — 266 с.
8. Коргунюк Ю.Г. Становление партийной системы в современной России. — М.: Фонд ИНДЕМ, Московский городской педагогический университет, 2007. — 544 с.

9. Корнев А. В. Государство и право в контексте консервативной и либеральной идеологии: опыт ретроспективного анализа: монография. — М., 2013. — 320 с.
10. Лапаева В. В. Право и многопартийность в современной России. — М.: Издательство НОРМА, 1999. — 304 с.
11. Лебедев В. А. Партии на выборах: опыт, проблемы, перспективы / В. А. Лебедев, П. М. Кандалов, Н. Н. Неровная. — М.: Изд-во МГУ, 2006. — 288 с.
12. Ленин В. И. Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции. — М.: Политиздат, 1985. — 160 с.
13. Политические партии в российских революциях в начале XX века / под ред. Г. Н. Севостянова; Ин-т рос. Истории. — М.: Наука, 2005. — 533 с.
14. Политические партии России: история и современность. / Под ред. проф. А. И. Зевелева, проф. Ю. П. Свириденко, проф. В. В. Шелохаева. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2000. — 631 с.
15. Пономарев Е. Г. Политико-правовые основы многопартийности в Российской империи и особенности перехода к однопартийной системе (историко-правовой анализ): дис. ... д-ра юрид. Наук. — Н. Новгород, 2000.
16. Пономарев Е. Г. Российские политические партии: от кризиса к распаду. — М., 1998.
17. Пономарев Е. Г. Становление многопартийной системы в России: исторический опыт и современность. — СПб., 1999.
18. Пономарев Е. Г. Образование и парламентская деятельность политических партий в России. — Ставрополь, 2000.
19. Пономарев Е. Г. Политико-правовые основы многопартийности в Российской Империи. — Н. Новгород, 2000.
20. Теория партий и партийный систем: хрестоматия / сост. Б. А. Исаев. — М.: Аспект Пресс, 2008. — 400 с.
21. Тютюкин С. В., Шелохаев В. В. Марксисты и русская революция. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1996. — 240 с.
22. Тютюкин С. В. Г. В. Плеханов. Судьба русского марксиста. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН). 1997. — 376 с.
23. Усманов Р. Х. Политические партии и политические процессы (история, теория и современность): монография. — М., 2001. — 249 с.
24. Юдин Ю. А. Политические партии и право в современном государстве. — М.: Издательская группа «ФОРУМ-ИНФРА-М», 1998. — 288 с.

Abstract

The article is devoted to the consideration of the concept of political parties in modern domestic science. The author gradually reveals the process of scientific research of the topic of political parties within the framework of history, political science, jurisprudence. Thanks to the available historical research, it was possible in the article to identify the main types of political parties that appeared in the period from 1900 to 1917 and have survived to the present time: 1) conservatives; (2) conservative liberals; (3) liberals; (4) neo-populists; 5) social democrats. The paper reveals the general patterns of development of the party system and its relationship with the electoral system, and also shows the role of parties in the formation of modern Russian constitutionalism and parliamentarism.

Key words: *political parties, historiography, history, legal science, Russian multi-party system, history of state and law, state and legal science, political and legal doctrines, state, parliament.*

Информация об авторе: Ерыгина Виктория Ивановна, кандидат исторических наук, доцент, БелЮИ МВД России имени И. Д. Путилина, Инжиниринговый колледж НИУ «БелГУ», г. Белгород, erygina@list.ru

Раздел I
ЛИЧНОСТЬ КАК ФАКТОР
ИСТОРИЧЕСКОГО
ПРОЦЕССА

ГИЙОМ ТИРСКИЙ И ЕГО РОЛЬ В ИСТОРИОГРАФИИ КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ¹

Удальцов Иван Сергеевич

Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации;
Общественная комиссия по изучению и популяризации творческого
наследия профессора С. В. Тютюкина, Москва

Аннотация

В статье кратко рассматриваются основные этапы биографии Гийома Тирского и дается характеристика его вклада в историографию крестовых походов.

Ключевые слова: *Гийом Тирский, крестовые походы, Иерусалимское королевство, Балдуин IV, Балдуин V, Ги де Лузиньян, Саладин, Третий Латеранский собор, историография, Средневековье, Средние века.*

Точная дата рождения Гийома (Вильгельма/Гильома) Тирского — государственного и церковного деятеля Иерусалимского королевства, одного из наиболее авторитетных историков эпохи Крестовых походов — точно не известна. По мнению Т. И. Кузнецовой, «можно весьма приблизительно считать временем его рождения 30-е годы XII века, потому что в 1162 году, как явствует из его же слов, <...> он проходил курс обучения в Европе, по-видимому, в Париже» [3, с. 377].

Происхождение Гийома, как и время его появления на свет, скрыто во мраке веков, и сказать сейчас, был он немцем, франком или итальянцем, весьма затруднительно (именно этим обстоятельством определяется вариативность переводов его имени на русский язык). Так или иначе, в 1165 Гийом, около двух десятилетий посвятивший получению образования в Европе, вернулся в Иерусалим. Здесь ему удалось заручиться симпатией короля Амори I и добиться, не без помощи монарха, значительного карьерного роста. Уже в 1167 году он был назначен архидиаконом города Тира, в следующем — отправлен в Византию с дипломатической миссией, еще год спустя посетил Рим (вероятно, с аналогичной целью), а начиная с 1170 сделался воспитателем наследника престола, будущего короля Балдуина IV, ныне известного широкой публике преимущественно по условно-историческому фильму Ридли Скотта «Царство небесное». Именно Гийом обнаружил болезнь, ставшую пятнадцать лет спустя причиной безвременной смерти его воспитанника: «Однажды благородные дети, окружавшие его [Балдуин IV — прим. И. У.], играли друг с другом и <...> царапали в шутку ногтями по руке. Другие криком выражали свою боль, он один переносил все терпеливо, как будто не испытывал боли <...> Когда это повторилось несколько раз, дело было доведено до меня <...> я призвал его к себе и стал расспрашивать. И я открыл, что действительно вся его правая рука потеряла чувствительность <...> Позднее мы поняли, что это было началом неизлечимой болезни. <...> Когда он достиг юношеских лет, то мы увидели, что он страдает ужасной проказой» [1, с. 162].

С восшествием на престол Балдуина IV (1174) положение Гийома при дворе не изменилось, а может быть, и упрочилось: в 1174 году он стал канцлером Иерусалимского королевства (вероятно, исполнение канцлерских обязанностей не отнимало слишком много времени), в 1175 — был избран архиепископом Тира, а также много путешествовал по дипломатическим нуждам — принимал участие в Третьем Латеранском соборе в Риме (1179), посещал Константинополь и Ан-

¹ Впервые опубликовано: Удальцов И. С. Гийом Тирский и его роль в историографии Крестовых походов // Вопросы истории и археологии. Ежегодник. — Выпуск 1. — Волгоград, 2021. — С. 87–91.

тиохию, где, по всей видимости, вел переговоры насчет союза с Византией и византийского протектората над Антиохийским княжеством. Своим успехом в этот период Гийом был во многом обязан поддержке Раймунда III, графа Триполи. Раймунд возглавлял так называемую «баронскую партию», противостоявшую в борьбе за власть партии «пришлых», которая пользовалась поддержкой матери Балдуина IV, Агнес де Куртенэ. После отстранения Раймунда от регентства и женитьбы Ги де Лузиньяна, видного представителя партии «пришлых», на сестре короля Сибилле², Гийом утратил значительную часть политического влияния. Оставаясь архиепископом Тира и канцлером, в 1180 он не был избран патриархом Иерусалимским, уступив Ираклию — ставленнику Агнес де Куртенэ. Посвятив последние годы жизни созданию исторических хроник, Гийом умер в 1186 году, накануне падения Иерусалимского королевства под гнетом внутренних противоречий и натиском султана Саладина, который уже год спустя (1187) разбил крестоносцев в битве при Хаттине и захватил Иерусалим, как и все прочие принадлежавшие христианам палестинские города, кроме бывшей резиденции Гийома — Тира.

Нам известно о двух крупных произведениях Гийома Тирского. Одно из них — «История арабских правителей» («*Historia de gestis Orientalium principum*») — было утрачено, но зато другое — «История деяний в заморских землях» («*Historia rerum in partibus transmarinis gestarum*») — дошло до наших дней и по праву считается жемчужиной средневековой историографии. В этом труде, начатом по приказу и под наблюдением короля Амори в 1169 году и писавшемся до 1884, насчитывается двадцать три книги (из них последняя — неоконченная), на страницах которых автор с опорой на писания предшественников (Раймунда Агильерского, Альберта Аахенского, Фульхерия Шартрского) и собственный богатый опыт изложил историю первых двух Крестовых походов, снабдив ее многочисленными отступлениями этнографического, биографического и географического характера. Успех в реализации столь масштабного замысла стал возможен благодаря удачному сочетанию нескольких факторов: писательского таланта Гийома, его блестящего по тем временам образования (он владел не только глубокими разносторонними знаниями, но еще и многими языками: латинским, французским, греческим, арабским, сирийским и немецким), а также его высокого социального положения и непосредственного участия в государственных делах. Последнее обстоятельство особенно помогло Гийому при написании заключительных четырех книг, посвященных закату Иерусалимского королевства. Будучи хорошо информированным свидетелем, а иногда и участником событий этого трагического для крестоносцев периода, он сумел выразительно и точно передать их в своем историческом труде. Вот как заключительную часть «Истории» характеризует Т. И. Кузнецова: «*Это наиболее оригинальная часть хроники и сведения, сообщаемые здесь Гийомом, по-видимому, вполне достоверные, представляют собой важный источник по внутренней и внешней истории иерусалимского королевства <...> и для истории второго крестового похода*» [3, с. 379].

Исследователи «Истории» солидарны, что в основе историографической концепции Гийома Тирского, как и всех других средневековых хронистов, лежит провиденциализм — убежденность в божественном предопределении хода исторического процесса. Однако также специалисты отмечают и его тягу к рационализму, причинно-следственному, наряду с мистическим, объяснению происходящих событий. По мнению М. А. Заборова, «*Гийом Тирский не только более широко подходит к освещению далекого прошлого, он — и это главное — относительно свободнее от богословской предвзятости и стремится понять действительные причины гигантского конфликта западного и восточного миров, разразившегося в конце XI в. <...> В его «Истории деяний» наряду с теологическими объяснениями встречаются сугубо рационалистические построения, обнаруживается сравнительно реалистичное понимание темы*» [2, с. 20].

² После смерти Балдуина IV (1185) и наследовавшего ему малолетнего Балдуина V (1186), сына Сибиллы от первого брака, с Гийомом Монферратским, именно Ги де Лузиньян взшел на иерусалимский престол (как соправитель своей жены).

Для понимания историософской концепции Гийома Тирского особый интерес представляет «Пролог», открывающий «Историю деяний в заморских землях». Это небольшое, образно написанное вступление, содержащее, как и «История» в целом, ряд отсылок к классике античной и богословской литературы, свидетельствует о глубоком понимании Гийомом стоящих перед историком задач, а также опасностей, подстерегающих летописца на его «профессиональном» пути. Некоторые из точно сформулированных в «Прологе» мыслей весьма актуальны и сегодня, более восьми сотен лет спустя. В качестве иллюстрации изысканности литературного стиля Гийома и точности его историософских наблюдений процитируем фрагмент «Пролога», который неплохо бы держать в памяти некоторым современным историкам:

«... Кто из людей благоразумных усомнится в том, что описывать деяния королей и опасно, и весьма рискованно. Помимо трудов, усилий, бессонных ночей, с которыми бывает сопряжено занятие подобного рода, историку угрожают еще пропасти с обеих сторон, и едва ли кому удастся избежать одной, не попав в другую. <...> Ибо он или стремится исследовать истину свершеного и тогда разжигает ненависть к себе во многих людях, или, желая избежать гнева, умалчивает о ряде событий, в чем, очевидно, его большой недостаток, потому что стараться обойти истину и иметь намерение скрыть ее считается противным долгу историка. Отступить же от долга — это, вне всякого сомнения, вина, если только справедливо разумеют под долгом деятельность какого бы то ни было лица, согласуемую с обычаями и законами его отечества. <...> Итак, предстоит или отступить от долга своей профессии, выказывая недостойную угодливость, или, преследуя истину, вызвать ненависть, матерью которой и бывает истина. Вот те опасности, которым обычно подвергаются историки и которые поочередно преследуют их» [4, с. 379–380].

Удивительная злободневность этого отрывка лишней раз показывает нам, как медленно меняются основные, тектонические принципы устройства человеческого общества¹.

Список литературы

1. Брандедж Дж. Крестовые походы. Священные войны Средневековья. — М.: Центрполиграф, 2011. — 318 с.
2. Заборов М.А. История крестовых походов в документах и материалах. — М.: Высшая школа, 1977
3. Кузнецова Т.И. Гийом Тирский // Памятники средневековой латинской литературы X–XII вв. — М.: Наука, 1972. — С. 377–379.
4. Тирский Гийом. История деяний в заморских землях // Памятники средневековой латинской литературы X — XII вв. — М.: Наука, 1972. — С. 379–387.

Abstract

The article briefly discusses the main stages of the biography of William of Tyre and characterizes his contribution to the historiography of the Crusades.

Key words: *William of Tyre, Crusades, Kingdom of Jerusalem, Baldwin IV, Baldwin V, Saladin, historiography, Middle Ages.*

Информация об авторе: Удадьцов Иван Сергеевич, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации; секретарь Общественной комиссии по сохранению и популяризации творческого наследия профессора С. В. Тютюкина, г. Москва, udaltsov2002@gmail.com

¹ Любопытно, что, по мнению некоторых исследователей, и сам Гийом Тирский не был вполне беспристрастен при оценке своих современников — недругов либо же, напротив, благодетелей (что не отменяет высокой фактологической точности его сочинений). Таким образом, и он не смог вполне избежать одной из названных им самим в «Прологе» «пропастей».

ФЛОРЕНТИНЕЦ ФРАНЧЕСКО ГВИЧЧАРДИНИ: ПРИМЕР СТАНОВЛЕНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИЧНОСТИ ЭПОХИ ИТАЛЬЯНСКИХ ВОЙН 1494–1559 ГГ.

Павлов Кирилл Владимирович

Институт истории СПбГУ, Санкт-Петербург

Аннотация

Исследование посвящено проблеме формирования выдающейся личности эпохи Итальянских войн — флорентийского историка, дипломата и мыслителя Франческо Гвиччардини. Автор рассматривает раннюю биографию Гвиччардини и делает вывод о ее влиянии на становление флорентинца как «утилитариста» в истории своей эпохи.

Ключевые слова: Гвиччардини; Флоренция; Итальянские войны.

1 *Введение: о становлении личности как акценте исследования*

Говоря о становлении личности Франческо Гвиччардини (1483–1540), необходимо определить: какую часть его жизни считать подобным становлением? Если бы мы рассуждали о современной нам личности, скорее всего, мы были бы вправе сказать, что подобное становление происходит всю жизнь. Однако Гвиччардини жил в средневековом обществе (пусть и находившемся на этапе своего наивысшего социального прогресса — в стадии т. н. «Высокого Возрождения» [7]). Исходя из этого, в свою очередь, следует ответить на промежуточный вопрос: какой возраст в Средние века понимался предельным во взрослении (или становлении) человека? Рассуждая о понимании возрастных этапов в жизни человека в средневековом социальном сознании, нужно упомянуть две общие наиболее распространенные модели разделения возрастов человека, известные Средневековью: теории Аристотеля и Исидора Севильского. Французский историк Ф. Арьес отметил, что теория Исидора проистекает из развития идей Аристотеля до алгоритмической линейной системы [2, с. 32–33]. Так, по мнению Арьеса, греческий философ выделял лишь три этапа в жизни человека как имеющие самостоятельное значение — от рождения до 7 лет, от 7 до 14 лет и от 14 лет до 21 года [2, с. 32]. Тогда как Исидор Севильский объединил первые два этапа по Аристотелю и определил период жизни человека от рождения до 14 лет как детство, дополнил этап 14–21-летнего возраста до 28 лет, обозначив его отрочеством, а затем выделил этапы молодости (до 45 лет), зрелости (до 60 лет) и старости [2, с. 32–33]. В современной философской литературе представление Арьеса в отношении концепции Аристотеля подвергнуто пересмотру. Так, отечественная исследовательница античной философии М. А. Солопова указывает на сочинение Аристотеля «О юности и старости, жизни и смерти», прямо свидетельствующее, что греческий мыслитель делил жизнь человека не на возрастные этапы, а на органические процессы: человек по Аристотелю живет и умирает, подобно любому живому существу [8, с. 32–36]. Вместе с тем, идея о цикле как стадии деления жизни человека по годам не может принадлежать в античной философии одному автору: идею семилетних циклов до Аристотеля выдвигали Пифагор и Гиппократ [1, с. 129], а похожую (но с девятилетними циклами вместо семилетних) — Платон [1, с. 168]. Таким образом, Исидор в своей теории возрастов человека выразил жизнеспособную для восприятия в средневековом обществе «компиляцию» идей античных авторов. В социальной практике Средневековья, применение теории Исидора во многом зависело от доминирующей в том или ином конкретно взятом средневековом обществе плоскости общественной жизнедеятельности. Для Флоренции эпохи Возрождения, в которой жил Гвиччардини, такой плоскостью была политическая плоскость. По выражению академика Е. А. Косминского, флорентийское общество ренессансного периода явило собой «...лабораторию политического опыта, на-

подобие той, которую мы видим в демократических городах-государствах Древней Греции» [6, с. 56]. Анализируя историческую мысль ренессансной Флоренции, Косминский также соотносит ее общественное устройство с Римом, утверждая, что флорентинец эпохи Возрождения подобно римлянину мыслил себя в первую очередь гражданином своего государства, а сам республиканский Рим, или, дословно, государство «общего дела» — «respublica» — идеальным практическим образцом такового [6, с. 60–62]. Соответственно, становление личности флорентинца происходило в подготовке к общественно-политической практике и для этой подготовки. Сама же общественно-политическая практика для гражданина Флоренции начиналась в возрасте 29 лет, когда флорентинец получал право участия в городских комиссиях по принятию законов [5, с. 15]. Обратим внимание, что флорентийская практика становления личности в политической плоскости как базисе общественной самореализации своеобразно соотносится с упомянутой нами теорией возрастов человека за авторством Исидора Севильского. По Исидору, к возрасту 29 лет человек лишь вступал на этап молодости [2, с. 32]. В ренессансной же Флоренции гражданин этого возраста считался уже достаточно зрелым, чтобы, подобно Гвиччардини или его старшему современнику Никколо Макиавелли [5, с. 15], получать назначения на дипломатические миссии в интересах тосканской республики. Поэтому, говоря о становлении личности Франческо Гвиччардини, мы будем иметь в виду его жизнь до возраста 29 лет, когда он начал политическую практику, заняв пост посла Флорентийской республики в Испании [9, с. 591].

2. Флорентинец эпохи Итальянских войн: локальная идентичность как фактор становления личности Франческо Гвиччардини

Родившись в 1483 г. во Флоренции и умерши в 1540 г. в тосканском местечке Арчетри, Франческо Гвиччардини имел право сказать: «Я родился и умер при Медичи». Однако флорентийское государство под управлением Медичи, в котором он родился и провел детские годы, было крупнейшей республикой Апеннин, а его правитель Лоренцо — ключевым посредником «баланса сил» в политической жизни городов-государств Италии, или «языком баланса» — «l'agodellabilancia» [12, р. 9]. Пользуясь своим геополитически выгодным положением в центре Италии, Флоренция Лоренцо утвердилась в качестве государства-«медиатора» среди пятерки крупнейших городов-государств Италии, в которую, помимо нее самой, входили Неаполь, Милан, Венеция и папское государство с центром в Риме [12, р. 9]. Кроме того, Флоренция времен Лоренцо Великолепного была культурным центром ренессансной Европы. Великолепие культурной жизни города той эпохи в сознании европейских современников очень точно отметил выдающийся советский медиевист В. И. Рутенбург, назвавший его «Афинами Возрождения» [7, с. 37]. Флоренция же второй трети XVI в., в имени в Арчетриблиз которой Гвиччардини скончался, — это хоть и центр герцогства, под управлением все тех же Медичи из «младшей» ветви династии, но само герцогство уже не претендовало на дипломатическую самостоятельность, попав под протекторат Империи Габсбургов [10, р. 466–468]. Поддерживаемая герцогами Медичи культура двора политические реалии своих предшественников не меняла: оставаясь одним из центров ренессансной культуры, Флоренция стала «периферией» в европейской системе международных отношений. Всю свою жизнь Гвиччардини мог наблюдать процесс политической реструктуризации своего государства: причиной тому — Итальянские войны 1494–1559 гг., крупнейший военно-дипломатический конфликт в Европе позднего Средневековья — Раннего Нового времени. После смерти Лоренцо Великолепного в 1492 г. «баланс сил» в итальянской политической системе был разрушен: следствием этого стала экспансия Франции в Италию, с целью реализации династических прав французского королевского дома Валуа на владение Неаполем и Миланом [10, р. 376–377]; [10, р. 403]. Наследник Лоренцо Великолепного — Пьеро II Медичи — в сложившейся ситуации поступил неочевидно, приняв сторону союза Испании и Неаполя и сделав так вопреки традиции Медичи придерживаться франкофильской ориентации в международной политике [10, р. 377–378]. Результатом этого решения Пьеро стало поддержанное официально Венецией, а негласно — и Францией, восстание Пизы против Флоренции и отложение пизанской территории

из-под флорентийского господства [10, р. 379–380]. После этого, Медичи были изгнаны из республики: для Флоренции, как и для всей Италии эпохи войн, началось время интенсивных политических трансформаций. В том числе — и в плане государственных границ. Так, британский историк Д. Наджеми в отношении периода 1494–1559 гг. упоминает, по меньшей мере, одиннадцать изменений границ флорентийского государства [10, р. 375–473]. Не менее интенсивно модифицировалось во Флоренции и внутреннее устройство государства. В условиях попеременно сменявших друг друга форм государственного аппарата: франкофильского «широкого» правительства Джироламо Савонаролы (1494–1498 гг.); «нейтрального» режима Пьеро Содерини (1498–1512 гг.), поддерживавшего с Францией оборонительный союз и «...имевшего гибридные черты как «широкого», так и «узкого» правительств» [11, р. 161]; стремившегося лавировать между Францией и Испанией «узкого» правительства Медичи (1512–1527 гг.) — важнейшее значение для любого флорентийского рода приобретала занимаемая им политическая линия. Таким образом, флорентинец Франческо Гвиччардини в некотором смысле был «обречен» стать политиком: если не в практической деятельности, то в поддержании и выборе фамильных связей.

3. Жизнь Гвиччардини до 29 лет: становление «флорентийского утилитариста»

Франческо Томмазо Гвиччардини родился в марте 1483 г. во Флоренции в семье флорентийских оптиматов — Пьеро Гвиччардини и Симоны Джанфильяцци. Сам Гвиччардини в сочинении «Воспоминания о себе самом» указывает, что родился «6 марта 1482 г. во Флоренции около десяти часов» [3, с. 303], но здесь следует иметь в виду, что во Флоренции год начинался 25 марта. Поэтому по современному счету, годом его рождения дается именно 1483 г. Он упоминает, что получил имя Франческо в честь деда отца по линии матери, Франческо Нерли. А вторым именем при рождении он получил имя Томмазо — в честь Фомы Аквинского, в день которого он родился [3, с. 303]. Про отца Франческо Гвиччардини мы узнаем из его «Семейной хроники»: Пьеро Гвиччардини, единственный сын Якопо Гвиччардини, флорентийского посла в Риме, родился 9 июня 1454 г. В 1472 г., около восемнадцати лет, отец Франческо женился, «...взяв хорошее приданое, на Симоне, дочери мессера Бонджанни Джанфильяцци, в то время влиятельного гражданина» [4, с. 297]. Характерно, что это единственное упоминание о матери в «Семейной хронике» и «Воспоминаниях о себе самом» у Франческо Гвиччардини вообще. Об отце, Пьеро Гвиччардини, он указывает, что, унаследовав от Якопо Гвиччардини большой капитал, Пьеро не унаследовал его честолюбия и таких высоких постов, как Якопо (посол Флоренции в Риме), не занимал [4, с. 297]. Например, в 1490 г., как пишет Франческо Гвиччардини, его отец должен был стать послом Флоренции в Неаполитанском королевстве, но отказался от поста из-за семейных хлопот, связанных со смертью Якопо [4, с. 297–298]. Вместе с тем, после смерти деда Франческо, его отец в том же 1490 г. занял его место в Коллегии семнадцати, при Лоренцо Великолепном — влиятельной политической структуры Флоренции. Как отмечает Франческо, коллегия состояла из «первых людей в городе», и его род, сначала — в лице деда, а затем — в лице отца, в ней фигурировал [4, с. 298]. Кроме того, отец Франческо, по его упоминанию, все-таки получил важное дипломатическое назначение. Так, при наследнике Лоренцо Пьеро II Медичи он стал неофициальным посланником Флоренции в Милане при дворе герцога Лодовико Моро и, с точки зрения Франческо, предсказал политический кризис в Милане как «очаг» глобальных итальянских противоречий [4, с. 299]. Таково было положение семьи Гвиччардини во Флоренции во времена Медичи. Что было с ними в годы правления республикой монаха Джироламо Савонаролы после изгнания Медичи (1494–1498) — Франческо почти обо всем умалчивает. Поэтому про юность Франческо, пришедшуюся на савонаролианское правление Флоренцией, а также — на «перестройку» города в первые годы после казни монаха под началом Пьеро Содерини, нам известно немного. Про свои детские годы Франческо Гвиччардини вспоминает лишь в контексте учебы, отмечая, что уже в детстве интересовался правом [3, с. 304]. Далее следует череда юношеских, вновь ученических, воспоминаний Франческо Гвиччардини об изучении права в разных правовых школах у разных же преподавателей. Кто были его учителями? В 1498 г. — мессер Якопо Модести ди Карминь-

яно из Прато, у него Франческо Гвиччардини учился во Флоренции, гражданскому праву и институциям. Далее — мессер Орманоццо Дети, в 1499 г. Гвиччардини слушал его курс общего римского гражданского права, а в том же году позднее — каноническое право у мессера Франческо Пепи, как упоминает Гвиччардини, эти занятия вскоре прервались, так как Пепи в 1500 г. уехал послом Флоренции в Рим [3, с. 304]. Поэтому он продолжил курс канонического права у мессера Джованни Виторио Содерини. Приближение Гвиччардини к роду Содерини в то время — очень важное для Франческо обстоятельство их семейной истории, поскольку Содерини тогда претендовали на установление долгосрочной власти над Флоренцией на началах «паритетного правления» в проекте «республики равных». Отметим, что Пьеро Содерини, фигурировавший в этом проекте как гонфалоньер Флоренции, в отношении отца Франческо, Пьеро Гвиччардини, проявил значительное уважение, включив его в Совет Десяти — руководящий орган флорентийской дипломатии [10, р. 404–405]. Таким образом, можно утверждать, что Гвиччардини на тот момент связывали свои надежды на политическое влияние в республике именно с Содерини. Тем не менее, Франческо не остался во Флоренции. Он поехал в Феррару учиться праву в феррарском студии (университете): «Я уехал учиться в Феррару, по воле отца моего Пьеро, который непременно хотел отправить меня учиться подальше от Флоренции и считал, что я буду больше стараться, когда окажусь вне дома. Однако он ускорил мой отъезд, так как во Флоренции тогда было очень беспокойно, и отец, на случай какого-нибудь переворота в городе или каких-нибудь событий во вне, которые угрожали бы свободе, хотел бы иметь убежище, куда можно было бы переправить самое ценное из его имущества. Поэтому он послал меня в Феррару, где студии было очень неважное, но он предпочел его всякой другой школе, так как город этот был в те времена очень спокоен под управлением герцога Эрколе д'Эсте» [3, с. 305]. По всей видимости, «переправа» капиталов семьи Гвиччардини в Феррару началась уже в тот же год, и Франческо был в ней транзитным лицом [3, с. 305]. Далее, Франческо Гвиччардини в 1502 г. переезжает в Падую, чтобы учиться в одной из лучших правовых школ Италии — в падуанской, в студии Падуи. Франческо учился в Падуе до 1505 г., став доктором права, и хотел остаться там, чтобы преподавать право в студии Падуи. Но здесь неожиданно вмешался отец и потребовал, чтобы сын вернулся во Флоренцию: «Отец мой, Пьеро, считал, что за время с начала моего ученья до этого дня было истрачено отчасти на мое ученье, отчасти на книги, отчасти за время жизни вне дома, отчасти на докторат на 26 дукатов сверх пятисот дукатов; однако точно указать цифру не могу» [3, с. 308]. По всей видимости, Пьеро Гвиччардини потребовал «расчета» от сына в связи с ухудшением положения семьи. Режим Содерини, на который «ставили» Пьеро Гвиччардини и его единомышленники, в сочинениях Франческо упоминаемые как «мудрые» — «*savii*» [9, с. 588], уже не походил на «республику равных». С 1502 г. Содерини при поддержке Франции утвердился в качестве «*gonfaloniereperpetuo*» — «пожизненного гонфалоньера» [5, с. 29]. Не устраивала «мудрых» и неразрешенность проблемы Пизы: в этом едва ли кто-то во Флоренции не был с ними солидарен, поскольку три безрезультатные попытки возвращения пизанского владения Содерини финансировались им за счет повышения налогов [5, с. 55]. Вернувшись по требованию отца во Флоренцию в 1506 г. и начав адвокатскую службу, Франческо Гвиччардини застал свой город в напряженном ожидании новой трансформации. Свои личные ожидания и размышления того времени он выразил в работе в 1506–1509 гг. над своим первым историческим сочинением — «Историей Флоренции» [9, с. 590]. Анализируя историю своей республики с 1454 по 1509 г., Гвиччардини пришел к выводу, что лучшее «лекарство» от политических трансформаций и катаклизмов для его государства — это здоровая осторожность в отборе круга лиц, непосредственно связанных с принятием политически ответственных решений, или, выражаясь современным языком — политический утилитаризм по типу меритократии [9, с. 590]. При этом с точки зрения Гвиччардини, это практически единственно возможная практика управления государством при его республиканском устройстве: в этом отношении, флорентинец проявляет прогрессивный утилитаризм воззрений непосредственно на свою республику, видевшуюся его предшественникам — флорентий-

ским гуманистам XV в. — идеалом политической свободы воли — «libertas» [11, р. 44–49]. Этот не по годам зрелый утилитаризм Франческо проявился и в его выборе фамильных связей. Не скрывая своих симпатий к идее правления «мудрых», среди которых был и его отец, Гвиччардини в 1509 г. женится на Марии Сальвиати — дочери Аламанно Сальвиати, сторонника изгнанных из Флоренции Медичи, возглавившего Совет Десяти и вместе с тем — дипломатию республики [3, с. 310]. Он делает это вопреки воле отца, ориентируясь на личный интерес в перспективе дипломатической карьеры: очевиден пример разложения семейной наследственности интересов, характерной для флорентинцев [9, с. 590]. Этот шаг демонстрирует главное качество личности Франческо Гвиччардини — утилитарно-практическую направленность каждого действия. Гвиччардини — политик — утилитарист и человек — утилитарист: это будет основой его дипломатической практики, начавшейся в 1512 г. Этот же дух утилитаризма станет идейной основой и для возвеличившей его «Истории Италии».

Список литературы

1. *Антисери Д., Реале Дж.* Западная философия от истоков до наших дней. Т. 1–2. Античность. Средневековье / В пер. и под ред. С. А. Мальцевой. — СПб.: Пневма, 2003. — 688 с.
2. *Аръес Ф.* Ребенок и семейная жизнь при старом порядке / пер. с франц. Я. Ю. Старцева при участии В. А. Бабинцева. — Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1999. — 416 с.
3. *Гвиччардини Ф.* Воспоминания о себе самом // Гвиччардини Ф. Сочинения / Пер. с ит. А. К. Дживелегова. — М.: Наука, 1934. — С. 301–520.
4. *Гвиччардини Ф.* Семейная хроника // Гвиччардини Ф. Сочинения / Пер. с ит. А. К. Дживелегова. — М.: Наука, 1934. — С. 231–299.
5. *Жиль К.* Никколо Макиавелли / Пер. с франц. В. Балакина. — М.: Молодая гвардия, 2005. — 164 с.
6. *Косминский Е. А.* Историография средних веков. — М.: Наука, 1963. — 435 с.
7. *Рутенбург В. И.* Титаны Возрождения. — СПб.: Наука, изд. 2 — е, испр., 1991. — 162 с.
8. *Солопова М. А.* Трактат Аристотеля «О юности и старости, жизни и смерти» как часть сборника *Parva naturalia* // Историко-философский ежегодник, 2020. — Т. 35. — С. 31–52.
9. *Юсим М. А.* Франческо Гвиччардини — историк Итальянских войн // Гвиччардини Ф. История Италии. В двух томах. Том 2 / Пер. с итал. и подготовка издания М. А. Юсима. — М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2019. — С. 579–640.
10. *Najemy J.* A History of Florence 1200–1575 // Oxford: Blackwell Publishing, 2006. — 529 p.
11. *Ricciardelli F.* The Myth of Republicanism in Renaissance Italy. — Turnhout: Brepols Publ., 2015. — 232 p.
12. *Theory and Practice of the Balance of Power, 1486–1914. Selected European Writings / Ed. by M. Wright.* — London: J. M. Dent & Sons Ltd, 1975. — 192 p.

Abstract

The study is devoted to the problem of the formation of an outstanding personality of the era of the Italian Wars — Florentine historian, diplomat and thinker Francesco Guicciardini. The author examines the early biography of Guicciardini and concludes about its influence on the formation of the Florentine as a «utilitarian» in the history of his era.

Key words: *Guicciardini; Florence; Italian Wars.*

Информация об авторе: Павлов Кирилл Владимирович, магистр истории (Институт истории СПбГУ, 2022), Kir2014Sch603@gmail.com

ИМПЕРАТОР АЛЕКСАНДР I КАК АКТОР РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ЭПОХИ ЛИБЕРАЛЬНЫХ РЕФОРМ

Борисова Алина Владимировна

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль

Аннотация

Статья посвящена изучению факторов, повлиявших на формирование взглядов молодого императора Александра I. Автор ставит вопрос о степени самостоятельности молодого правителя в разработке и принятии решений в период либеральных преобразований начала царствования. Рассматриваются реформы образования, систематизации законов, идеи правительственного конституционализма. Делается вывод о неоднозначности результатов внутренней политики.

Ключевые слова: император Александр I, реформы, общественное мнение, самодержавие.

Император Александр I — олицетворение большой эпохи в истории Российской империи, охватившей четверть века. Личность такого масштаба не может не являться актором общества как инициатор и участник преобразований. Фигура царя во все исторические периоды находилась внутри сложной системы придворных, внутригосударственных и внешнеполитических взаимосвязей. Наша задача в рамках данной статьи — выявить мотивы, ожидания, методы действий императора Александра I в период так называемых либеральных реформ. Важным остается и вопрос о степени самостоятельности молодого царя. На наш взгляд, необходимо изучить два аспекта данной проблемы: собственные идеи и представления о конечных результатах царствования и возможность и способность действовать в соответствии с ними. Второй проблемой является выявление тех персон, которые непосредственно или опосредованно влияли на личность царя и его решения. Отдельный вопрос — социо-культурное пространство, в котором вырос и начинал самостоятельное правление император.

Александр I с юных лет всецело находился под влиянием идей эпохи Просвещения. Идеи мыслителей влияли на выбор произведений для чтения и обучения, формировали общественно-политические взгляды нескольких поколений, из которых вышли такие разные деятели, как будущие декабристы, Н. М. Карамзин, А. Х. Бенкендорф, П. Д. Киселев и, конечно, сам Александр I. В то же время, нельзя не принимать во внимание, что любые идеи не остаются собранием текстов, но становятся «живой» тканью социокультурного пространства. Они сами оказывают влияние и становятся объектами влияния различных исторических процессов. Так, бурные внешнеполитические события первой четверти XIX в. привели к смене парадигмы. Постепенно отдельные идеи, а затем и система взглядов просветителей оказались не соответствующими новому времени. Сколько-нибудь стройной системы взглядов, которая смогла бы заменить комплекс идей просветителей, на наш взгляд, в период жизни Александра Павловича еще не сложилось. Лишенный ориентиров, император оказался вне системы координат. За пределами изучаемого периода будут религиозные искания, попытки выработать новую систему международной политики и европейского устройства.

Хронологические рамки фаз царствования Александра Павловича разнятся у отдельных авторов, обозначение этапов так же отличается. Исследователи воспринимают длительное правление Александра I как периоды подъема активности с либеральными идеями во главе и время охлаждения, усталости и, если не реакции, то консерватизма. Так или иначе, царствование предстает разделенным как минимум на два периода. Традиционно уже более ста лет выделяются так называемые «либеральный» и «консервативный» периоды. Н. К. Шильдер называл их «реформаторский» и «реакционный» [8, с. 127]. Более взвешенным и лишенным схематизма, на наш взгляд,

представляется периодизация вел. кн. Николая Михайловича. Н. М. Романов предложил выделять пять этапов правления венценосного родственника, первый из них он называл «эпохой колебаний», а последний — «эпохой общего разочарования» [3, с. 7].

Формирование личности и взглядов будущего монарха — отдельная тема исследований [1]. Взросление Александра Павловича, по мнению его наставника Ф. Лагарпа, пошло по пути мечтаний, но не дерзаний. «Прекраснодушные мечты» и задали направление и темпы реформ. Невнятность представлений о конечных итогах преобразований самого царя предопределила и круг участников разработки многочисленных проектов — Негласный комитет. Важно отметить, что, что к моменту вступления на престол у Александра I отсутствовал некий план действий, единого документа подобного содержания не существовало. Определенный перечень проблем, к которым молодому царю необходимо приступить в первую очередь, можно найти в письмах Ф. Лагарпа [2].

Окружение нового императора условно разделилось на сподвижников и противников реформ. К числу первых относился его учитель, Ф. Лагарп, который в этот период находился за границей и состоял в переписке с царем. Он горячо поддерживал необходимость активных действий по решению давно назревших проблем, тормозивших развитие страны. Союзницей венценосного супруга была и императрица Елизавета Алексеевна. К числу вторых относились женщины «павловской» императорской семьи. Мать царя Мария Федоровна «если временами и старалась удержать сына от горячки всеобщей ломки, то делала это неумело и без успеха» [3, с. 36]. Позже к ней присоединится сестра царя — вел. кн. Екатерина Павловна, чей дворец в Твери станет центром «русского консерватизма». Она считала, что в сложной внешнеполитической обстановке не следует заниматься масштабными реформами. Сестра императора деятельно старалась укрепить национально-патриотические чувства Александра I и многое сделала для устранения от двора М. М. Сперанского.

Основными темами для обсуждения как внутри узкого круга, так и среди просвещенного дворянства, были крестьянский вопрос и тема правительственного конституционализма. Выбирая способ проведения преобразований, Александр I не мог не учитывать общественное мнение. А оно восприняло активность царя и его единомышленников очень настороженно. Старые сановники и дворянство в целом, не стремились разделять идеи молодого царя о свободах и конституции. Н. И. Тургенев считал, что «в России преобразовательные планы императора Александра порой встречали протест не со стороны общественного мнения, не имевшего силы, а со стороны узкого круга» [7, с. 500].

На наш взгляд, этот «узкий круг» вполне адекватно транслировал представления большинства дворян. Именно это влияние оказалось определяющим. Александр I исходил из установок века Просвещения, считая решающей силой общественное мнение. Именно поэтому, видя сопротивление, как ему казалось, «большинства» — общества, император остановился в самом начале пути и далее рассуждений и единичных мер не продвинулся. Подобный стиль правления вызвал недовольство у части передового дворянства, императора стали осуждать за двуличие. Он стал восприниматься как человек непоследовательный, нерешительный, хитрый и лукавый.

Итак, первые годы правления Александр I провел в тяжелой работе. «Александр был слишком разумен и умен, чтобы не видеть, что Россия представляла собой... слишком молодое дерево, чтобы прививать ему новые учреждения. Он много ожидал от будущего, от своей собственной деятельности, и от времени, которое одно могло совершить и укрепить великую реформу в образе правления» [9, с. 252]. Оправданием своего восшествия на престол царь выбрал возвращение к образу Российской империи времен бабушки — Екатерины II. Обещание править, как при ней, нашло теплый отклик в душах современников.

К числу одобряемых и своевременных реформ первого периода царствования традиционно относят преобразования учебных заведений. Недостаток специалистов в промышленности, администрации, юридической сфере подтолкнули «молодых друзей» Александра I к выработке основных принципов реформы. Деятельность царя имела прочное основание в виде результатов

школьной реформы Екатерины II. Народные училища стали базой для дальнейших преобразований с данной сфере. Масштабные мечты Александра I о даровании российскому народу Конституции не могли быть воплощены незамедлительно по многим причинам, одной из которых было и отсутствие грамотности среди широких слоев населения.

В 1803 году было издано новое положение об устройстве учебных заведений, внесшее новые принципы в систему образования: бессловность, бесплатность обучения на низших его ступенях, преемственность учебных программ. Во главе Министерства народного просвещения в угоду старым сановникам Александр I поставил человека не пригодного к активной и творческой работе — П. В. Завадовского. Энергия молодого царя тормозилась многочисленной и влиятельной группой царедворцев екатерининского времени, не желавших реформ и изменений. Царь писал Лагарпу: «...Частота моих контактов...не дает министру чинить препятствия добру, которое мы стараемся творить. Завадовский — ничто. Настоящая овца. Словом, он ничтожен и посажен в министерство только для того, чтобы не кричал, что отстранен» [5, с. 37–39]. Несмотря на трудности проведения данной реформы правительству удалось создать систему начальных и средних училищ. Объективными препятствиями, которые не принимались в расчет мечтательным императором, было крепостное право и невежественность подавляющего большинства помещиков.

Насущной проблемой оставалось и отсутствие современного Уложения законов. В 1804 г. император Александр I учредил комиссию для систематизации нормативных актов. Почти 8 лет ушло только на сбор действующего законодательства и приведение его в систему. Работа юристов была по значению своему глубже, нежели просто уточнение и упорядочение обширных указов и постановлений, она могла привести к далеко идущим последствиям. На повестке дня стоял вопрос о месте и роли царской власти в политическом устройстве империи. В духе идей Просвещения следовало признать законы высшей силой. Даже Екатерина II соглашалась с мнением, что и монарх должен подчиняться фундаментальным законам. Проблема выстраивания модели взаимоотношений государства и личности пока только начинала обсуждаться. Среди многих проблем внутренней жизни особое значение имел вопрос о форме государственного правления. Своеобразие ситуации состояло в том, что инициатором ограничения самодержавия стал сам монарх. Еще в 1809 году Александр I поручил М. М. Сперанскому разработать обширный план государственных преобразований. Автору проекта представлялись два пути решения проблемы: ограничение самодержавия внешними формами закона или ограничить его силой постановлений. Он писал, что система, в которой воля одного становится законом для всех, является политическим рабством. Поддерживая и направляя на первых порах М. М. Сперанского, государь со временем меняет свою точку зрения и отказывается от масштабных преобразований.

Определяющая роль государства задала направление и конституционным проектам первой четверти XIX в. Труды М. М. Сперанского и членов Негласного комитета рассматриваются в научной литературе как «правительственный конституционализм». Представления о внутренней структуре конституции в этом случае сводились к регламентации порядка осуществления государственной власти и определению прав и обязанностей граждан. Следуя логике реформирования «сверху», государственные деятели определяли и конечную цель дарования конституции, ее практические последствия. «Коренной закон» должен был «обеспечить наибольшую эффективность государственного управления посредством создания системы взаимодействия императора с образованной частью общества и гарантировать неприкосновенность гражданских прав личности». В более широком смысле в конституции видели «инструмент стабилизации социально-экономического и политического развития» [6, с. 461–462].

Представитель и даже, по мнению некоторых, лидер консервативного крыла российского общества Н. М. Карамзин всегда был сторонником естественного хода истории. Он отмечал, что с целью избежать потрясений в России необходимо сохранение и укрепление самодержавной власти. По мнению Николая Михайловича, главным орудием реформ должен был быть законный государь. Н. М. Карамзин оставался на стороне исторической традиции. Он отчетливо

видел и недостатки общества и несовершенство государственных структур, но не призывал к созданию идеального устройства: «...смелые теории ума, который из кабинета хочет предписывать новые законы нравственному и политическому миру, должны остаться в книгах вместе с другими, более или менее любопытными произведениями остроумия...» [4, с. 27]. Размышляя о событиях начала XIX в., историк отмечал, что «правительства чувствуют важность сего союза (лучших умов под знаменами властителей) и общего мнения, нужду в любви народной, необходимость истребить злоупотребления» ...» [4, с. 27].

Как мы знаем, в силу различных причин работа по систематизации законов и разработки проекта конституции в изучаемый период не была закончена. Опала М. М. Сперанского не позволила довести упорядочение правовых актов до логического финала, поскольку других чиновников, способных к столь масштабной деятельности, в империи не нашлось.

Таким образом, император дал свои ответы на ключевые вопросы современного периода. Выбор способа проведения реформ посредством власти, сверху, без привлечения общества определил и их содержание и последовательность. Стремление Александра I сохранить самодержавие и, в то же время, дать политические свободы, стало неразрешимой задачей. Приоритет социальных преобразований (указы 1801–1803 гг.) вступил в противоречие с их содержанием, что закономерно привело к малой практической пользе.

В целом, по мнению вел. кн. Николая Михайловича, творческая и административная активность царя угасла к середине 1804 г., уступив место проблемам внешней политики. На наш взгляд, важно понимать, что перед Александром I в 1801 г. стоял сложный комплекс проблем внутренней и внешней политики. Объективные условия жизни империи, такие, как отсутствие подготовленных кадров для административной деятельности, консерватизм значительной части дворянства и неспособность осознавать необходимость изменений и движения вперед, непоследовательность во взглядах близкого окружения императора и его самого, свидетельствовали о невозможности решить глобальные задачи в рамках данного царствования. Практическая значимость и эффективность преобразований в различных сферах была неоднозначной. Несоответствие ожиданий и реальных результатов, как мы видим, не привели к полному отказу от продолжения реформ и в последующий период. Личность Александра I, на наш взгляд, можно характеризовать в значительной степени как ведомого. Потому так ярко он начал внутреннюю политику, что были «направляющие» — Ф. Лагарп и М. М. Сперанский. С их уходом из активной сферы влияния на царя он оказался без ориентиров и мотиваторов.

Список литературы

1. *Борисова А. В.* Ф. С. Лагарп и Великие князья Александр и Константин Павловичи // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. — 2018. — № 1. — С. 15–17.
2. *Борисова А. В.* Программа царствования императора Александра I: об авторстве и периодизации // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. — 2022. — Т. 16 — № 1. — С. 44–52.
3. *Великий князь Николай Михайлович.* Император Александр I: биография. — М.: Захаров, 2010. — 320 с.
4. *Карамзин Н. М.* Приятные виды, надежды и желания нынешнего времени // Н. М. Карамзин. Избранные сочинения в двух томах. — М.; Л.: Худож. лит. [Ленингр. отд-ние], 1964. — Т. 1. — 810 с.
5. Письма императора Александра I и других особ царственного дома к Ф. Ц. Лагарпу // Б. м., 1870. — 126 с.
6. *Тимофеев Д. В.* Конституция. Российский либерализм сер. XVIII — н. XX в. Энци. / отв. ред. В. В. Шелохаев // М., 2010. — 1087 с.
7. *Тургенев Н. И.* Россия и русские. Пер. с фр. и ст. С. В. Житомирский; Коммент. А. Р. Курилкина. — М.: ОГИ, 2001. — 742 с.

8. Шильдер Н. К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование // СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1897–1898. — Т. 2. — 460 с.

9. Шуазель-Гуфье С. Исторические мемуары об императоре Александре и его дворе // Государственный сфинкс / Е. Комаровский. Р. Эдлинг. С. Шуазель-Гуфье. П. Вяземский. — М., 1999. — 288 с.

Abstract

The article is devoted to the study of the factors that influenced the formation of the views of the young Emperor Alexander I. The author raises the question of the degree of independence of the young ruler in the development and decision-making during the period of liberal transformations of the beginning of the reign. Education reforms, systematization of laws, ideas of governmental constitutionalism are considered. The conclusion is made about the ambiguity of the results of domestic policy.

Key words: *Emperor Alexander I, reforms, public opinion, autocracy.*

Информация об авторе: Борисова Алина Владимировна, кандидат исторических наук, доцент, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, avb_hist@mail.ru

«Я ЧЕЛОВЕК СЛУЖБЫ И ПРЯМОГО ДЕЛА»: К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ КОНТР-АДМИРАЛА А. П. ЗЕЛЕНОГО

Щербакова Марина Сергеевна

Государственный музей-заповедник «Петергоф», Санкт-Петербург

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению основных этапов деятельности контр-адмирала Александра Павловича Зеленого на посту командующего Балтийским флотом в переломный для хода Гражданской войны 1919 год. На основе изученных архивных материалов раскрывается его роль в процессе организации обороны Петрограда и повышении боеспособности Балтийского флота. Также представлены не освещенные ранее сведения о внесенном им вкладе в улучшение качества образования и медицинского обслуживания военных моряков.

Ключевые слова: *А. П. Зеленой, Гражданская война, начальник Морских сил Балтийского моря, наморси, оборона Петрограда, интервенция*

Роль человека, особенно связанного с военной и политической деятельностью, наиболее остро проявляется в переломные моменты исторического процесса. В ходе Гражданской войны таким моментом стал 1919 г., именуемый советской историографией годом «решающих сражений Красной Армии с объединенными силами интервентов и белогвардейцев» [1, с. 5]. Главными фронтами в этот период были признаны Восточный и Южный, где развернулись масштабные бои с войсками А. В. Колчака и А. И. Деникина. Однако не менее важную роль в достижении решающего перелома и развития общего успеха советских вооруженных сил сыграли сражения на Петроградском участке фронта, оборону которого осуществляли 7-я армия и Балтийский флот.

Еще в декабре 1918 г. на Балтике была сформирована Эстонская белая армия, которую поддерживали отступившие на территорию Латвии и Эстонии части русских белогвардейцев, «добровольцы» из Дании, Швеции и Финляндии, а также пришедшая в Ревель английская эскадра [1,

с. 5–6]. Объединенные силы перешли в наступление на Тапс-Везенбергском направлении и, высадив десант в тылу и на правом фланге ревельской группы 7-й армии, смогли приостановить советские войска. В сложившейся ситуации 9 января 1919 г. командованию Северного фронта был отдан приказ № 130/оп «Об усилении ревельской группы и продолжении наступления на Ревель». Балтийскому флоту, находившемуся в то время в оперативном подчинении 7-й армии, приказывалось направить все имеющиеся силы и средства к пунктам высадки противника, производить разведку и по возможности препятствовать десантным группам [2, с. 188]. В условиях активного выступления на стороне белогвардейцев иностранных морских сил, исход сражений на северо-западном направлении фронта, а также успешная оборона Петрограда со стороны Финского залива напрямую зависели от согласованных совместных действий кораблей, береговой артиллерии, авиации, отрядов моряков Балтийского флота с сухопутными войсками.

Необходимо отметить, что состояние самого Балтийского флота в этот период было крайне тяжелым. Большая часть кораблей нуждалась в ремонте, а вследствие всеобщей разрухи не хватало топлива и денежных средств на обслуживание. Несмотря на острый недостаток военно-морских специалистов, их активно привлекали к военным действиям на удаленных от Петрограда сухопутных фронтах [1, с. 6; 3, с. 22–31]. Управление флотом с конца 1918 г. осуществлял высший коллегиальный орган — Революционный военный совет Балтийского флота (далее — РВС Балтфлота), состоящий из начальника Морских сил и двух членов [7, л. 17]. К их компетенции относилось руководство организации всей военно-оперативной деятельности флота, его политической и хозяйственной жизни.

18 января 1919 г. начальником Морских сил Балтийского моря (наморси) был назначен бывший контр-адмирал, военный моряк Александр Павлович Зеленой [8, л. 47]. С начала Гражданской войны он оказывал активное содействие в урегулировании советско-финско-германских отношений и установлении демаркационной линии в Финском заливе. В январе 1918 г. участвовал в работе рижской советско-германской Комиссии по перемирию в Балтийском море [10, с. 24], в марте был привлечен в качестве эксперта в Брестских переговорах [5, с. 139]. Когда перед советским руководством встал вопрос, кого отправить в качестве представителя на переговоры с германско-финской стороной в Либаву для официального установления демаркационной линии, полпред РСФСР в Берлине А. А. Иоффе и нарком иностранных дел Г. В. Чичерин рекомендовали кандидатуру А. П. Зеленого: «он вполне подходит по своему знанию и опыту для такого назначения, комиссия эта будет весть серьезные вопросы» [13, л. 1]. Кроме того, Александр Павлович успел проявить себя в качестве умелого руководителя в апреле — мае 1918 г. во время Ледового похода Балтийского флота [6, л. 1–5; 9, л. 1–11; 11, л. 155–156].

Поэтому назначение А. П. Зеленого было воспринято его сослуживцами с воодушевлением: «Новый начальник Морских сил ... слишком хорошо знаком морякам-балтийцам, чтобы сомневаться в искреннем и полном удовлетворении, с каким Балтийский флот несомненно встретит это назначение. Александру Павловичу Зеленому неоднократно приходилось исполнять весьма сложные, трудные и требующие от исполнителя исключительно высоких личных качеств поручения и обязанности» [4, с. 139].

Первоочередной задачей, вставшей перед Александром Павловичем в новой должности, была подготовка судов Балтийского флота к весенней навигации. На состоявшемся 20 января в Петрограде совещании части командного состава Морских сил Республики, было решено выделить из имеющегося состава кораблей Действующий отряд, который, сообразуясь с имеющимися возможностями, к весне можно будет привести в боевую готовность и укомплектовать личным составом. Корабли, не вошедшие в состав отряда, предполагалось привести в состояние долговременного хранения, оставив на них лишь караул. В заключение отмечалось, что помимо боевой подготовки, «которую придется поднимать весной путем обучения в плавании», оперативная способность Действующего отряда напрямую «будет зависеть от получения морведем угля, ко-его в настоящее время при строгой экономии флоту хватит лишь до мая» [1, с. 25–27].

В связи с обозначенными на совещании проблемами, 5 февраля А. П. Зеленой совместно с членом РВС Балтфлота А. В. Барановым сообщал в телеграмме коморси В. М. Альтфатеру о необходимости дополнительной выдачи топлива (угля, мазута, кокса) Балтводу для обеспечения своевременного ремонта судов [1, с. 29–30]. 9 февраля начальнику 1-й бригады линейных кораблей С. Н. Дмитриеву было предписано приступить к формированию Действующего отряда судов Балтийского флота, сообразуясь с отправленным ему списком, и вести непосредственное наблюдение за ходом работ [1, с. 31]. Кроме того, в феврале А. П. Зеленой занимался разрешением проблем, связанных с организацией обороны Ладожского озера и Невы в предстоящей весенне-летней кампании. В разговоре с начальником Морского генерального штаба Е. А. Беренсом он высказывался о необходимости добавления кораблей для постановки более серьезной обороноспособности и отмечал, что «кроме судов, с этим связано развитие службы связи, авиации и радиотелеграфа» [1, с. 32–33].

В марте под началом А. П. Зеленого был издан Приказ по флоту Балтийского моря о необходимости участия всех военных моряков в подготовке флота к боевым действиям, реализация которого способствовала консолидации имеющихся военно-морских сил [1, с. 36]. 10 марта он принимал участие в совместном заседании начальников сухопутных групп и командующего Западным фронтом, в ходе которого обсуждался план обороны Петрограда [1, с. 38].

В апреле А. П. Зеленой составил доклад о необходимости постановки новых линий минного заграждения на подступах к Кронштадту, отправленный для рассмотрения в Морской генеральный штаб. Александр Павлович отмечал, что подход с запада к Кронштадту защищен лишь двумя, поставленными еще осенью 1918 г., линиями заграждений, которые, по своему неудачному расположению, позволяют вести огонь 10-дм батареями Красной горки лишь с юга, все остальное протяжение их возможно обстреливать огнем 12-дм батарей, «причем нордовые концы линий расположены почти на пределе обстрела и этих орудий». Новое заграждение наморси предлагал поставить восточнее, чтобы можно было включить «в сферу огня 10-дм батареи Красной Горки» и «120-мм и 6-дм батареи Серой Лошади». Спроектированное им минное заграждение включало в себя «три группы: I — угол у нордового берега, II — главное заграждение поперек залива и III — две прибрежные линии в районе Батарейной бухты». В тексте подробно прописывались назначение каждой группы заграждений, необходимые работы по подготовке района позиции перед их установкой, указывались все нюансы выполнения самой операции по каждой группе: какие суда привлекать к работе, как устанавливаются линии, в какую погоду, количество требуемых мин. Кроме того, А. П. Зеленой прописал как можно использовать старое заграждение, чтобы оно усиливало «создаваемую вновь позицию» [1, с. 60–62].

В начале мая при поддержке англо-американских десантных групп, финские белогвардейцы спровоцировали пограничный инцидент на западном берегу Ладожского озера. В связи с возникшей угрозой подхода неприятеля, Е. А. Беренс и А. П. Зеленой обсуждали вопросы организации обороны Петрограда, Кронштадта и приведение всех судов и фортов в боевую готовность [1, с. 63–64]. 10 мая в сообщении командующему 7-й армией А. К. Ремезову Александр Павлович отмечал, что «разбирая возможные объекты действий противника в отношении западного и южного побережья [Ладожского] озера, следует признать наиболее вероятной высадку небольших отрядов для производства шумихи, порчи дорог, каналов ... но возможно и нападение на Шлиссельбург с целью проникнуть к сторожевым судам, заградить выходной фарватер, пустить плавающие мины по течению в р. Неву». Далее он указывал, что большого вреда налеты на южный и западный берег озера не причинят и большая опасность видится в возможном нападении крупных сил на Шлиссельбургскую базу. Ввиду этого Александр Павлович распорядился выставить наблюдательные посты на маяке Осиновецком и на водокачке Шлиссельбургской крепости, а также установить «дежурство сторожевого судна на входном фарватере в Неву, выше крепости, с целью препятствовать прорыву противника артиллерийским огнем». Так как эти меры наморси считал недостаточными, он указал на необходимость установления взвода 42-лин. орудий у мыса Кош-

кина, а для усиления обороны подходов к Шлиссельбургу с озера — два 10-мм орудия в самой крепости, снятых с кораблей Балтийского флота. Для их установки Александр Павлович просил А. К. Ремезова дать соответствующие распоряжения начальнику инженеров армии для сооружения деревянных платформ. Также указывал на необходимость произведения периодической воздушной разведки до залива Сортанлак силами воздушной обороны Петроградского района с целью выяснения неприятельского флота на Ладожском озере [1, с. 70–71].

Ввиду сложившегося осадного положения в районе Петрограда и побережья Финского залива, оперативное подчинение крепости Кронштадт с фортами, «со всем пехотным гарнизоном, артиллерией и специальными техническими войсковыми частями» передавалось А. П. Зеленому [1, с. 72]. Под его началом была проведена операция в Копорской и Лужской губах [1, с. 74–75]. Для укрепления района Красной горки ввиду недостаточности гарнизона крепости, Александр Павлович направил из Петрограда отряд моряков в 300 человек, из Кронштадта 1200 человек из состава морских команд и школ [1, с. 78]. 19 мая была восстановлена и закреплена линия Керново-Копорье. В конце мая основными задачами Балтийского флота в целях внутренней обороны был обстрел подступов Петрограда артиллерией кораблей, стоящих на Неве, охрана р. Невы, а также содействие по прикрытию и перевозке войск в случае отхода с финляндской границы [1, с. 103–104].

В июне в связи с полученными агентурными сведениями об усилении морских сил противника в Финском заливе под руководством А. П. Зеленого по линии Стирсудден — Пумала — Красная горка — Шепелев для обороны подступов к Кронштадту со стороны моря была произведена постановка минных заграждений [1, с. 112, 114]. Участие в активных боевых действиях продолжалось до конца ноября — начала декабря 1919 г., вплоть до момента окончательного поражения Северо-Западной белогвардейской армии. Иностранцы морские силы покинули Финский залив в декабре [1, с. 13].

После успешной обороны Петроградского участка фронта с моря, внимание А. П. Зеленого было переключено на решение текущих вопросов, касающихся улучшения положения личного состава флотских подразделений и качества его обучения. В декабре нескольким командирам кронштадтских фортов разрешалось поступить в Соединенные классы в качестве слушателей для прохождения курса обучения по Артиллерийскому классу [10, л. 11]. Также от лица наморси Балтийского флота и члена Реввоенсовета В. И. Зофа в штаб Волжской флотилии была отправлена юзограмма с просьбой приехать в Петроград профессора Рейснера «для прочтения лекций на курсах командного состава флота, в Морской Академии, курсах комиссаров и публичных лекций среди моряков Балтфлота» [10, л. 12].

А. П. Зеленой активно выступал против развернувшихся в Петрограде поисков белогвардейских шпионов следователями Петроградской губернской ЧК и проводимой ими борьбой с контрреволюционными элементами в среде Балтийского флота. В юзограмме Л. Д. Троцкому от 10 декабря содержались следующие сведения: «Петрогубчека ... производит аресты и проводит репрессии по отношению личного состава по своему усмотрению без ведома и согласия ... Сплошь и рядом производя неосновательные аресты, чем подрывается работа флота в целом ... За последнее время ничем не оправдываемый террор Петрогубчека достиг своего апогея: Не имея возможности повлиять на Петрогубчека Реввоенсовет Балтфлота настоятельно просит указать Петрогубчека на недопустимость неосновательных и опрометчивых действий и все дела по борьбе с контрреволюцией в дальнейшем сосредоточить исключительно в Особом Отделе Реввоенсоветбалте» [10, л. 16].

Озабоченность Александра Павловича вызывала и неудовлетворительная врачебная и санитарная работа во флоте и госпиталях. В обращении от 19 декабря наркомздраву Н. А. Семашко он отмечал, что ввиду усиления роста эпидемических заболеваний «при подобной постановке дела в дальнейшем есть опасность выбывания из строя значительной части личного состава, которые как моряки-специалисты незаменимы, и таким образом неизбежно падение боеспособности

Балтфлота и Кронкрепости» [10, л. 33]. Он предлагал прислать в Петроград инспекцию для обследования состояния Санитарной и врачебной части, произвести реорганизацию ее управления и заменить всех прежних комиссаров. Комиссия по решению этого вопроса начала свою работу в январе 1920 г., следствием чего явилась разработка нового «Положения о Санитарной части Балтийского флота», а права и обязанности по наблюдению за портами и госпиталями были переданы от Санитафлота в ведение Санитабалта [10, л. 91].

Краткий обзор архивных документов, содержащих сведения о деятельности А. П. Зеленого в 1919 г., показывает, что к несомненным заслугам начальника Морских сил относится подготовка Балтийского флота к весенне-летней кампании, его комплектование и приведение в боевую готовность, обучение личного состава, непосредственное участие в разработках планов обороны Петрограда и их реализация, установление новых линий минных заграждений на стратегически важных участках Финского залива. Большую часть жизни Александр Павлович отдал службе «родному Балтийскому флоту». Его заслуги высоко ценились современниками, а значимость их сознается и по сей день.

Список литературы

1. Балтийские моряки в борьбе за власть Советов в 1919 г. — Л.: Издательство «Наука», 1974. — 389 с.
2. Директивы Главного командования Красной Армии (1917–1920). — М.: Воениздат, 1969. — 883 с.
3. Материалы седьмой научно-практической конференции «РККФ в отражении иностранной военной интервенции. 1918–1920. К 100-летию Гражданской войны в России». — СПб.: ЦВММ, 2020. — 330 с.
4. Морской сборник. — Т. 407. — № 1 // Петроград, 1919. — 222 с.
5. Назаренко К. Б. Ледовый поход Балтийского флота. Кораблекрушение в море революции. — СПб.: Питер, 2020. — 464 с.
6. Полномочия командования Балтийским флотом на имя начальника Минной обороны А. П. Зеленого, назначенного приказом по флоту Балтийского моря от 8-го апреля 1918 г. за № 236 Старшим Морским Начальником в водах Финляндии // РГАВМФ. Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 1.
7. Положение об управлении морскими силами Республики, материалы о реорганизации управления Балтийским флотом, Кронштадтской и Шлиссельбургской крепостями (проекты приказов, сообщения, указания, рапорты) // РГАВМФ. Ф. Р-1. Оп. 3–1. Д. 59.
8. Приказы Реввоенсовета Республики по флоту и морскому ведомству // РГАВМФ. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 325.
9. Рапорт старшего морского начальника русских морских сил в водах Финляндии А. П. Зеленого наморси Балтийского моря о положении в Гельсингфорсе после ухода основных сил Балтийского флота // РГАВМФ. Ф. Р-342. Оп. 1. Д. 142.
10. Рупасов А. И., Чистиков А. Н. Советско-финляндская граница. 1918–1938 гг. Очерки истории. — СПб.: Издательство «Аврора», 2016. — 240 с.
11. Сообщение старшего морского начальника в водах Финляндии А. П. Зеленого начальнику Морских сил Балтийского моря А. М. Щастному о согласии немецкого командования на вывод из Гельсингфорса в Кронштадт кораблей флота. 21 апреля 1918 г. // РГАВМФ. Ф. Р-92. Оп. 1. Д. 132. Л. 155–156.
12. Старший морской начальник русских Морских сил в водах Финляндии. г. Гельсингфорс (1918) // РГАВМФ. Ф. Р-42. Оп. 1. Дд. 2–20.
13. Телеграмма Штаба Командования флотом Балтийского моря // ЦВММ. Инв. № 35291. КП-3608.
14. Телеграммы и телефонограммы о различных распоряжениях Реввоенсовета и о назначении на должность комиссаров. // РГАВМФ. Ф. Р-307. Оп. 1. Д. 45.

Abstract

The article is devoted to the main stages of the activities of Rear Admiral Alexander Pavlovich Zeleny as commander of the Baltic Fleet in 1919, a turning point for the course of the Civil War. On the basis of the archival materials studied, its role in the process of organizing the defense of Petrograd and increasing the combat capability of the Baltic Fleet is revealed. It also presents previously uncovered information about his contribution to improving the quality of education and medical care for military sailors.

Key words: *A. P. Zelenoy, Civil War, Head of the Naval Forces of the Baltic Fleet (Namorsi), defense of Petrograd, intervention*

Информация об авторе: Щербакова Марина Сергеевна, Государственный музей-заповедник «Петергоф», ведущий архивист, хранитель музейных предметов фонда «Архив», Санкт-Петербург, shcherbakova_ms.peterhof@mail.ru

ТЕХНИТ ДИОНИСА АСКЛЕПИАД И ЕГО РОЛЬ В ИСТОРИИ АФИН II В. ДО Н. Э.

Булычева Елена Владимировна

Российский государственный гуманитарный университет, Москва

Аннотация

В статье предпринята попытка рассмотреть роль личности трагического поэта Асклепиада в истории Афин II в. до н. э. Весьма интересно, что об этомафинском гражданине сохранились сведения эпиграфического материала, на основании которых можно составить представление о его роли в истории. Автор статьи обращает внимание на то, какое значение имела общественная деятельность Асклепиада, входящего в сообщество технитов Диониса.

Ключевые слова: *Афины, гражданин, эпиграфика, сообщество, деятельность.*

Вопрос о роли личности в истории является одним из наиболее дискуссионных в историографии. Спор среди историков, а также специалистов других областей гуманитарного знания связан с различием в понимании того, как люди способны влиять на ход исторического процесса. В отличие от древнейших времен современная историческая наука отвергает мысль о том, что исторические события зачастую бывают следствием какого-то предопределения свыше. В связи с этим в научной литературе XX — начала XXI в. утвердилась точка зрения о том, что будущее любого народа в разные исторические эпохи способно развиваться альтернативно, что во многом зависит от деятельности конкретной личности [1, с. 77]. При этом сам человек не может предвидеть последствия своего влияния на ход истории [2, с. 36]. Следует также обратить внимание на то, что характер и значение этого воздействия проявляется через определенное время [2, с. 17]. При этом большинство современных авторов едины во мнении, что многие личности, оказавшие весьма важное влияние на исторические события, к сожалению, остаются малоизвестными или даже неизвестными [3, с. 99]. Таким образом, исследователю весьма важно обращать внимание на изучение роли отдельных личностей, которые могут быть плохо знакомы широкой аудитории, но их вклад в развитие исторического процесса не менее важен, чем тех, о ком знают многие. В связи с этим цель настоящей статьи заключается в том, чтобы

рассмотреть значение деятельности трагического поэта Асклепиада для истории Афин II в. до н. э. Об этом афинском гражданине в научной литературе нет ни одной подробной статьи и упоминания о нем встречаются крайне редко [4, с. 251]. По-видимому, это во многом связано с тем, что основная информация об Асклепиаде содержится в эпиграфическом материале, относящемся к середине II в. до н. э., изучение которого создает для исследователей определенные трудности. При этом эпиграфика является весьма интересным и объективным источником, на основании которого можно составить представление о личности гражданина и его влиянии на развитие современного ему общества. Упоминание о деятельности Асклепиада содержится в ряде надписей, содержащихся в сборниках эпиграфических текстов, изданных под редакцией Ч. Мичела, Дж. Кирхнера и В. Диттенбергера.

К сожалению, в нашем распоряжении нет информации о том, когда родился Асклепиад, но, благодаря содержанию надписи под номером 704 из сборника В. Диттенбергера, мы знаем, что его отцом был некий Гекесий, который являлся трагическим поэтом, но, судя по всему, не добился громкой славы и популярности [5]. Возможно, именно поэтому отец принял решение назвать сына именем далеким от занятия творческой профессией, желая, чтобы он в будущем занимался медициной и делами, связанными с этой областью деятельности, поскольку имя Асклепиад образовано от наименования бога Асклепия, покровителя врачевания [6, р. 199]. Как показывает изучение просопографии древнегреческих имен, многие граждане Афин стремились при рождении выбирать своему ребенку имя, которое в будущем, по их мнению, могло оказать магическое влияние на их профессию [6, р. 200]. Однако, по-видимому, когда Асклепиад вырос, он выбрал занятие творчеством и предпочел стать трагическим поэтом. Судя по сведениям эпиграфики и сообщениям античных авторов, во II в. до н. э. занятие поэзией на территории Афин было весьма престижно, поэты принимали участие в различных видах мусических агонов, а также обучали подрастающее поколение и часто готовили специальные хоры для выступлений в театре во время праздничных церемоний и торжеств [7, с. 246–251]. При этом, конечно, далеко не все поэты были удостоены высоких наград и получили признание своего таланта [7, с. 361]. По-видимому, Асклепиаду, сыну Гекесия удалось добиться определенного признания своего искусства. В надписи под номером 899, помещенной в эпиграфический сборник Ч. Мичела, сказано о том, что «трагический поэт Асклепиад, сын Гекесия из Афин с большим успехом выступал на празднике в Танагре» [8]. Согласно сообщениям древних авторов, сведениям эпиграфики и данным археологии, в Танагре, на территории Беотии в эллинистический период, начиная с IV в. до н. э., проводилось масштабное празднество, посвященное греко-египетскому божеству Серапису [4, с. 256]. Как правило, на него собирались представители с разных греческих областей. Этот праздник сопровождался мусическими агонами, на которых выступали со своими сочинениями поэты и драматурги со всей Греции [9, с. 17]. Это было весьма почитаемое мероприятие, на которое собирались известные политики и знаменитые полководцы, начиная со времени правления основателя династии Птолемея [9, с. 18]. В связи с этим выступать на этом мероприятии с большим успехом, по-видимому, могли только весьма талантливые поэты, каким, скорее всего, был Асклепиад. О том, что он был, действительно, талантлив и уважаем, возможно, свидетельствует также то, что в надписи 2336 из сборника Дж. Кирхнера он указан, как гражданин Фив [10]. Как известно, в Древней Греции гражданство других полисов можно было получить только за какие-то особые заслуги. В частности, такой почести удостоивались люди искусства, получившие признание своего таланта за пределами родного полиса [4, с. 261]. Скорее всего, Асклепиад выступал на территории Фив со своими произведениями и ему были дарованы права местного гражданства. В той же надписи также говорится о том, что Асклепиад, сын Гекесия неоднократно с успехом выступал со своими произведениями на территории Делоса. Скорее всего, речь идет о каких-то мусических агонах, которые проводились на этой земле, где собирались знаменитые поэты, музыканты и актеры из разных уголков Греции. Успешное выступление на таких мероприятиях означало для поэта высочайшее признание его таланта [7, с. 323].

Период III–II вв. до н. э. — непростое время для истории Греции. После завершения завоеваний Александра Македонского и войн диадохов коренным образом изменилось социально-политическое развитие греческих полисов. Афины вступили в период эллинизма, характеризующийся сочетанием полисных и восточных традиций, когда прежние демократические ценности начали тесно переплетаться с устоями восточных монархий [11, с. 145]. В этих условиях люди искусства по-новому стали реагировать на происходящие изменения. Важно было не только проявлять свои творческие способности, но также активно участвовать в общественной жизни своего государства. Именно в это время на разных территориях Греции стали появляться особые сообщества технитов Диониса, которые представляли собой своеобразный союз деятелей искусств, деятельность которых в ряде случаев имела общественно-политический характер [4, с. 219]. Техниты Диониса в Афинах занимались организацией праздничных церемоний в полисе, участвовали в воспитании подрастающего поколения, финансировали масштабные мероприятия, а также активно являлись дипломатами, выступая в качестве афинских послов в переговорах с другими греческими полисами и чужеземными государствами [12, с. 59–60]. Судя по содержанию эпитафического материала, трагический поэт Асклепиад активно участвовал в деятельности технитов Диониса, оказывая большое влияние на общественно-политическую жизнь Афин середины II в. до н. э. В надписи 1011 из сборника Ч. Мичела Асклепиад указан в качестве эпимелета технитов Диониса в Афинах. По-видимому, это было высшее должностное лицо технитов Диониса, руководитель союза, который избирался на их общем собрании [4, с. 219]. Сам факт избрания большинством голосов участников сообщества, скорее всего, свидетельствует о том, что этот человек заслужил особое признание со стороны технитов. Как показывает содержание эпитафического материала, функции этого должностного лица были весьма расширены. Само слово эпимелет часто употребляется в значении попечитель [4, с. 217]. Гражданину, занимающему эту должность, следовало заботиться о финансировании различных мероприятий, которые проводило его сообщество. В надписи 1011 из сборника Ч. Мичела говорится о том, что эпимелет, возглавляющий союз технитов Диониса, должен следить за тем, чтобы выделять необходимое количество средств на проведение жертвоприношений, в которых участвуют представители его сообщества. В некоторых случаях, судя по сведениям эпитафики, в функции этого должностного лица входил контроль за выполнением сельскохозяйственных работ на территории священного участка (теменоса), находящегося в распоряжении технитов [13, с. 56]. Об этом прежде всего свидетельствует текст надписи 1010, указанной в сборнике Ч. Мичела. В то время выполнять обязанности, связанные с финансированием каких-либо мероприятий и уходом за священными землями, было весьма непросто в связи с рядом экономических проблем, существующих в Афинах [13, с. 8–9]. В связи с этим можно предположить, что подобные поручения участники сообщества технитов Диониса могли доверить только самому ответственному и осведомленному в экономических делах человеку. Таковым, по-видимому, являлся Асклепиад, сын Гекесия.

Асклепиад от имени союза также выполнял весьма важную дипломатическую миссию. В тексте надписи № 704, содержащейся в сборнике эпитафических материалов, изданном под редакцией В. Диттенбергера, говорится, что трагический поэт Асклепиад, сын Гекесия в начале II в. до н. э. являлся официальным представителем Афин в совете Дельфийской амфикинии. Судя по сведениям античных авторов и данным эпитафики, амфикиния в Дельфах представляла собой весьма важную международную организацию, которая рассматривала важнейшие вопросы, связанные с общественно-политической жизнью территорий Древней Греции, участвовала в регулировании различных межполисных конфликтов [14, с. 112]. Право представлять свой полис в Дельфах и участвовать в переговорах с представителями амфикинии получали только наиболее известные и достойные граждане Афин [15, с. 295]. Именно таким достойным гражданином, по мнению афинских технитов Диониса, оказался в начале II в. до н. э. Асклепиад, сын Гекесия. Согласно тексту 704 надписи из сборника, изданного под редакцией В. Диттенбергера, Асклепиад являлся представителем Афин в совете Дельфийской амфикинии. Судя по содержа-

нию этой надписи, он снискал особый почет и уважение, получив право «разделить прекрасные и славные почести с Дельфами». В нашем распоряжении, к сожалению, нет полной информации о том, как ему удалось этого добиться, но, можно предположить, что речь идет о том, что Асклепиад принимал участие в торжественных религиозных мероприятиях, которые устраивались на территории Дельф, возможно, выступал со своими произведениями, а также участвовал в организации торжественных процессий и жертвоприношений [7, с. 41], Особенно важно то, что, согласно содержанию этой надписи, Асклепиаду удалось получить привилегии для афинских технитов на территории Дельф. Судя по содержанию эпитафического материала, такие привилегии заключались в возможности для технитов Диониса выступать в празднествах, проводимых на территории Дельф, возглавлять торжественную процессию, а также иметь свое представительство [4, с. 276–277]. Асклепиад также был удостоен особой почести, поскольку, согласно тексту надписи № 704 из сборника В. Диттенбергера, он «вместе с представителями технитов Диониса из других областей Греции получал право носить пурпурную мантию и венец». Можно предположить, что такой почет получали тот, кто проявлял особую заботу и попечение в отношении Дельфийских праздников и церемоний и хорошо зарекомендовал себя перед властями амфикионии. Важно также то, что своими деяниями поэт Асклепиад прославлял не только себя, но все сообщество технитов Диониса и, конечно, Афины. В той же надписи из сборника В. Диттенбергера сказано, что своими деяниями Асклепиад, сын Гекесия прославлял перед Дельфами весь афинский народ. Для того периода времени это было важно, поскольку Дельфийская амфикиония пользовалась огромным авторитетом на территории Эллады и признание с ее стороны весьма повышало авторитет греческих полисов [15, с. 294]

Таким образом, на основании всего вышесказанного можно сделать некоторые выводы. Трагический поэт Асклепиад, сын Гекесия прославился не только своей творческой деятельностью, но также стал весьма активным участником технитов Диониса в Афинах. Судя по сведениям эпитафического материала, он являлся руководителем этого сообщества, достойно представляя свой полис на различных празднествах и церемониях, а также в Дельфийской амфикионии, которая в то время была весьма важной международной организацией. По-видимому, вклад Асклепиада в историю Афин II в. до н. э. был весьма заметным, поскольку, благодаря ему, афиняне получали право участвовать в жертвоприношениях и церемониях в крупнейших религиозных центрах того времени и добиться международного признания.

Список литературы

1. Басовская Н. И. Диалог короля и сословий на закате Средневековья: Карл V Мудрый // Вестник РГГУ. Серия «Исторический науки. Всеобщая история». — 2010. — № 18 (61) / 10. — С. 76–84.
2. Гринин Л. Е. Личность в истории: современные подходы // История и современность. — 2011. 1. — № 1. — С. 3–40.
3. Grinin L. E. The role of individual in history of Reconsideration // Social Evolution and History. — 9 (2). — P/ 95–136.
4. Фролов Э. Д., Никитюк Е. В., Петров А. В., Шарнина А. Б. Альтернативные социальные сообщества в античном мире. — СПб.: Издательство СПбГУ, — 2002.
5. Sylloge inscriptionum graecarum. Ed. W. Dittenberger // Leipzig, 1883–1947.
6. Kirchner J. Prosopographia Attica. Bd. I–II. // Berlin, 1901–1903.
7. Скржинская М. В. Древнегреческие праздники в Элладе и Северном Причерноморье. — СПб.: АЛЕТЕЙЯ, 2010.
8. Recueil d inscriptions Grecques par Charles Michel. Fasc. 1–4. // Bruxelles, 1897–1900.
9. Шенцов М. Е., Пенской В. В., Кошарная С. А. Несколько замечаний о параллелях в культах Митры и Сераписа // Научные ведомости. Серия «История. Политология. Экономика. Информатика». — 2011. — № 19 (114). Вып. 20. — С. 15–20.
10. Inscriptiones Graecae II et III: Inscriptiones Atticae Euclidis anno posteriores. 2nd ed. Parts I–III / Ed. J. Kirchner // Berlin: De Gruyter, 1913–1940.

11. Кошеленко Г.А. Греция в эллинистическую эпоху // Эллинизм: экономика, политика, культура. — М.: Наука, 1990. — С. 141–186.
12. Булычева Е.В. Дипломатическая деятельность технитов Диониса в Афинах (II–I вв. до н. э.) // Метаморфозы истории. — 2018. — Вып. 11. — С. 55–64.
13. Булычева Е.В. Древняя Аттика в конце V–IV вв. до н. э. Распоряжение общественной землей в полисе. — М.: РГГУ, 2018.
14. Кулишова О.В. Пилейско-дельфийская амфиктиония в «Истории» Геродота // Мнемон. Исследования по истории античного мира. Под. Ред. Э. Д. Фролова. — СПб, 2005. — Вып. 4. — С. 105–114.
15. Латышев В.В. Очерк греческих древностей. Ч. 2. Богослужбные и сценические древности. — СПб.: АЛЕТЕЙЯ, 1997.

Abstract

The article attempts to consider the role of the personality of the tragic poet Asclepiades in the history of Athens of the II century B. C. It is very interesting that epigraphic material has been preserved about this Athenian citizen, on the basis of which it is possible to form an idea of his role in history. The author of the article draws attention to the importance of the social activity of Asclepiades, who is a member of the community of technites of Dionysus.

Key words: Athens, citizen, epigraphy, community, activity.

Информация об авторе: Булычева Елена Владимировна, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, bulychevalena@yandex.ru

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ КАРЛА I СТЮАРТА И УГЛУБЛЕНИЕ ЕГО КОНФЛИКТА С ПАРЛАМЕНТОМ

Власов Вадим Алексеевич

Вологодский государственный университет, Вологда

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению биографии Карла I Стюарта, основной задачей является формирование политического портрета короля. Также в данной статье рассматривается проблема взаимодействия короля и парламента, главным образом противоречий между институтом королевской власти и парламентом, которые привели к гражданской войне в Англии. Ставится вопрос о сущности власти короля.

Ключевые слова: Карл I Стюарт, Парламент, Политический портрет, монархия, английская революция.

Характеризуя политический портрет Карла I, важно вместе с этим отразить события и явления, протекавшие в период правления Карла I Стюарта, главным образом выделить усугубление конфликта с парламентом.

Отметим главное, что в большей мере, в дальнейшем, способствует воссозданию политического портрета Карла I Стюарта. Кареев отмечает, что Карл I был «...наследником династических традиций Стюартов...» [1, с 446] и во многом разделял взгляды своего отца Якова I, что весьма

многое предопределяет в последующих действиях и событиях. Людмила Ивонина также отмечает, что Карл «...перекликается с отцом...» [2, с. 16]. Главным же недостатком, который оставляет ярчайший след на политическом портрете Карла I, является его политическое вероломство. Политическое вероломство Карла I Стюарта Кареев характеризовал как неспособность Карла сдерживать данные обещания. Карл же, основываясь при этом на том, что между ним и народом нет договора, а также, что «...королевское слово, данное по нужде, не может связывать на вечные времена, раз благо государства не требует исполнения обещаний» [1, с. 446]. Уже исходя из этого, становится понятно, что возможность и вероятность усиления, углубления противоречий между королем и парламентом крайне велика и история подтверждает это.

Так, в 1625 году король, открывая сессию первого в период своего правления парламента, как отмечает Кареев, говорил о «...защите протестантизма на материке...» [1, с. 446], но стоит задать вопрос: «Собирался ли Карл I и хотел ли защищать протестантизм, стал бы он бороться с католическим влиянием?»

Ответ на этот вопрос мы найдем в документе «Частное обязательство принца Карла в связи с женитьбой на сестре французского короля, 12 декабря 1624 года». Исходя из анализа данного документа, можно сказать, что Карл не являлся защитником протестантизма. То, что было произнесено в тронной речи короля, совсем соответствовало правде, что дает нам возможность сказать и характеризовать отрицательные стороны политического портрета Карла I. Так, принц Карл, будущий король обязуется: «...честью и словом принца как на настоящее, так и на будущее время..., я предоставляю всем католическим подданным английской короны вольности и привилегии во всем, касающемся их религии в той же мере, ... не допуская, чтобы названные католические подданные подвергались каким-либо личным или имущественным притеснениям за исповедование своей религии или за жизнь по правилам католической церкви...» [3, с. 105]. Мы видим противоречия, разногласия пока не между парламентом, а между словами и действиями Карла I Стюарта, что позволяет подтвердить мысль и суждения Кареева о политической вероломстве короля как неспособности и нежелании сдерживать свои обещания.

Возвращаясь к парламенту, отметим лишь главное, что, несмотря на речь Карла I, которая удовлетворяла некоторые запросы и желания парламента, парламент не был доволен действиями его приближенных, советниками короля, главным образом тем, что те злоупотребляли своей властью. Тем не менее несмотря на всю кажущуюся безобидность и умеренность требований, парламент был распущен уже в августе 1625 года. История, некогда повторившаяся при Якове I, вновь повторилось и при Карле I.

Но вот еще одно повторение, сплетение истории. Неудачи во внешней политике, которые были у Якова I, настигли и его сына Карла, и опять уже нынешний король был вынужден созвать парламент в 1626 году. Но противоречия между королем и парламентом еще более усилились. Парламент, лидером которого был Джон Элиот, потребовал расследования причин неудачи морской экспедиции к берегам Испании, а также вынесения обвинения всем, кто ответственен за данную неудачу. Однако король не собирався поддерживать парламент и снова в этом же году распускает парламент. Это еще более углубляло противоречия между королем и парламентом, обрывая связи, разрубая мосты мирного решения проблем.

По схожим причинам, в частности неудачи во внешней политике, долги и общественное недовольство, привели к тому, что Карл I решает созвать парламент в третий раз. В этот период парламент отстаивал и боролся за свои интересы, права мирным путем. Так, в период 1628–1629 гг. королю была направлена «Петиция о праве» от 7 июня 1628 года. Выделим лишь несколько целей, которые преследовала парламентская оппозиция.

1. Никто из свободных людей не обязан, имеет права на то, чтобы не предоставлять какие-либо «...повинности, налоги...или подобные им сборы» [3, с. 108]. Целью оппозиции можно обозначить намерение парламента, доказать, что осуществлять какие-либо сборы или введение налогов, можно лишь только с согласия парламента.

2. Парламентская оппозиция ставит своей целью и защиту ряда имущественных и личных неимущественных прав «...ни один человек, какого бы звания и состояния он ни был, не может быть лишен земли, принадлежащей ему на правах собственности или пользования, заключен в тюрьму..., лишен наследства, или предан смерти...» [3, с. 107].

Но что теперь? Как ведет себя король в этот раз? Поведение и действия Карла I были неизменны. В 1628 году в конце сессии парламента Карл отрицательно высказался о всех действиях парламента, так или иначе являющихся для него оскорбительными. Ремонстрация, которая была передана палатой общин для Карла, не считается приемлемой, он заявляет, что «...ни один разумный человек не может ее оправдать» [3, с. 111]. В целом, исходя из документа, можно установить, что Карл I признает некоторые злоупотребления и дает королевское слово парламенту, «что вы не будете в дальнейшем иметь оснований для такого рода жалоб» [3, с. 111].

Так ли много значат слова Карла I? Была ли это попытка отделаться от парламента, пустить пыль в глаза, или король в действительности согласен с требованиями парламента? Как показывает история, Карл I не стал исполнять просьбы парламента. Что качается потонного и пофунтового сбора, запретить которые парламента пытался давно, то Карл I отвечал так: «...я не могу без него обойтись, вы никогда не намеревались о том просить и я никогда не давал основания думать, что я на это соглашусь» [3, с. 112].

В дальнейшем углублялись не только политические и экономические, но и религиозные проблемы в государстве. В 1628 году парламента в своей «Резолюции относительно религии, выработанные подкомиссией палаты общин» 24 февраля 1628 года высказал опасения по поводу усиления влияния католичества. Парламент отмечал, что не только в Ирландии и Шотландии, но уже в Англии «...чрезвычайный рост папизма, такой, что в некоторых графствах, в которых при королеве Елизавете не было совсем или было немного известных папистских диссентеров..., и все остальные вообще готовы к бунту. Открыто и смело они проповедают свою религию, часто и публично общаются с массами, к великому стыду правительства его величества...» [3, с. 114].

Что на основании этого мы можем сказать о политическом портрете Карла I Стюарта? В принципе уже достаточно того, что мы знаем, чтобы сказать, что это был если не хитрый и не лживый человек, хотя это мы и наблюдаем, но точно человек, преследующий свои интересы. Карл I считался только с тем, что способствовало усилению власти короля. Он был уверен, что парламента должен поддерживать короля, и именно в этом он ошибся, когда отказался, а вернее просто не сдержал свои обещания перед парламентам. Возможно, что Карл, будучи еще принцем, когда он дал свое обещание «...честью и словом...», предоставить всем католическим подданным английской короны вольности и привилегии во всем, касающемся их религии, дал одно из обещаний, которые он хотел и был обязан сдерживать. Возможно, что только это обещание отражает направленность всех последующих действий короля, оно же одно из тех, которое король сдерживал, в отличие от того, которое было высказано им 1625 году во время сессии первого в период своего правления парламента о «...защите протестантизма на материке...» [1, с. 446]. Исходя из этого можно сказать, что политический портрет Карла I дополняет еще одна черта — двуличие, однако возможно, что все это время он вел двойную игру. Интересно и важно заметить, что А. Н. Савин также отмечал, что Карл ведет двойную игру. Например, в 1634 году «...напоказ народу и совету он выставляет себя борцом за европейский протестантизм и в тоже время тайком от народа и от совета ведет с главой католической державы, Испанией, переговоры о тесном наступательном союзе против главного протестантского государства, Нидерландов» [4, с. 145].

Противоречия между королем и парламентам становились все сильнее, и уже в 1629 году Карл I вновь распускает парламента, как непослушный и нелепый для него орган, непокорных и вредных слуг. Каковы причины того, что Карл вновь вознамерился так поступить? Обратимся к документу, в котором Карл говорит о причинах роспуска парламента. Данный документ имеет название «Декларация короля с объяснением причин недавнего роспуска парламента» от 10 марта 1629 г. Одной из причин очередного роспуска парламента является следующие:

Парламент путем множества вопросов и дебатов задерживает принятие важнейших государственных решений, некоторые из его членов интригами и клеветой вводят в заблуждение народ. Так благодаря этой задержке «...дела наши пришли в значительно худшее состояние, чем они были вначале, и те мероприятия, которые мы в это время вели за границей, вследствие несвоевременной помощи окончились для нас позором и разгромом...» [3, с. 118].

В данном документе можно также отметить одну из важнейших проблем между королем и парламентом, одну из важнейших основ конфликта, по крайней мере для короля, а именно — уверенность в том, что власть короля не может быть ограничена ничем и никем. Рассмотрим один из отрывков речи Карла I, который подтверждает данный тезис. Король заявляет, что парламент пытался присвоить себе «...всестороннюю и доминирующую власть, которая принадлежит только нам, а не им» [3, с. 119]. Данное суждение объясняет как нежелание короля считаться с парламентом или выполнить его пожелания, так и действия короля. Карл I считал, что его власть ничем не ограничена, только Богом, но не парламентом, который боролся за свои традиционные права. Можно ли назвать Карла I властным, эгоистичным и не способным идти на компромисс или уступки? Думаю, что его следует назвать королем, который уверен, что его власть дана Богом. Именно из этого исходит абсолютистский характер власти, выраженный в уверенности безграничности своей власти в государстве. Это также является важной чертой политического портрета Карла I Стюарта.

В дальнейшем, после роспуска парламента, начинается одиннадцатый период так называемого «беспарламентного правления», который также важен для воссоздания политического портрета Карла I Стюарта.

Однако в силу направленности исследования перенесемся к тем событиям, когда война с Шотландией вынудила Карла I вновь пойти на созыв парламента, получившего название Долгого (1640–1653 гг.). В данный период Карл I вынужден был пойти на уступки парламента, принять важнейшие акты с его стороны, которые в свою очередь уничтожили «...орудия королевской прерогативы, что сделало невозможным в дальнейшем беспарламентное правление короля...» [3, с. 121]. В дальнейшем конфронтация отношений между королем и парламентом возросла до крайней точки.

Карл I понимал, что принятие «Великой реконстрации» означало отказ от очень многих прав и привилегий, и этого он допустить никак не желал. После неудачной попытки разгона парламента, осознав, что устранение оппозиции провалилось, Карл I не принимает требования парламента. Именно после того, как Карл фактически разрывает отношения с парламентом и начинает готовиться к войне, начинается новый этап, когда мирный способ решения проблем и вопросов остался позади. На этом этапе работы обратимся к источникам, которые окончательно позволят представить важнейшую часть политического портрета Карла I Стюарта, а именно воззрение и понимание верховенства власти короля. Также обратимся к научной литературе и оценкам ученых и исследователей.

Период гражданских войн, а именно вторая гражданская война, как подчеркивает Дж. Эйлер, оказалась роковой для Карла I Стюарта. «Армия возложила ответственность за... кровопролитие лично на него» [5, с. 94]. В данный период, несмотря на то, что Индепенденты держали в руках всю власть, демократические силы, в лице объединения левеллеров, боролись за углубление революции. Демократические идеалы, за которые боролись левеллеры, эти демократические силы, стали главным инициатором решения приказать Карла I суду. Обвинения против короля были вынесены 20 января 1669 года. Карл объявлен виновным, как автор и вдохновитель «...противоестественных, жестоких и кровавых войн; и потому он является виновным во всех изменах, убийствах, бедствиях нашего народа...» [3, с. 230].

Карл I не оставил обвинение без ответа. Осужденный король выступил 21 января 1649 года с основаниями, по которым он считает решение верховного суда незаконным. Здесь стоит поставить ряд важных, заключительных вопросов. Что изменилось во взглядах Карла I, главным обра-

зом в отношении своей власти как короля? Признает ли он свою вину? Исходя из источника, мы видим, что Карл не признает свою вину. Для Карла это обвинение не только незаконно, но и самое главное — он считает, что «...никакая земная власть не может по справедливости привлекать меня, своего короля, к ответственности, как преступника» [3, с. 230]. Король, как и 20 лет назад, уверен в том, что он как монарх должен отчитываться только перед Богом. Возможно, что Карл с самого начала своего правления и даже ранее верил в божественный характер своей власти, как и его отец. По убеждению Карла I, «...короли не обязаны ни перед кем давать отчета в своих действиях, кроме одного бога...» [3, с. 117].

Что же касается законов государства, законов регулирующих общественную жизнь, то здесь Карл «...уверен, что ни один ученый юрист не будет утверждать, что может быть предъявлено обвинение королю, ибо все такие обвинения идут от его имени; и один из принципов права говорит, что король не может быть неправ» [3, с. 231].

Людмила Ивонина описывает последний день короля 30 января 1649 года. Перед казнью Карл I обратился к народу, как отмечает Ивонина, он не раскаивался, не чувствовал себя виновным. «Я должен сказать вам, что ваши вольности и свободы заключены в наличии правительства, в тех законах, которые наилучшим образом обеспечивают вам жизнь и сохранность имущества. Это проистекает не из участия в управлении, которое вам никак не принадлежит. Подданный и государь — совершенно разные понятия», — спокойно и уверенно говорил король» [2, с. 17].

Основываясь на всем вышесказанном, можно сделать выводы.

Анализ источников и литературы, которые дают возможность характеризовать политический портрет Карла I Стюарта, раскрывает теологические взгляды, идеи и воззрения короля. Сущность власти имела религиозную, теологическую природу, отсюда те самые воззрения Карла. Здесь мы находим общее между Карлом I и его отцом Яковом I Стюартом. Уверенность в том, что король есть «наместник Бога на земле» и его власть превышает любой другой земной власти, является важнейшим фактором, послужившим конфронтацией между королем и парламентом.

Список литературы

1. Н. И. Кареев. История Западной Европы в новое время / Н. Кареев. — издание 3., Т. 1–3 // Санкт-Петербург: тип. М. М. Стасюлевича В. О., 5 л., 28. — 1904 год. — 2 т. История XVI и XVII веков. — 624 с.
2. Ивонина Л. И. Драма династии Стюартов [Текст] / Людмила Ивонина; [ил. Ирины Тиболовой] // Москва: Ломоносовъ, 2016. — 59 с. <https://royallib.com>.
3. Лавровский В. М. Сборник документов по истории английской буржуазной революции XVII века. Учеб. пособие // Москва, Высш. школа, 1973 год. — 342 с.
4. А. Н. Савин. Лекции по истории Английской революции // Москва: «Крафт+», 2000. — 536 с.

Abstract

This article is devoted to Charles I Stuart's biography. The main aim is to create a political portrait of the king. The article also examines the issue of the interaction between Charles I Stuart and Parliament of England, mainly the contradictions between the royal power and parliament which led to the English Civil War. The issue is raised about the essence of the king's power.

Key words: Charles I Stuart, Parliament of England, Political portrait, monarchy, English Civil War.

Информация об авторе: Власов Вадим Алексеевич, студент 5 курса, Вологодский государственный университет, Вологда, vadim.vlasov.2000@list.ru

КАЦУСИКА ХОКУСАЙ КАК ХУДОЖНИК, СТОЯВШИЙ У ИСТОКОВ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ ЯПОНЦЕВ В НАЧАЛЕ XIX В.

Гимазетдинова Рузанна Ринатовна

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань

Аннотация

Данная статья посвящена рассмотрению роли японского художника Кацусика Хокусая в формировании нового самосознания японской нации и создании новых национальных символов Японии в начале XIX в. Хокусай революционно меняет традиционные правила японского изобразительного искусства, подстраивая их под изменившуюся социально-культурную реальность. Создавая циклы гравюр, посвященных повседневной жизни японцев и окружающему их пространству, художник меняет представление жителей Японии о себе самих и окружающем их мире.

Ключевые слова: Кацусика Хокусай, Фудзияма, гравюра, повседневность, укие-э, Япония, суримоно.

Кацусика Хокусай (1760–1849) — один из самых известных японских художников. За свою жизнь он создал около 30 тыс. работ. Основными чертами Хокусая как личности были, по мнению исследователей его жизни и творчества, любознательность, перфекционизм, усердие и трудолюбие. Фактически, Кацусика Хокусай изменил японскую живопись стиля «укие-э». Именно он впервые стал применять на практике все технические достижения европейских художников, вводя в свои работы принцип перспективы, смешивая краски и используя то, что до него не использовалось в визуальном языке японской культуры [2, с. 139]. Помимо этого, Хокусай расширил и круг изображаемых сюжетов, создавая образы не только городского населения Японии, как это было до него, но и других слоев японского населения, отражая в своих работах повседневность японцев, их культуру и даже окружающее их природное пространство, формируя тем самым некое целостное видение своей страны. Художник также много работал в качестве наставника, делясь своими знаниями и умениями с учениками, создавал для них пособия и учебники, в которых отразились ключевые принципы его работы и которые, по сути, изменили визуальный язык японской культуры [2, с. 144].

В своем знаменитом цикле гравюр «36 видов Фудзи» Кацусика Хокусай меняет не только стиль «укие-э» и традиционные правила японского изобразительного искусства, но и, как уже отмечалось выше, самосознание японцев. Он фактически показывает своим согражданам красоту их страны и их культуры, формируя тем самым их новое отношение к пространству собственной жизни и самим себе. В частности, именно благодаря Хокусаю гора Фудзияма становится новым символом Японии.

До выхода цикла гравюр «36 видов Фудзи» (Фудзияма или гора Фудзи — действующий вулкан на острове Хонсю) японцы, в целом, относились к этой природной локации так же, как и к другим горам в стране и до XIX века даже не имели четкого представления о ее размерах и не знали, что Фудзи — самая высокая точка Японии, хотя Фудзияма имела определенное религиозное значение и со временем стала туристическим местом, однако, символом Японии в том смысле, в котором она воспринимается сейчас, не была [4].

Горы всегда имели символическое значение в культуре Восточной Азии. О них слагали легенды и мифы. Еще в Древнем Китае появляется идея о том, что гора — это связующее звено между Небом и Землей, между богами или духами и людьми. Подобные идеи бытовали и в Японии. Считалось, что в горах и на холмах обитают ками — синтоистские божества и духи. И именно с гор они и спускаются в мир людей. Поэтому в древности и средневековье большинство япон-

цев, чтобы не разозлить Kami, не поднимались на вершины гор. Японцы боялись гор, лишь изда- лека восхищаясь ими и слагая о них поэтические произведения и легенды. На горы взбирались лишь паломники, которые хотели напрямую обратиться к богам [5].

Ситуация начинает меняться к XVI в., когда появляется город Эдо (современный Токио), ко- торый становится новым политико-административным центром Японии. В 1590 году земли ре- гиона Канто, где находился на тот момент еще небольшой город Эдо, вошли в состав владений То- кугава Иэясу. Он посчитал место стратегически и экономически выгодным и создал здесь ставку своего сегуната. Постепенно город расширяется и становится самым большим в стране.

Недалеко от Эдо (в 90 км) находится Фудзияма, при этом гору видно из любой точки города. Люди, которые приезжали в Эдо или жили здесь, все чаще обращают свои взоры в сторону Фу- дзи. К горе начинают приходить паломники, путешественники, торговцы, рабочие. Так Фудзи- яма постепенно становится священным для японцев местом [7, с. 332].

Именно на нее и обращает внимание Кацусика Хокусай, который видит в этом природном феномене не только религиозный символ. Через свое творчество художник формирует новое зна- чение Фудзиямы для японской культуры.

В 1820–1821 гг. Кацусика Хокусай начинает создавать цикл гравюр «36 видов Фудзи», ко- торый, по замыслу, должен был содержать виды Фудзиямы со стороны Эдо — «омотэ Фудзи» — виды с лицевой стороны. В итоге к 36 изначальным гравюрам художник добавляет еще 10 видов Фудзи с запада — «ура Фудзи» — с обратной стороны [1, с. 27]. При этом изображения представ- ляли собой не просто отвлеченные пейзажи, но передавали эмоции и ощущения художника, а так- же все разнообразие жизни, протекающей вокруг горы.

Фудзияма на гравюрах представлена с разных точек, с ближнего и с дальнего расстояния. Она изображена и как центральная фигура и как второстепенная.

При этом Хокусай показывает нам Фудзи не просто как гору, где живут боги, не путь к Небу, не отвлеченный объект красоты и величия, но как новый национальный символ Японии, посколь- ку Фудзияма становится центром страны, вокруг которого все существует и движется [10, с. 49]. Фудзи-сан как бы объединяет всех японцев.

В предшествующий период национальными символами Японии были фигуры Императо- ра и богини Аматэрасу. Однако ни богиню, ни Императора граждане страны никогда не видели, они были далекими и очень отвлеченными образами. Император живет изолированно в своем дворце в Киото, и сохраняет лишь религиозные функции, тогда как реальное управление стра- ной находится в руках сегуната дома Токугавы. Аматэрасуем более имеет лишь символическое значение, причем, поскольку значение императорской власти, которая напрямую была связана с культом Аматэрасу, постепенно снижается, и роль богини также уменьшается, она, фактически, становится наравне с другими Kami [12, с. 31].

С другой стороны, в это же время, в XIX веке, нарастает кризис старой японской феодальной системы, ослабевает власть сегуната и самурайского сословия. И в этих условиях возникает не- обходимость формирования нового национального символа Японии, близкого и понятно всем японцам, символа, который бы дал надежду на обновление страны [12, с. 32].

Хокусай делает таким символом гору Фудзи. Подобный выбор был логичен, поскольку, как уже отмечалось выше, Фудзияма имела важное религиозное значение в японской культуре. Этот факт отражает гравюра № 34 «Восхождение на гору» (諸人登山) цикла «36 видов Фудзи». Причем это единственная гравюра, где мы видим вершину горы, как бы находясь на ней, что, отчасти, связано с традиционными религиозными верованиями, согласно которым, вершина горы — место священ- ное. На гравюре изображено множество путников, которые совершают обряд «охатимаири» (об- ход кратера вулкана по его краю). Часть паломников сидит в пещере в неудобных позах, скорчив- шись и прижавшись друг к другу. Скорее всего, они читают «Роккон Седзе» — буддийскую сутру очищения, которую требовалось исполнить после восхода на Фудзи-сан. Заметно, что восхождение на вершину было трудным, что придает своеобразное человеческое измерение изображению, де- монстрируя не просто религиозный ритуал, но реалии его совершения [12, с. 41].

При этом, как уже было сказано, данная гравюра единственная, демонстрирующая роль Фудзи в уже отжившей культуре. При этом для Хокусая гора — это символ времени, она стоит на одном месте веками и наблюдает смену эпох, а, следовательно, отчасти сохраняя прошлое, может стать символом и настоящего и будущего японской нации, которая, несмотря на завершение гражданских войн, еще не сформировалась как единое целое, вследствие сложной системы разделения народа на сословия в условиях сегуната Токугавы.

Помимо прочего, через свои работы Кацусика Хокусай меняет отношение японцев к пространству и месту в нем человека. Япония — островное государство с преимущественно однородным населением, здесь почти нет инородцев. Именно поэтому японцы осознают свою изолированность от мира. Почти все мировые события обходят их стороной. Рядовой японец, зачастую, не имеет представления об огромном мире, который его окружает, поэтому пространство в мировоззрении японца представляется ограниченным. Это связано не только с природно-географическим положением Японии, но и с ограничениями, присущими японскому обществу.

Такое восприятие отражалось и в японском изобразительном искусстве, примером чему могут служить гравюры XVII–XVIII вв., которые изображают городскую жизнь Японии. Город на этих гравюрах как бы отделен от всего остального мира. В изображениях практически отсутствуют пейзажи и небо. Человек, в какой-то степени, начинает противопоставлять себя природе. Весь фокус внимания перемещается на жизнь города, демонстрирующую достижения человеческого разума [8, С. 185]. При этом японцы теряют единое универсальное восприятие природы, воспринимая себя лишь как часть городской системы. Пейзаж, безусловно, появляется на гравюрах, но на второстепенных ролях.

Сюжеты, отражающие городскую жизнь, демонстрируют творческий потенциал человека и то, как благодаря этому потенциалу человек меняет мир вокруг себя. Однако, в подобного рода изображениях, нет какого-то одного героя-творца, а либо огромные толпы людей, либо несколько человек, индивидуальность теряется. При этом на рисунках с ширм, изображающих городские праздники или кварталы развлечений, практически все люди выглядят одинаково. Отдельный человек как бы теряется в пространстве города [3, С. 50].

Ширма — бебу и гравюры того времени становятся своеобразным зеркалом, которое показывает японцу того времени суть его жизни. Человека здесь окружает лишь вещественный и ограниченный мир, в котором он пытается найти свое место [6, С. 102].

Эти представления изменяются благодаря творчеству Кацусика Хокусая. Он переносит центр внимания с общества, которое было в фокусе всех жанровых гравюр предшествующего периода, на природу и пейзаж. Хокусай переосмысливает роль природы в жизни человека, развивает идеи, появление которых было связано с ростом интереса японцев к суримоно, открыткам, изображающим натюрморты, а также птиц и растения [9, С. 469].

Именно в цикле гравюр «36 видов Фудзи» Кацусика Хокусай создает новый пейзаж, расширяет представление японцев об окружающем мире. Мир на его гравюрах становится безграничным [12, с. 48]. Хотя Хокусай показывает нам лишь относительно небольшую территорию вокруг горы Фудзи, появляется ощущение бесконечности этого пространства. У этого пространства нет четких границ, оно насыщено и разнообразно: мы видим многоводных просторов, а также городскую застройку, и деревни, места работы, отдыха и развлечений людей. На гравюрах Хокусая представлены самые разные сферы человеческой жизни, которые отражают все бесконечное разнообразие мира.

При этом человек не теряется в пейзаже. Он един с миром вокруг. Человек и природа — равные части пространства пейзажа. Человек для Хокусая — это часть природного мира, при этом природа и человек не противостоят друг другу, напротив, они едины. Ощущение природы становится частью внутреннего мира человеком, а познание ее красоты — познанием себя.

Таким образом, Кацусика Хокусай, улавливая кризис идентичности японского общества стремится воплотить в своем творчестве новые символы, способные объединить нацию, символы близкие, доступные и понятные всем. И в эпоху Мэйдзи, несколько позже, Фудзияма действительно станет символом новой страны.

Художник демонстрирует реальную жизнь человека, со всеми ее трудностями и проблемами, но, несмотря ни на что, человек находится в гармонии с миром. При этом радость повседневного, рутинного труда, по мнению Хокусай, является одной из главных национальных черт японцев, их достоянием. Художник демонстрирует тот факт, что все люди на его гравюрах — это единая нация, один народ. Они не живут в вещественном и ограниченном мире, который противопоставляется природе, а находятся в единении и гармонии со всем окружающим миром и друг с другом. В определенном смысле Хокусай формирует новую национальную идею Японии, как страны, которая живет в гармонии со своей восхитительной природой, заботясь о ней как о главном национальном достоянии. При этом гармония человека и природы становится ключевой идеологической установкой нового этапа развития японской культуры.

Список литературы

1. Виноградова Н.А. Кацусика Хокусай. — М.: Белый город, 2005. — 47 с.
2. Денике Б.П. Японская цветная гравюра. — М.: Изогиз, 1936. — 195 с.
3. Куранова А.В. Образ человека в японской гравюре XVIII–XIX вв. // Искусствознание и педагогика диалектика. Взаимосвязи и взаимодействия: материалы VIII Международной межвузовской научно-практической конференции. — СПб., 2020. — С. 47–51.
4. Мецераков А.Н. Японцы и их гора Фудзияма // Радиостанция «Эхо Москвы», 2010. URL: http://www.japanesedolls.ru/book/japoncy_i_ikh_gora_fudzijama.pdf (дата обращения 01.12.2022).
5. Медкова Е.С. Символика китайского пейзажа. — М.: Журнал «Искусство». 2009. URL: <https://art.1sept.ru/article.php?ID=200901504> (дата обращения 22.12.2022).
6. Николаева Н.С. Человек в японской жанровой живописи конца XVI — начала XVII в. // Человек и мир в японской культуре. — М., 1985. — С. 95–117.
7. Прасол А.Ф. От Эдо до Токио и обратно: культура, быт и нравы Японии эпохи Токугава. — М.: Астрель: Согрус, 2012. — 525 с.
8. Сердюк Е.А. Судьбы пейзажного мышления в японском искусстве нового времени // Человек и мир в японской культуре. — М.: Наука, 1985. — С. 183–196.
9. Степанова Т.В. К проблеме организации пространства в искусстве дальнего востока на примере японской гравюры укие-э XVIII–XIX веков. — СПб.: Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, 2008. — № 74–1. — С. 466–470.
10. Longbottom Kerry From Mountain to Monument: Mount Fuji as International Icon // Virginia, George Mason University Publishing, 2015–80 p.
11. Smith Henry Hokusai and the Blue Revolution in Edo Prints // Amsterdam: Hotei Publishing, 2005. — № 2. — P. 234–269.
12. Shermeen Ahmed Compare and Analyse the Significance of Mount Fuji From the Past Perspective of Katsushika Hokusai's Intention and Creation of «36 Views of Mount Fuji» With the Present Perspective of the Recipient's Practical Experience // Lincoln: University of Lincoln, 2015. — 115 p.

Abstract

This article is devoted to the role of the Japanese artist Katsushika Hokusai in the formation of a new identity of the Japanese nation and the creation of new national symbols of Japan in the early XIX century. Hokusai revolutionizes the traditional rules of Japanese fine art, adapting them to the changed socio-cultural reality. By creating cycles of engravings dedicated to the daily life of the Japanese and the surrounding space, the artist changes the perception of Japanese residents about themselves and the world around them.

Key words: Katsushika Hokusai, Fujiyama, engraving, everyday life, ukiyo-e, Japan, surimono.

Информация об авторе: Гимазетдинова Рузанна Ринатовна, студент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, gimruzanna09@gmail.com

ЭТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ НИКОЛАЯ МИСТИКА НА СЛУЖБЕ ВИЗАНТИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Гусарова Светлана Владимировна

Москва

Аннотация

Статья посвящена выявлению значения этических взглядов Константинопольского патриарха Николая I Мистика (901–907; 912–925) в рамках внешней политики Византийского государства. Автор проанализировал отдельные письма Николая Мистика к Симеону I Болгарскому (893–927) и халифу Ал-Муктадиру (908–929) и выявил этические взгляды автора, относящиеся к затронутым в письмах проблемам. Сопоставив фрагменты текстов названных писем патриарха с направлениями внешнеполитического курса Византийского государства в первой четверти X в., а также с результатами переписки Николая Мистика, автор приходит к выводу о высоком значении для Византийского государства дипломатической переписки, мотивированной личными этическими взглядами патриарха.

Ключевые слова: Николай Мистик, этические взгляды, Константинопольский патриарх, Симеон I, Ал-Муктадир.

Константинопольский патриарх Николай I Мистик (901–907; 912–925) являлся выдающейся политической и церковной фигурой, оставившей значительный след в истории Византийского государства. В своей деятельности он руководствовался личными этическими взглядами, о чем можно судить в первую очередь на основании анализа сохранившегося обширного корпуса переписки патриарха, составляющего 190 посланий [10], адресованных разным лицам. Наиболее полное собрание эпистолярного наследия Николая Мистика хранится в архиве монастыря святого апостола Иоанна Богослова на острове Патмос и представляет собой прижизненные копии писем патриарха, сделанных в патриаршей канцелярии [9, р. 31]. Для константинопольского архиерея Николая I переписка часто выступала инструментом внешнеполитической дипломатии, с помощью которой он пытался побудить адресатов занять позицию, согласующуюся с его этическими взглядами и отвечающую интересам Восточной Римской империи.

Наибольшее количество сохранившихся текстов писем Николая Мистика адресовано болгарскому правителю Симеону I (893–927), который в 913–927 гг. практически непрерывно вел войну с Византийской империей. Николай Мистик отправил болгарскому архонту не менее двадцати пяти посланий. В рамках данной статьи мы коснемся тех писем к болгарскому правителю, которые Константинопольский патриарх написал после нарушения перемирия с Болгарией в 914 году и вплоть до последнего года своей жизни. Каждое его послание было пронизано христианским духом, содержало оценочные суждения и морально-нравственную аргументацию, с помощью которой патриарх пытался воздействовать на адресата. Проблема войны и мира стала центральной темой переписки Константинопольского патриарха Николая I и Симона I. Этические взгляды, которые при этом транслировал автор писем, опирались на Евангельские императивы. Священное Писание содержит слова Господа, который повелевает своим ученикам: «Мир имейте между собою» (Мк. 9:50). В одной из заповедей блаженства Иисус Христос выделяет миротворчество как одну из важнейших добродетелей, способствующих стяжанию Царствия Небесного: «Блаженны миротворцы, потому что они будут наречены Сынами Божиими» (Матф. 5:9). Святоотеческое наследие также содержит множественные творения, относящиеся к вопросу необходимости мира и его всестороннем благе. Так, например, святитель Григорий Богослов указывал на то, что: «Миром поддерживаются, а от несогласия приходят в расстрой-

ство города, царства, лики поющих, войска, дома, общества плывущих на одном корабле, супружества и дружеские союзы» [6]. В рамках христианского мировоззрения Николая Мистика сохранение мира и предупреждение войн являлось неотъемлемым слагаемым духовного долга верующего человека, но еще в большей степени этот долг являлся присущим архиереям: «Мы те, кому предназначено служить во Святая Святых, но наш долг также и выполнять служение во многом другом, в том числе, обязанность служить делу мира и изгнанию скорбей и вражды» [9, р. 85]. Византийская государственная идеология, начиная с V в. пропитана идеей мира и миролюбия. Уже Синезий Киренский (ум. 413 г.) в своих сочинениях писал, что государю не следует вести несправедливых наступательных войн, но «правитель должен быть в курсе всего, что относится к делу мира» [5, с. 21]. Перед этнически пестрой и территориально обширной Восточной Римской империей стояла политическая необходимость сохранять целостность границ в условиях практически постоянного наличия внешней угрозы. Евангельская заповедь стремления к миру и миротворчеству органично сочеталась с объективными внешнеполитическими реалиями Византии. В связи с этим в официальной титулатуре императоров присутствовало наименование «миротворец» и «мирный» [5, с. 20]. «Мир являлся в империи политическим идеалом, высшей нравственной и социальной ценностью, а василевс-миротворец уподоблялся Христу» [5, с. 20]. Этические взгляды Николая Мистика, выявляемые в ходе анализа внутреннего содержания его писем к Симеону I, соответствовали интересам Византийского государства, стремившегося к невоенным способам урегулирования противоречий с набиравшим силу молодым Болгарским государством. Константинопольский патриарх писал своему адресату: «Нет никакой уверенности в том, что человек, ответственный за кровопролитие, достигнет цели, к которой идет. Видишь ли, как день ото дня разгораются новые конфликты? Одна сторона начинает поход, желая победить противника, другая выступает против этого, столь же решительно настроенная завладеть добром своих врагов. Беды терпит каждая сторона, но исход никогда не совпадает с надеждами обоих, ведь одна сторона может и не достигнуть цели, а другая может быть захвачена и полностью уничтожена» [9, р. 41]. На протяжении десятилет Николай Мистик фактически являлся единственным византийским государственным деятелем, который держал обратную связь с болгарским правителем. Его частная переписка во многом носила дипломатический тон, так, от лица Византийской империи Константинопольский патриарх предлагал Симеону I уладить конфликт не только при помощи богатых даров и дани, что выступало для Византии привычным инструментом умиротворения варварских народов, но и некоторые территориальные уступки: «Но повторю еще раз, как часто говорил в прошлом: подними руки, сын мой: прекрати вражду и кровопролитие, ищи мира и добивайся его, с благословенным пророком (хотя я не достоин увещевать), и вместо выбранного пути, испроси, что может быть правильным, скажи, что вы можете согласны принять, и Римляне охотно дадут: золото, если угодно и серебро, земли в разумных пределах, другие дары, которые порадуют болгар, и которые могут дать римляне» [9, р. 125]. Однако амбиции Симеона I как правителя христианского государства, находящегося в стадии экономического и культурного подъема, выходили далеко за пределы материальной наживы. Несогласие болгарского архонта идти на мирные переговоры способствовало усилению христианской проповеди и проникновенной риторики в письмах Николая Мистика, обнаруживая в этих документах ядро этических взглядов автора: «Хотя я очень много раз писал (письма — С. Г), сын мой, во имя установления мира между римлянами и болгарам, рабами Христа Бога, искупленных Его драгоценной Кровью, и стремящихся быть Его стадом, повторюсь, хоть писал очень много раз во имя общего блага этих народов, и мои письма не были услышаны, я не прекращаю писать и не откажусь от исполнения своего долга, изо всех сил стараясь избежать кровопролития от воина, не предупрежденного о том, что меч падает на того, кто первый вынул его» [9, р. 183]. Особенности душевные переживания автор писем испытывал из-за войны между единоверцами и пытался остановить агрессивную политику Симеона I через апелляцию к соответствующим религиозным чувствам: «Кто усомнится в том, мой Богочтимый Сын, что если брат убивает сво-

его брата, он повреждает собственной душе? Взгляни тогда на братьев во Христе болгар и римлян, и сколько их были убиты рукой брата» [9, р. 169]. В другом письме Константинопольский патриарх Николай I привел строки своей ежедневной душевно-искренней молитвы, которую возносил к Творцу, ожидая прекращения болгаро-византийских войн: «Позволь мне добавить молитву, которую я постоянно посылаю к Богу и большего не говорить: Господь, Отец Господа нашего Иисуса Христа, который послал Его в мир, чтобы разрушить вражду Кровью Сына Своего и принести мир всему, да дарует Он мир твоему сердцу и сокрушит сатану твоими ногами за беды римлян и болгар, которые родились от его дел; и пусть Он дарует снова объединение, как прежде, в узах сладостного мира; возвращая вам любовь и привязанность отцов, сыновей и братьев, и после всего уведет меня из этой брэнной жизни, но дарует тебе долготу дней, мир и наслаждение Жизнью Вечной» [9, р. 171–173]. Этические христианские взгляды Николая Мистика являлись духовным основанием, побуждавшим патриарха принимать активное участие в миротворческой переписке. Личная мотивация и усилия константинопольского архиерея во второй период его патриаршества (912–925) привели к определенным результатам в рамках облегчения положения Восточной Римской империи перед лицом болгарской угрозы в первой четверти X в. Патриарх посредством переписки поддерживал постоянную связь с Симеоном I, уважительно обращался к нему, несмотря на то, что его старания в области миротворчества зачастую не носили ожидаемой эффективности. Болгарский архонт категорически не признавал право на трон императора Романа Лакапина (920–944), который, будучи выходцем из простонародья, занял место во главе Византийского государства, и тем самым разрушил планы самого Симеона I стать кесарем через заключение матримониального брака между его дочерью и Константином Багрянородным [3, с. 33]. В этой связи переписка болгарского правителя с Николаем Мистиком, как представителем одного из первых лиц государства, представляла особенную ценность для Византии. Духовный сан и политическая фигура Николая Мистика вызывали у Симеона I определенного уровня доверие, о чем свидетельствует желание начать процесс мирных переговоров с личной встречи с Константинопольским патриархом, о чем свидетельствует хроника [7, с. 223]. Миротворческая деятельность Николая Мистика, богатый опыт взаимодействия с Симеоном I, а также высокая образованность и природный ум делали патриарха незаменимым советником императора Романа Лакапина в вопросах урегулирования болгаро-византийских отношений. Хронист указывает на тесную близость императора и патриарха непосредственно перед переговорами византийского правителя с Симеоном I: «Прибыв же во Влахерны, император вместе с патриархом Николаем вошел в Святую раку и простер руки для молитвы. Затем, пав ниц, он оросил слезами святой пол, умоляя Всенепорочную Богородицу смягчить непреклонное и неумолимое сердце Симеона и убедить его заключить мир» [7, с. 223–224]. В исторической науке устоялось мнение об «идеальных отношениях» в смысле политического взаимодействия, сложившихся между императором Романом Лакапином и Константинопольским патриархом Николаем Мистиком [1]. По всей видимости, патриарх разрабатывал стратегию переговорного процесса о мирес Болгарией и был главным составителем речи Романа Лакапина, обращенной к Симеону I. Хронист передает фрагмент обращения византийского императора к болгарскому правителю, тон которого совпадает с риторикой писем Николая Мистика, адресованных Симеону I: «Итак, если ты настоящий христианин, как нас заверили, то прекрати навсегда несправедливые убийства и пролитие невинной крови и заключи с нами, христианами, мир, и сам будучи христианином и называясь им, и не желай, чтобы десницы христиан осквернялись кровью их христианских единоверцев. Ты тоже человек, ожидающий смерти, воскресения, суда и воздаяния. Сегодня ты существуешь, а завтра рассыплешься в прах. Одна лихорадка угасит всю спесь. Так какой же ответ дашь ты Богу, отойдя отсюда, за несправедливые убийства? С каким лицом взглянешь на страшного и справедливого Судью? Если ты это делаешь из любви к богатству, то я в избытке наполню тебя желаемым. Только останови свою десницу, возжелай мира, возлюби согласие, чтобы и сам ты прожил жизнь мирную, бескровную и несуетную, и христиане от-

дохнули, наконец, от несчастий и прекратили убивать христиан, ведь не должно им поднимать оружие против единоверцев» [7, с. 224].

Тема заботы о единоверцах раскрывается также в переписке Константинопольского патриарха Николая I с багдадским халифом Ал-Муктадиром (908–929). Установление эффективных дипломатических отношений с арабами имело ключевое значение для Византии, поскольку халифат вел войны с Восточной Римской империи, начиная с VII века, в течение этого времени мусульманские завоеватели с переменным успехом отвоевали у византийцев приморские и континентальные территории. Николай Мистик выступил с официальным дипломатическим предложением произвести обмен пленными между Восточной Римской империей и Аббасидским халифатом в промежутке между 913–914 гг. Автор письма транслировал личные этические взгляды по затронутому вопросу, опираясь прежде всего на слова Иисуса Христа об исключительной значимости человеческой души: «Какая польза человеку, если он весь мир приобретет, а душе своей повредит» (Мф. 16:26). Поэтому Николай Мистик писал своему адресату: «Перебрав в уме все страдания ваших и наших единоверцев, не пожелай оказаться несговорчивым в окончании спасительного дела, не выставляй каких-нибудь предлогов, которые затруднили бы освобождение ваших и наших пленных» [4]. Для Константинопольского патриарха наиболее высокое значение представляли жизни единоверцев, поскольку Священное Писание особенно выделяет духовную ценность душ христиан, так, например, апостол Павел писал к Галатам: «Итак, доколе есть время, будем делать добро всем, а наипаче своим по вере» (Гал. 6:10). Николай Мистик, будучи опытным и талантливым политиком, вел межконфессиональный диалог с халифом с помощью фраз, понятных и близким обоим участникам переписки, несмотря на различие верований [2, с. 63]. Так, например, он писал Ал-Муктадиру о планируемом процессе обмена военнопленными: «И что это, как не подражание доброте Самого Бога, который по великой благодати и бесконечному состраданию создал тех, которые не существовали, и созданного из грязи, как отец, простирающий заботу, снабжает внутренностями, дает жизнь, доставляет все, чем поддерживается человеческая природа. Таков приблизительно настоящий случай, и он приносит одно из тех наслаждений, о которых я говорил: ведь освобождение заключенных, отпущение пленных, выкуп рабов, возвращение пленных к домашним, родственникам и друзьям, — все это утверждает род, поддерживает дружбу и сладкое пользование жизнью» [4]. Арабские источники передают сведения об успешном процессе обмена пленными на реке Ламус в 917 году [4], что свидетельствует о том, что патриарх достиг поставленной цели. Для Византии итогом дипломатической деятельности константинопольского архиерея по вопросу решения проблемы с обменом пленными стало прежде всего возвращение на Родину более трех тысяч человек. Эти поданные вернулись к своим семьям, продолжили хозяйственную деятельность внутри империи, кроме того, часть из них могла быть возвращена в состав действующих войск. Возвращенные из плена византийцы автоматически выходили из статуса иностранных рабов, который был у них на территории халифата. Еще одним результатом переписки Николая Мистика с халифом Ал-Муктадиром было установление обязательного для процесса обмена пленными перемирия, что явилось благоприятным обстоятельством для Восточной-Римской империи, вынужденной отстаивать свои позиции одновременно на фронте с арабами и с болгарами.

Этические взгляды Николая Мистика являлись основанием мотивации для его государственной и дипломатической деятельности и поэтому имели высокое значение для Византийского государства. Благодаря миротворческой переписке Константинопольского патриарха с Симеоном I Восточно-Римская империя на протяжении десятилетия сохраняла непрерывную дипломатическую связь с правителем Болгарии. Личный авторитет патриарха Николая I в глазах правителя Болгарии, во многом сформировавшийся на базе переписки, способствовал благоприятному исходу мирных болгаро-византийских переговоров в 924 году. Стратегия византийской дипломатической линии, разработанная патриархом в отношении Симеона I, привела к снижению эскалации конфликта и перемирию на фронте с болгарами, необходимому для Восточной Римской

империи. Этические взгляды и духовные императивы Николая Мистика в области сугубой ценности христианских душ послужили основной мотивацией для успешной дипломатической переписки с халифом Ал-Муктадиром. Для Византии важнейшими результатами данных переговоров стало возвращение на Родину более трех тысяч подданных, а также установление перемирия, позволившего империи накопить силы для предстоящего противостояния внешним врагам.

Список литературы

1. Асмус В. В. История Церкви: Курс лекций // Седмица. ru. Церковно-Научный Центр «Православная энциклопедия» [Электронный ресурс] — URL: <https://sedmitza.ru/lib/text/434205/> (дата обращения: 03.11.2022).
2. Гусарова С. В. Письмо Николая Мистика о судьбе мирных жителей острова в 911–912 годах: анализ дипломатических приемов. // Вестник МГПУ. — Серия: Исторические науки. — 2021. — № 3 (43). — С. 57–66.
3. Лощакова О. В. «Золотой век» болгарского царя Симеона (893–927) // Ярославль, 1996.
4. Максимов Ю. Г. Два письма к халифу // Азбука веры. Православный портал [Электронный ресурс] — URL: https://azbyka.ru/otechnik/Nikolaj_Mistik/dva-pisma-halifu/ (дата обращения: 01.11.2022).
5. Малахов С. Н. Концепция мира в политической идеологии Византии первой половины X в.: Николай Мистик и Феодор Дафнопат // Античная древность и средние века. — Симферополь: Таврия, 1995. — Вып. 27. — С. 19–31.
6. Святитель Григорий Богослов. Слова (изд. 1912 г.) // Азбука веры. Православный портал [Электронный ресурс] — URL: https://azbyka.ru/otechnik/Grigorij_Bogoslov/slovo/6 (дата обращения: 01.11.2022).
7. Хроника Симеона Магистра и Логофета / пер. с греч. А. Ю. Виноградова; коммент. П. В. Кузнецова. — М.: 2014. — 264 с.
8. Чомаев З. А. Статус военнопленных в религиозно-правовой системе мусульман в период раннего ислама // Гуманитарные и юридические исследования. — Пятигорск, 2017. — С. 127–132.
9. Nicholas I Patriarch of Constantinople letters / trsl. from Greek by R. J. H. Jenkins, L. G. Westerink // Washington, 1973. — 665 p.
10. Π=Πάτριος 178. X / ΧΙσεντ., περγαμηνή, 281 φύλλα. Σακκελίων, Πατμιακή Βιβλιοθήκη.

Abstract

The article is devoted to identifying the significance of the ethical views of the Patriarch of Constantinople Nicholas I the Mystic (901–907; 912–925) in the framework of the foreign policy of the Byzantine state. The author analyzed individual letters of Nicholas the Mystic to Simeon I of Bulgaria (893–927) and Caliph Al-Muqtadir (908–929) and identified the ethical views of the author related to the problems raised in the letters. Comparing the fragments of the texts of these letters of the Patriarch with the directions of the foreign policy of the Byzantine state in the first quarter of the 10th century, as well as with the results of the correspondence of Nicholas the Mystic, the author comes to the conclusion about the high importance for the Byzantine state of diplomatic correspondence motivated by the personal ethical views of the patriarch.

Key words: *Nicholas the Mystic, ethical views, Patriarch of Constantinople, Simeon I, Al-Muqtadir*

Информация об авторе: Гусарова Светлана Владимировна, выпускник аспирантуры Московского государственного педагогического университета, Москва, samoupravlenie7@mail.ru

ЦАРЕВИЧ АЛЕКСЕЙ: ПРЕДАТЕЛЬ ИЛИ ЖЕРТВА ЭПОХИ?

Свиридов Никита Андреевич

Балашовский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского», Балашов

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению основных этапов биографии одной из наиболее противоречивых фигур российской истории — сына Петра I царевича Алексея. Автор пытается найти ответ на вопрос: совершил ли царевич сознательное предательство или стал жертвой интриг.

Ключевые слова: царевич Алексей, Петр I, реформы, предательство.

В отечественной историографии сложилось противоречивое представление о личности царевича Алексея. Дискуссии о его предательстве продолжаются до сих пор, что говорит об актуальности данного вопроса [3, с. 127]. Чтобы проанализировать политические взгляды и убеждения царевича, необходимо изучить атмосферу, окружавшую Алексея в детстве и юности.

Царевич родился 28 февраля 1690 г. в Москве от брака Петра I и Евдокии Лопухиной. В детстве он получил глубокое религиозное воспитание. Очень рано Алексей проникся традиционными ценностями и христианскими идеями. Окружение юноши составляли священники, которые обучали Алексея всем церковным канонам [1, с. 51]. Большое влияние на царевича оказал приближенный Петра I Александр Кикин, который позволял себе в присутствии Алексея критиковать реформы его отца. Ссылка матери царевича в монастырь также не вызывала у него симпатий к государю [3, с. 129].

Царевич не разделял взглядов Петра I, ему были чужды нравы двора. Алексей не любил военное дело, лучшим времяпрепровождением считал чтение житий святых, свято почитал старинные московские обычаи. Все это не только отдаляло сына от отца, но и воспитывало в царевиче лицемерие, неприязнь к Петру I. Постепенно вокруг Алексея стал формироваться круг противников петровских реформ [3, с. 130].

Петр I стал подозревать сына в участии в заговоре еще тогда, когда тот в начале 1707 г. втайне посетил Суздальский монастырь, где содержалась его мать. С целью приобщения царевича к государственным делам, Петр I назначил его губернатором Москвы, однако Алексей не исполнял тех функций, которыми был наделен [4, с. 87].

Самым уважаемым человеком для царевича был его духовник Яков Игнатьев, который внушал Алексею мысль о том, что мирской человек должен беспрекословно подчиняться церкви и не отходить от религиозного учения [3, с. 135].

В 1711 г. Алексей по настоянию царя женился на Шарлотте Кристине Бруншвейг-Вольфенбюттель. Он был несколько подавлен таким решением отца, по той причине, что его супруга была лютеранкой [5, с. 266].

В то же время царь был очень озабочен поведением наследника: «Ничего не сделано; все напрасно; ты не хочешь ничего делать. Если ты ничего не сделаешь, я поступлю с тобой как с пораженным гангреной органом, и не мни себе, что ты один у меня и что мои угрозы пусты. Я за мое отечество и мой народ живота своего не жалел и не жалею, то как могу тебя, непотребного, пожалеть?» [5, с. 272].

В августе 1716 г. Петр I из Копенгагена написал царевичу письмо, в котором шла речь о том, что Алексею пора было принимать решение о его дальнейшей жизни: «Если ты примешь хорошее решение, то я жду тебя здесь, в Копенгагене, через неделю, потому что можешь еще быть задей-

ствован в моих делах. Если же ты примешь другое решение, напиши мне, в какой день и в какой монастырь идешь, чтобы моя совесть была спокойна и чтобы я знал, чего я могу от тебя ожидать...» [5, с. 276].

Царевич решил отправиться в путь, однако не в Копенгаген, а в Вену, где будет искать защиты у своего деверя Карла. Петр I, подозревая сына в измене, отправил на его поиски опытных людей. Карл решил спрятать Алексея в Тироле. Однако совсем скоро резидент царя в Вене Веселовский узнает о месте пребывания Алексея, из-за чего наследника перевозят в Неаполь. Чтобы выманить царевича, в Неаполь отправляется дипломат Петр Толстой, которому позволяют провести несколько свиданий с царевичем. Этого было достаточно, чтобы убедить Алексея вернуться в Россию [2, с. 165]. Толстой передал царевичу письмо от отца, в котором тот обличал бегство сына, однако призывал его вернуться на Родину. Царевич согласился вернуться, при условии, что ему позволят жениться на его любовнице Ефросинье, не доезжая до Санкт-Петербурга [3, с. 155].

31 января 1718 г. царевич прибыл в Москву. 3 февраля произошла его встреча с отцом, в ходе которой наследник упал к ногам родителя, залился слезами, просил о помиловании. Вскоре вышел манифест о лишении Алексея титула наследника. Все, кто признавал Алексея наследником, объявлялись изменниками. В ходе допросов царевич выдал своих соратников Кикина, Василия Долгорукова, Ивана Большого, Афанасьева и других. Царевича приговорили к смертной казни, но до нее он так и не дождался, скончавшись в Петропавловской крепости при невыясненных обстоятельствах.

Таким образом, на вопрос о том, кем же был царевич Алексей, ответить однозначно сложно. С одной стороны, это был беглец и предатель, который тайно противостоял реформам своего отца, с другой — слабый духом человек, приверженец старины, который стал центром притяжения для недовольных властью Петра I. Недоверие, которое испытывал царевич Алексей к отцу в детстве, переросло в страх — во многом благодаря той почве, которую подготовили его «соратники».

Список литературы

1. *Балашов В. В.* Петр Великий и его наследники. — М.: ОЛМА Медиа Групп, 2007. — 224 с.
2. *Костомаров Н. И.* Исторические монографии и исследования. — М.: Книга, 1989. — 236 с.
3. *Костомаров Н. И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. — СПб.: Лениздат, 2007. — С. 788–843.
4. *Погодин М. П.* Суд над царевичем Алексеем Петровичем. Эпизод из жизни Петра Великого. — М.: Тип А Семена, 1860. — 110 с.
5. *Труайя А.* Петр Великий. — М.: Эксмо, 2005. — 448 с.

Abstract

The article is devoted to the consideration of the main stages of the biography of one of the most controversial figures in Russian history — the son of Peter I Tsarevich Alexei. The author tries to find an answer to the question: did the prince commit a conscious betrayal or was he a victim of intrigue.

Key words: *Prince Alexei, Peter I, reforms, betrayal.*

Информация об авторе: Свиридов Никита Андреевич, студент, Балашовский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского», Балашов, nikitka.sviridov.2021@mail.ru

КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС ВО ВЗГЛЯДАХ С. С. УВАРОВА

Долгих Аркадий Наумович

Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, Липецк

Аннотация

Статья посвящена воззрениям в отношении крестьянского вопроса одного из творцов теории «официальной народности» С. С. Уварова.

Ключевые слова: С. С. Уваров, крепостного право, теория «официальной народности».

Известно, что определенную и, в общем-то, значительную роль в администрации времени Николая I играли бывшие участники литературного общества «Арзамас» [5]. По словам современного исследователя П. В. Акульшина, члены этой организации в качестве литераторов и публицистов внесли заметный вклад и в общественную жизнь России первой половины XIX в. При этом он указывал, что их политические идеалы «включали признание необходимости конституционных преобразований и отмены крепостного права», совпадая в некоторых своих положениях с программой известного «Союза благоденствия», но «арзамасцы», проявляя милосердие к осужденным декабристам, «решительно отвергали создание тайного общества и вооруженное выступление как путь преобразования страны». При этом воплощением их общественно-политических исканий в 1830-е гг. стала «теория официальной народности», представлявшая собой «российскую модификацию общеевропейского политического течения — легитимизма» [11, с. 4–5].

Это обстоятельство в особенности касалось будущего министра народного просвещения (1833–1849 гг.) графа С. С. Уварова (1786–1855), известного и как ученого-востоковеда, но, прежде всего, как основоположника так называемой «теории официальной народности». Не зря ведь А. Я. Кожурин считал его центральной фигурой консерватизма эпохи. Его известная формула российского бытия — «Православие-Самодержавие-Народность» — носила, как отмечали исследователи, «лозунговый характер», противостоя известному лозунгу Французской революции «Свобода-Равенство-Братство» [10, с. 26].

Обратим при этом внимание на неприязнь советской историографии к Уварову. Одни исследователи его клеймили либо по сути (за проповедь фактического застоя в образовании, антиевропеизм), другие — за карьеризм (и за женитьбу «на деньгах», и за стремление «подстроиться» под любое правление, «флюгерство»). Нас интересуют в данном контексте лишь два основных аспекта проблемы. Первый из них касается достаточно странного явления, когда формально главным идеологом консерватизма выступает в данную эпоху Уваров, который по всем параметрам должен был бы выступать противником николаевской «системы», а вместо этого он находился на протяжении почти всей биографии «на плаву». Очевидно, что современники и позднейшие исследователи были к нему явно равнодушны. При этом в отношении его личности и воззрений разные подходы тех и других были связаны и с моральной стороной дела, и с идеологическими воззрениями его критиков [1, с. 232; 4, с. 204, 221, 342; 6, с. 53; 8, с. 274; 13, с. 171–172; 19]. Что же касается самой его теории, то дискуссия о сути данной теории носит давний характер [3, с. 551–554; 7, с. 344; 9; 10, с. 26–31; 12, с. 63–71; 16; 19, с. 39–43, 54; 22, с. 68–70]. И все же для Уварова характерна была некая позиция, которую образно можно назвать попыткой проплыть «между Сциллой и Харибдой», а именно: развивать образование и науки в стране, не допуская к ним «низы» общества, способствовать европеизации страны, в частности, печати и литературы при сохранении самодержавия и жесткого контроля над писателями и читателями [12, с. 68].

Нас особенно интересует здесь вопрос об его отношении к крепостному праву. Мы не согласны с мнением Н. И. Павленко, считавшего Уварова «оголтелым крепостником». С нашей

точки зрения, прав здесь был исследователь М. М. Шевченко. По его мнению, суть его для Уварова-министра заключалась в том, что «он предложил взглянуть на развитие отечественного просвещения как на стратегическую подготовку отмены крепостного права в России, которое умрет не ранее, чем в результате работы отлаженной отечественной общеобразовательной системы произойдет нравственное перерождение части помещичьего класса, части значительной настолько, чтобы дать достаточную опору соответствующим правительственным усилиям» [2, с. 120; 14, с. 334; 15, с. 14; 18, с. 41; 20, с. 127].

Сохранилось несколько документов, вышедших из-под пера Уварова, посвященных данному сюжету. В первом из них — «Размышлении о том, что великая мощь, соединенная с великой умеренностью может совершить для счастья человечества» — написанном в конце 1812 г. и опубликованном отдельной брошюрой в Петербурге на французском языке в 1813 г. и посвященному, прежде всего, проблеме вечного мира, затронут был и крестьянский вопрос. В частности, важным условием европейского мира была, по его мнению, отмена крепостного права. Он писал: «Все собственники считают, что они станут жертвой вопиющей несправедливости, если крепостные получат свободу, даже если при этом они добровольно будут продолжать работать на них. Собственники земли забывают, что класс крепостных принадлежит к человеческому роду, что он не может быть низведен до уровня животных, которых мы используем для нашего удобства и заботимся о них ровно столько, чтобы поддерживать их существование... Крепостное право было отменено в большинстве стран Европы, несмотря на упорную борьбу частного и общественного интересов, когда верховная власть пришла на помощь просвещению, и сами собственники, лучше осознавшие свои истинные интересы, теперь признали, что экономически они только выиграют, если свободные руки будут стремиться к усовершенствованию земледелия как в своих собственных интересах, так и в интересах собственников земли». По словам В. С. Парсамова и С. В. Удалова, сама по себе отмена крепостного права была важна для Уварова в особенности потому, «что без этого Россия не только не может стать ведущей европейской державой, но и вообще не может считаться цивилизованной страной». По мнению авторов, здесь он пытался быть выразителем тогдашних мыслей императора Александра I, что для него было свойственно вообще [19, с. 31–32, 35–37, 179, 578].

В нашем распоряжении имеется и его записка на ту же тему, примерно датируемая 1830–1831 гг. То, что в николаевскую эпоху он придерживался консервативного убеждения в недопустимости «послаблений» в этой сфере понятно: сам он к тому времени разбогател (14–15 тыс. д. м. п.) и не желал беднеть; он считал просто опасным для существующего режима в стране то или иное относительно радикальное решение данного вопроса, могущее привести к революции хуже западных; однако он занимал позиции правее деятелей Комитета 6 декабря 1826 г. Известно, что данная его записка по крестьянскому вопросу имела отношение к обсуждению этой проблемы в первом из николаевских секретных комитетов и в том или ином смысле выступал против идей сословной реформы Комитета В. П. Кочубея, противостоя здесь и реформаторским идеям самого Николая I. Как минимум, косвенным доказательством этого является фраза из его проекта 1830–1831 гг.: «Крепостничество не только входит неотъемлемой частью в право политическое, такое, какое оно существует в России, но оно также образует весьма тесную и сильную связь: отсюда следует, что, когда хотят трактовать одну из его ветвей отдельно, как, например, состояние дворовых людей, действуют на авось, и предлагаемые меры не имеют ни характера, ни цели, определенной общественной пользой».

Автор записки обращал внимание на вынужденное оформление этой системы отношений в средневековье в связи с ордынским завоеванием Руси, точку в процессе которого поставил Петр I. Отметив, между делом, что и самодержавие, и крепостное право видоизменились с того времени, что «могучая власть», которая правит в России, «столь же далека от чистого деспотизма, как то крепостничество, которое существует в настоящее время, удалено от рабства». И это новое состояние вещей освящено «общей пользой, успехами просвещения и разума, веком по-

литического преобладания», оно движется вперед, чего «немногие из Русских понимают, абсолютно не ведомое иностранцам, о которое разбилась в 1812 году колоссальная мощь Наполеона». Однако данное «учреждение, созданное в кризисные времена», постепенно выходит из употребления. Что же делать с этим явлением? Предложено два типа мер. Первый заключался в «конфискации крепостничества в пользу высшей власти. Отбирая у высших классов государства эту последнюю опору их аристократического существования, ожидали бы двойной результат: нанести им удар во имя цивилизации и либеральных идей и усилить одновременно высшую власть всеми осколками политических сил, распыленных в классе, довольно многочисленном. К выгодам материальным присоединились бы выгода удовлетворения двум идеям, господствующим в Европе в настоящее время, любви к свободе и ненависти к привилегиям». Однако подобный «государственный переворот потерпел бы поражение в том смысле, что принес бы разрушение основы не только стране, но и той власти, что в ней господствует», и самым вероятным его результатом «рано или поздно была бы демагогическая реакция и анархия, высшие классы погибли бы вместе с теми идеями, которые они представляют, а трон был бы наверняка обрушен вместе с ними», как это имело место во Франции. Другой способ решения проблемы заключался бы в «скрытом и медленном разрушении основ существующего порядка и подготовке освобождения крепостных как будто с отвращением и без ведома привилегированных классов; это была бы замена конфискации незаметным похищением, недоброжелательная боязливость вместо смелой встречи опасности. Такая система могла бы легко утвердиться в головах людей, которые, не умея охватить всю совокупность вещей, видели бы вопрос с одной изолированной стороны. Те, кто усматривают в отмене крепостничества лишь вопрос личного интереса тех, кто обладает, и тех, кем обладают, лишь фискальную сделку, только привилегию или монополию, таковых можно привести к мысли, что, уменьшив на порядок размер этой привилегии, ежедневно что-нибудь убавляя в ее объеме, увеличивая разногласия обеих сторон, ссоря их под маской беспристрастности, умножая взаимные затруднения, можно было бы довести до абсурда отношения, которые были бы парализованы, и при том незаметно... Надо поставить перед ними следующую дилемму: или крепостное право есть чистая привилегия, дарованная одному классу частных лиц, или это политическая форма (хорошая или плохая — неважно), которая связана с формой правления». Так или иначе, обе эти «ошибочные системы» не должны были, по его мнению, нас устроить.

Отмечая успехи цивилизации и то, что «нынешние времена почти не дают больше следов злоупотреблений властью, которая опозорила крепостничество», автор предлагал правительству ускорить развитие просвещения, законодательно способствовать заключению между помещиками и крепостными «добровольных условий», развивать правосудие в стране, «помногу выжидать время и не опережать естественный ход вещей, обеспечивая мало-помалу гражданское и политическое существование крепостных, одновременно обеспечить таковое же и для других классов, постепенно организовать всю совокупность учреждений государства» — процесс этот может занять «длинный период времени, но что такое в жизни империй два или три поколения в качестве платы за подобные результаты?» Таким образом, постепенно «крепостные будут освобождены в тишине уже задолго до того, как законодательный акт, изошедший свыше, констатирует их освобождение. Истинная свобода, свобода, не окрашенная кровью, свобода — друг порядка и мира есть общий плод духовной культуры народа, его политического воспитания, его нравственного совершенствования...» Налицо здесь противоречивая позиция [21].

По словам В. С. Парсамова и С. В. Удалова, его программа, «при всех ее достоинствах и недостатках, подразумевала поиск определенного компромисса в отношениях власти и общества», о чем пришлось забыть после европейских революций 1848–1849 гг., когда приоритетными в политике самодержавия стали именно репрессивные меры, и Уваров «с его политикой компромиссов» потерял свое влияние [17, с. 178; 19, с. 51].

Вместе с тем, в другом произведении — «Взгляд на нынешнее положение дел в Остзейских губерниях» октября 1841 г. — его позиция в отношении крепостного права и его тогдашнего поло-

жения в стране выглядела иначе. Применительно к Остзейским губерниям он отмечал, что в этом регионе империи «судьба поселян, несмотря на свободное состояние, поныне большею частью зависит не от постановлений, для них изданных, но от личных качеств помещиков». Отметив, что во второй половине 1810-х гг. крестьяне там были «отпущены на волю», он обращал внимание на то, что «устройством их быта занялось дворянство, которое, имея в виду единственно свои частные выгоды..., незаметным образом, как вскоре оказалось, но довольно хитрыми средствами обратило эту волю в обманчивый призрак, под личиною коего угнетение и нужда, местами, увеличились еще решительнее прежнего. Тут разорвались последние связи, соединявшие высшее сословие с низшим. Когда существовало крепостное положение, помещик, в неурожайные годы, кормил своих крестьян, поддерживал их в разных обстоятельствах, был их природным защитником. Теперь эта священная обязанность исчезла: если поселянин в силах работать, господин дает ему поле, если нет — отнимет, и изгнанного никто уже не берет к себе...» При этом, рисуя современную ему ситуацию в Остзейских губерниях, Уваров отмечал, что здесь «земледельческое домоводство (разумеется, господское) цветет, дворянства пухнет избытком и гордостью, а простой народ со дня на день сохнет, беднеет, и край, в настоящем смысле, разоряется». В заключение своей записки он обращал внимание на то обстоятельство, что «участи Лифляндского, лично свободного, крестьянина нельзя сравнить с участью крестьянина Русского крепостного, который в своем господине видит единоплеменника, говорящего тем же языком, как и он, ходящего вместе с ним молиться Богу, естественного покровителя и заступника в нужде...» [10, с. 140–141, 146].

Подводя итог, отметим, что, как и в других случаях, С. С. Уваров занимал, с одной стороны, скажем так, среднюю позицию между эмансипаторами и явными консерваторами, а с другой — старался подладиться под тогдашнюю конъюнктуру, в данном случае под мнение Николая I по крестьянскому вопросу.

Список литературы

1. Бессараб М. Я. Жуковский. — М.: Современник, 1975. — 316 с.
2. Виттекер Ц. Х. Граф Сергей Семенович Уваров и его время / Пер. с англ. Л. Н. Лужецкой // СПб.: Академический проект, 1999. — 350 с.
3. Выскочков Л. В. Николай I и его эпоха. Очерки истории России второй четверти XIX в. — М.: Академический проект, 2018. — 999 с.
4. Греч Н. И. Записки о моей жизни. — М.: Книга, 1990. — 396 с.
5. Долгих А. Н. Деятели «Арзамаса» и крестьянский вопрос в России в дореформенный период // Вопросы исторического и экологического регионоведения. Сборник статей участников III Всероссийской научно-практической конференции / Отв. ред. В. И. Грубов, ред. А. А. Исаков. — Арзамас: Издательство Арзамасского филиала ГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского» (Арзамас), 2022. — С. 117–121.
6. Ерошкин Н. П. Крепостническое самодержавие и его политические институты: (Первая половина XIX века). — М.: Мысль, 1981. — 252 с.
7. Зорин А. Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII — первой трети XIX в. — М.: Новое литературное обозрение, 2004. — 414 с.
8. История СССР с древнейших времен до наших дней: в 2 сериях в 12 т. Первая серия. Т. IV. — М.: Наука, 1967. — 744 с.
9. Казаков Н. И. Об одной идеологической формуле николаевской эпохи // Контекст — 1989. — С. 5–41.
10. Консерватизм: pro et contra, антология / Сост., вступ. ст., коммент. А. Я. Кожурина, предисл. А. А. Сеницына. — СПб.: РХГА, 2016. — 1120 с.
11. Литературное общество «Арзамас»: история и современность. Сборник научных статей / Отв. ред. С. Н. Пяткин // Арзамас; Н. Новгород: ООО «Растр», 2015. — 552 с.

12. Ляшенко А. М. Николай I. Случайный император. — М.: АСТ-ПРЕСС-КНИГА, 2013. — 224 с.
13. Окунь С. Б. История СССР. Вторая четверть XIX в. — Л.: ГУПИ МП РСФСР, Ленинградское отделение, 1957. — 431 с.
14. Павленко Н. И. Михаил Погодин. — М.: Памятники исторической мысли, 2003. — 360 с.
15. Пресняков А. Е. Закрепощение в императорской России // Архив истории труда в России. — Кн. 4. — Пг., 1922. — С. 14–22.
16. Пытин А. Н. Общественное движение в России при Александре I. Исследования и статьи по эпохе Александра I. — СПб.: Академический проект, 2001. — 560 с.
17. Рудницкая Е. А. Поиск пути. Русская мысль после 14 декабря 1825 года // Изд. 2-е. — М.: Эдиториал УРСС, 2004. — 272 с.
18. Тарасов Б. Н. Рыцарь самодержавия. Черты правления Николая I // Николай Первый и его время: В 2 т. — Т. 1 / Сост., вступ. ст. и коммент. Б. Н. Тарасова. — М.: Олма-Пресс, 2002. — С. 3–56.
19. Уваров С. С. Избранные труды / Автор перевода В. С. Парсамов; сост., авторы вступ. ст., коммент. В. С. Парсамов, С. В. Удалов. — М.: РОССПЭН, 2010. — 720 с.
20. Шевченко М. М. Записка 1841 года об Остзейском крае из архива графа С. С. Уварова // Величие и язвы Российской империи: Международный научный сборник к 50-летию О. Р. Айрапетова / Сост. В. Б. Каширин, предисл. А. В. Ганина. — М.: ИД «Регнум», 2012. — С. 121–158.
21. Шевченко М. М. Записка С. С. Уварова о крепостном праве в России (1830–1831) // Тетради по консерватизму: Альманах. № 1. — М.: Некоммерческий фонд — Институт социально-экономических и политических исследований. 2018. — С. 335–362.
22. Шевченко М. М. Конец одного величия: Власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге Освободительных реформ. — М.: Три квадрата, 2003. 272 с.

Abstract

The article is devoted to the views on the peasant question of one of the creators of the theory of «official nationality» S. S. Uvarov.

Key words: *S. S. Uvarov, serfdom, theory of «official nationality».*

Информация об авторе: Долгих Аркадий Наумович, доктор исторических наук, профессор, Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, Липецк, adonli@mail.ru

ТРИУМФ И ТРАГЕДИЯ Г. К. КРАСНОВА (1902–1971)

Елисеев Виктор Владимирович

МБУ ДО ДЮОЦ «Ритм» поселка Добринка Липецкой области

Аннотация

Статья посвящена основным этапам жизни Г. К. Краснова, который долгие годы возглавлял один из передовых колхозов Воронежской области имени Ильича, участника Всемирной выставки в Нью-Йорке.

Ключевые слова: Г. К. Краснов, коммуна имени Ильича, майор, павильон, ВСХВ, колхоз, Первый Всесоюзный съезд колхозников-ударников.

Архивные данные свидетельствуют, что Григорий Корнеевич Краснов родился 29 января 1902 в селе Новочеркутино Усманского уезда Тамбовской губернии (ныне Добринский район Липецкой области) в крестьянской семье. Имел образование семь классов. Сохранилась партийная характеристика: «Краснов Г. К. член ВКП(б) с 1927 года, партийный билет № 321897. Идеологически устойчив, классово выдержан, пользуется несомненным авторитетом среди коммунаров и коммунистов. Политически грамотный, партийным взысканиям не подвергался» [4; л. 2]. Газета «Красная Звезда» позднее дает такую характеристику этого человека: «Григорий Корнеевич Краснов — высокий, статный, широкоплечий мужчина» [6]. Его сын Юрий Григорьевич вспоминает: «Но не внешняя привлекательность была в нем главным. Отец обладал живым, смекалистым умом, твердым характером, хозяйственной предприимчивостью, умением преодолевать любые трудности» [2]. Еще в 1929 году на земле, принадлежавшей графу Орлову-Давыдову, со всей округи собрались люди и организовали сельскохозяйственную коммуны. Назвали ее именем Ильича. Первоначально это были 21 семья бедняков из разных мест и разных национальностей — русские, украинцы, белорусы, евреи, немцы Поволжья. Практически у них не было ничего, кроме рабочих рук и упорного желания строить новую жизнь. Коллективная жизнь еще никем не была пройдена и изведена. У государства взяли кредиты, но не сумели ими распорядиться — большей частью их растащили и потратили на потребительские нужды. Вот тут-то и бросили на «прорыв» Григория Краснова. На очередном заседании правления его избрали председателем коммуны. Ему тогда было 28 лет.

В 1948 году районный центр Добринку тогдашней Воронежской области и колхоз имени Ильича посетил корреспондент газеты «Красная Звезда» Дмитрий Рудь. Он встречался с Красновым, колхозниками и свои впечатления отразил в статье «Так возрождается слава». Журналист предлагает нам заглянуть в кабинет председателя: «Зачем собрались в этот поздний час бригадиры, полеводы, животноводы, строители? На очередной ежевечерний наряд? Нет. Они пришли обменяться новостями, посоветоваться с председателем, друг с другом, сообща раз решить неожиданно возникшие текущие вопросы» [6]. Каждодневные наряды в колхозе имени Ильича давно были отменены. На протяжении ряда лет до каждой отрасли хозяйства здесь доводился ежемесячный план-наряд на основные виды работ, и каждый бригадир или заведующий той или иной отраслью уже самостоятельно планировал расстановку своих людей, в конечном счете ему было виднее, в какое время и место поставить конкретного человека для выполнения им трудовых обязательств. В условиях тоталитарного политического режима Краснов широко использовал демократические методы управления, подбирая людей, исходя из их организаторских и производственных способностей, расставлял их на хозяйственные участки, и, в конечном итоге, умело руководил кадрами. По всей видимости, знаменитый сталинский лозунг «Кадры решают все» он усвоил на «отлично». Да и крестьяне — народ активный, деятельный. У них на счету каждый день, особенно весной и осенью.

А «кадры» у Краснова были ему под стать. Константин Васильевич Пчельников заведовал свиноводческой фермой. Еще в 1929 году в коммуне имени Ильича была создана товарная ферма, которая с 1932 года стала племенной. Все началось с приобретения двух маток белой английской породы. Их звали Груня и Галя. Многолетняя кропотливая селекционная работа над улучшением крупной английской породы свиней позволила колхозу вывести свою, так называемую «добринскую» группу свиней. Статистика неумолима, и она свидетельствует о многом. В 1930 году в коммуне насчитывалось всего 26 голов свиней, а в 1932 году — 225. Приплод молодняка за это время фактически увеличился в 2,5 раза. В 1937 году средний доход от свиноматки составил четыре тысячи рублей. В 1939 году на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке (ВСХВ) в Москве четыре свиноматки колхоза были награждены аттестатами. В 1947 году колхоз имени Ильича продал другим колхозам 250 племенных поросят, а в общем достиг продуктивности 1,6 тонны свинины в живом весе на каждые 100 гектаров пашни. И в этом была огромная заслуга К. В. Пчельникова.

Федор Никанорович Григорьев заведовал молочно-товарной фермой (МТФ). Ильичевская МТФ стала лучшей в тогдашней Воронежской области. Статистические данные говорят о том, что за два года — с 1930 по 1932 год надои молока от одной коровы увеличились в 2,5 раза. В 1930 году они составляли 600 литров, в 1932 году — 1425 литров. К 1938 году 135 ильичевских коров были занесены в государственную племенную книгу. Эти коровы давали от 2000 до 4000 литров молока. Колхоз имел 200 чистокровных голов симментальской породы коров, которые считаются до сих пор одними из лучших производителей молока. Но самым крупным достижением в животноводстве колхоза имени Ильича следует признать тот факт, что после окончания Великой Отечественной войны сельхозпредприятие сумело возродить и восстановить свою племенную конеферму. Заведовал ею потомственный, глубоко преданный своему делу коневода Иван Александрович Воробьев. Фактически с 1933 года он стоял у истоков коневодства нынешнего Добринского района. А началось оно с приобретения кобылы Звездочка и жеребца по кличке Воздух. Когда началась война, колхоз отправил в действующую армию 75 первоклассных лошадей. Ценой невероятных усилий в прифронтовой обстановке Воробьев все же смог сохранить элиту конефермы. Уже в 1947 году колхоз имени Ильича продал другим колхозам области девять племенных лошадей и получил за них 160 тысяч рублей. В 1948 году конеферма насчитывала 35 чистокровных лошадей русской рысистой породы. Госкомстатом поголовье оценивалось в три четверти миллиона рублей. Позднее был построен ипподром и клуб ильичевских наездников прославился на всю Воронежскую область. На рысаков из поселка Ильича приезжала посмотреть и венгерская делегация

Бригадирами полеводческих бригад были Федор Иванович Дорофеев и Иван Иванович Галактионов. Они наладили связь с опытными станциями и с Воронежским сельскохозяйственным институтом. Сам Григорий Корнеевич позднее вспоминал: «Стали применять новый способ сева в «крест», широколентный сев проса и первыми в коммуне заговорили об удобрении полей». Под руководством Краснова сельскохозяйственная коммуна достигает солидных производственных показателей: поднятие урожайности ржи с 11,6 центнеров в 1930 году до 15,1 центнера с одного гектара в 1932 году, проса — с 10 центнеров с гектара в 1930 году до 15,4 центнера в 1932 году. С 1947 года колхозникам на трудодень выдавалось по 2–2,5 килограмма зерновых и 7–8 рублей денежной оплаты. Неплохие результаты были и в овцеводстве. Выращивали метисов породы Рамбулье. Архивные данные свидетельствуют следующее: в 1930 году была только 31 голова овец, а в 1932 году — уже 213 голов. Бригадир Иван Наумов от каждых 100 маток получал 140 ягнят. Отнюдь не случайным представляется тот факт, что на базе колхоза в 1949 году по инициативе редакции газеты «Коммуна», обкома ВКП(б) и облисполкома состоялась областная научная зооветеринарная конференция. Присутствовало свыше двухсот научных работников, специалистов, передовиков производства области. В ходе конференции с речью об успехах колхозного строительства выступил Г. К. Краснов: «Нет сомнения, что наши животноводы, преисполненные желания активно участвовать в осуществлении трехлетнего плана развития обще-

ственного животноводства в тесном сотрудничестве с научными работниками области успешно справятся с поставленными перед ними задачами». Конференция наметила широкую программу взаимодействия научных достижений и их практического применения для быстреего выполнения трехлетнего плана. Таким образом, Краснов, опираясь на своих помощников в области полеводства и животноводства и при этом осуществляя связь с сельхозинститутами, поставил производство на научную основу. В зоотехническом кружке постоянно повышали свое образование животноводы Н. М. Ильина, Е. С. Пчельникова, А. Смольянинова и К. Кирилина. Выращенные ими племенные животные поставлялись во многие области РСФСР и союзные республики — Украину, Узбекистан, Белоруссию. О становлении будущего колхоза, его успехах Краснов поведал 19 февраля 1933 года на Первом Всесоюзном съезде колхозников-ударников передовых колхозов [5; с. 256]. Сохранился стенографический отчет выступления Григория Корнеевича и фото, на котором он изображен со Сталиным.

В 1935 году коммуна перешла на устав сельхозартели — колхоза. Был выдвинут лозунг, призывающий колхозников принять участие в социалистическом соревновании — стахановском движении. И вновь в хозяйстве были найдены методы стимулирования подъема производства. Наиболее деятельных колхозников поощряли премиями, благодарностями. В этом же 1935 году несколько тружеников получили правительственные награды, в том числе и председатель — орден Трудового Красного Знамени. Высоких результатов добились конюх Невзоров и телятница Беликова, бригадир Верзилин и его помощник Крутских. Многие колхозники брали пример с семьи М. Аленичева. В 1937 году он вместе с семьей заработал 2292 трудодня и получил на них одну тысячу пудов хлеба, 7500 рублей денежного вознаграждения. Это позволило ему купить велосипед, швейную машинку, патефон, четыре зимних пальто, два костюма, каждому члену семьи — валенки и галоши. Кроме того, в его подсобном хозяйстве были корова, свиньи, овцы, птица. Прославилась высокими надоями В. И. Ильина, награжденная в 1939 году орденом Ленина. Были отмечены наградами и свинари Раков, Елецкий, Лессер. В 1939 году колхоз имени Ильича представлял Воронежскую область на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке (ВСХВ). Экспонаты, привезенные колхозниками из российской глубинки, демонстрировались в Главном павильоне выставки, в павильоне Воронежской области и в павильоне «Животноводство» [3; с. 37]. В этом же году колхоз имени Ильича представлял Советский Союз на Всемирной выставке в Нью-Йорке. Специально для этой выставки художник Иогансон написал картину «Праздник урожая в колхозе имени Ильича». В 1940 году колхоз имени Ильича был награжден орденом Ленина «...за выдающиеся успехи в сельском хозяйстве и за перевыполнение показателей Всесоюзной выставки в течение двух лет 1937–1938 годов». К этому времени урожай зерновых превысил 30 центнеров с гектара, сахарной свеклы — 380 центнеров с гектара. Надои молока превысили 2,5 тысячи литров от одной коровы. Самоотверженный труд ильичевцев позволил благоустроить поселок. Были проведены электричество и водопровод, построены сыродельный и маслобойный заводы, колбасная, школа, восьмиквартирный двухэтажный дом, ясли, роддом, приобрели четыре автомашины, построили ветряную мельницу. Колхоз «обзавелся» собственной парикмахерской, библиотекой, клубом, действовал народный хор, а позднее был создан джаз-ансамбль. Также был открыт детский дом для сирот со всего района на средства колхоза. Лично Краснов следил за ходом строительства. Одна из его воспитанниц, Е. П. Свечникова, вспоминает, что в детдоме было двенадцать детей из разных селений района. Воспитатель Наталья Стрельникова окружила их заботой и вниманием. Часто заходил и председатель колхоза. По словам Елены Павловны, которая с одиннадцати лет трудилась в коммуне вместе с братом и сестрой, отмеченная рядом правительственных наград, что «грех сказать о Краснове что-то плохое, таких людей сейчас нет». Начавшаяся война внесла свои коррективы в работу колхоза. Большинство мужчин ушло на фронт. В тылу трудились женщины, старики, подростки. В январе 1943 года колхозники обратились ко всем жителям Воронежской области с обращением: «Следуя примеру славных патриотов завода имени Молотова, мы решили ознаменование 25-й годовщины создания Рабо-

че-Крестьянской Красной Армии обмундировать взвод красноармейцев. Каждый боец получит от нас полушубок, пару валенок, шапку, пару варежек, пару теплых чулок, два носовых платка, кист с табаком. Мы призываем всех колхозников и колхозниц Воронежской области подхватить нашу инициативу. Члены небольшого колхоза могут обмундировать взвод, район — одну или две роты, область — несколько полков».

«Когда началась война, — вспоминает сын Григория Корнеевича, Юрий Григорьевич, — отец был направлен на шестимесячные курсы в Военную академию имени Фрунзе, а затем отбыл на фронт» [2]. Призывали его уже из Воронежа, где он возглавлял сельхозотдел обкома партии. Воевал Краснов на Юго-Западном фронте, был комиссаром механизированной бригады, на 1-м Украинском фронте в должности заместителя начальника политотдела тыла 4-й гвардейской танковой армии. Был награжден орденами Отечественной войны 2-й степени, Красной Звезды. В ходатайстве о награждении орденом Отечественной войны говорилось, что майор, заместитель по политической части начальника штаба 49-й механизированной бригады 5-го механизированного корпуса Краснов «...11–19.12.1942 года при выбытии из строя начальника штаба и других штабных работников... сумел организовать бесперебойную работу штаба, доставку горючего, боеприпасов, продовольствия и эвакуации раненых на поле боя. В результате чего 11–19.12.1942 г. боевой приказ командования бригады был выполнен. Населенные пункты Н. Калиновка, Ново-Дербеновский Когановического района Сталинградской области заняты нашей бригадой и захвачены трофеи... 30–31.12.1942 г. в боях за ст. Чернышковский Ростовской области тов. Краснов под сильной бомбежкой противника и при выходе начальника штаба капитана Михайлова из строя, сумел быстро организовать доставку горючего и боеприпасов, что дало возможность обойти ст. Чернышковскую из тыла и занять населенный пункт Красный Яр, совхоз им. Сталина. В результате чего был выполнен приказ командования бригады. Взятые крупные населенные пункты Покровский, Донской и Широко-Атамановское, за эти бои было взято в плен немецких солдат и офицеров до 200 чел...» [7; Л. 47]. В ходатайстве на награждение орденом Красной Звезды 7 марта 1945 года отмечалось, что майор Краснов, будучи заместителем начальника политического отдела тыла 4-й танковой армии, «...показал себя во время операции как организатор партийных и комсомольских организаций, а также личного состава на выполнение приказов Военного Совета...». Он организовал работу госпиталя, «провел большую работу с партийной организацией на быстрейший ремонт машин...» и «в трудных условиях приводил колонну с боеприпасами...» [7; Л. 52]. Награжден он был также медалями «За оборону Сталинграда», «За освобождение Праги», «За взятие Берлина», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне». 24 июня 1945 года Григорий Корнеевич был приглашен на Парад Победы и банкет в Кремле. Домой, в ставший ему родным колхоз имени Ильича и одноименный поселок он вернулся в звании «майор», оставив свою надпись на одной из колонн поверженного рейхстага: «Воронеж — Краснов».

В областном комитете партии ему сказали: «Вот что, Григорий Корнеевич, есть у тебя хозяйская хватка, опыт. Возвращайся-ка в родной колхоз и сделай из него показательный участок — поселок нового типа, чтобы на этом примере могли учиться другие». Его вновь в 1946 году избирают председателем колхоза. Хозяйство после окончания войны находилось в тяжелом состоянии. Лошади и крупный рогатый скот болели, свиней, к тому же сильно истощенных, осталось всего 47 голов. Хлеб, урожай 1945 года так и остался необмолоченным в скирдах. Позднее сам Краснов писал: «Вот при таком положении дел я и приступил к руководству колхозом». В 1946 году колхоз имени Ильича в числе пяти экспериментальных хозяйств тогдашнего Советского Союза был утвержден для строительства в нем социального городка. Разработанный Комитетом архитектуры при Совете Министров СССР макет был утвержден в качестве примерного для остальных хозяйств страны. План социального городка помогали проектировать заведующий отделом архитектуры при Совете Министров СССР Борис Владимирович Каземиров и архитектор Белов. Социально-экономическое развитие предусматривало строительство 180 объектов производственного, жилищного и культурно-бытового назначения, в том числе и нового клуба. В личном

архиве Краснова сохранилось письмо от 12 июля 1948 года, которое прислал заместитель ответственного секретаря журнала «Молодой колхозник» Н. Гольшев. Он интересовался проектом нового клуба в колхозе и просил прислать фотографии, посвященные жизни молодежи, досугу комсомольцев. Краснов принял участие в диспуте о проекте колхозного клуба. Диспут проводил журнал. Сохранился текст выступления Григория Корнеевича: «...В колхозе успешно развивается народное творчество, у нас есть хор, в струнном кружке состоит 32 колхозника, занимаются 2 раза в неделю. Есть кружки рисования, рукоделия, фотокружок... Здание клуба, по моему глубокому убеждению, должно обязательно целиком принадлежать ему. Я хочу сказать, что в нем не следует размещать ни правление колхоза, ни хаты-лаборатории, ни, тем более, комнат для приезжих, как это иногда практикуется... В правлении выдаются наряды, там всегда полно народу и нередко бывает шумно. Хату-лабораторию обычно оборудуют ящиками с землей, размещают снопы, которые хранятся 9–10 месяцев, и там разводятся мыши. Разве можно это допустить в клубе? (Голоса из зала: Нет!. Ни в коем случае! Архитекторы должны об этом хорошо подумать» [2]. Краснову было безразлично будущее колхоза, молодежи. Он продумывал все до мельчайших деталей: какими должны быть внутренние помещения клуба, каким его внешний вид. Он предлагает серьезно браться за строительство общественных и культурных зданий. Он считал, что здания культурно-массового назначения должны украшать города и села. По плану-макету и велось в колхозе строительство. Им занималась специальная бригада в составе 76 человек. Хозяйство росло и крепло из года в год. Если в 1946 году доход колхоза имени Ильича составлял 1 миллион рублей, то в 1948 году составил уже 2 миллиона 163 тысячи рублей. Урожай зерновых составлял 18–20 центнеров с одного гектара, а сахарной свеклы — по 285 центнеров с одного гектара.

За достигнутые успехи Краснов должен получить Звезду Героя Социалистического Труда. Но нашлись недруги. Его сын Юрий Григорьевич вспоминает: «Но всесоюзная слава отца кое-кому застила глаза. В их числе оказались секретарь райкома партии Зеликов и секретарь колхозной парторганизации Загвоздкин. Местные власти вознамерились сместить отца, тут же появились «претенденты» на его место. Но они не нашли понимания у тогдашнего секретаря обкома партии Тищенко. Однако, тем не менее, маховик репрессий завертелся... Родилась версия, что отец строит две дачи: одну под Москвой, другую под Воронежем. Начали искать, но не нашли. Эксперты проверили: весь лес в деле. Тем не менее, отца осудили на 15 лет лагерей. Все наше имущество было описано и вывезено. Дома остались голые стены. В школу я пошел в каких-то сандалиях, простудился, в результате чего пропустил целый год учебы. Мать поехала в Воронеж «искать правду». Женщина-следователь областной прокуратуры в доверительной беседе заявила, «что отца судить не за что», намекнула, что за 10 тысяч рублей «дело» можно закрыть. Но у матери не было за душой ни копейки» [2]. Судили Григория Корнеевича по статье «Нарушение устава сельхозартели». Так и оказался он далеко от родных мест, под Карагандой, в казахстанских степях. Только после 20-го съезда КПСС он был реабилитирован. Домой вернулся в августе 1956 года и сразу заявил: «Поеду в ЦК, буду восстанавливаться в партии». И, действительно, скоро был восстановлен. Тогдашний первый секретарь Добринского райкома партии Алексеенко послал Григория Корнеевича на новую работу — заведующим инкубатором [2]. Последние двенадцать лет, до ухода на пенсию, он работал директором Добринского хлебоприемного пункта «Заготзерно». И здесь проявились его чисто человеческие качества и черты руководителя: тактичность, доброта, требовательность, дисциплинированность. Одна из работниц «Заготзерно» Зоя Михайловна Шибаева вспоминает: «Григорий Корнеевич был всегда чисто одет, подтянут, доброжелателен с подчиненными. Его распоряжения просто невозможно было не выполнять. Да и рабочие относились к нему с большим уважением». Такое же мнение о Краснове высказала и рабочая «Заготзерно» Н. А. Алексеева. С большой благодарностью Нина Алексеевна вспоминает, как, оказавшись в трудном положении, без работы, без жилья, с ребенком на руках, получила в течение трех месяцев и работу, и новый дом, построенный для... Краснова А сам директор продолжал жить в небольшой комнатке на территории «Заготзерно» — элеватора [1]. С теплотой вспоминает о Гри-

гории Корнеевиче и его сноха Галина Ивановна, называя его «добрым и отзывчивым человеком». А Раиса Ивановна Огаркова вспоминает, что Краснов был добр к ее матери Евдокии Федоровне Путилиной, оставшейся после войны вдовой с шестью детьми. Приезжая в район на совещание, он всегда привозил продукты питания семье и проявлял заботу о детях.

Двенадцать лет до ухода на пенсию он работал директором элеватора. Умер первый председатель передового колхоза имени Ильича, воин, оставивший свой автограф на стене поверженного рейхстага, Г. К. Краснов 4 января 1971 года. Чуть более года не дожил Григорий Корнеевич до своего семидесятилетия. Похоронили его на местном кладбище в поселке Добринка, в которой он провел последние пятнадцать лет.

Список литературы

1. Воспоминания Алексеевой Нины Алексеевны. Записаны Елисеевым Виктором Владимировичем 23 марта 1999 года. Хранятся в архиве В. В. Елисеева.
2. Воспоминания Краснова Юрия Григорьевича. Записаны Елисеевым Виктором Владимировичем 20 марта 1999 года. Хранятся в архиве В. Н. Елисеева.
3. Всесоюзная сельскохозяйственная выставка. 1939. — Москва, 1939.
4. Казенное учреждение Воронежской области «Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области» (КУ ВО «ГАОПИ ВО». ф. 194, оп. 1, д. 3.
5. Первый Всесоюзный съезд колхозников-ударников передовых колхозов. 15–19 февраля 1933 г. Стенографический отчет. — Москва-Ленинград, 1933.
6. *Рудь Дмитрий*. Так возрождается слава // Красная звезда, 1948, — № 43.
7. Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО). ф. 34, оп. 1, д. 17453.

Abstract

The article is devoted to the main stages of the life of G. K. Krasnov, who for many years headed one of the leading collective farms of the Voronezh region — named after Ilich, a participant in the World Exhibition in New York.

Key words: *G. K. Krasnov, Ilyich commune, major, pavilion, VSKHV, kolkhoz, First All-Union Congress of collective farmers- udarniks.*

Информация об авторе: Елисеев Виктор Владимирович, методист, краевед, учитель истории, Муниципальное бюджетное учреждение дополнительного образования Детско-юношеский центр «Ритм» поселка Добринка Липецкой области (МБУ ДО ДЮОЦ «Ритм» поселка Добринка Липецкой области), Ieliseiev.58@mail.ru

МИРОВОЕ СТРАДАНИЕ В РЕЛИГИОЗНОЙ ФИЛОСОФИИ С. Л. ФРАНКА

Мочинская Ксения Александровна

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Саратов

Аннотация

В статье рассматривается интерпретация смысла мирового страдания в религиозной философии С. Л. Франка. Анализируется понятие страдания как индивидуального переживания и всеобщего. Раскрывается онтологическое значение мучения. Выявляется положительная трактовка трагизма жизни. Делается вывод о взаимосвязи страдания и любви в аспекте сострадания.

Ключевые слова: философия страдания, философия любви, сострадание, русская религиозная философия, метафизика всеединства С. Л. Франка.

Проблема страдания нередко проявляется в действительности человека. Любое переживание по своей сути отражает душевную или физическую боль. И на данный момент уже становится очевидным то, что любого рода мучение возникает в личном опыте индивида. Однако если существует субъективное явление страдания как переживания конкретного человека, то есть и объективное, при котором болезненное переживание испытывает множество людей и все живое в целом. Здесь подразумевается именно феномен мирового страдания.

Обозначенная проблема наиболее раскрывается в религиозной философии русского мыслителя С. Л. Франка. Момент страдания выступает как то, что имеет необходимость в собственном объяснении или, по-другому, в таком переживании должен быть смысл. Это и доказывает действительность боли, поскольку следствием поиска значения терзания будет выступать его существующая реальность проявления. В частности, философ полагает, что «универсальный факт мирового страдания, свидетельствующий о некоей роковой бессмысленности мирового бытия, не может не смущать нашей мысли; в лице этого факта мы стоим перед необходимостью принять как нечто последнее слепую, темную, тяжкую фактичность» [3, с. 549]. Иными словами, страдание позволяет искать его смысла, поскольку в противном случае сама действительность бытия подвергалась бы сомнению в собственном существовании.

Итак, для начала необходимо обозначить содержание понятия страдания. К примеру, Э. Л. Радлов трактует такое переживание как «душевное состояние, противоположное наслаждению» [2, с. 356], при этом терзание проявляется как душевно, так и физически. Интересным здесь выступает значение страдания как изначально «душевного». Если интерпретировать терзание лишь через его чувственное содержание, то необходимо конкретное проявление боли, что наиболее представляется в индивидуальном опыте человека. Кроме того, при усмотрении смысла мучения только в его эмпирическом содержании само понятие страдания значительно ограничивается. И напротив, переживание как «душевное» состояние позволяет «объединить» болезненный опыт многих личностей, то есть возвести его на уровень всеобщего. Следовательно, в этом моменте уже возможно отметить проявление мировой боли.

В концепции С. Л. Франка понятие страдания интерпретируется как «некий общий, всеобъемлющий аспект несовершенства, внутренней надломленности и дефективности бытия» [3, с. 349]. Как моральное зло мучение раскрывается в его испытании и причинении. Здесь подразумевается аспект воздействия переживания. При испытании боли имеется в виду внутреннее состояние, а причинение трактуется с точки зрения внешнего действия. Однако поиск смысла терзания отображает сторону положительного содержания рассматриваемого понятия.

Такой момент возможно выявить через мировое мучение, поскольку оно есть «большая реальная мука» [3, с. 550]. Интерпретация боли в представлении ее действительно существующей и проявляющейся в жизни, как полагает С.Л. Франк, убеждает человека начать поиск смысла своего переживания. Следовательно, необходимо обозначать эту положительную суть терзания.

Философ указывает на то, что существенный признак любого мучения — преодоление. Исходя из этого, болезненное переживание характеризуется как положительное через понятие преодоления, которое реализуется в «претерпевании» страдания. В данном моменте обнаруживается способность человека «выстрадать» или «перестрадать» боль [3, с. 551]. Мыслитель отмечает, что в данном случае испытываемое состояние суть «исцеление» в трактовке совершенствования.

Указанное объяснение обосновано концепцией всеединства С.Л. Франка, согласно которой подлинная реальность или первооснова заключается в Боге. Именно обозначенная действительность совершенна, а страдание есть благо, что открывает путь к этой божественной реальности. К примеру, философ отмечает: «Одна из самых очевидных закономерностей духовной жизни состоит в том, что вне страдания нет совершенства, нет полного, завершенного, незыблемо-прочно утвержденного блаженства» [3, с. 551]. Иными словами, преодоление болезненного состояния ведет человека к совершенствованию. Однако страдание явлено здесь не только с точки зрения этики, но и с акцентом на онтологическое содержание. В частности, испытанное индивидом мучение в личном опыте позволяет понять боль другого человека. Следовательно, возможно усмотреть «общее» через конкретное мучение. В аспекте онтологии совершенной реальности противостоит несовершенная или «мирская». Так, согласно философской концепции С.Л. Франка, изначально всеединое бытие распадается в результате чего возникает мир. Здесь выражается наличие противоречия между божественным бытием с основой в Боге, то есть первоначальной реальностью и иллюзорной, отпавшей от основы реальностью, которая содержит в себе аспект небытия, зла.

Обозначенное противоречие выражается в «антагонистической реальности» [3, с. 552], что связана со смыслом действительного наличия страдания в жизни. Само существование мучения позволяет стремиться к совершенству через боль и трагизм. При этом важен факт проявления мучения в мировом значении.

Очевидно, что феномен страдания невозможно отрицать, чем и обосновывается наличие всеобщей боли. Однако процесс совершенствования в данном аспекте позволяет выявить не просто факт существования терзания, а являет собой понимание в отношении других людей. К примеру, И.А. Ильин предполагает: одним из «законов нашего мира» является то, что «все существа и все вещи несовершенны и должны восходить к совершенству в борьбе и страдании» [1, с. 166]. Но важно не только обнаружить и осознать этот закон, а постигнуть его. Подобное осмысление обозначается мыслителем через восприятие «страдающего мира», которое для человека выражается в данности «страдать о страданиях мира, т. е. испытывать мировую скорбь» [1, с. 167].

Но здесь и возникает вопрос о том, как раскрывается на деле указанное постижение. Смысл рассматриваемого понимания выявляется в феномене сострадания. Именно состояние терзания за боль другого человека отражает отмеченное понятие. Причем такого рода чувство не обладает спонтанной характеристикой или некой эмоцией. Напротив, оно имеет свою основу и предстает как осмысленное.

Как полагает С.Л. Франк, рассматриваемое ощущение обосновано в любви. Очевидно, что с акцентом на онтологию смысл выделенного понятия заключается в положительном содержании. Согласно концепции философа, любовь суть первореальность или божественное бытие. Отсюда следует, что только через смысл любви возможно преодолеть противоречие божественного и мирского, восходить к совершенству.

Главным образом подобную интерпретацию мыслитель усматривает в христианстве, обозначая его как «религию любви». Именно установка на объединение и стремление к единству выступают основными характеристиками для С.Л. Франка. В частности, философ пишет: «Христианство, в качестве религии любви, т. е. религии, определенной восприятием общего божественного

происхождения и божественной ценности всех людей, и потому их сопринадлежности к всеобъемлющему целому, объединенному любовью, — универсалистично» [4, с. 606]. Или, по-другому, различия, разобщенность, всякое разделение, распад и отчужденность преодолеваются любовью, которая является основой божественной реальности.

Страдание как индивидуально-личностное выходит за рамки ограничения опытом конкретного человека в преодолении и выходит на уровень всеобщего в феномене сострадания. Ориентиром на единение выступает обоснованность значимостью любви. И сострадание, как «приятие» боли другого человека, будет усматриваться в контексте признания ценности личности. В метафизике русского мыслителя этот аспект «объединяющая сила любовного восприятия человека, как начала абсолютно-ценного» [4, с. 606]. Отсюда, возможно заключить, что распад, характеризующий мирское бытие, также преодолевается через подобное единение.

Мировое страдание способствует рассмотренному объединению. Трагизм жизни уже является собой действительное наличие первоосновы. И при таком условии кажется, что вся история человеческой жизни представляет собой постоянное «крушение надежд». Здесь мучение выступает в отрицательном контексте, где подлинным признается лишь мирское существование. Но возможно подвергнуть эти надежды сомнению, то есть усмотреть смысл не в материальных потребностях и эгоистичном самоутверждении, а в душевной жизни и свойственных ей различных состояниях, к числу которых относится и страдание. Именно такой момент раскроет положительное в переживании. И даже более, С. Л. Франк полагает, что вся история мирского существования теперь «становится страдальческим, но разумно-осмысленным путем всечеловеческой жизни» [5, с. 132]. Трагичность мира содержит в себе положительное значение через религиозный смысл бытия. Страдание является путем к метафизическому целому.

Таким образом, в религиозной философии С. Л. Франка раскрывается смысл мирового страдания. Болезненное состояние проявляется не только в индивидуальном опыте человека, но и выходит на уровень всеобщего. Подобный трагизм жизни включает в себе возможность преодоления боли, в чем и представляется положительная трактовка терзания. Данный аспект выражается в стремлении к совершенству и единству с основой в любви. Указанное значение наиболее обнаруживается в феномене сострадания. Мировое страдание в смысле его преодоления выступает как стремление к метафизическому целому, единству.

Список литературы

1. Ильин И. А. Поющее сердце. Книга тихих созерцаний. — М.: ДАРЪ, 2019. — 320 с.
2. Радлов Э. Л. Философский словарь: логика, психология, этика, эстетика и история философии // Иваново: Роща Академии, 2013. — 416 с.
3. Франк С. Л. Непостижимое: Онтологическое введение в философию религии // Сочинения. — М.: Правда, 1990. — 608 с.
4. Франк С. Л. С нами Бог. — М.: АСТ, 2003. — 750 с.
5. Франк С. Л. Смысл жизни. — Брюссель: Жизнь с Богом, 1976. — 170 с.

Abstract

The article examines the interpretation of the meaning of world suffering in the religious philosophy by S. L. Frank. The concept of suffering as an individual experience and universal is analyzed. The ontological meaning of torment is revealed. A positive interpretation of the tragedy of life is identified. The conclusion is made about the relationship between suffering and love in the aspect of compassion.

Key words: *philosophy of suffering, philosophy of love, compassion, Russian religious philosophy, metaphysics of all-unity by S. L. Frank.*

Информация об авторе: Мочинская Ксения Александровна, аспирант кафедры теологии и религиоведения, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Саратов, ksenia_mochinskaya@rambler.ru

БОРЬБА АРХИМАНДРИТА ФОТИЯ (СПАССКОГО) С МИНИСТРОМ ДУХОВНЫХ ДЕЛ И НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ А. Н. ГОЛИЦЫНЫМ И ЕГО РЕЛИГИОЗНОЙ КОНЦЕПЦИЕЙ РЕФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Чжен Владимир Сергеевич

Московский государственный областной университет, Москва

Аннотация

В данной научной статье автором была выстроена историческая последовательность борьбы между двумя коалициями: мистико-космополитической группировкой во главе с обер-прокурором А. Н. Голицыным и самобытно-православной группировкой во главе с архимандритом Фотием (Спасским). Кроме того, был дан анализ концепции религиозного реформирования Российской империи у министра духовных дел и народного просвещения Александра Николаевича Голицына.

Ключевые слова: Николай Александрович Голицын, архимандрит Фотий (Спасский), министерство духовных дел и народного просвещения, Российское Библейское общество, мистико-христианская концепция.

Князь Александр Николаевич Голицын родился 8 декабря 1773 г. в семье капитана гвардии князя Н. С. Голицына и Александры Александровны Хитрово. Именно его мать хотела, чтобы А. Н. Голицын получил хорошее образование и, используя связи с статс-дамой императрицы Екатерины II Алексеевны М. С. Перекухихиной, могла добиться того, чтобы сын был зачислен в Пажеский корпус за казенный счет. После выпуска из данного корпуса в 1794 г. А. Н. Голицын был принят поручиком в Преображенский полк, но, почувствовав, что это ремесло не его, вернулся к придворной жизни и стал камер-юнкером малого двора великого князя Александра Павловича — будущего императора [3, с. 30]. Именно в этот период А. Н. Голицын познакомился с Александром Павловичем, став для последнего «confidentdesamours», что сделало дружбу двух энергичных деятелей более крепкой [3, с. 31]. По восшествию на престол император Александр I Павлович стал активно продвигать своего товарища по политической карьере: сначала назначил его обер-прокурором I-го, а затем III-го департаментов Правительствующего Сената, а потом — обер-прокурором Святейшего Синода. С тех пор жизнь А. Н. Голицына была неразрывно связана с религиозной сферой, он стал главным церковным идеологом в Российской империи.

После изгнания французского императора Наполеона I Бонапарта и его армии из Российской империи личные взгляды государя Александра I Павловича сильно изменились: если раньше он относился равнодушно к религии, то теперь он в нее погрузился, глубоко изучая мистические течения христианства. Этот поворотный момент стал и причиной создания А. Н. Голицыным собственной церковной концепции: «...объединить человечество в лоне «истинного» христианства, мистики настаивали на том, что каждая церковь должна отрешиться от всего, что ведет к религиозной розни, — конфессионального богословия, обрядовых споров, миссионерства, прозелитизма» [3, с. 73]. А. Н. Голицын считал, что перед российским государем равны все подданные, даже в религиозном плане, потому нужно создать те условия, при которых рождается веротерпимость. Условия в основном заключались в том, чтобы отказаться от миссионерской деятельности и чтобы принять участие в изготовлении проектов Российского Библейского общества. Прерогативы Библейского общества настолько были расширенными, что оно стало издавать Библию на церковно-славянском языке и распространять по всей империи, раздавая представителям всех сословий

без каких-либо различий, хотя до этого издания священных книг было привилегий только Святейшего Синода. А в 1816 г. император Александр I Павлович выступил с инициативой издания Библии на русском языке, что стало неслыханным для русского общества тех времен. Все члены Святейшего Синода, несмотря на свою зависимость от обер-прокурора А. Н. Голицына, резко отказались от участия в этом деле — тогда этим занялось Российское Библейское общество, которое поручило перевод Евангелия Санкт-Петербургской духовной академии. Для того, чтобы провести ту же мистико-христианскую линию в соответствии с генеральной линией всей империи, нужно было соединить обер-прокурорскую власть с государственно-бюрократическим аппаратом министерства народного просвещения. Как результат — создание в 1817 г. Министерства духовных дел и народного просвещения, во главе которого стал министр Александр Николаевич Голицын. И данный момент стал пиком могущества императорского фаворита и одновременно взрыв оппозиционной деятельности всех церковных и светских лиц, которые были недовольны деятельностью министра духовных дел и народного просвещения. С этого момента начинается активная политическая борьба между мистико-христианской группировкой во главе с А. Н. Голицыным и консервативно-православной группировкой во главе с архимандритом Фотием (Спасским).

I-й этап борьбы. Образование противоборствующих коалиций Министр народного просвещения и духовных дел А. Н. Голицын в 1822 г. на освящении церкви в Александро-Невской лавре познакомился с архимандритом Фотием (Спасским), для которого министр устроил иерарху личную аудиенцию у императора Александра I Павловича, после чего Фотий стал еще и настоятелем Юрьевского монастыря под Новгородом. Перед отъездом в монастырь архимандрита Фотия приняла императрица Елизавета Алексеевна, на встрече с которой иерарх «объявил» войну министру народного просвещения и духовных дел и его команде: «...до князя Голицына и прочих врагов веры, сынов беззакония» [1, с. 168]. Кроме того, архимандрит предал анафеме министра в гостиную А. А. Орловой, что является уникальным случаем в отечественной истории. Со временем архимандрит Фотий стал открыто бороться с А. Н. Голицыным, обсуждая его действия, называя его «духовным Наполеоном» и обвиняя в отступлении от православной веры.

После таких публичных заявлений на сторону архимандрита встали такие известные сановники Российской империи, как А. А. Аракчеев, А. С. Шишков и многие другие, а сам император Александр I Павлович стал приглашать Фотия все чаще с весны 1824 г. и без осведомления об этих визитах министра А. Н. Голицына. Архимандрит часто обсуждал с государем А. Н. Голицына, особенно беспокоило иерарха то, что император допускал финансирование религиозного общества Госснера: «Когда увидел Фотий, что несколько десятков тысяч привержены к Госснеру, царь Александр 18.000 рублей жалует ему на содержание дома, в коем деяние нечестивое неслыханное для всех» [4, с. 231]. Но невзирая на активные нападки на бывшего обер-прокурора, император так и не решался на отправку в отставку А. Н. Голицына и ликвидации специального министерства.

По мнению Н. Н. Зазулиной это связано с тем, что министр решал важный вопрос с оформлением тайной передачи императорского престола не цесаревичу Константину Павловичу, а великому князю Николаю Павловичу: именно А. Н. Голицын составил черновой вариант манифеста о передаче престола третьему по старшинству младшему брату, который затем 14 января 1822 г. окончательно оформит архиепископ Филарет (Дроздов) [1, с. 170]. Документ затем был отправлен на подпись императору 16 августа 1823 г., а 29 августа 1823 г. в присутствии А. А. Аракчеева архимандрит Филарет (Дроздов) тайно пронес пакет в ризницу Успенского собора в Московском кремле. Затем ради безопасности архимандрит настоял на том, чтобы с наследственных документов сняли копии на случай кризисной ситуации, этим занялся министр А. Н. Голицын, который лично сделал три копии и 15 октября 1823 г. передал в основные государственные учреждения Российской империи, став тем самым одним из немногих придворных людей, знавших о дальнейшей судьбе великого князя Николая Павловича [2, с. 1143] наравне с Константином Павловичем, императрицей-вдовой Марией Федоровной, императрицей Елизаветой Алексеевной, митро-

политом московским Филаретом и др. Есть другая точка зрения, от Назаренко, который считал, что сохранение за А. Н. Голицыным поста связано с тем, что государь не считал ресурс мистико-космополитического проекта выработанным до конца [4, с. 136]. Однако нельзя не отметить, что эти события все равно сильно ослабили позиции бывшего обер-прокурора.

II-й этап. «Дело Госснера» и увольнение министра А. Н. Голицына

В начале января 1824 г. император Александр I Павлович сильно заболел лихорадкой, что стало причиной активных дворцовых интриг: особенно активизировался архимандрит Фотий (Спаский), который 12 апреля 1824 г. направил императору несколько писем в форме политических эссе и проповедей, в которых он раскритиковал идеи И. Е. Госснера в книге «Дух Жизни и Учения Иисуса Христа в Новом Завете», называя автора произведения еретиком и проводником революционной крамолы. Архимандрит Фотий внимательно изучил труд И. Е. Госснера: «Сделал он [Фотий] из некоторых оны выписку заблуждений и возмутительных страшных внушений явных, в удобное время с жалостью читал и изъяснял князю Голицыну» [4, с. 232]. Он разъяснял, что в данной книге поддерживалась биологическая теория происхождения, что не Бог сотворил человека, а «земля первым своим плодородием произвела человека» и люди «случаем или необходимостью соединились для общих нужд», а также в произведении содержались антирелигиозные и еретические элементы: Бог как вымысел человечества, Моисей являлся атаманом разбойников, а израильтяне — разбойниками, христиане есть «гнуснейшее племя», символы веры ставятся под сомнение, Евхаристия считается «мерзостным пиршеством» и многое другое [4, с. 234–236]. Такими крамольными мыслями наполнены все труды учителя И. Е. Госснера. Тогда архимандрит Фотий обратился ко всем членам Синода, обвиняя их в полном подчинении обер-прокурорской власти и отсутствии сил для сопротивления насаждению еретических идей по всей империи А. Н. Голицыным (митрополиты Новгородские и Санкт-Петербургские Амвросий и Михаил вообще не влезали в какие-либо дела, Серафим Глаголевский был слаб здоровьем и не имел сил вмешиваться в церковные дела и т.д.) и предупреждая всех о том, что «в сии сети пагубные ввели царя Александра Императора» [4, с. 248]. Для того, чтобы освободить «кроткого, мудрого, благонамеренного» государя, нужно писать доносы церковным иерархам (в первую очередь архимандрит Фотий надеялся на архиепископа Филарета), в которых описывались пагубные для русско-православного общества деяния министра А. Н. Голицына и его Российского Библейского общества.

В результате многочисленных доносов другого церковного иерарха — митрополита Серафима (Глаголевского) — Госснера выслали из Санкт-Петербурга еще до решения созданной для религиозного разбирательства комиссии, во главе которой стоял сам император Александр I Павлович: книга его была запрещена на территории Российской империи, переводчики книги, цензор и директор типографий были отданы под суд. Эта интрига сильно ослабила позиции министра духовных дел и народного просвещения, и, казалось бы, отставка уже приближалась, однако А. Н. Голицын, имевший опыт придворного политика, первым подал императору прошение об отставке 15 мая 1824 г., которое Александр I Павлович принял, назначив того главноначальствующим Почтового департамента: «Снисходя на прошение министра духовных дел и народного просвещения действительного тайного советника князя Голицына, Всемилостивейшее увольнением его от управления сими двумя министерствами, оставляя его главноуправляющим почтовым департаментом» [1, с. 193]. А через два дня государь подпишет еще два указа, одним из которых увольнял А. Н. Голицына с поста члена Комиссии духовных училищ, а другим — от председательства в Библейском обществе.

III-й этап. Полная потеря политического влияния при дворе

Можно считать, что с увольнением с поста министра духовных дел и народного просвещения А. Н. Голицын потерял свою политическую роль, что в корне не так, ведь император Александр I Павлович не утратил своего доверия к нему, назначив его не только главноуправляющим почтовым департаментом, но и дав возможность сформировать штат по своему усмотрению и создать при себе Особую канцелярию. Кроме того, он мог влиять на двор через своих приближенных:

в первую очередь, это его родственница — Анна Сергеевна Голицына (урожденная Всеволожская), затем баронесса Юлия фон Крюденер, А. Ф. Лабзин, П. С. Рунич, В. Л. Боровиковский и многие другие. Партия «антиголицынской» коалиции во главе с А. А. Аракчеевым и архимандритом Фотием это хорошо знала и составила новый заговор: по многочисленным доносам митрополита Серафима (Глаголевского), А. А. Аракчеева и А. С. Шишкова государь выслал из Санкт-Петербурга Анну Сергеевну Голицыну под предлогом создания религиозно-мистического кружка «пиетизма», основные идеи которого были заложены в главном ее труде «Согласование в форме реестра для облегчения нахождения любого места в Новом Завете». Затем в ссылку отправилась баронесса В. фон Крюденер, однако там 13 декабря 1824 г. скоропостижно скончалась во время прогулки в Карасубазаре. Но на этом несчастья для бывшего обер-прокурора не заканчивались: скончались также А. Ф. Лабзин 26 января 1825 г. в Симбирске, 24 февраля в Москве — П. С. Рунич, а 6 апреля 1825 г. умер В. Л. Боровиковский. Об окончании влияния на государя говорит следующим исторический эпизод. Перед отправкой в Таганрог император Александр I Павлович поручил А. Н. Голицыну устроить порядок среди бумаг в личном кабинете государя, после чего бывший обер-прокурор и министр предложил императору обнародовать тот самый манифест о передаче власти великому князю Николаю Павловичу в случае внезапной кончины действующего государя, но последний отказался от данной затеи и сказал следующее: «Положимся в этом на Бога: Он устроит все лучше нам, слабых смертных» [1, с. 197]. Кроме того, находясь в Азове, император Александр I Павлович в ноябре 1825 г. запретил выход в свет первого тома перевода Библии на русский язык.

Таким образом, А. Н. Голицын является совершенно уникальным явлением в отечественной истории. Он внес большой вклад в развитие Российской империи, а именно: благодаря провалившимся проектам Российской Библейского общества и самого министра А. Н. Голицына русское общество осознало, что мистико-христианские и космополитические идеи никак не сближают русский народ, поддерживающий лишь догмы православной веры. Однако стоит заметить, что в этом виновата и сама власть: ведь император Александр I Павлович назначил на многие должности (не только министра духовных дел и народного просвещения, но и ответственного за почтовый контроль в империи) своего фаворита А. Н. Голицына, что стало причиной его неэффективной работы. Несмотря на неудачи многих реформ, внутренняя реформа Александра Николаевича Голицына дала свои плоды, а именно то, что он усилил контроль над различными направлениями церковной жизни. В дальнейшем это станет основой для развертывания реформ по подчинению Церкви государственным нуждам таких известных обер-прокуроров, как Николай Александрович Протасов и Константин Петрович Победоносцев.

Список литературы

1. *Зазулина Н. Н.* Князь А. Н. Голицын: неизвестный во всех отношениях / Наталия Зазулина. — М.: Бослен, 2019. — 288 с.
2. *Ключевский В. О.* Курс русской истории. Полное издание в одном томе. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019. — 1197 с.
3. *Назаренко Е. Ю.* Князь А. Н. Голицын в общественно-политической и религиозной истории России первой половины XIX века: монография / Е. Ю. Назаренко; науч. ред. А. Ю. Минаков // Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2014. — 188 с.
4. *Фотий* (Спасский Петр Никитич; архимандрит Юрьева Новгородского монастыря; 1792–1838). Автобиография архимандрита Фотия (Спасского), (1792–1838) [Текст] / архимандрит Фотий; сост. В. В. Улыбин, Ю. Е. Кондаков // Москва: Алетейя, 2012. — 375 с.

Abstract

In this scientific article, the author built a historical sequence of the struggle between two coalitions: a mystical-cosmopolitan group led by Chief Prosecutor A. N. Golitsyn and an original Orthodox group led

by Archimandrite Photius (Spassky). In addition, the Minister of Spiritual Affairs and Public Education Alexander Nikolaevich Golitsyn analyzed the concept of religious reform of the Russian Empire.

Key words: *Nikolai Aleksandrovich Golitsyn, Archimandrite Photius (Spassky), Ministry of Spiritual Affairs and Public Education, Russian Bible Society, mystical-Christian concept.*

Информация об авторе: Чжен Владимир Сергеевич, студент, Московский государственный областной университет (МГОУ), Москва, chzhen-03@yandex.ru

О РОЛИ ЛИЧНОСТИ В СОВЕТСКИХ УЧЕБНИКАХ ИСТОРИИ В 1930-Е ГОДЫ

Шаяхметова Венера Рюзальевна

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь

Аннотация

В статье представлен анализ тенденций политического развития в СССР в 30-е годы и их отражение в проектировании идеала исторического деятеля. Автор раскрыл основные направления новой исторической идеологии в Советском Союзе, выделил причины и цели изменений в сфере преподавания истории в советской школе в 30-е годы, показал процесс трансформации идеала исторического деятеля и отражение данного процесса в школьном курсе истории.

Ключевые слова: *личность, учебник истории, роль личности в истории, трансформация исторического идеала, историческая идеология.*

В 1930-е годы в Советском Союзе в результате интенсивной идеологической кампании было сформировано особое отношение граждан — «чувства постоянной мобилизационной готовности, чувства безграничной, активной любви к своей Родине» [7, с. 4]. Сложная международная обстановка, проблемы внутренней политики требовали от советских граждан определенных волевых качеств, основанных на новых ценностных ориентирах.

И. В. Сталин утверждал, что «история старой России состояла, между прочим, в том, что ее непрерывно били за отсталость. Били монгольские ханы. Били турецкие беки. Били шведские феодалы. Били польско-литовские паны. Били англо-французские капиталисты. Били японские бароны. Били все — за отсталость...» [4, с. 34], но именно советский период истории ознаменован самоотверженной борьбой советских граждан за успехи в строительстве социализма.

Данная позиция положила начало трансформации идеала исторического деятеля в исторических исследованиях и художественно-исторической литературе. Фигуры вождя народных масс (революционеры, рабочие на баррикадах) или исторического деятеля, радевшего о нуждах народа (декабристы, крестьянские лидеры) при сохранении революционной темы отодвинулись на второй план. На авансцену исследований, литературных произведений и школьных учебников выходят образы государственных деятелей — защитников страны (Петр I, Иван Грозный, Александр Невский, Дмитрий Донской), военных гениев (А. В. Суворов, М. И. Кутузов, П. А. Багратион, П. С. Нахимов и др.).

Чтобы избежать абсолютизации идеала исторического деятеля, которая может привести к приписыванию отдельным личностям возможности влиять на ход исторического развития и/

или единолично направлять его по своему представлению, заговорили о необходимости подчеркивания роли классов и политических партий. Так, для формирования в сознании читателя собирательного образа мужественного и самоотверженного русского воина художественные произведения строились на изображении солдат и матросов, т. е. «без главного героя» («Цусима», «Севастопольская страда», «Порт-Артур» и др.) [1].

Чтобы создание империи, русского флота и регулярной армии не выглядело фатальной предопределенностью и личной инициативой Петра Великого, советские историки не умаляли и роль масс, подчеркивая их решающую роль в развитии государства. При этом подчеркивалось, что классовая позиция новых, идеальных исторических деятелей не должна отождествляться с их классовой принадлежностью или социальным происхождением. Если в оценке историка М. Н. Погодина в середине XIX века фигура Петра настолько колоссальна, что «...бросает от себя длинную тень на все наше прошедшее и даже застит нам древнюю историю, которая в настоящую минуту все еще как будто держит свою руку над нами, и которой, кажется, никогда не потеряем мы из виду, как бы далеко ни ушли мы в будущее» [5], то советские историки подчеркивают сильное влияние на формирование реформаторских позиций царя Петра Великого его социального окружения (обитатели Немецкой слободы, группа друзей — «птенцов гнезда Петрова»). В качестве объективных факторов создания мировоззрения и выбора социальной/классовой позиции исторического деятеля, восплаемого советской историографией, стали рассматривать систему воспитания, воспринятые традиции, атрибуты социальной среды, потребности и интересы близких ему социальных сил и т. д.

Главная роль в формировании патриотизма в новых исторических условиях как способности к самоотвержению, безусловно, должна была принадлежать школьному образованию. Было положено начало разработке инструментария идеологического воспитания, главным компонентом которого выступило школьное историческое образование. Именно в нем и в формировании сознания широких масс партийно-государственная элита СССР в 30-е годы видела идеологическое обеспечение новых перемен в социально-экономической и политической жизни общества. Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О преподавании гражданской истории в школах СССР» 1934 года осудило прежние подходы к преподаванию общественных дисциплин в школе: «учебники и само преподавание носят отвлекающий, схематический характер», «абстрактное определение общественно-экономических, подменяя связное изложение гражданской истории отвлекающими социологическими схемами». Для «марксистского понимания» истории учащимися, доступности, наглядности и конкретности исторического материала предлагалось «закреплять в памяти учащихся важных исторических событий, исторических деятелей, хронологических дат» в живой и занимательной форме [6].

В течение следующего года предполагалось подготовить пять новых учебников (истории древнего мира, истории средних веков, новой истории, истории СССР, новой истории зависимых и колониальных стран). Руководителем группы по подготовке учебника по истории СССР стал профессор Н. Н. Ванаг, а в состав группы вошли профессора Б. Д. Греков, А. М. Панкратова и С. А. Пионтковский.

Н. Ванаг определил суть новых подходов к преподаванию гражданской истории в школе и в ВУЗе: уход от абстрактного описания исторических событий, от недооценки патриотических, национальных, государственных чувств населения, от неугодных советской истории лиц и событий дореволюционной истории. Он выступил за преподавание «прагматической истории» как признание роли личности в истории, способности выдающихся личностей оказывать значительное влияние на развитие общества вместо критикуемого «социологизаторства», под которым понималось игнорирование природных, врожденных характеристик человека и абсолютизация социальных факторов развития личности. Призывая к созданию стабильных учебников и учебных программ по истории России и СССР, Н. Ванаг фактически призывал к «перестройке всего нашего исторического сознания»: «Нам нужен большевистский Иловайский...», «мы дол-

жны разделаться со старым наследием. Пора кончать... с изучением только общих проблем социально-экономической истории, а дать плоть и кровь этой истории» [8].

Первый итог работы над принципиально новым вариантом советского учебника истории был представлен в виде краткого изложения основных исторических вех, событий и оценки роли отдельных исторических деятелей. Группа Н. Ванага подверглась фактическому словесно-идеологическому «остракизму», начало которому положил И. Сталин. Историков обвинили в слепом копировании «затасканных и совершенно ненаучных определений всякого рода буржуазных историков, забывая о том, что они обязаны преподавать нашей молодежи марксистские, научно-обоснованные определения» [2, с. 122].

Н. Ванаг, поблагодарив руководителей партии и государства за предоставленные замечания и рекомендации, уловил главный посыл критики: «...У нас история получается какая-то бледная. Когда мы говорим о Болотникове, Пугачеве и Разине, мы даем имена. Как только начинается революция, то у нас — массовое движение и только. Затем надо Сталина дать больше» [9]. На конкурс на лучший учебник по истории России, предполагавший большие денежные призы, поступило 6 заявок. Н. Бухарин, рецензировавший вариант учебника, подготовленный Московским Государственным Педагогическим Институтом имени А. С. Бубнова, подчеркнул его достоинства: «приноровленный к детскому пониманию», без «вульгарщины и языкового озорства» и выделил недостатки. По его мнению, не показана «диалектика развития» в истории нерусских народов: «...самостоятельные народы — превращаются в посидельцев «тюрьмы народов» — превращаются затем вновь в самостоятельные народы, но уже на общей братской основе социализма». Фактически Бухарин в обход утвержденной позиции новой исторической идеологии отказал нерусским народам в статусе собирательного образа «исторического деятеля», выбравшего свой путь развития, их участь лишь в «превращении» под влиянием чужой воли.

Новые учебники истории создавались в условиях формирующегося культа личности Сталина, в условиях, когда к «официальному», формируемому Советской властью, образу нового ученого-историка начинают предъявляться особые требования: умело пользоваться новой исторической идеологией как «своим видом оружия, ... как можно успешнее драться за дело нашей партии» [3, с. 4].

Все признанные исторические деятели дореволюционной России и советской истории в учебной литературе фактически померкли перед гением Сталина. Идеалы и действия Сталина обосновывались правильным пониманием интересов и потребностей передовых классов Советского государства, являются выражением назревших исторических задач, соответствуют объективному ходу истории. Историки должны были показать его силу выдающейся исторической личности в способности понять и выразить потребности исторического развития, определить пути их осуществления. Особенный акцент делался на том, что Русское государство собирало под своей властью нерусские народы и преодолевало их вековую отсталость. Советский Союз во главе со Сталиным как преемник России продолжил дело приобщения этих народов к плодам цивилизации.

Список литературы

1. Гордина Е.Д. История как инструмент патриотического воспитания в СССР накануне и в начале Великой Отечественной войны // Преподавание истории в школе. — 2000. — № 3. [Электронный ресурс]. — URL: <http://pish.ru/blog/archives/648> (дата обращения: 09.12.2022).
2. История — в школу: создание первых советских учебников // М., 2008. — 122 с.
3. За революционную бдительность, за большевистскую партийность! // Историк-марксист. — 1935. — Вып. 1. — С. 4.
4. О задачах хозяйственников: Речь на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности, 4 февраля 1931 г. // Сталин И.В. Сочинения. Т. 13. Издание Института Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б) в 1946–1952 гг. — М., 1951. — С. 34.

5. *Погодин М. П.* Петр Великий. [Электронный ресурс]. — URL: http://dugward.ru/library/pogodin_m_p/pogodin_petr_velikiy.html (дата обращения: 09.12.2022).

6. Постановление СНК СССР, ЦК ВКП(б) от 15.05.1934 «О преподавании гражданской истории в школах СССР» [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=16624#6riraPTwckroMgS> (дата обращения: 12.12.2022).

7. *Хигерович Р.* Незаслуженно забытые пьесы // Правда. — 1941. — № 32 (2 февраля). — С. 4.

8. ЦГА, ф. 2306, оп. 69, д. 2177, л. 40–63.

9. ЦГА, ф. 2306, оп. 70, д. 1992, л. 21–23 об.

Abstract

The article presents an analysis of trends in political development in the USSR in the 30s and their reflection in the design of the ideal of a historical figure. The author revealed the main directions of the new historical ideology in the Soviet Union, identified the causes and goals of changes in the field of teaching history in the Soviet school in the 30s, showed the process of transformation of the ideal of a historical figure and the reflection of this process in the school history course.

Key words: *personality, history textbook, the role of the individual in history, transformation of the historical ideal, historical ideology.*

Информация об авторе: Шаяхметова Венера Рюзальевна, кандидат исторических наук, доцент Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермь, permvenera@mail.ru

АГАТА КРИСТИ В ЗЕРКАЛЕ СВОИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Богатырев Арсений Владимирович

Независимый исследователь, Тольятти

Аннотация

Статья посвящена знаковым аспектам творчества А. Кристи. Леди Агата черпала вдохновение в том числе и из собственной писательской биографии. Отмечены новые примеры, иллюстрирующие связь написанного Кристи с культурным наследием ее предшественников, современников и потомков. Особое внимание обращено на кинематограф, который мог оказать влияние на отдельные произведения романистки. Указаны примечательные случаи использования Кристи, не исключавшей из картины мира потусторонние силы, реквизита литературы о сверхъестественном.

Ключевые слова: *детектив, Агата Кристи, мемуары, Эркюль Пуаро, мистика, ужасы, мировоззрение, кинематограф, культура.*

Если выстроить мысленный ряд значительных деятелей XX столетия, среди них непременно окажется Агата Кристи. Родившаяся в XIX в. (1890 г.) и умершая в 1976 г., она стала одним из символов своего времени. В 1946 г. вышли ее путевые заметки «Приди, Расскажи, как живешь», а в 1977 г. был подведен итог жизни — опубликована «Автобиография» [4]. Как мы показали [1; 2], автобиографическое «зерно» присутствует во многих произведениях писательницы. В романе «Хикори-дикори» Кристи вкладывает в уста африканца Акибомбо интересные слова:

«Книги говорят лучше, чем говорю я» [11, с. 156]. Используя «Автобиографию» романистки и перечитывая написанное ею, посмотрим, что еще «расскажут» о леди Агате ее книги.

Нестираемую линию в творчестве Кристи провела Первая мировая война 1914–1918 гг. Вот, например, название романа «Большая четверка» («Big Four») напоминает нам об образованном Вудро Вильсоном в послевоенном 1919 г. «Совете четырех», с целью решения проблем мирного устройства жизни. Впрочем, видим эхо более ранних событий: так, выдуманный Кристи сыщик Эркюль Пуаро назван мистером Парротом (Parrot) [14], что перекликается с фамилией изобретателя знаменитой бронебойной пушки (1860, 1861 гг.) Роберта Паркера Паррота: интеллектом детектив способен сокрушить любую возведенную злоумышленником «крепость». Периодически дает о себе знать и интерес леди Агаты к коммунизму, Социалистической России. Неодобрительно отзываясь персонаж романа «Хикори-дикори» о развернувшейся в США «охоте на ведьм», маккартизме — американцы названы «дураками». Пуаро же считает, что Компартии нужны одаренные люди [11, с. 113, 129].

Большевики противостояли белому движению, в то время как Агата Кристи опубликовала свой первый роман — «Загадочное происшествие в Стайлзе» (1920 г.). Естественным образом в творениях романистки отразилось наследие писавших до нее авторов. Не секрет, что «литературным крестным» леди Агаты, наставившим ее на писательский путь, был Иден Филпотс [4, с. 228–229]. Кстати, Филпотс носил усы — как и Эркюль Пуаро. Не слишком распространенная в Англии фамилия Инглторп, возникающая на страницах «Стайлза», до этого появляется в произведении Мэри Элизабет Брэддон «The Christmas Hirelings» (1894 г., пересечения с Брэддон мы уже видели [2, с. 263]). В «Большой четверке», пародии на шпионско-приключенческие романы, можно заметить черты «Знака четырех» Артура Конан Дойла, его «Последнего дела Холмса» и «Пустого дома». Задумка с похищением радия (считавшегося чудо-веществом) намекает на «Короля радия» 1906 г. Поля д'Ивуа.

Не оставила Кристи без внимания и более ранних классиков. В романе «Убийства по алфавиту» смерти начинаются с женщины по фамилии Ашер — прозрачная отсылка к «Падению дома Ашеров» Эдгара По. Рассуждения об убийстве как своего рода «искусстве» [10, с. 92; 11, с. 36] смотрятся «плагиатом» труда Томаса Де Куинси «Убийство как одно из изящных искусств» (из «Автобиографии» следует, что с Де Куинси Кристи познакомилась довольно рано [4, с. 229]). Мысль назвать роман о заключительном деле Пуаро «Занавесом» подсказала, вероятно, Найо Марш с ее «Последним занавесом», опубликованным в 1947 г.

Творческая арфа леди Агаты имеет шекспировские струны. Ряд своих сюжетов Кристи обустроивает на фундаменте творений бессмертного драматурга. По примеру Шекспира, советовавшего хватать счастливый случай, пользоваться «приливом» [5, с. 200], действует преступник в рассказе «Святылище Астарты» — он с блеском использует ситуацию. Обогнав Шекспира по объему тиражей, писательница много сделала для поддержания интереса к этому выдающемуся автору.

Кристи, как хорошей домохозяйке, присуще использовать одни и те же сюжетные повороты по многу раз, откладывая мысли «про запас». Этим она походит на одну из своих бабушек, которая, согласно «Автобиографии», славилась умением приберечь в закромах богатую снедь для застолий [4, с. 156]. Чувствуется тут и рука Филпотса, советовавшего не разбрасываться сюжетами. Так, идея о тайном подначивании к самоубийству переключалась из «Мести фараона» в рассказ «Критский бык». А в романе «Тело в библиотеке» леди Агата будто обыгрывает эту свою особенность, показав «круговорот» трупов в рамках одной детективной фабулы. Но и Кристи оказывала влияние — как и в «Мести фараона», в «Двери в мансарду» из серии «Эллери Куин» (1937 г.) возникает мотив самоубийства из-за неверно поставленного диагноза [13, р. 136].

И сама по себе писательская карьера служила «топливом» для литературного «двигателя» леди Агаты. Как популярный автор, она вынуждена была выступать на творческих вечерах, благотворительных мероприятиях. Данную обязанность она с юмором изобразила в романе «Слоны умеют помнить» [9, с. 195–196]. В «Убийстве в Восточном экспрессе» (1934 г.) преступные эле-

менты демонстрируют удивительную способность к кооперации. При этом в 1931 г., за несколько лет до публикации «Экспресса», Кристи лично поучаствовала в коллективном «убийстве» — написании романа-буриме «Последнее плавание адмирала».

Стремление использовать бэкграунд говорит о некоторой консервативности, присущей Кристи, как и множеству британцев. Подобно своим соотечественникам, писательница отдает дань уважения британской королевской семье. Из романа «Печальный кипарис» узнаем, что Пуаро принимали в Сандрингемском дворце [7, с. 151]. Думается, он остался доволен визитом: королевская резиденция была обустроена по последнему слову техники, что не могло не понравиться любящему комфорт сыщику. Англичане знают, что со времен короля Эдуарда VII была заведена традиция переводить в Сандрингеме часы [15, р. 96]. Этот обычай мог подсказать Кристи интересный сюжетный «маневр» для рассказа «Приключение Джонни Уэйверли», в котором перевод стрелок часов осуществляется с неблагоприятными целями.

Традиционны для английской культуры и клубы. Как-то раз отец Агаты поведал о клубном заезде, который любил пересказывать разные новости и которого никто не хотел слушать [4, с. 15]. Кристи прибережет эту историю для романа «Берег удачи». Еще одна традиция англичан — отмечать Рождество. В мемуарах леди Агата с теплотой вспоминает об этих празднествах [4, с. 157, 170], многое из придуманного ею так или иначе затрагивает темы зимы, снега и соответствующей атмосферы: замысел «Снег над пустыней», романы «Загадка Ситтафорда», «Рождество Эркюля Пуаро», рассказы «Приключение рождественского пудинга», «Трагедия под Рождество», пьеса «Мышеловка» [4, с. 228–230] и пр. Все это вкуче делает сомнительным предположение, что Кристи не любила зиму [12, с. 89].

Британский сад — реликвия, переходившая из поколения в поколение. У Кристи упоминается множество растений: нарциссы, тюльпаны, азалии, золотой дождь, сирень, рододендроны, душистый горошек, жимолость [5, с. 49, 53, 57, 186, 193; 7, с. 99, 163]. Ее сыщику, Пуаро, импонируют цветочные украшения в интерьере [5, с. 176], что отразилось в телесериале «Пуаро Агаты Кристи». Цветы ассоциировались у леди Агаты с чем-то нежным, изящным [7, с. 160]. В «Печальном кипарисе» героиня отозвалась о тисах — выглядят «мрачно» [7, с. 101]: может быть, так сформировалось намерение использовать тисовые ягоды в «Кармане, полном ржи».

Среди всех цветов Кристи выделяла розы, которые, как она писала в «Автобиографии», росли в саду ее бабушки [4, с. 40]. У леди Агаты часто встречаются имена, частично или полностью отсылающие к этому растению — Розалин в «Береге удачи», Розмари в «Сверкающем цианиде» и «Часах», свою дочь автор назвала Розалиндой. Милую девушку героиня сравнивает с дикой розой [7, с. 22, 102], в целом Кристи нередко прилагает растительные метафоры к людям [4, с. 147; 5, с. 203; 7, с. 160]. И сами произведения романистки напоминают деревья: от основного сюжетного «ствола» отходят «ветви» побочных тайн — в «Убийстве Роджера Экройда», «Загадке Эндахауза», «Смерти лорда Эджвера», «Смерти на Ниле», «Хикори-дикори», «Кошке среди голубей».

Тяготеющая к прошлому британская «душа» в какой-то степени определила интерес Кристи к бесплотным материям. Она не просто развлекает, но заставляет задуматься о серьезном. Ее волнует мистическое, ему находится место и в детektивах — являются призраки, нечто неопределенное воздействует на героев [7, с. 102–103, 217]. Не чурается Кристи переселения душ, находится у нее место для суеверий, примет [5, с. 92; 7, с. 63] — согласно «Автобиографии», она сама пережила что-то похожее, когда умерла ее мать [4, с. 412]. Древнее представление о Смерти, скачущей на коне, отразилось как в «Вилле «Бледный конь»», так и в более ранних «Убийствах по алфавиту», коня лишь заменили современные средства передвижения — поезда, автомобили.

Вера Кристи в дурные предзнаменования «трансмутировала» в письма, которые Пуаро получал перед роковыми событиями (сходным образом письма-предупреждения приходили и к герою рассказа «У. С.» Л. П. Хартли 1951 г.) — их приносили не зловещие вестники смерти, а обычные почтальоны. Мотив предупреждения появился и в «Объявлено убийство», при упоминании которого невольно вспоминается «Смерть по объявлению» Ф. Сологуба (1908 г.). Первые пись-

менные послания-предупреждения мы видим уже в ранних рассказах Кристи «Приключение «Звезды Запада»» и «Приключение Джонни Уэйверли» (негативную информацию и шантаж транслировали не только письменно — в «И в трещинах зеркальный круг» Элла Зелински воспользовалась телефоном).

Четко запечатлелась в сознании Кристи напугавшая ее сцена с матерью, горевавшей по умершему мужу. В «Автобиографии» описан случившийся с ней припадок: в ответ на слова Агаты о том, что отцу хорошо на небесах, мать закричала — отдала бы все на свете, чтобы его вернуть [4, с. 129]. Возвращение дочери из царства мертвых любой ценой станет манией женщины в рассказе Кристи «Последний сеанс». Мироощущение писательницы далеко от традиционного христианства, во время чтения ее произведений создается впечатление, что всем заправляют безличные неявные силы, зловещий и трагический фатум [4, с. 147–148] — христианский Бог чаще всего не упоминается. Религиозность, черта людей с беспокойной совестью, увязывается с нарушением душевного равновесия [5, с. 132].

Мистические мрачные темы не раз поднимаются романисткой. В некоторых ее произведениях ярко проступает «готичность», она использует декорум из области «черной» мистики и ужаса. В «Десяти негритях» появляется запоминающаяся сцена — в темноте кожи героини касается нечто влажное [6, с. 127]. Похожий эпизод содержится в рассказе писателя о сверхъестественном М. Р. Джеймса «Резиденция в Уитминстере», в котором персонаж испытывает сильный страх от пережитых во тьме прикосновений к его коже [3, с. 202]. Для Кристи довольно важны тактильные ощущения, даже казалось бы «нематериальное» воздействие оказывается у нее вполне осязаемым — например, взгляд обжигает, пронзает, вызывает холод и пр.

Визуальная сцена с прикосновениями заставляет присмотреться к современному Кристи кинематографу. До выхода романа «Десять негритят», в 1932 г. на экранах появился фильм «Остров потерянных душ» (Island of Lost Souls), снятый по произведению Г. Уэллса «Остров доктора Моро». Был тут и загадочный остров, на котором происходили зловещие события, наличествовала и соответствующая атмосфера. Без сомнения, лучшей экранизацией «Негритят» стала лента Станислава Говорухина (1987/1988 гг.). Ей присущи мрачные тона, настроения отчаяния и безысходности. Героев мучают призраки прошлого, есть саспенс, нагнетание тревожного ожидания. Кадры в столовой, в которой собираются персонажи, смотрятся дикой пародией на последний обед перед казнью.

О кинематографе напоминают не только «Десять негритят». К примеру, явление «обезьянних лап» убийцы, душащих жертву в «Спящем убийстве», вполне могло быть вдохновлено лентой «The Ape Man» 1943 г. В 1990 г. вышел во многом культовый фильм ужасов «Лестница Иакова» (Jacob's Ladder). Говоря о создании «Лестницы», один из ее авторов, Брюс Джоэл Рубин, упомянул приснившийся ему сон, в котором метро превратилось в преисподнюю [16, р. 152] — похожая мысль посещает спустившегося в подземку Пуаро в рассказе «Пленение Цербера» [8, с. 466].

С мистикой тесно связаны представления о кошках, преимущественно черных, как о сулящих несчастья. Кристи, судя по «Автобиографии», не испытывала перед кошачьими особого пиетета. Вероятно, это связано с ранними годами жизни писательницы. В ее детстве произошел неприятный, вызвавший бурную реакцию, инцидент — пропала любимая птичка, думали, что ее съела кошка. Птичка нашлась [4, с. 23], но осадок остался. Кроме того, по характеру леди Агате были ближе собаки [4, с. 31–32], в которых она ценила преданность (то, чего в жизни часто ей не хватало). В своих сочинениях она наделяла кошачьей грацией женщин-вампов, не очень приятных дам-хищниц («Кошка среди голубей»).

Но в «Объявлено убийство» именно кот Тиглатпаласар (говорящая кличка — в честь кроважидного ассирийского царя) фактически раскрыл преступление. Скорее всего, мы имеем дело с мифистофелевским «творит добро, всему желая зла». Так, видимо, появились коты-детективы — тот же Фрэнсис из анимационной ленты «Приключения знаменитого кота-сыщика» («Felidae», 1994 г.), созданной на основе сюжета Акифа Пиринчи.

Собак писательница ценила, человек же изображен у нее достаточно своеобразно. В своих рассуждениях Пуаро, пусть и для удобства, заменяет людей буквами алфавита — что уподобляет их точкам с математического графика [4, с. 200; 5, с. 200–201; 11, с. 20]. Как у технических устройств, по жилам героев течет энергия, похожая на электричество [5, с. 92–93]. На наш взгляд, Кристи несколько обедняет человеческую природу, во многом сводя все лишь к нескольким типам характера (предположим, под влиянием труда Карла Густава Юнга «Психологические типы» 1921 г.). Но все сложнее, и даже ее собственные персонажи это подтверждают — личность капитана Артура Гастингса, товарища Пуаро, раскрывается в ее романе «Занавес» гораздо подробнее, чем в более ранних произведениях.

За чтением книг леди Агаты охватывает чувство, что в основе мира лежит злая шутка, а *Homosapiens* в своей нелепой трагикомической жизни — персонаж глупой детской песенки. Показательно, что умерших Кристи сравнивает с заснувшими от усталости детьми [5, с. 194; 10, с. 75]. По мнению романистки, ребенок смотрит на все под другим углом зрения [4, с. 72], что, кстати, делает и Пуаро. Между прочим, сыщик частенько говорит о себе в третьем лице — характерная детская черта [4, с. 71]. В «Автобиографии» есть момент, отчасти объясняющий присутствие детского фольклора в детективах леди Агаты: при упоминании слова «ребенок» у писательницы возникали ассоциации с ножом [4, с. 144].

Считалки, песенки Матушки Гусыни смотрятся в творчестве Кристи вполне органично, учитывая, что она долго и профессионально занималась музыкой [4, с. 179], садилась за печатную машинку, как за фортепьяно. В самой успешной ее пьесе — «Мышеловка» — звучит музыкальный стишок о мышках. Обратим внимание, что в «Автобиографии» романистка несколько раз отмечает увлечение ее брата, Монти, мышами [4, с. 32], которых он держал в качестве питомцев. Монти отличался особенностями поведения, некоторой жестокостью, и однажды на глазах маленькой Агаты отрубил голову игрушечному солдатику [4, с. 92–93].

Важно читать художественный вымысел Кристи параллельно с ее «Автобиографией». Это позволяет во многом избежать поспешных оценок, лучше понять романистку и ее творчество. Детство играло в ее писательстве значимую роль, в детских и юношеских годах, в поведении родителей она вольно или невольно обрела источник вдохновения. Как видно, довольно сильно было влияние Идена Филпотса. Во главу угла своей литературной деятельности Кристи поставила один из его советов — не разбрасываться сюжетами, что, правда, приводило к повторам и придавало ряду ее романов привкус промышленного полуфабриката.

В детективах убийство зачастую сравнивается с пазлом, подобно конструктору собирала бестселлеры и сама романистка. Кусочки «пазла» она находила в сильных эмоциональных переживаниях, собственных симпатиях и антипатиях, хоррор-литературе, киноиндустрии. В написанном Кристи есть место архаическому, мистическому мирозерцанию, элементам декаданса. Заметны мизантропические проявления, не покидает ощущение, что люди для романистки — куклы, чьими жизнями она играет. Отношение к Человеку нередко имеет иронично-насмешливый оттенок, он уподобляется растению, красивому, но все-таки бездушному.

Список литературы

1. Богатырев А. В. Агата Кристи и проблема влияний // Вестник Восточно-Сибирского государственного института культуры. — 2022. — № 3. — С. 54–69.
2. Богатырев А. В. Энциклопедия Эркюля Пуаро. — М.: Перо, 2021. — 282 с.
3. Джеймс М. Р. Встречи с привидениями. — М.: ТЕРРА — Книжный клуб, 1999. — 352 с.
4. Кристи А. Автобиография. — М.: Вагриус, 2001. — 637 с.
5. Кристи А. Берег удачи: роман. Мышеловка. Свидетель обвинения: пьесы. — М.: АСТ; Транзиткнига, 2004. — 395 с.
6. Кристи А. Десять негрятят: роман, рассказы. — М.: Центрполиграф, 2002. — 519 с.
7. Кристи А. Печальный кипарис: роман. — М.: АСТ, 2003. — 284 с.

8. *Кристи А.* Подвиги Геракла: роман, рассказы. — М.: Центрполиграф, 2003. — 605 с.
9. *Кристи А.* Пуаро ведет следствие: романы, рассказы. — М.: Центрполиграф, 2003. — 587 с.
10. *Кристи А.* Сборник романов. — М.: Рипол Классик, 2003. — 768 с.
11. *Кристи А.* Хикори-дикори. По направлению к нулю: романы. — М.: АСТ; Транзиткнига, 2004. — 444, [4] с.
12. *Чернышов М.Р.* Обозначение времени в экспозиции англоязычного серийного детектива // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. — 2020. — Т. 26. — № 1. — С. 86–95.
13. *Backer R.* Mystery Movie Series of 1940s Hollywood // Jefferson, NC: McFarland, 2010. — 321 p.
14. *Christie A.* The Murder of Roger Ackroyd // LitCharts. — URL: <https://www.litcharts.com/lit/the-murder-of-roger-ackroyd/characters/hercu-le-poirot-mr-porrot> (Accessed 18 Dec. 2022).
15. *Hibbert Ch.* Edward VII: The Last Victorian King // Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2007. — 347 p.
16. *Rubin B.J.* Jacob's Ladder // New York: Applause Theatre Book Publ., 1990. — 209 p.

Abstract

The article is devoted to important aspects of Agatha Christie's work. Lady Agatha drew inspiration, among other things, from her literary activity. New examples illustrating the connection of Christie's writing with the cultural heritage of her predecessors, contemporaries and descendants are noted. Special attention is paid to cinema, which could have influenced individual works of the novelist. Specific examples of the use of Agatha Christie, who did not exclude the existence of mystical phenomena, methods of supernatural literature, are indicated.

Key words: *mystery novel, Agatha Christie, memoirs, Hercule Poirot, mysticism, horror genre, worldview, cinema, culture.*

Информация об авторе: Богатырев Арсений Владимирович, кандидат исторических наук, независимый исследователь, Тольятти, sob1676@yandex.ru

Раздел II.
РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ
И РЕФОРМАТОРЫ
В ИСТОРИИ РОССИИ

ЛИЧНОСТЬ М. М. СПЕРАНСКОГО В ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ ИДЕИ РУССКОГО КОНСТИТУЦИАЛИЗМА

Гусарова Светлана Витальевна

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), Москва

Аннотация

Работа посвящена изучению личности русского реформатора начала XIX века М. М. Сперанского. Автор ставит перед собой задачу изучить влияние личности реформатора на политические изменения, приходящиеся на начало правления Александра I. Кроме того, автор делает попытку дать оценку личного вклада М. М. Сперанского в систематизацию законодательства Российского государства и указывает, что именно деятельность Сперанского заложила основы развития идеи русского конституционализма.

Ключевые слова: человек и государство, государственные реформы, история конституционализма.

Есть имена, которые знают практически все без исключения, потому что мысли, действия, поступки этих людей имеют колоссальную значимость для всего человечества: Платон, Юлий Цезарь, Леонардо да Винчи, Уолт Дисней, Билл Гейтс или Юрий Гагарин — их помнят все. Но случается и наоборот, когда имя у всех на слуху, даже если никто толком и не помнит, что именно совершил этот человек. Но очень горько, что есть имена, которые незаслуженно оказываются обделенными вниманием общественности, и память о них хранит только весьма небольшая группа ученых и специалистов.

К таким незаслуженно забытым людям можно отнести Михаила Михайловича Сперанского, хотя более незаурядную личность начала XIX века трудно представить. Образ М. М. Сперанского встречается в романе Л. Н. Толстого «Война и мир», Наполеон интересовался у Александра I не изволит ли тот обменять сподвижника на какое-либо европейское королевство, а сцена награждения Сперанского изображена среди барельефов на памятнике Николаю I на Исаакиевской площади, но этого оказалось недостаточно, чтобы имя человека, которого считали «единственной светлою головою в России» было бы сегодня известно каждому.

Историк и публицист М. П. Погодин посвятил ему такие строки: «Удивительное зрелище представляет нам жизнь графа Сперанского, удивительное даже в русской истории, богатой примерами быстрого возвышения и падения». В. О. Ключевский сравнивал М. М. Сперанского с дипломатом и политиком начала XVII века А. Л. Ординым-Нащокиным, первым мелким дворянином, получившим звание боярина и высокие должности в государстве не благодаря семейным связям, а вследствие личных достижений и способностей. Говоря о личности М. М. Сперанского, Ключевский прямо указывал, что «Со времен Ордина-Нащокина у русского престола не становился другой такой сильный ум: после Сперанского, не знаю, появится ли третий». В своих работах историк С. М. Середонин подчеркивал, что Сперанский был совершенно исключительным явлением в высшей администрации Российской империи первой половины XIX века.

Л. Киселева, просматривая мемуары, записки, дневники, письма, рукописные сборники I половины XIX в., констатировала, что личность и деятельность М. М. Сперанского вызвала живой интерес не только у его современников. Его происхождение, его личность, блестящая карьера, реформаторская деятельность, уединенная личная жизнь и неожиданное падение привлекали всеобщее внимание. Но сочувствовавших ему всегда было немного.

А ведь именно этому выдающемуся гражданину нашей страны принадлежит большая заслуга в развитии русского конституционализма, правозаконности и правосознания. В первой

четверти XIX столетия именно М. М. Сперанский станет одним из лучших знатоков российского права.

Царствование Александра I начиналось с многообещающих благоприятных перемен. После окончания коалиционных войн и подписания Тильзитского мира император обращается к идее умеренно-либеральных реформ. Составить общий план преобразования общественно-политического строя России было поручено действительному статскому советнику Сперанскому. Будучи сторонником конституционной монархии, М. М. Сперанский видел изменение России к лучшему через постепенное реформирование общества.

Сперанский обладал колоссальной работоспособностью. Работая не покладая рук, по 18–19 часов в сутки, Сперанский вскоре представляет государю несколько собственных политических записок: «О коренных законах государства», «Размышления о государственном устройстве империи», «О постепенности усовершенствования общественного» и «Введение к Уложению государственных законов».

В этих документах он впервые изложил свои взгляды на состояние государственного аппарата России и обосновал необходимость реформ в стране. О характере деятельности М. М. Сперанского ярко и точно сказал известный специалист В. В. Леонтович: «...Сперанский вообще сравнительно мало интересовался чистыми идеями, их теоретическим обоснованием и общественной проповедью. Весь интерес его направлен был на практическое осуществление тех принципов, которые он считал правильными» [3].

Опираясь на свой жизненный опыт и знания о работе административно-управленческого аппарата империи, Сперанский пришел к убеждению, что политические реформы в России необходимо начать с реорганизации центральных органов управления. Он неоднократно заявлял: «Нормальное функционирование органов управления возможно только в том случае, если они несут ответственность за свои действия. И никакие частные реформы не дадут результатов, так как на данном этапе развития России необходима новая система управления. А начать надо с выработки конституции, основного уложения государства» [6, с. 124].

М. М. Сперанский был убежденным конституционалистом. Мы видим, что во всех его проектах государственных преобразований проводилась важнейшая мысль о верховенстве закона над самодержавной властью. Сперанский с горечью отмечал, что в России есть только два состояния: рабы государевы и рабы помещичьи, причем «...первые называются свободными только в отношении ко вторым. Действительно же свободных людей в России нет, кроме нищих и философов» [7].

Именно Конституция, считал он, способна ограничить наиболее худшие проявления тирании; благодаря ей появились бы элементы правового государства, определились конституционно-правовые пределы, она стала бы гарантом гражданских прав и законов. Но при этом установление конституционного строя должно совершиться по инициативе императора, в первую очередь во избежание общественных потрясений.

В основу государственного устройства России М. М. Сперанский предлагал положить принцип разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную. Законодательная власть осуществляется через систему выборных органов: на местах создаются волостные, окружные и губернские Думы, а в центре — Государственная Дума — высший законодательный представительный орган страны. При этом законодательная инициатива принадлежит правительству, но никакой новый закон не может быть издан без рассмотрения в Думе, а утверждает его уже император. Закон, отвергнутый большинством голосов Думы, «остается без действия».

Выдвинутая Сперанским идея Государственной Думы впервые получит свое реальное воплощение только спустя целый век, пройдя через революционный террор и кровь первой русской революции 1905 года. И наконец будет окончательно реализована уже только в 1993 году.

Судебная власть, по проекту М. М. Сперанского, реализуется системой судов, состоящих из назначаемых чиновников и выборных присяжных заседателей. По мнению реформатора, выс-

шим судебным органом страны станет Сенат, который будет избираться членами губернских Дум. Вершиной системы управления, верхней палатой парламента станет Государственный Совет, члены которого назначаются председательствующим в нем императором. Государственному Совету отводилась важнейшая функция — согласование деятельности различных органов управления.

И вот 1 января 1810 года Государственный Совет был учрежден. При нем создавалась государственная канцелярия, а граф Сперанский назначался первым государственным секретарем с широкими полномочиями. Но, увы! — с самого начала воплощения в жизнь грандиозных планов Сперанского допускались большие отступления от них. Да, по принятому манифесту Государственный Совет провозглашался как законосовещательная инстанция при монархе. Более того, Госсовет мыслился как верхняя палата будущего российского парламента. Но планам реформатора о создании выборной Государственной Думы так и не суждено было осуществиться.

В общественном устройстве М. М. Сперанский предлагал сохранить сословную структуру в составе трех «состояний»: дворянство, люди среднего сословия и народ рабочий. Но если гражданскими правами, по проекту, наделялось все население страны, то политическое, т. е. избираемое право предполагалось предоставить только дворянам и людям среднего сословия, имеющим недвижимую собственность в определенных размерах.

М. М. Сперанский высказывался против крепостного права. Но процесс освобождения крестьян, предусмотренный его предложениями, предполагался очень длительным. При непосредственном участии Сперанского была разработана концепция знаменитого «Указа о вольных хлебопашцах» 1803 года, согласно которому помещики получили право отпускать крепостных на «волю», наделяя их землей. Вполне естественно, что большинство помещиков не торопилось воспользоваться этим правом, но все-таки годы царствования Александра I было освобождено 37 тысяч человек. Да, по сравнению с масштабом страны — это капля в море, но и этот пример весьма показателен.

Интересен факт, что чуткие к справедливости помещичьи крестьяне после опалы Сперанского даже отправляли за него задравные молебны и ставили свечи. М. А. Корф свидетельствовал, что крестьяне толковали между собой о Сперанском, что «дослужась из грязи до больших чинов и должностей и быв умом выше всех между советниками царскими, он стал за крепостных..., возмутив против себя всех господ, которые за это...решились его погубить».

Современники не раз указывали, что император Александр ценил широкую эрудицию и высокую работоспособность М. М. Сперанского и поэтому неоднократно привлекал его к разработке проектов и указов самого разнообразного характера. Но желая улучшить систему государственного управления в России, Сперанский нажил лично себе немало врагов.

Так, стремясь упорядочить работу государственного аппарата, сделать его более профессиональным, Сперанский издает в апреле и августе 1809 года два указа, ужаснувших чиновников императорской администрации.

И не удивительно! Ведь согласно первому указу отменялась практика приравнивания придворных званий к гражданским — придворные звания рассматривались теперь как почетные отличия без служебных прав и привилегий.

Более того, следующим указом вводился обязательный образовательный ценз для гражданских чинов. То есть в соответствии с новым указом чины с восьмого по пятый класс должны были предъявить не много не мало, а диплом об университетском образовании, либо выдержать экзамен по программе университета! И это в то время, когда большинство дворян и чиновников имело лишь поверхностное домашнее образование!

По сути, преобразования Сперанского бросали вызов всей системе государственной службы в Российской империи, построенной на принципах патроно-клиентских отношений и протекционизма. Естественно, что не желающая утруждать свои головы придворная и чиновничья среда, выступила единым фронтом против «дерзкого поповича», более того, были предприняты попытки отстранить его от должности. К счастью, в тот период безуспешные.

Но, к сожалению, с течением времени император Александр I охладел к своим благим замыслам, и начатые реформы не были доведены до конца.

Отдельно хотелось бы отметить роль М. М. Сперанского в вопросе упорядочения государственных финансов, где он проявил себя как мыслитель и теоретик. Проведение финансовых и экономических преобразований в империи диктовалось насущной необходимостью. Многочисленные войны, присоединение к континентальной блокаде, к тому же неумелое управление и хозяйствование привели финансы России в бедственное, если не сказать катастрофическое положение. С каждым годом увеличивался государственный долг. Для выработки путей решения финансовых проблем государства и был призван Сперанский.

Опираясь на работы классиков политэкономии А. Смита, Д. Рикардо, И. Бентама, М. М. Сперанский за два месяца кропотливого труда составляет «План финансов», который лег в основу царского манифеста от 2 февраля 1810 года. В этом труде рассматривались фундаментальные проблемы экономики России, а также теоретические основы реформ в области финансов и денежного обращения, бюджетного дела, развития и укрепления российского предпринимательства.

Для ликвидации бюджетного дефицита России необходимо было проведение радикальных мер:

- прекращение выпуска обесценившихся ассигнаций, а также изъятие из обращения ассигнаций и образование капитала для погашения долга;
- сокращение расходов всех государственных ведомств и установление жесткого контроля над государственными расходами;
- введение отчетности и проверки состояния финансовых дел в стране;
- упорядочение внутренней и внешней торговли;
- и, наконец, введение новых налогов, в том числе на дворянские имения (чего дворяне Сперанскому не могли простить).

Реформаторские старания Сперанского дали быстрые результаты. Впервые вводилась практика обсуждения бюджета страны Государственным Советом. Это обеспечивало контроль и уменьшало произвол в финансовых делах. Многие идеи М. М. Сперанского — как политические, так и экономические — значительно опережали время, в которое он жил. Например, одним из первых он выступил с идеей и обоснованием необходимости создания центрального банка страны. Только в 1860 году, через 21 год после ухода из жизни великого реформатора, в России бы создан Государственный банк. Творческие замыслы и наследие М. М. Сперанского явились большим вкладом в формирование российской финансово-экономической мысли и не потеряли своей актуальности и в наши дни.

Идеи государственного переустройства на основах конституционной монархии, финансовые преобразования и вся реформаторская деятельность М. М. Сперанского вызывали резкое неприятие значительной части дворянства, сановников и чиновничества, всех тех, кто ставил свои личные интересы выше государственных. Сам М. М. Сперанский позднее писал: «Существенные преобразования, и особенно преобразования финансов, везде влекут за собой важное неудобство: прикосновение к частным интересам. Людей и интересы их никогда нельзя затрагивать безнаказанно. Наиболее опасны такие столкновения в таких государствах, где общественное мнение слишком слабо, чтобы защитить усердие и талант от нападений, зависти и невежества. Вопиют против нововведений, не вникая ни в их свойства, ни в настоятельность причин» [5, с. 24]. Даже поэтапный и постепенный характер реформ отталкивал дворян, видевших в них исключительно потерю своих льгот и привилегий. Интриги и сплетни, немислимые измышления и якобы случайные оговорки — все было направлено на то, чтобы пошатнуть положение М. М. Сперанского при дворе.

К тому же в это время шло активное насаждение в общественном сознании доктрины политического консерватизма. Наполеоновская угроза привела к антиевропейским и к антиреформаторским настроениям, которые охватили даже самые светлые умы России. В памфлетах и сатирических зарисовках Сперанский изображается «дерзким поповичем», списавшим свои учреждения

с французского образца, иллюминатом, союзником Наполеона и участником заговора против России. Как ни грустно признавать, но к гонениям на Сперанского присоединился замечательный русский ученый, литератор и историк Н. М. Карамзин, который видел в проводимых реформах слепое подчинение западному либерализму, что угрожает традициям и обычаям народа России и приведет к утрате самобытности земли Российской.

Талантливо и убедительно написанная Карамзиным «Записка о древней и новой России» стала манифестом противников перемен, выражающим обобщенные взгляды консервативного направления русской общественной мысли, и привлекла внимание императора.

В результате давление консервативных кругов привело не только к устранению Сперанского от императорского двора, но и помешало проведению уже начатых реформ.

Сперанский покинет Санкт-Петербург на долгие девять лет. Но даже будучи в отставке и ссылке, реформатор как истинный гражданин всегда будет стремиться принести пользу своему отечеству. Созданные им в этот период «Учреждения для управления Сибирских губерний», «Устав об управлении инородцев» и «Подтвердительные правила о свободе внутренней торговли» во многом облегчат жизнь наших соотечественников в Сибири.

Главной идеей М. М. Сперанского было привести законодательство в соответствие с требованиями жизни. Увы, его стремления не нашли поддержки, и работа реформатора российского законодательства вновь была приостановлена. Россия в очередной раз выбрала не самый лучший путь своего развития.

Почти не получившие практического воплощения в жизнь, идеи великого реформатора все-таки оказали большое влияние на дальнейшее развитие России. Идеи М. М. Сперанского, утвердив в общественном сознании представления о конституционном образе правления, продолжали волновать передовые умы нашей страны второй половины XIX века. Свою частичную реализацию они нашли в реформах Александра II, на много десятилетий предвосхитив судебную реформу и Манифест 17 октября 1905 года. Труд М. М. Сперанского обеспечил совершенствование законов и правоприменительной практики царской России, что оказало позднее значительное влияние на развитие как советского законодательства, так и законодательства новой России.

Но все-таки очень горько, что в лице Михаила Михайловича Сперанского Россия в свое время потеряла истинно государственного человека, и что идеи, которые могли направить Россию по спасительному пути оказались столь невостребованными.

Список литературы

1. *Гусарова С. В.* Государственная социальная помощь как фактор права социального обеспечения. // Вестник образовательного консорциума. — Среднерусский университет. — Серия: Юриспруденция. — 2021. — № 18. — С. 8–13.
2. *Козинец К. К.* Исторический очерк российских систематизаций законодательства в форме Свода законов. // Право и современные государства, 2014.
3. *Леонтович В. В.* История либерализма в России. 1762–1914. — М., 1995.
4. *Мицкевич А. В.* Систематизация законов Российской империи М. М. Сперанским // Журнал российского права. — М.: Норма, 2001, — № 5. — С. 154–160.
5. *Муравьева Л. А.* Конституционные взгляды и реформы М. М. Сперанского // Финансы: теория и практика, 1999.
6. *Сперанский М. М.* Проекты и записки. Под редакцией С. Н. Валка. — М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1961. — 245 с.
7. *Сперанский М. М.* О коренных законах государства // Электронный ресурс. — Режим доступа: http://dugward.ru/library/speranskiy_m/speranskiy_o_korennyh_zakonah.html
8. *Томсинов В. А.* «Судьба определила всем обществам человеческим менять только пороки»: М. М. Сперанский о технологии проведения государственных преобразований. Статья пятая. // Журнал «Законодательство», — N 12, — декабрь 2016 г.

Abstract

This work is devoted to the study of the personality of the Russian reformer of the early XIX century M. M. Speransky. The author sets himself the task of studying the influence of the reformer's personality on the political changes occurring at the beginning of the reign of Alexander I. In addition, the author makes an attempt to assess M. M. Speransky's personal contribution to the systematization of the legislation of the Russian state and points out that it was Speransky's activity that laid the foundations for the development of the idea of Russian constitutionalism.

Key words: man and the state, state reforms, history of constitutionalism.

Информация об авторе: Гусарова Светлана Витальевна, кандидат педагогических наук, доцент, Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), Москва, Gusarova34141@gmail.com

САМАРСКИЕ СТРАНИЦЫ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В. Г. АРХАНГЕЛЬСКОГО

Елисеев Андрей Иванович

Самарская областная универсальная научная библиотека, Самара

Аннотация

В данной статье на основе анализа опубликованных документов, воспоминаний, архивных материалов и периодической печати рассмотрена общественно-политическая деятельность В. Г. Архангельского, связанная с Самарской губернией. Особое внимание уделено работе Архангельского в Государственной думе Российской империи второго созыва.

Ключевые слова: В. Г. Архангельский; эсеры; политические деятели; Самарская губерния; Государственная дума Российской империи

В современной исторической науке наблюдается устойчивый интерес к изучению биографий отдельных политических деятелей и их участия в крупных политических процессах. В связи с этим актуальным является обращение к истории общественно-политической деятельности уроженца Самарской губернии, эсера, депутата Государственной думы Российской империи второго созыва и члена Учредительного собрания Василия Гавриловича Архангельского.

Краткие биографические сведения об Архангельском представлены в дореволюционных справочниках [5], посвященных Государственной думе, а также в современных энциклопедических изданиях [6]. Василию Гавриловичу посвящены и отдельные публикации, среди которых стоит выделить две статьи в журнале «Вопросы истории». В первой из них историк Г. А. Александров реконструирует основные вехи жизни Архангельского с момента рождения и до 1906 года [1]. Во второй публикации исследователь Е. И. Фролова, опираясь на материалы личного происхождения, прежде всего воспоминания самого Василия Гавриловича и черновой набросок биографии, составленный его женой Ларисой Васильевной, описывает жизнь Архангельского после 1906 года [16]. При этом, нам кажется, мало изучены самарские страницы жизни В. Г. Архангельского. Поэтому в данной работе мы рассмотрим основные вехи его общественно-политической деятельности, связанной с Самарской губернией.

Василий Гаврилович родился 1 марта 1868 года в селе Микушкино Бугурусланского уезда Самарской губернии в семье диакона. Окончил Самарское духовное училище, а затем Самарскую духовную семинарию. В 1888 году поступил в Казанскую духовную академию, затем перевелся в Московскую духовную академию, которую и окончил в 1892 году [1, с. 173–174]. После этого он занимался преподавательской деятельностью.

В мае 1902 года попечитель Казанского учебного округа назначил Архангельского инспектором народных училищ в Ставропольский уезд Самарской губернии [16, с. 145]. Проработал он здесь недолго. В том же 1902 году предводителем ставропольского дворянства стал А. Н. Наумов, который одновременно занял должность председателя уездного училищного совета. Наумов заинтересовался личностью нового инспектора народных училищ и выяснил, что ранее Василий Гаврилович был исключен из Симбирской духовной семинарии, «как главный инициатор сильнейшего оппозиционного брожения среди учеников» [11, с. 333]. Александр Николаевич собрал сведения, что Архангельский устраивал на работу учителями в ставропольские школы молодых людей, которые, как выражался Наумов, были «из его же «стаи славных» семинаристов-симбиряков, исключенных совместно с их революционным принципалом за учиненные беспорядки» [11, с. 333]. В итоге Наумов добился увольнения Архангельского с должности. Однако в 1904 году Василия Гавриловича назначают инспектором народных училищ уже в Новоузенском уезде. В 1906 году Архангельского смещают с занимаемой должности за «вредное влияние на подведомственных ему учителей» [1, с. 174]. Он уезжает в Казань, где становится сотрудником газеты «Волжский вестник». 16 октября 1906 года всю редакцию газеты арестовывают, а Архангельского высылают в Тобольскую губернию [8, с. 24].

Пробыл в ссылке Василий Гаврилович недолго. В январе-феврале 1907 года в Самарской губернии проходят выборы во вторую Государственную думу, и Архангельского избирают депутатом. 7 февраля на губернском избирательном собрании «за» Архангельского проголосовали 111 выборщиков из 164 [7]. Василий Гаврилович прошел в Думу по городской избирательной курии, от выборщиков города Новоузенска [14, с. 2–4]. После этого произошла встреча В. Г. Архангельского с его старым знакомым А. Н. Наумовым, который как председатель губернского избирательного собрания должен был вновь избранных депутатов подробно опрашивать о месте их постоянного жительства, о возрасте, профессии, партийной принадлежности и т. п. Как вспоминал сам Наумов об этой встрече: «Этот господин не без самодовольной гордости, не глядя мне прямо в глаза, заявил о своей принадлежности к социал-революционной партии» [12, с. 113].

В Государственной думе второго созыва Архангельский вошел в состав группы социалистов-революционеров. Василия Гавриловича избрали сразу в несколько комиссий: аграрную, по народному образованию и для подсчета избирательных записок при избрании товарищей председателя Думы. В комиссии по народному образованию Архангельского выбрали товарищем председателя. Активно проявил себя самарский избранник на думской трибуне. За время работы Думы второго созыва самарские депутаты отметились 25 выступлениями в думских прениях, при этом 15 из них пришлось на Архангельского. Он принял участие в обсуждениях депутатами вопросов, связанных с созданием продовольственной комиссии, аграрной реформой, законопроектом по отмене военно-полевых судов, созданием комиссии по народному образованию, несколькими депутатскими запросами и пособием на издание журнала «Художественное сокровище России». От имени группы социалистов-революционеров он огласил основные положения временных правил об организации общественных работ для безработных. Василий Гаврилович поставил свою подпись под следующими законодательными предложениями: об образовании местных земельных комитетов, проектом 104-х депутатов об основных положениях земельного закона, об амнистии и о временных правилах по народному образованию [9, с. 10–15, 103, 203–208, 225–232]. Во второй Думе было подано 37 заявлений о запросах, три из которых подписал и Архангельский. Все они касались неправомерных действий властей и представителей пенитенциарной системы [13, д. 1245, л. 2; д. 1246, л. 1об; д. 1257, л. 54 об.].

После роспуска Думы Архангельский активно участвовал в революционном движении, позднее был арестован и приговорен к 6 годам каторжных работ. После Февральской революции 1917 года Архангельский был избран членом Исполкома Всероссийского совета крестьянских депутатов. Архангельский принимал участие в работе Всероссийского демократического совещания и Предпарламента [8, с. 24]. В ноябре 1917 года Архангельский был избран в Учредительное собрание в Самарском избирательном округе, который включал в себя всю территорию Самарской губернии (согласно границам губернии на 1917 год). Василий Гаврилович прошел по списку № 3 — Партия социалистов-революционеров и губернский Совет крестьянских депутатов. Архангельского избрали и в Иркутском избирательном округе (уступил мандат) [17, с. 207, 214; 6, с. 27]. 5 января 1918 года в Петрограде начало свою работу Учредительное собрание. Однако вскоре большевики его разогнали, тем самым усилив раскол в российском обществе.

8 июня 1918 года после захвата города Самары чехословацкими легионерами здесь была провозглашена власть Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания (Комуча). К началу августа под властью Комуча уже находились территории Самарской, Уфимской, Оренбургской, части Саратовской, Казанской, Пензенской губерний и Ижевско-Воткинского района [10, с. 75–76]. 7 августа войска Комуча заняли Казань. Примерно за две недели до этого в Казань прибыл В. Г. Архангельский. Вместе с другим бывшим членом Учредительного собрания В. М. Зензиновым они планировали отправиться в Самару. После занятия Казани войсками Комуча на Архангельского была возложена обязанность в качестве чрезвычайного уполномоченного приступить к организации гражданского управления, как в Казани, так и во всем Казанском районе [2, с. 268]. Сам Архангельский позднее писал о сложившейся системе власти в Казани, что фактически власть принадлежала штабу Северной группы Народной армии Комуча. В качестве особо уполномоченных Самарского комитета здесь были В. И. Лебедев и Б. К. Фортунатов. Василий Гаврилович же заведовал гражданскими делами. По мнению Архангельского, «единого органа власти и единого курса политики не было, что грозило в дальнейшем неизбежными конфликтами между гражданской и военной властью. Но близость фронта и ежедневная борьба за удержание Казани выдвигало на первый план военную власть» [3, с. 143–144].

23 августа Архангельский вошел в состав Комуча [4, с. 422]. Комуч постоянно пополнялся прибывавшими в Самару бывшими членами Учредительного собрания. В середине августа в связи с увеличением численного состава Комуча, формированием системы властных органов и увеличением объема текущих дел было принято решение о создании в рамках Комуча как высшего законодательного органа — Президиума Комуча в составе 3 членов: председателя и двух его товарищей (заместителей). Одним из заместителей стал В. Г. Архангельский [10, с. 77]. Он как товарищ председателя Президиума входил и в Совет управляющих ведомствами — специального исполнительного органа (фактически правительство Комуча) [4, с. 12]. В сентябре 1918 года Архангельский стал участником Уфимского совещания. После падения Комуча, в 1919 году Архангельский эмигрировал в Чехословакию.

Таким образом, история общественно-политической деятельности В. Г. Архангельского достаточно тесно переплетена с историей родной ему Самарской губернии. Именно здесь он был выбран во вторую Государственную думу, став одним из самых ярких избранников от Самарской губернии. В 1917 году по Самарскому округу Архангельский прошел в Учредительное собрание, а позднее входил в состав руководства самарского Комуча.

Список литературы

1. Александров Г. А. К биографии эсера Архангельского // Вопросы истории. — 2002. — № 6. — С. 173–175.
2. Архангельский В. Г. Казань во время борьбы с большевиками // Воля России. — Прага, 1928. — № 8–9. — С. 266–286.

3. *Архангельский В. Г.* Казань во время борьбы с большевиками // Воля России. — Прага, 1928. — № 10–11. — С. 135–155.
4. Архив новейшей истории России. Серия «Публикации». Т. 11. Журналы заседаний, приказы и материалы Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания, июнь–октябрь 1918 года / [сост.: К. Г. Ляшенко (отв. сост.) и др.]. — М.: РОССПЭН, 2011. — 631 с.
5. *Боиович М. М.* Члены Государственной Думы: (портреты и биографии): второй созыв, 1907–1912 г. — 2-е изд. // Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1907. — 519 с.
6. Всероссийское Учредительное собрание: энциклопедия / отв. ред. А. Г. Протасов. — М.: РОССПЭН, 2014. — 553 с.
7. Городской вестник // Самара, 1907. — 9 февраля.
8. Государственная Дума России: энциклопедия: в 2 т. Т. 1. Государственная Дума Российской империи, 1906–1917 / отв. ред. В. В. Шелохаев. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Челябинск: Авто Граф, 2013. — 849 с.
9. Государственная дума. Созыв 2-й. Законодательные заявления, внесенные на основании ст. 55 Учреждения Государственной думы // СПб., 1907. — 267 с.
10. *Лапандин В. А.* Комитет членов Учредительного собрания: структура власти и политическая деятельность (июнь 1918 — январь 1919 гг.) // Самара, 2003. — 212, 29 с.
11. *Наумов А. Н.* Из уцелевших воспоминаний. В 2-х кн. Кн. 1 // Нью-Йорк: Изд. А. К. Наумовой и О. А. Кусевицкой, 1954. — 377 с.
12. *Наумов А. Н.* Из уцелевших воспоминаний. В 2-х кн. Кн. 2 // Нью-Йорк: Изд. А. К. Наумовой и О. А. Кусевицкой, 1955. — 583 с.
13. Российский государственный исторический архив (РГИА) // Ф. 1278. Оп. 1. II созыв. Д. 1245, 1246, 1257.
14. Самарские губернские ведомости // 1907. — 3 февраля. Приложение.
15. Самарцы — депутаты Государственной Думы Российской империи. В 2 ч. Ч. 1. / сост. Крамарева И. В., Лазарева И. Н. // Самара: Самарская Губернская Дума, 2006. — 79 с.
16. *Фролова И. Е.* Судьба эсера В. Г. Архангельского // Вопросы истории. — 2005. — № 8. — С. 145–147.
17. *Фунтикова С. А.* Выборы в Учредительное собрание в Самарской губернии в 1917 г. // Память о прошлом — 2017: VI историко-архивных форум, посвященный 100-летию революции 1917 г. в России. Великая Российская революция: история и современность: научная конференция, (Самара, 18–20 апреля 2017 г.): материалы и докл. — Самара, 2017. — С. 206–214.

Abstract

The paper analyzes published documents, memoirs, archival documents and periodical materials, it is devoted to the socio-political activities of the V. G. Arkhangel'sky associated with the Samara province. Special attention is paid to the work the V. G. Arkhangel'sky in the second State Duma of the Russian Empire.

Key words: *V. G. Arkhangel'sky; social revolutionaries; political figures; Samara province; State Duma of the Russian Empire.*

Информация об авторе: Елисеев Андрей Иванович, Самарская областная универсальная научная библиотека, Самара, skbe@libsmr.ru

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ССЫЛЬНЫЕ МЕДИКИ НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ РОССИИ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX ВВ. (НА МАТЕРИАЛАХ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ)

Ильчук Дарья Ивановна

Институт управления, Архангельск

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению роли политических ссыльных медиков, отбывавших срок на территории Архангельской губернии в развитии медицины и оказании медицинской помощи населению Архангельской губернии. На основании архивных документов и источников личного происхождения автор рассматривает деятельность ссыльных медицинских работников как в самом г. Архангельске, так и в уездах Архангельской губернии.

Ключевые слова: *Европейский Север России, политическая ссылка, медицина, С.В. Мартынов, Д.Н. Дорф, С.А. Никонов.*

Одной из актуальных проблем в Российской империи рубежа XIX–XX вв., касающейся сферы здравоохранения, был «кадровый голод» медицинских работников. Особенно данная проблема была характерна для крупных по площади и малозаселенных губерний. Архангельская губерния в этом вопросе не была исключением.

Уезды Архангельской губернии, одной из крупнейших губерний Европейского Севера России, занимали огромные территории. Наиболее крупными по площади административно-территориальными единицами Архангельской губернии были Печорский, Кольский (Александровский) и Мезенский уезды, чья плотность населения не превышала 0,3 человек на квадратную версту. Расселение обывателей в уездах нередко находилось на значительном расстоянии друг от друга. Недостаточное количество лечебниц и больниц, отсутствие необходимых медикаментов и инструментов, а также «кадровый голод», — помимо врачей, остро чувствовалось отсутствие фельдшеров, акушерок, повивальных бабок, массажистов, — сводили медицинскую помощь к нулю. Так, Печорский уезд, с населением около 35 тысяч человек, обслуживался одним врачом, Е.К. Мордвиновым, двумя фельдшерами и одной повивальной бабкой [7, с. 3]. В Кольском (Александровском) уезде имелась всего лишь одна больница [8, с. 3]. В Кемском уезде был один врач, четыре фельдшера и одна повивальная бабка [9, с. 2].

В условиях дефицита финансирования, медикаментов, инструментов и материалов для манипуляций, положение уездных медиков осложнялось распутицей, которая делала проезд к больным на территории уезда труднодоступным, а порой и вовсе невозможным. Особенно остро нехватка медицинских работников выявлялась в случаях эпидемических вспышек скарлатины, тифа, холеры. Так, например, например, в начале 1900-х гг. Врачебное отделение Архангельской губернии обращалось в Санкт-Петербург с прошением о высылке врачей для борьбы с сифилисом [11, с. 3].

Одной из возможностей увеличить количество медицинских работников в пределах Архангельской губернии администрация Архангельской губернии видела в предоставлении рабочих мест для медицинской практики лицам, находящимся под гласным надзором полиции по делам политического свойства, имевшим профильное образование. В период с 1895 по 1907 гг. на территории Архангельской губернии отбывало ссылку более 2800 человек, из них 2,2% имело медицинскую специализацию. Среди ссыльных мужчин распространенной специальностью были врач (36,5% от общего числа мужчин-медиков) и фельдшер (34% от общего числа мужчин-медиков), среди женщин — акушерка (45% от общего числа женщин-медиков).

Устройство на работу ссыльных медиков одной стороны несколько компенсировало нехватку специалистов, с другой стороны вменяло особую обязанность чинам полиции по слежению как за самими ссыльным, так и за их пациентами в виду высокой вероятности попадания последних под политическое влияние гласноподнадзорных медицинских работников. Следует отметить, что политические ссыльные интеллигенты, к которым, без сомнения, можно отнести медиков, пользовались значительным интересом среди местного населения, прежде всего, у тех, кого причисляли к интеллигенции: чиновникам разных рангов, учителям, медицинским специалистам.

Политические гласноподнадзорные также имели заинтересованность в трудоустройстве. Пособие, выдаваемое нуждающимся ссыльным от казны, было не слишком большим, а цены на продукты и необходимые предметы быта в уездах были довольно высокими. Другой причиной заниматься медицинской практикой было желание поднадзорных продолжать развиваться в профессиональной сфере. С. В. Мартынов, высланный на 3 года в Архангельскую губернию за участие в работе сельскохозяйственного съезда в г. Воронеж, просил разрешить ему заниматься врачебной практикой потому, что «хотел с возможной пользой употребить время, которое предстояло провести в ссылке» [2, 7 об.].

Прошения о разрешении заниматься медицинской практикой вместе с документами, подтверждающими квалификацию просителя, подавались на имя Министра Внутренних Дел через гражданского губернатора, который, в свою очередь, получал рекомендательное письмо, с характеристикой просителя от местного начальника полиции.

Те медицинские специалисты, которым посчастливилось остаться в Архангельске, устраивались на работу в больницу Приказа общественного призрения (врачи Д. Н. Дорф, С. А. Никонов, С. В. Мартынов, Г. И. Олехно, Ш. Е. Эйгенсон и женщина-врач Е. А. Маркова) и амбулатории Архангельского физико-медицинского общества (С. В. Мартынов, Н. И. Брюханов, Е. А. Маркова) [15, с. 481]. Ссыльные медики играли важную роль в развитии больницы Приказа общественного призрения. Работая в ней и зная общее состояние помещений, укомплектованность инструментами и медикаментами, ссыльные врачи Д. Я. Дорф, С. Е. Эйгенсон, В. М. Богутский, наравне со штатными врачами, участвовали в совещаниях в сентябре и октябре 1906 г. [18, с. 77].

Политические ссыльные медики также принимали участие в работе I съезда врачей Архангельской губернии, активно вступали в обсуждение докладов сельских и уездных врачей, в которых поднимались наиболее острые проблемы медицинского обслуживания населения. Имея опыт работы в других губерниях, зачастую в земских медицинских учреждениях, ссыльные врачи делились своим видением решения, выдвигая порой самые смелые замечания и идеи. Так, например, во время обсуждения доклада фабричного инспектора В. А. Ландгауэра о врачебной помощи на заводах Архангельска и Архангельского уезда, относительно неутешительной картины медицинской помощи заводским рабочим, врач С. Е. Эйгенсон отметил, что «...вся эта печальная картина уйдет в прошлое, когда рабочие сами возьмут в свои руки защиту своих интересов» [10, с. 3]. Доктор Д. Н. Дорф высказался за немедленную отмену платного лечения: «Плата за лечение является главной причиной невозможности воспользоваться крестьянину и рабочему больничным лечением. Съезд должен высказаться за немедленное уничтожение этого позорного налога — платы за лечение... Пока не изменятся общие условия, борьба с народным бедствием невозможна» [10, с. 3].

Зачастую, получая разрешение на ведение медицинской практики в уездах Архангельской губернии, гласноподнадзорный врач получал назначение на должность сельского врача. Так, например, год прослужил сельским врачом в д. Мохча Печорского уезда (март 1906 г. — июнь 1907 г.) доктор медицины Н. И. Брюханов, который был выслан вместе со своей гражданской женой (впоследствии пара обвенчалась, находясь в ссылке), фельдшером-акушеркой В. А. Бартеновой, за ведение агитации к ниспровержению существующего строя. Служение врачом тяжело далось Брюханову. В прошении к губернатору он пишет: «...ныне я чувствую упадок и нравственной энергии и физических сил» [4, с. 24]. Отличаясь прекрасным поведением, чета Брюхановых получила воз-

возможность выехать в г. Архангельск, где был открыт кабинет. Там доктор Брюханов вел прием по нервным и внутренним болезням. Имея солидную практику по невропатологии, он часто получал приглашения в больницу и на частные консилиумы. Одной из методик лечения, которыми занимался Н. И. Брюханов, был гипноз. Среди его пациентов, в том числе были вице-губернатор Григорьев и Архангельский Полицмейстер Лапин [15, с. 357]. Самому Н. И. Брюханову было разрешено занять должность преподавателя по анатомии и физиологии в фельдшерской и повивальной школах при Архангельской больнице приказа общественного призрения.

Другому врачу, С. А. Никонову, дважды отбывавшему ссылку в Архангельской губернии, старшим врачом больницы приказа общественного призрения Л. А. Бабыниным было предложено заведывание родильным и гинекологическим отделениями. Будучи хирургом по специализации, С. А. Никонов получил обширную практику. Сам он вспоминал, что оперативный материал здесь был более тяжелым, чем в Севастополе, потому что из отдаленных медвежьих углов губернии, особенно с началом навигации, в Архангельск приезжали больные со старыми, очень запущенными случаями [15, с. 482]. Л. А. Бабынин также обратился к губернатору с просьбой разрешить С. А. Никонову читать курс акушерства при местной акушерской школе. Впоследствии Никонов занимал место врача при управлении торгового порта со «скромным жалованием около 50 рублей в месяц» (политический ссыльный привилегированного сословия, для сравнения, получал кормовое пособие 9 рублей 75 копеек) [3, с. 8] и даже по предложению правящего архиерея Иоанникия некоторое время работал врачом женского епархиального училища.

В период второй ссылки в Архангельскую губернию (1907–1910 гг.), С. А. Никонов был приглашен работать в качестве хирурга и гинеколога в новую, только что отстроенную великолепную стационарную лечебницу Архангельского физико-медицинского общества и имел частную практику [16, с. 358].

Среди отбывавших ссылку в самом г. Архангельске, был полковой врач Г. К. Плотыцын, который работал в лечебнице. С. А. Никонов отзывался о нем как о хорошем терапевте, пользовавшемся популярностью у местного населения [16; 383].

Важной фигурой среди высланных в Архангельскую губернию медиков был В. М. Богущкий, отбывавший ссылку за ведение революционной агитации в г. Архангельске и г. Пинеге. Участвовал в I Съезде врачей Архангельской губернии как Пинежский уездный врач [7, с. 3]. Был приглашен городской управой на место санитарного врача, где проявил себя талантливым организатором.

Земский врач Д. Н. Дорф, высланный из Московской губернии за ведение противоправительственной пропаганды на 3 года в Архангельскую губернию, отбывал ссылку в г. Онеге и (март — июль 1906 г.) в г. Архангельске (июль 1906 — май 1907 г.). Находясь в Онеге, помогал Онежскому уездному врачу. Активно занимался хирургией. Об Онежской больнице он пишет так: «Больница переполнена и больные недели ждут очереди... Очень трудно на счет инструментов, медикаментов, персонала... Работаем все с 8 утра до 4–5 да еще и по вечерам» [5; 23 об.]. О критической нехватке оборудования и самых необходимых материалов Д. Н. Дорф пишет губернскому врачебному инспектору В. И. Орнатскому: «ради Бога помогите насчет инструментов и марли, а то положение окажется безвыходным...» [5; 23 об.].

Будучи в Архангельске, Д. Н. Дорф вел частную практику. Пользовался большим уважением как среди ссыльных, так и среди коллег. Был участником I Съезда врачей Архангельской губернии, где активно участвовал в обсуждении наиболее острых проблем становления медицинской помощи в Архангельской губернии, делясь опытом земского врача.

Политические ссыльные фельдшеры так же, как и врачи, могли иметь частную медицинскую практику или же назначались на фельдшерские участки. Фельдшеры работали вместе с врачами в уездных больницах, в сельских лечебницах, приемных покоях и амбулаториях [17, с. 214]. Нередко жители деревень отдаленных уездов видели врача только изредка, в виду его большой нагрузки. Именно поэтому роль фельдшеров в медицинской помощи населению была наиболее

значимой. Существовали и самостоятельные фельдшерские участки. На таких участках работали, в том числе и ссыльные фельдшеры. Так, например, в Пинежской уездной больнице младшим фельдшером работал Н. П. Струц. В качестве фельдшера в Пинежской уездной больнице также работал В. В. Хвостенко. Фельдшер Е. С. Жмуд до основного места водворения в с. Керети, работал вместе с Д. Н. Дорфом и Онежским уездным врачом В. В. Куфко. Интересен случай принятия на должность фельдшера в г. Пинега П. И. Полонского, прослушавшего полный курс медицинского факультета Киевского Университета.

Некоторые политссыльные фельдшеры были допущены к исполнению обязанностей младшего лекарского ученика при уездном враче (М. Микушевич при Онежском уездном враче, В. С. Крайц при Кемском уездном враче).

Были случаи, когда администрация не разрешала ведение медицинской практики в виду опасения ведения гласноподнадзорным противоправительственной деятельности. В заметке газеты «Архангельск», где в рубрике «Корреспонденция» сообщается о том, что в виду загруженности Емецкого фельдшера свои услуги для лечения населения администрации предлагал политический ссыльный фельдшер К. Н. Полищук. Однако, ему было отказано в виду опасений, чтобы «вместе с прописываемыми лекарствами не передался больным крамошный микроб...» [14, с. 2].

Нередко именно политические ссыльные оказывали медицинскую помощь населению того поселения, где им было определено место ссылки. Проживая зачастую в малонаселенных деревнях в удаленных уездах, ссыльные медики оказывали возможную помощь местному населению, особенно там, куда не мог добраться уездный врач или приписанные к уезду фельдшер. Так, например, в заметке «Из Онеги», опубликованной в газете «Архангельск», рассказывается об эпидемии скарлатины и особо подчеркивается помощь в лечении больных со стороны гласноподнадзорного фельдшера [М. Микушевича — Д. И.], «охотно посещающего больных во всякое время дня и ночи» [13, с. 2]. С эпидемией брюшного тифа, распространившегося на территории Мезенского уезда с осени 1906 года, политический ссыльный фельдшер, живший в с. Погорельское, заслужил среди населения Юромской и Погорельской волостей, в которых тиф особенно свирепствовал, «большую благодарность безвозмездным, верным и прилежным лечением» [12, с. 2]. Врач С. М. Кохановский выезжал в июле 1894 г. в Сумской посад Кемского уезда для работ по предотвращению эпидемии холеры. В Архангельске с эпидемией холеры в 1907 г. боролся К. К. Симонов, работая в холерном бараке в Соломбале.

В Архангельской губернии также остро ощущалась нехватка специалистов по родовспоможению — акушерок. Среди женщин-ссыльных акушерской практикой занимались Е. А. Петрова и А. С. Машицкая.

В 1895 году в Шенкурском уезде, включая сам уездный город, насчитывалось всего три акушерки, состоящие на службе, и одна вольнопрактикующая. Лиц, занимающихся массажем, не было вовсе [1; 122 об]. Подача прошения на разрешение акушерской и массажной практики поданного А. С. Машицкой, высланной за ведение социально-революционной пропаганды среди рабочих и отбывавшей в это время ссылку в г. Шенкурск, было положительно воспринято уездным исправником. Услугами гласноподнадзорной акушерки пользовались как жители самого Шенкурска, так и уезда. Подобная работа предполагала разъезды по пациентам, что противоречило пп. 9–16 Положения о полицейском надзоре, запуская достаточно длительную бумажную волокиту. Так, о длительности и расстоянии удаленных разъездов из города в уезд «для подачи помощи больным» [1, с. 182], гласноподнадзорной А. С. Машицкой, подавшей прошение о разрешении ей заниматься акушерской и массажной практикой, интересовался в рапорте Шенкурский уездный исправник. Однако их необходимость признавал и уездный исправник, сообщая в своем рапорте, что «по роду своей практики А. С. Машицкая нередко вынуждена отправляться к больной совершенно внезапно, неожиданно и иногда даже в ночное время... и промедление в выезде Машицкой на практику может отразиться вредно на здоровье ее пациентов» [1; 182 об.].

Таким образом, ссыльные медики сыграли важную роль в развитии медицины и оказании медицинской помощи жителям архангельской губернии. Уменьшая кадровый голод, лица, находящиеся под гласным надзором полиции по делам политического свойства, лечили местное население в городах и удаленных деревнях, боролись с эпидемиологическими заболеваниями, проводили сложные операции, инспектировали санитарные условия в г. Архангельске, преподавали наравне со штатными врачами в фельдшерской и акушерской школах. Политические ссыльные медики вызывали искреннее уважение у местного населения своими знаниями, умениями и желанием оказать всестороннюю медицинскую помощь всем нуждающимся.

Список литературы

1. ГААО (Государственный архив Архангельской области) Ф. 1 ОП. 4 Т. 3 Д. 2038
2. ГААО (Государственный архив Архангельской области) Ф. 1 ОП. 4 Т. 3 Д. 408
3. ГААО (Государственный архив Архангельской области) Ф. 1 ОП. 4 Т. 3 Д. 1626
4. ГААО (Государственный архив Архангельской области) Ф. 1 ОП. 4 Т. 3 Д. 1346
5. ГААО (Государственный архив Архангельской области) Ф. 1 ОП. 4 Т. 3 Д. 104
6. I Съезд врачей Архангельской губернии (1 день) // Архангельск. — 1907. — с. 3.
7. I Съезд врачей Архангельской губернии (2 день) // Архангельск. — 1907. — 13 янв. — с. 3.
8. I Съезд врачей Архангельской губернии (2 день) // Архангельск. — 1907. — 19 янв. — с. 3.
9. I Съезд врачей Архангельской губернии (5 день) / Архангельск. — 1907. — 17 янв. — с. 3.
10. I Съезд врачей Архангельской губернии (6 день) // Архангельск. — 1907. — 24 янв. — с. 2
11. I Съезд врачей Архангельской губернии (7 день) // Архангельск. — 26 янв. — с. 3.
12. Из Мезени // Архангельск. — 1907. — 2 марта. — с. 2.
13. Из Онеги // Архангельск — 1907. — 18. янв. — с. 2
14. Из с. Сельцо Холмогорского уезда // Архангельск. — 1907. — 23 марта. — с. 2.
15. Никонов С.А. Мои воспоминания. Из революционной борьбы и культурно-общественной деятельности // С.А. Никонов: в 3 т. — Т. 1: 1864–1904. — 688 с.
16. Никонов С.А. Мои воспоминания. Из революционной борьбы и культурно-общественной деятельности // С.А. Никонов: в 3 т. — Т. 2: 1904–1917. — 520 с.
17. Гуркина Н.К. Сельская медицина Европейского Севера дореволюционной России // Управленческое консультирование. — 2010. — № 3. — с. 204–222.
18. Спасенников Б.А. К истории первой городской больницы Архангельска (конец XVIII — начало XX века) // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н.А. Семашко. — 2018. — № 1. — с. 70–79.

Abstract

The article is devoted to the consideration of the role of political exiled doctors who served prison time on the territory of the Arkhangelsk province in the development of medicine and the provision of medical care to the population of the Arkhangelsk province. The author examines the activities of exiled medical workers in the city of Arkhangelsk itself, as well as in the districts of the Arkhangelsk province on the basis of archival documents and sources of personal origin.

Key words: *European North of Russia, political exile, medicine, Sergey Martynov, David Dorf, Sergey Nikonov.*

Информация об авторе: Ильчук Дарья Ивановна, диссертант кафедры отечественной истории САФУ имени М. В. Ломоносова, ст. преподаватель, Институт управления, Архангельск. anika-voin@list.ru

ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ПЕТРА I КАК ФАКТОР УКРЕПЛЕНИЯ СТАБИЛЬНОСТИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ГОСУДАРСТВА

Карева Алла Викторовна

Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Рязань

Аннотация

Статья посвящена масштабным преобразованиям Петра I первой четверти XVIII в., которые стали попыткой модернизации России, осуществленной на основе европеизации. Выявляется роль государства, власти, монарха в реализации радикальных реформ, необходимых для развития Российского государства, укрепления его единства, стабильности и безопасности. Анализируются особенности реформаторского курса Петра I, его результаты и значение для последующей эволюции общества и государства.

Ключевые слова: Петр I, реформы, модернизация, европеизация, самодержавие, империя, Россия, Западная Европа.

Правление Петра Великого стало особым временем, целой эпохой, характеризующейся модернизационным прорывом, выбором пути цивилизационного развития, поиском Россией своего места в мире. Напряженная, масштабная государственная деятельность Петра I стала особым символом данного периода, когда за короткий промежуток времени страна стремительно перенеслась из одного состояния в абсолютно другое. Русское общество того времени столкнулось с проблемой национального самоопределения, когда начатые царем реформы требовали пересмотреть взгляды на традиционный уклад жизни и задуматься над неизбежностью принятия новаций [14, с. 270].

Преобразования Петра были вызваны необходимостью противостояния агрессивному наступлению Западных держав, стремящихся подчинить себе страны, отличающиеся от них. Все это требует обращения к вопросу взаимоотношений России и зарубежных стран, который издавна является дискуссионным, вызывающим повышенный интерес исследователей, особенно в свете последних событий, которые характеризуются напряжением в отношениях с коллективным Западом. Данный вопрос тем более привлекает внимание, когда он связан с переломными, ключевыми моментами истории отечественной государственности, с периодом модернизации общества и государства. Именно в такие времена страна нуждалась в крупномасштабных преобразованиях, а значит, в поиске наиболее удачного и конструктивного опыта, который могла предоставить Западная Европа, что и произошло в эпоху правления Петра I. В настоящее время повышенный интерес к теме связан с необходимостью выбора дальнейшего пути развития современной России.

Особая роль Российского государства в истории страны определялась сложными проблемами, стоящими перед обществом. Решение важных задач брало на себя государство, что способствовало возрастанию его силы и могущества, укреплению его авторитета. Появление термина «государь» в рамках публичного властвования сопровождалось превращением свободных людей, принадлежащим к разным социальным группам, в «государевых холопов». Единство страны символизировал государь, выступающий в качестве настоящего хозяина по отношению к своим холопам, которыми являлись все, что исключало любые договоренности, плюрализм. Все это свидетельствовало о возникновении особой социальной культуры, построенной на силовом факторе, единстве, централизации, безальтернативности [1, с. 33]. Впоследствии, в правлении Ивана IV формировалась самодержавная парадигма, как единственно приемлемая и подходящая для Российского государства форма организации публичной власти. Самодержавный путь развития — единственный, который позволял выживать Московскому царству в Европе. Он компенсировал

отсталость средневековой Руси, при необходимости позволяя проводить реформы, нацеленные на развитие экономики и военного дела.

Самодержавие было характерно не только для России. Правители Ирана, Китая, Индии, концентрируя в своих руках колоссальную власть, не смогли защитить свои страны от европейской агрессии, закабаления и последующего превращения их в колонии и полуколонии. Долгое время страны Востока не испытывали потребности в проведении ширококомасштабных, радикальных реформ, не осознавали необходимость в модернизации. Все это сделало восточную экономику неэффективной, определило военно-государственную отсталость этих стран, обрекая их на колониальную зависимость от Запада. Тем самым восстановление самостоятельности поработанной страны напрямую связано с преодолением социально-экономической отсталости [21, с. 108, 109; 16, с. 37].

Самодержавная парадигма публичного властвования, характерная для Московского царства, обнаружилась и в имперский период [6, с. 339; 12, с. 236; 15, с. 63; 3, с. 52]. Иностранцы, посещающие Московию, были уверены, что власть русских государей (Ивана III и Ивана IV), по сравнению с европейскими монархами, была гораздо сильнее. Тем не менее, для установления деспотического правления и утверждения неограниченной абсолютной власти предпосылки не сложились, не было необходимой социальной опоры [11, с. 190, 191]. Силу власти московские правители распространяли на подданных, а их стремление укрепить свое могущество наталкивалось на стену ограничений, в качестве которых выступали традиции и учреждения. Незыблемый порядок, установившийся в стране, находился под защитой старины, непререкаемых обычаев [13, с. 103]. Все происходящее в конце XV–XVI вв. развивалось в рамках непримиримого противостояния церковной и светской властей.

Жесткий, деспотический характер формирующегося государства объяснялся преобладанием механического, силового фактора объединительного процесса русских княжеств, лидером которого являлась Москва. Создание единого Русского централизованного государства, по сравнению со странами Запада, не было подготовлено экономически. Отсутствие в объединительном процессе крепких экономических связей определяет наличие военной силы, фактора насилия, который превращается в ведущий фактор объединения. Это соответственно вызывает необходимость постоянного присутствия данного фактора и его непрерывного увеличения. Государство, построенное под воздействием насилия, при отсутствии устойчивых экономических связей, можно сохранять, используя деспотическое правление. Только такое правление способно поддерживать единство, способствуя существованию и выживанию государства [5, с. 181, 182], которое постоянно нуждается в различных дополнительных средствах. Сильная государственная власть была обусловлена геополитическими факторами, потребностью в защите от внешней агрессии в контроле над разрастающейся территорией. Однако могущество деспотического государства, направленное против собственного народа, было бессильно против вражеского нападения.

Помимо этого, продолжительное господство татаро-монгольского ига сформировало в народе ощущение исключительности, национальной и религиозной. После освобождения русских земель от татаро-монгольского ига подобный настрой стал распространяться в западном направлении: враждебность была нацелена на польско-литовское государство. Все это привело к противостоянию русского православия католицизму, а России — западному миру. Еще большей закрытости и одновременно сплоченности русского народа вокруг Москвы и власти способствовала идеология «Москва — Третий Рим», которая во многом помогла укреплению деспотии.

Власть, стремясь подавить личность, превращалась в охранительно-консервативную силу, что усугублялось особенностями отечественного правового менталитета, характеризующегося представлением об оправданности подчиненного положения личности по отношению к государству. Иерархия отечественных ценностей традиционно возносила государство на высшую ступень. Личность была обязана безоговорочно служить государству и государю, что полностью

исключало из общественного сознания идею прав человека и делало государство «сверхгосударством» [18, с. 15]. Все это подготовило вступление на престол Петра I, сконструировавшего в России особый тип «всепоглощающего государства». Это государство обеспечивало «отеческое» и одновременно бюрократическое попечительство «вождя/государя» и государственной власти о «благе народа», «общей пользе», которые позволяли оправдать почти все [10, с. 120].

Российская цивилизация до Петра I большей частью была обращена на Восток и сохраняла традиционализм, хотя с Западной Европой поддерживала отношения, но не испытала влияния Возрождения, Реформации, Просвещения. Русское общество, будучи закрытой системой, эволюционировало медленно, не обладая особыми стимулами к развитию, что определило негативное отношение к образованию и просвещению. Исключением составляла консервативная в общей массе московская элита, представители которой, тем не менее, постепенно приобщались к знаниям. Однако в целом власть стремилась обеспечить сохранение чистоты нравов и скромного образа жизни, особенно в народной среде, что могло гарантировать поддержание в стране старины, незыблемости традиций.

Однако войны России со Швецией, Польшей позволяли раздвигать горизонты и приобщаться к западноевропейской цивилизации. В допетровский период заимствование у иностранцев носило фрагментарный характер, возникали светские учебные заведения с преподаванием иностранных языков, астрономии и геометрии. Но этим процессом была охвачена лишь незначительная часть прогрессивного общества, большинство населения отличалось консервативными взглядами, приверженностью старине и традициям.

Несмотря на внутреннее сопротивление, российские монархи постепенно стали демонстрировать иное, отличное от стран Востока, отношение к европейским достижениям и открытиям. Это происходило естественным путем, с осознанием неподготовленности Московского царства к столкновениям с Европой и наиболее выразительно это обнаружилось в военном деле, торговой сфере и дипломатической службе. Именно это произошло во время правления Ивана III, который смог предвидеть предстоящие трудности России в случае взаимодействия и столкновения с Западом. У западного мира московский правитель стал перенимать военные, технические нововведения. Все это позволяет допустить, что подобная ранняя, хоть и поверхностная, европеизация Московии помогла ей конкурировать с Западной Европой [21, с. 109, 110]. Во второй половине XVII в. сформировалась устойчивая тенденция к преодолению изоляции страны, возросла потребность в повышении образовательного уровня.

Таким образом, для Российского государства XV–XVII вв. было характерно возрастающее заимствование опыта и достижений Европы. По мнению Т. В. Черниковой, Московия являлась своеобразным спутником западноевропейского мира, и ее существование без западного влияния было бы вряд ли возможно. Давление со стороны Запада, чаще всего враждебное, что доказали события Смутного времени, заставляли Российское государство своевременно и адекватно реагировать. А соответствующий ответ западным державам требовал обязательного заимствования их достижений и изобретений, в первую очередь в военной и технической сферах. Тем самым Россия становилась конкурентоспособной по отношению к Западу [22, с. 11], который тоже нуждался в обновлении системы государственного управления и сферы социально-экономических отношений. Перемены сделали главными локомотивами экономики на Западе торговлю и промышленность, а буржуазия превратилась в новый господствующий класс в рамках укрепляющегося абсолютизма. Все это добавило стимул к развитию западноевропейских стран, что, в свою очередь, еще более затрудняло процесс конкурентного сосуществования с ними России с ее приверженностью к традициям. Вместе с тем, Московское государство еще до XVIII в. прошло поверхностную европеизацию, ознакомившись с зарубежным опытом, но она совершенно не затронула фундаментальных основ страны [22, с. 10]. Таким образом, на рубеже XVII–XVIII вв. Россия, остро нуждающаяся в модернизации, погрузилась в нее благодаря Петру I, который осуществляя ее, ориентировался на Европу, европейский опыт и активно перенимал его.

Российской традицией было заложено проведение модернизации «сверху», поскольку только монарх являлся единственным субъектом, обладающим правом инициировать, реализовывать реформы и добиваться значительных результатов. Все это еще больше укрепляло роль бюрократического аппарата, что достаточно ярко проявилось в правлении Петра I. Его преобразования были подготовлены предшествующими этапами развития страны, вызваны объективной необходимостью и противоречивым социально-экономическим состоянием. Это была адекватная реакция на угрозы и вызовы того времени и стремления прогрессивной части общества [10, с. 119]. Тем более, что в прошлом отечественного государства опыт европеизации был известен. Таким образом, Петр продолжил процесс, начатый его предшественниками, которые вводили новое в существование средневековой Руси, но делали это крайне медленно, что могло привести к трагическим последствиям. Если даже допустить, что преобразования первой четверти XVIII в. были реализованы независимо от Петра I, именно он стал автором модернизации России. Она заключалась в процессе европеизации, которая приобрела ускоренный и системный характер государственного курса. Экстремальная форма ее проведения сделала перемены буквально революционными [17, с. 214; 4, с. 74],

Петровская модернизация российского государства проводилась параллельно с европеизацией, что определялось географическим положением страны. Реформы требовались для преодоления технической отсталости России, которая могла обернуться угрозой территориальной целостности и безопасности [19, с. 23]. Кардинальные преобразования были ответом на внешнюю военную угрозу, что заставляло обновлять, в первую очередь, сферу техники и технологий, а изменение формы государства для реформатора было под запретом [19, с. 23]. С. Сергеев считает, что европеизация России носила внешний, поверхностный характер, внедрялись в основном полезные технические или красивые новшества. Западные социально-политические институты полностью отвергались, поскольку все в государстве и даже заимствованные новшества были быть подчинены сохранению самодержавного строя [17, с. 212].

С XV в. для европейских стран была характерна активная экспансионистская политика, что в полной мере осознал Петр I по отношению к России. Царь вынужден был сделать непростой выбор: либо Россия согласится принять вызов и сохраниться как суверенное государство, или ее ждет крах, колонизация, развал [20, с. 196].

В данных обстоятельствах Петр I решился на крупномасштабные преобразования России, но без глобальной европеизации страны, руководствуясь чисто прагматичными задачами. Задача при этом была максимально внятной: выдержать в соперничестве с Западом. А ответить на силу Запада можно было, только используя западный опыт, западные образцы, внедряя европейскую технику и технологии, открытия западной науки. Эффективность российского ответа во многом зависела от способности научиться жить и действовать по европейским стандартам, преимущественно в военной и технической сферах [8, с. 31; 20, с. 196; 16, с. 37].

В процессе реформ Петра I осуществлялись милитаризация и секуляризация российского общества, оформлялась особая модель абсолютизма, развитие которой было сложным и противоречивым. Все это предопределило неминуемую и беспощадную борьбу старого и нового, традиций и новаций, что было связано с переходом страны от эволюционного пути развития к мобилизационному, что требовало осознанного и насильственного вмешательства государственной власти в общественную жизнь. А это было оправдано суровой необходимостью выживания общества и государства в условиях кризисной ситуации, которая требует введения чрезвычайных мер, необходимых для достижения чрезвычайных целей [10, с. 120].

Развитие России во времена Петра и при его приемниках происходило диаметрально противоположно вектору движения Западной Европе, где укреплялись права личности и принципы гражданского общества. Петру I, как консерватору в вопросах самодержавной власти, они были совершенно чужды. Царская воля для него была превыше всего. Петр I заложил основу крепкой административной системы, которая стала продолжением тенденций, характерных для Русско-

го централизованного государства. «Государево тягло» стало еще более обременительным, крепостное право превращалось в настоящее рабство [8, с. 32].

Таким образом, процесс развития Российского государства к началу XVIII в. обозначил неотложные задачи в социально-экономической, политической и духовной сферах общественной жизни, решение которых выпало на время правления Петра I [14, с. 270]. Преобразования царя были вызваны необходимостью преодоления отставания России от европейских держав ради укрепления экономической и военной мощи страны для обеспечения ее единства, целостности, безопасности и реализации активной внешней политики [2, с. 23]. Правление Петра значительно изменило внешнеполитический курс России, которая продемонстрировала свое право занять заметное место в международных отношениях, решать важные внешнеполитические задачи, действуя по собственному усмотрению [2, с. 27]. Масштаб личности, способности и решительность Петра I способствовали трансформации феодального Российского государства в одну из могущественных европейских держав [7, с. 97].

Список литературы

1. *Габрелян Э. В.* Российская государственность: социокультурные традиции // История государства и права, — 2011. — № 13. — С. 32–36.
2. *Завражин А. В.* Влияние Петровских преобразований на развитие России и укрепление вооруженных сил // Военно-исторический журнал. — 2007. — № 6. — С. 23–27.
3. *Захаров Н. А.* Система русской государственной власти. — М.: Москва, 2002. — 390 с.
4. *Зубков К. И.* Абсолютизм и модернизация: к оценке петровских реформ начала XVIII века // Вестник Гуманитарного университета. — 2017. — № 1 (16). — С. 72–84.
5. *Кашанина Т. В.* Происхождение государства и права. — М.: Высшее образование, 2009. — 358 с.
6. *Казанский П. Е.* Власть всероссийского императора. — М.: Фонд ИВ, 2007. — 600 с.
7. *Калашиникова Е. Б., Горшкова Н. Д.* Реформы Петра I: содержание и их влияние на развитие России // International Journal of Humanities and Natural Sciences, vol. — 2021. — № 1–3 (52). — С. 97–99.
8. *Киселев А. Ф.* Противоречия европеизации России // Высшее образование сегодня. — 2017. — № 6. — С. 31–34.
9. *Коваленко О. А.* Реформы Петра I в контексте культурно-исторического диалога России и Европы // Научная электронная библиотека elibrary.ru. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_23882646_41009957.pdf (дата обращения: 15.12.2022).
10. *Коновалов А. А., Атабиева А. Р.* Российская империя первой четверти XIX века как актор процесса европеизации // Гуманитарный профиль: Научный сборник Совета молодых ученых. Федеральное Государственное бюджетное научное учреждение «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований». — Нальчик, 2015. — С. 119–127.
11. *Кривошеев Ю. В.* Становление Великорусской государственности // История России: Народ и власть / под ред. В. П. Сальникова. — СПб.: Изд-во «Лексикон», 2001. — 460 с.
12. *Латкин В. Н.* Учебник истории русского права периода империи (XVIII–XIX вв.). — М.: Зерцало, 2004. — 504 с.
13. *Миронов Б. Н.* Развитие государственности в России в XVII — в начале XX века // Общественные науки и современность. — 2009. — № 4. — С. 98–114.
14. *Пираева С. Ю.* Влияние реформ Петра I на формирование политической культуры российского общества // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. — 2016. — № 1. — С. 269–273.
15. *Романович-Славатинский А. В.* Система русского государственного права. Ч. 1. — Киев: Тип. Г. Л. Фронцкевича, 1886. — 299 с.
16. *Сапронов М. В.* Русское государство в конце XVII в.: эволюция или революция? (к вопросу об альтернативах петровским преобразованиям) // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». — 2014. — Т. 14. — № 1. — С. 30–40.

17. *Сергеев С. М.* На путях к «империи наоборот». К предыстории русской нации // Вопросы национализма. — 2015. — № 3 (23). — С. 188–228.
18. *Смоленский М. Б.* Правовая культура и идея государственности // Государство и право. — 2009. — № 4. — С. 15–21.
19. *Соломатин А. Ю.* Энигма модернизации (сравнительный взгляд на государственно-политическое развитие США и России XIX в.) // История государства и права. — 2009. — № 16. — С. 21–25.
20. *Фадеева Т. М.* Российский абсолютизм в XVIII веке (Аналитический обзор) // История России. Серия аналитических обзоров и сборников. — 2013. — № 1. — С. 173–205.
21. *Черникова Т. В.* Начало европеизация России во времена Ивана III // Вестник МГИМО университета. — 2011. — № 5 (20). — С. 107–115.
22. *Черникова Т. В.* О российских истоках Петровских реформ государственного управления // Вестник МГИМО университета. — 2012. — № 6 (27). — С. 10–17.

Abstract

The article is devoted to the large-scale transformations of Peter I in the first quarter of the 18th century, which became an attempt to modernize Russia, carried out on the basis of Europeanization. The role of the state, power, monarch in the implementation of radical reforms necessary for the development of the Russian state, strengthening its unity, stability and security is revealed. The features of the reformist course of Peter I, its results are analyzed.

Key words: Peter I, reforms, modernization, Europeanization, autocracy, empire, Russia, Western Europe.

Информация об авторе: Карева Алла Викторовна, кандидат исторических наук, доцент, Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Рязань, allakareva230@gmail.com

РОЛЬ Н. Н. НОВОСИЛЬЦЕВА В СОЗДАНИИ ПОЛИЦЕЙСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЧАЛЕ XIX В.

Швецов Юрий Андреевич

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург

Аннотация

Статья посвящена изучению влияния Николая Николаевича Новосильцева на процесс создания и развития учреждений, осуществлявших функции политической полиции. Автор, используя разнообразную историографическую литературу, дополненную информацией из источников, делает вывод о том, что деятельность Н. Н. Новосильцева по организации в Российской империи политического сыска дала толчок для развития учреждений политической полиции в империи при Александре I.

Ключевые слова: Н. Н. Новосильцев, Александр I, политический сыск, Комитет по делам высшей полиции, Комитет охранения общей безопасности, полиция.

В начале XIX в. в Российской империи проводились реформы в сфере образования, культуры, социальной политики и государственного управления. Инициаторами этих преобразований стали император Александр I и его ближайшие сподвижники, образовавшие вокруг монарха Негласный комитет. В этот комитет вошли граф П. А. Строганов, князь В. П. Кочубей, князь А. Е. Чарторыйский и Н. Н. Новосильцев. Деятельность последнего из перечисленных государственных деятелей была особенно многогранна.

Цель работы состоит в изучении степени влияния Н. Н. Новосильцева на создание полицейских учреждений Российской империи в начале XIX в.

Исходя из поставленной цели, были сформулированы следующие задачи:

1. Рассмотреть ранние годы жизни Н. Н. Новосильцева, чтобы понять, в каких условиях складывался его характер;
2. Дать оценку образовательному уровню этого человека, его знаниям, умениям и навыкам, которые помогли ему в проведении преобразований;
3. Изучить степень влияния Н. Н. Новосильцева на процесс создания и развития полицейских учреждений в Российской империи в начале XIX в.

Актуальность и научная значимость исследования заключаются в том, что представленный аспект деятельности этого государственного деятеля недостаточно хорошо освещен в отечественной историографии. Во многих опубликованных работах описаны только биография Н. Н. Новосильцева и наиболее важные заслуги [6; 7; 8; 13; 15]. Об его участии в создании полицейских учреждений здесь почти не упоминается. В трудах по истории полиции Российской империи есть лишь отдельные упоминания о роли Н. Н. Новосильцева в организации органов, осуществлявших полицейские функции [2; 12], но эти эпизоды подробно не раскрывались. Небольшим исключением является статья О. А. Любезникова и А. Ю. Скрыдлова [5]. Однако сама личность государственного деятеля с точки зрения этого направления его деятельности в представленных работах глубоко не анализируется. Кроме того, на сегодняшний день нет крупных монографических исследований об этом человеке, где бы могла быть раскрыта и его роль в организации полицейских учреждений и развитии политического сыска в Российской империи. Существует диссертация, подготовленная О. А. Любезниковым [3], но она не была опубликована автором в виде монографии после защиты.

Относительно года рождения Николая Николаевича Новосильцева (или Новосильцова) в историографии наблюдаются довольно серьезные противоречия. Согласно одним данным, Новосильцев родился в 1761/1762 г. [8; 15], по другим — в 1766/1767 г. [4, с. 15] и даже в 1768 г. [9].

Воспитывался ребенок в доме своего дяди по линии матери, графа Александра Сергеевича Строганова [4, с. 15]. Под его началом Н. Н. Новосильцев получил хорошее домашнее образование, после чего был помещен в Пажеский корпус. Это было одно из самых элитных учебных заведений в России того времени. В нем молодых дворян готовили для придворной, военной и гражданской службы. Здесь воспитанники изучали русский и иностранные языки, алгебру, геометрию, чистоеписание, физику, историю, географию, фортификацию, артиллерию, верховую езду, фехтование, танцы, рисование, музыку и мн. др. [11, с. 67]. Таким образом, Николай Новосильцев получил хорошее для своего времени образование.

После окончания в 1783 г. Пажеского корпуса Н. Н. Новосильцев получил назначение в лейб-гвардии Гренадерский полк с чином капитана, однако в 1785 г. он был переведен в Волынский регулярный казачий полк в чине секунд-майора [8, с. 141]. Со временем военная служба начала тяготить Новосильцева, и он стал склоняться к дипломатической деятельности. На военном поприще Николаю Новосильцеву довелось поучаствовать в русско-шведской войне 1788–1790 гг., где он отличился в сражении при о. Мусала, а также в подавлении восстания Т. Костюшко в Речи Посполитой в 1794–1795 гг. В последней кампании ему удалось проявить также свои дипломатические и административные способности [8, с. 141].

После подавления польского мятежа Н. Н. Новосильцев вышел в отставку в чине полковника и занялся построением придворной карьеры. Примерно в это же время он был через посредство П. А. Строганова и А. Е. Чарторыйского представлен великому князю Александру Павловичу. Вместе с будущим императором и другими аристократами Новосильцев обсуждал будущие либеральные преобразования. Это не понравилось императору Павлу I. Он начал оказывать давление на окружавших цесаревича молодых людей, включая Н. Н. Новосильцева, что вынудило его в 1797 г. уехать за границу. Там он продолжил свое образование. Находясь в Лондоне, Новосильцев слушал лекции по физико-математическим и медицинским наукам. Кроме того, он хорошо изучил традиционное английское право и особенности конституционного правления, историю, дипломатию и политическую экономию [6, с. 238–239; 8, с. 141; 13, с. 107].

В мае 1801 г. Н. Н. Новосильцев по просьбе Александра I вернулся в Санкт-Петербург. Он стал активным членом Негласного комитета, на него было возложено рассмотрение проектов реформ в области земледелия, торговли, ремесел, искусств и художеств. Ему принадлежала идея о преобразовании коллегий в министерства. В 1803–1810 гг. Новосильцев стал президентом Петербургской Академии наук, для которой им был подготовлен новый устав, а также попечителем Петербургского учебного округа. Также с 1804 г. он занял должность товарища (заместителя) министра юстиции и председателя Комиссии по составлению законов [8, с. 141]. Н. Н. Новосильцев мог эффективно совмещать сразу несколько должностей, оставаясь при этом невероятно работоспособным. И этот же человек стал одним из организаторов политического сыска в правление Александра I.

До Александра I политическим сыском в империи занималась Тайная экспедиция при Сенате. Однако новый император, повинуясь либеральным настроениям и стремясь заручиться поддержкой общества, в апреле 1801 г. упразднил эту структуру [10]. Этой мерой он также хотел свести деятельной тайной полиции до необходимого ему минимума. После упразднения Тайной экспедиции Российская империя какое-то время не имела органов для осуществления централизованного политического сыска в стране.

Начало войн с Наполеоном побудило императора начать борьбу с возможной деятельностью французских шпионов, а также попытаться взять под контроль настроения своих подданных, чтобы обеспечить внутреннюю безопасность империи. Незадолго до своего отъезда в армию в 1805 г. Александр I заявил генерал-адъютанту Е. Ф. Комаровскому, что желает учредить в империи тайную или «высшую» полицию, поскольку считает ее «необходимой в теперешних обстоятельствах» [1, с. 138]. Для обсуждения подходящего способа ее организации монарх 5 сентября 1805 г. создал Комитет по делам высшей полиции, для которого было составлено специальное «Наставление».

Автором этого «Наставления» стал Н. Н. Новосильцев. В те годы этот человек по праву мог считаться одним из самых близких к императору соратников. Александр I очень доверял ему. Кроме того, Новосильцев хорошо знал политические предпочтения монарха. Все это позволило ему предложить либеральному, но вместе с тем осторожному императору наиболее приемлемый для него способ организации тайной полиции, который позволил бы ему сохранить за собой всю полноту власти. Организация высшей полиции происходила на межведомственной основе, когда для решения одной задачи объединялись усилия сразу нескольких ведомств. При такой форме не создавалось никаких самостоятельных институтов, которые могли бы как-то ограничить власть императора [5, с. 20–21].

Согласно проекту Н. Н. Новосильцева, в стране должен был быть образован особый секретный комитет из министров внутренних дел, юстиции и военно-сухопутных сил. В задачи комитета входило обеспечение общественного порядка в Петербурге, надзор за подозрительными людьми, а также бесперебойное снабжение жителей столицы продовольствием во время военной кампании. Однако на заседаниях Комитета должно было также проходить обсуждение ответных мер правительства по вопросам, связанным с настроениями жителей губерний, распро-

странением среди них слухов о военной кампании и т. п. Наиболее важные вопросы выносились на разрешение императора, всю заслуживающую внимания информацию предписывалось сообщать ему же без промедления [5, с. 20–21; 12, с. 76]. Однако, несмотря на столь продуманную организацию, деятельность Комитета по делам высшей полиции не получила развития и вскоре была остановлена.

Вместо Комитета по делам высшей полиции в 1807 г. Н. Н. Новосильцев представил императору проект нового органа на межведомственной основе в лице Комитет охранения общей безопасности. В состав Комитета входили как постоянные члены министр юстиции, сенатор А. С. Макаров и сам Н. Н. Новосильцев, а также министры внутренних дел и военных сухопутных сил, «когда нужда того потребует» [12, с. 288]. Сотрудники Комитета контролировали проведение следствий по делам о шпионаже, о тайных антиправительственных обществах и иностранных агентах, а также отслеживали любые проявления недовольства монархом для обеспечения его безопасности. Кроме того, здесь рассматривались дела о подстрекательстве к волнениям, распространении ложных слухов, случаи злоупотребления местными чиновников и дела о фальшивомонетчестве [5, с. 23; 12, с. 288–289; 14].

В конце 1800-х гг., после заключения Тильзитского мира и переориентации внешней политики с конфронтации к союзу с наполеоновской Францией, Н. Н. Новосильцев утратил свое положение в качестве фаворита императора. Его место заняли другие люди, а генератором идей для новых преобразований, в том числе в политическом сыске, стали М. М. Сперанский и А. Д. Балашов. На место межведомственной системы организации полиции пришли централизованные органы во главе с созданным в 1810 г. Министерством полиции. Однако созданный при участии Н. Н. Новосильцева Комитет охранения общей безопасности просуществовал вплоть до 1829 г., несмотря на то, что его роль в решении полицейских дел постоянно падала. Этот выдающийся человек заложил фундамент организации полицейских учреждений в Российской империи, что дало импульс для их дальнейшего развития.

Список литературы

1. *Комаровский Е. Ф.* Записки графа Е. Ф. Комаровского / Ред. П. Е. Щеголева; Вступ. заметка Е. А. Пяцкого. — СПб.: Огни, 1914. — 279 с.
2. *Лурье Ф. М.* Полицейские и провокаторы: Политический сыск в России, 1649–1917. — СПб.: Час пик, 1992. — 412 с.
3. *Любезников О. А.* Николай Николаевич Новосильцов — государственный деятель императорской России первой трети XIX века: дис. ... канд. ист. Наук // СПб., 2013. — 198 с.
4. *Любезников О. А.* Николай Николаевич Новосильцов — государственный деятель императорской России первой трети XIX века: автореф. дис. ... канд. ист. Наук // СПб., 2013. — 22 с.
5. *Любезников О. А., Скрьдлов А. Ю.* Тайная полиция в Российской империи в 1805–1807 гг.: пути реформирования и преобразовательные инициативы // Петербургский исторический журнал. — 2015. — № 1. — С. 16–30.
6. *Матюхина Ю. А.* Фавориты правителей России. — М.: РИПОЛ классик, 2012. — С. 237–242.
7. Новосильцев // *Шилов Д. Н.* Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений. 1802–1917: Биобиблиографический справочник. — СПб.: Дмитрий Буланин (ДБ), 2001. — С. 465–467.
8. Новосильцев Николай Николаевич // Федорченко В. И. Императорский дом. Выдающиеся сановники: Энциклопедия биографий: в 2-х т. // Красноярск: БОНУС; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. Т. 2. — С. 141–142.
9. Новосильцов (Новосильцев) Николай Николаевич [Электронный ресурс] // Информационная система «Архивы Российской академии наук». — Режим доступа: <https://isaran.ru/?q=ru%2Fperson&guid=D35E621E-2222-FC20-A71A-93107C6718F9>

10. Об уничтожении Тайной Экспедиции и ведении дел, производящихся в оной в Сенате // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. — Т. XXVI. — № 19813. — С. 603–604.

11. Пажеский Его Императорского Величества Корпус за сто лет: в 2-х т. / Сост. Д. М. Левшин. — СПб.: Пажеский юбилейный комитет, 1902. Т. 1. — 718 с.

12. *Севастьянов Ф.А.* Между Тайной экспедицией и III Отделением: от тайного сыска — к политическому розыску. — СПб.: МИЭП, 2008. — 302 с.

13. *Филиппова Э.Н.* Николай Николаевич Новосильцев // Во главе первенствующего ученого сословия России. Очерки жизни и деятельности президентов Императорской Санкт-Петербургской Академии наук. 1725–1917 гг. — СПб.: Наука, 2000. — С. 105–120.

14. Фонд 1163: Комитет охранения общей безопасности при Государственном Совете [Электронный ресурс] // Российский государственный исторический архив. — Режим доступа: <https://fgurgia.ru/imageViewer/img?url=mZaTmpGekprCzs7JzKDO0Y+bmdmcio2NmpGLr56YmsLO2ZqHi8LRj5uZ2ZCdlZqci8LNx8rPzcrG2Z6Li43CzsrHx9mMmo2WnpPCzg==>

15. *Szyndler B.* Mikolaj Nowosilcow (1762–1838): portret carskiego inkwizytora // Warszawa: «DiG», 2004. — 184 s.

Abstract

The article is devoted to the study of the influence of Nikolay Nikolaevich Novosiltsev on the process of creation and development of institutions that performed the functions of the political police. The author, using a variety of historiographical literature supplemented with information from sources, concludes that N.N. Novosiltsev's activities in organizing political investigation in the Russian Empire gave impetus to the development of political police institutions in the Empire under Alexander I.

Key words: *N.N. Novosiltsev, Alexander I, political investigation, the Committee for the Affairs of the Supreme Police, the Committee for the Protection of General Security, the police.*

Информация об авторе: Швецов Юрий Андреевич, аспирант, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, schwetsov.yury@yandex.ru

ПОЗИЦИЯ М.А. СПИРИДОНОВОЙ ПО ВОПРОСУ О ЗАКЛЮЧЕНИИ БРЕСТ-ЛИТОВСКОГО МИРНОГО ДОГОВОРА

Концевой Илья Анатольевич

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва

Аннотация

Статья посвящена изучению позиции одного из лидеров партии левых эсеров М.А. Спиридоновой по вопросу о заключении мирного договора с Германией и ее союзниками. Автор рассматривает изменение отношения Спиридоновой к подписанию мира в течение декабря 1917 — июля 1918 гг. и показывает, что ее позиция менялась в зависимости от выдвигавшихся Германией условий и последствий, к которым привело выполнение большевиками условий Брест-Литовского мирного договора.

Ключевые слова: *Спиридонова, большевики, левые эсеры, Брест-Литовский договор.*

Вопрос о Брестском мире являлся одним из ключевых аспектов взаимоотношений большевиков и левых социалистов-революционеров в 1917–1918 гг. В настоящее время есть множество работ советских, постсоветских и зарубежных авторов, затрагивающих данную проблематику. В советской историографии изучением политической борьбы вокруг подписания Брест-Литовского мирного договора занимались А. О. Чубарьян [1], К. В. Гусев [2], И. Н. Ксенофонтов [3]. После распада СССР интерес к политической истории только увеличился в связи с открытием свободного доступа к главным государственным архивам. Историки стали детально изучать идеи левоэсеровской партии, в особенности ее лидеров, среди которых важное положение занимала М. А. Спиридонова. Вышедшие в свет работы К. В. Гусева [4] и А. А. Ильехова [5] затрагивали множество важных проблем в истории левых эсеров, в том числе взгляды руководителей этой партии на заключение Брест-Литовского мира.

В зарубежной историографии большим событием стало исследование (опубликованное в России в 1992 г.) историка-эмигранта Ю. Г. Фельштинского, основанное на документах из Гуверовского института войны и мира, а также других иностранных архивов [6]. Несмотря на выдвигание конспирологической версии об организации большевиками левоэсеровского восстания, работа автора заслуживает внимания, поскольку он подробно рассмотрел политическую борьбу между сторонниками и противниками мирного договора. Впоследствии были созданы многочисленные труды, в которых затрагивались важные аспекты политической борьбы вокруг заключения Брестского мира. Однако позиция М. А. Спиридоновой, являвшейся, по выражению американского писателя Д. Рида, «самой влиятельной и популярной женщиной России», остается недостаточно изученной. Большой интерес представляет исследование трансформации взглядов Спиридоновой на подписание мира по мере изменения внутренней политики большевиков и экономического положения Советской России в 1917–1918 гг.

Вопрос о необходимости подписания мирного договора с Германией и ее союзниками оказался на повестке дня после принятия II Всероссийским съездом Советов Декрета о мире, который предполагал немедленное заключение мира без аннексий и контрибуций. В тексте Декрета говорилось, что «продолжать эту войну из-за того, как разделить между сильными и богатыми нациями захваченные ими слабые народности, правительство считает величайшим преступлением против человечества и торжественно заявляет свою решимость немедленно подписать условия мира, прекращающего эту войну...» [7, с. 60]. При этом Декрет допускал, что правительство согласится рассмотреть и «всякие другие условия мира» [7, с. 60]. Несмотря на важность положений Декрета, далеко не все левые эсеры верили в возможность заключения мира без аннексий и контрибуций. Так, левый эсер С. Д. Мстиславский назвал декрет «пустым звуком», полагая, что к документу такого рода не могла отнестись серьезно ни одна из воюющих сторон [5, с. 265]. Тем не менее даже большевистские лидеры в тот момент надеялись на осуществление выраженных в тексте Декрета утопических идей, поэтому можно с уверенностью заключить, что условия Декрета о мире отражали настроения леворадикальных партий.

В ноябре-декабре 1917 г. заключение мира без аннексий и контрибуций поддерживалось большинством большевиков и левых социалистов-революционеров. Очевидно, что в надежду на подписание такого мира питала и М. А. Спиридонова, ставшая популярным оратором в высших советских органах власти. 8 декабря 1917 г. в своей речи на заседании ВЦИКа 2-го созыва она заявила, что «мечта о мире, которую долго лелеяли измученные и обескровленные трудящиеся массы всех стран, близка к осуществлению» [8, с. 125].

Левоэсеровские лидеры, среди которых была и М. А. Спиридонова, поддерживали начало сепаратных переговоров между Советской Россией, Германией и Австро-Венгрией, поскольку полагали, что эти переговоры могут приблизить заключение мирного договора на советских условиях. Однако впоследствии наивность социалистических политиков столкнулась со стратегическими интересами стран Четверного союза, которые хотели не просто прекратить войну на два фронта, но и получить выгоду в виде территориальных приобретений. Пропагандистский эффект, на ко-

торый ставили большевики, не принес желаемого результата, однако ввел в заблуждение левых эсеров. Так, 14 декабря 1917 г. М.А. Спиридонова, выступая на Всероссийском железнодорожном съезде, с восхищением говорила следующее: «Германия сдалась на наши условия и повторила слова: мир без аннексий и контрибуций. Она сказала, что из всех оккупированных мест она выводит войска. Значит, Бельгия, Сербия будут освобождены от германских империалистов. Это ли не победа, это ли не праздник революции, сегодня в день великих революционеров, в день декабристов. Война тяжелыми гирями висела на революции, и мы с ней кончаем...» [5, с. 266]. Безусловно, в этой речи левая эсерка выдавала желаемое за действительное. Последующее развитие переговоров с Германией и Австро-Венгрией подтвердило невозможность заключения неанексионистского мира.

Втечение переговоров советской и германской сторон надежда на заключение мира без аннексий и контрибуций улетучивалась. 4 января 1918 г. советское правительство приняло решение об отправке в Брест-Литовск делегации во главе с Л.Д. Троцким, который был наркомом по иностранным делам. 7 января 1918 г. на заседании Совнаркома Л.Д. Троцкий сообщил, что Германия на мир без аннексий и контрибуций не согласна. В связи с ужесточением позиции Германии целью Троцкого стало затягивание мирных переговоров. Вероятно, он рассчитывал на то, что в Германии в скором времени начнется революция, которая приведет к падению монархии и завершению войны. Усиление стачечного движения на германской территории создавало определенные условия для революционного взрыва [6, с. 229]. Только на это могли надеяться все сторонники заключения «демократического мира», среди которых и была М.А. Спиридонова.

В феврале 1918 г. советско-германские переговоры зашли в тупик, поскольку немецкая сторона выдвинула ультимативные условия, предполагавшие вывод советских войск с территорий Белоруссии, Украины и Прибалтики. Следуя принципу «ни мира, ни войны», Троцкий отказался подписать договор на германских условиях. В отличие от Троцкого В.И. Ленин был готов капитулировать перед немцами, если они не потребуют ухода большевистского правительства [7, с. 230].

18 февраля 1918 г. на объединенном заседании ЦК РСДРП (б) и ПЛСР (и) левые эсеры проголосовали за принятие германских условий мира [11, с. 220]. Однако это был последний случай их солидарности с позицией В.И. Ленина по данному вопросу. На состоявшемся 23 февраля 1918 г. совместном заседании двух партий левые эсеры, поддержали позицию Л.Д. Троцкого, фактически отказавшись от подписания мира [6, с. 265].

М.А. Спиридонова испытывала колебания по вопросу о заключении мирного договора. Л.Д. Троцкий писал, что «левые эсеры вовсе не сразу выступили против Брест-Литовского мира. По крайней мере, Спиридонова была в первое время решительной сторонницей подписания: «Мужик не хочет войны, — говорила она, — и примет какой угодно мир» [9, с. 84]. Однако, эта позиция была высказана левой эсеркой в январе 1918 г. после первого возвращения Троцкого с переговоров до выдвижения ультимативных требований Германии.

В связи со свидетельством Троцкого в историографии получило широкое распространение мнение о том, что М.А. Спиридонова и после германского ультиматума оставалась сторонницей заключения мира. Так, К.В. Гусев считал, что на заседании ВЦИКа в ночь на 24 февраля 1918 г., где принималось решение о принятии германских условий мирного договора, левая эсерка проголосовала за прекращение войны [4, с. 87]. Идентичная позиция и у Ю.Г. Фельштинского [6, с. 266]. Архивные документы опровергают эти утверждения. Результаты голосования во ВЦИКе о заключении мирного договора показывают, что М.А. Спиридонова, как и большинство членов левоэсеровской партии, проголосовала за ведение революционной войны с Германией [10, л. 68 об.]. Таким образом, она не нарушала партийную дисциплину и не выступала против позиции левоэсеровского ЦК.

Сходным образом Спиридонова могла повести себя и на IV Всероссийском съезде Советов, состоявшемся 14–16 марта 1918 г., где принималось решение о ратификации Брест-Литовского мира. На наш взгляд, утверждение К.В. Гусева о том, что она поддержала заключение мира на гер-

манских условиях, ошибочно [4, с. 87]. Так, 15 марта 1918 г. в день ратификации мирного договора местным советам крестьянских депутатов от имени М.А. Спиридоновой была направлена телеграмма об отпоре германским войскам. В ней говорилось, что предложенный Германией мир «сделает нас рабами германских богачей, но они не довольствуются этим и наступают на Петроград и Москву...». Телеграмма также гласила: «Готовьтесь к защите земли и воли. Надо прогнать противника, надо спасти нашу революцию, землю и свободу. Вставайте братья-крестьяне, образовывайте дружины и отряды и заявляйте о них в крестьянский исполнительный комитет» [11, с. 181]. Таким образом, в момент ратификации Брест-Литовского договора Спиридонова открыто выступала против его условий, что красноречиво свидетельствует о ее позиции по этому вопросу.

Тем не менее левая эсерка сомневалась в возможности ведения войны с Германией и ее союзниками, поэтому критика политики РКП(б), исходившая из ее уст, не была радикальной. На Псьезде партии левых эсеров в апреле 1918 г. она подчеркнула, что большевиков нельзя упрекнуть в том, что они не хотят бороться с германским империализмом. «Они готовы были лить пушки, но у них нет материальной к этому возможности, нет ни войск, ни средств, чтобы быстро создать армию», — говорила Спиридонова. Она утверждала, что «передышка весьма опасна [...], но также может быть опасным наше провоцирование войны в дальнейшем» [11, с. 337]. При этом левая эсерка все же не прекращала критику политики В. И. Ленина, заявив следующее: «Измена большевиков в настоящее время заключается в том, что они ратифицировали мир, в том, что они согласились на этот позорный, «похабный» мир, который был предложен Берлином» [11, с. 335]. Двойственность позиции Спиридоновой заключалась в необходимости поддержать большевиков как партнеров по социальной революции и в одновременном неприятии подписанного в Брест-Литовске договора.

Дальнейшие события, ставшие последствиями Брест-Литовского мира, лишь убедили Спиридонову в том, что этот договор необходимо аннулировать. На территориях, занятых германскими войсками, начались крестьянские волнения, которые жестоко подавлялись оккупационными властями. Так, в июне 1918 г. в ответ на убийство двух немецких солдат крестьянами одного из сел Могилевского уезда германскими войсками было сожжено пять хат и наложена контрибуция в 10 тыс. рублей [6, с. 350]. Отторжение от России богатых зерном украинских земель способствовало нарастанию голода и привело к ужесточению внутренней политики большевиков, приведшей к организации продовольственной диктатуры и созданию в деревне комитетов бедноты.

Выполнение Советской России условий Брест-Литовского договора, выразившееся в выплате контрибуции в пользу Германии, еще более радикализировало левоэсеровских лидеров. Радикализации подверглась и М.А. Спиридонова, которая к лету 1918 г. стала относиться к деятельности большевиков более враждебно, чем раньше. 30 июня 1918 г. на Псьезде левоэсеровской партии она жестко раскритиковала всю политику РКП(б), обвинив большевиков в том, что они перестали быть подлинно социалистической партией, поскольку согласились выполнять условия Брестского договора. Спиридонова потребовала «покончить с передышкой и сделать все возможное, чтобы передышка не имела ни малейших шансов на свое существование» [12, с. 299]. В бурной речи на съезде партии левых эсеров она утверждала, что необходимо помочь в организации восстания против германской оккупации на территории Украины, чем и должны заняться левые эсеры. «Если Брестский мир останется — украинское восстание будет задушено и с Украины придет всероссийская контрреволюция и русская революция будет задавлена» [12, с. 314].

Свою позицию по Брест-Литовскому договору М.А. Спиридонова выразила перед работниками Крестьянской секции ВЦИКа, которую сама и возглавляла. «Среди белого дня немцы грабят в буквальном смысле слова русский трудовой народ, отнимая у него последние источники для полуголодного существования», — говорила она про требования немецкой стороны направить в Германию мануфактуру стоимостью в миллиард рублей [12, с. 408]. Журналист, опубликовавший заметку о данном выступлении, значительно преувеличил названные цифры, о чем заявила сама Спиридонова [12, с. 413]. Однако это не помешало В. И. Ленину обрушиться на нее

с критикой в ходе заседания Всероссийского съезда Советов [13, с. 64]. К моменту открытия съезда левоэсеровский ЦК занялся активной агитацией в поддержку партизанской войны против германских войск на территории Украины. М. А. Спиридонова приняла участие в митингах, организованных партией левых эсеров, где выдвигались требования оказать поддержку восставшему населению украинских земель [12, с. 406].

Заседания Всероссийского съезда, открывшегося 4 июля 1918 г., стали ареной противостояния большевиков и левых эсеров. Одним из важных вопросов стало обсуждение внешней политики РКП(б), на чем особенно настаивала левоэсеровская партия. В своем выступлении в первый день съезда Спиридонова обвинила большевиков в том, что они отказываются помочь восставшему населению Украины. Она заявила, что германские военные «расстреливают партизанские отряды из крестьян», ссылаясь на рассказы людей, бежавших из украинских земель в Россию. Преувеличивая зверства германских оккупационных властей, Спиридонова утверждала следующее: «Товарищи-большевики, знаете ли вы, что в Могилевской, Минской, Смоленской губерниях, в тех местах, которые оккупированы, там сплошь и рядом деревни, где нет ни одного крестьянина, у которого не была вспорота спина» [13, с. 28].

Позиция М. А. Спиридоновой демонстрировала стремление левоэсеровской партии к борьбе с «германским империализмом» любой ценой ради торжества мировой революции. Однако в условиях действия Брест-Литовского договора такие идеи были опасны для большевиков, которые желали любым способом исключить возобновление военного конфликта с Германией. Во многом именно поэтому после совершения левыми эсерами теракта против В. Мирбаха руководители РКП(б) организовали операцию по разоружению и ликвидации левоэсеровских боевых отрядов и объявили эту партию мятежниками, якобы стремившимся свергнуть советскую власть.

После своего ареста М. А. Спиридонова продолжила критиковать большевиков за подписание Брест-Литовского договора. В знаменитом открытом письме ЦК РКП(б) она писала следующее: «В вопросе о войне и мире вы приняли «решение» в подлинном Брестском мире, который, быть может, уже сделал-таки свое — задушил нашу революцию [...] Брест отрезал нас от источников экономического питания, от нефти, угля, хлеба, а ведь от этого-то прежде всего и гибнет наша революция» [14, с. 88]. Таким образом, Спиридонова считала большевиков виновными в ухудшении экономического положения Советской России. Позиция М. А. Спиридоновой по вопросу о заключении Брест-Литовского мира содержала в себе как элементы наивного левого радикализма, так и морально-этические установки, которые диктовались невозможностью безропотно наблюдать за страданиями населения, в особенности крестьянства. Наиболее ярко это прослеживается в отношении Спиридоновой к германской оккупации украинских земель. Именно подобные стремления левых эсеров способствовали радикализации позиции М. А. Спиридоновой и сделали ее одним из главных сторонников организации террористического акта против В. Мирбаха, ставшего роковым событием для существования левоэсеровской партии.

Список литературы

1. Чубарьян А. О. Брестский мир. — М.: Наука, 1964. — 246 с.
2. Гусев К. В. Октябрь и борьба за мир. К истории Брестского мира. — М.: Знание, 1968. — 48 с.
3. Ксенофонтов И. Н. Мир, которого хотели и который ненавидели: документальный репортаж. — М.: Политиздат, 1991. — 414 с.
4. Гусев К. В. Эсеровская богородица. — М.: Луч, 1992. — 159 с.
5. Ильяхов А. А. «Конфликт в благородном семействе»: Брестский мир и распад коалиции большевиков и левых эсеров в 1918 г. // Вестник университета. — 2013. — № 20. — С. 263–269.
6. Фельштинский Ю. Г. Крушение мировой революции. Брестский мир. Октябрь 1917 — ноябрь 1918. — М.: ТЕРРА, 1992. — 656 с.
7. Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. — М., Л.: Гос. изд-во, 1928. — 179 с.

8. Протоколы заседаний Всероссийского центрального исполнительного комитета советов р., с., кр. и каз. депутатов II созыва. — М.: Изд-во ВЦИК, 1918. — 192 с.
9. Троцкий Л. Д. О Ленине: материалы для биографа. — М.: Госиздат, 1924. — 168 с.
10. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-1235. Оп. 18. Д. 3.
11. Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 1. Июль 1917 г. — май 1918 г. — М.: Российская политическая энциклопедия, 2000. — 864 с.
12. Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 2. Ч. 1. Апрель — июль 1918 г. — М.: Российская политическая энциклопедия, 2010. — 773 с.
13. Пятый Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов: стенографический отчет: Москва, 4–10 июля 1918 г. — М.: Изд-во ВЦИК, 1918. — 254 с.
14. Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 2. Ч. 3. Октябрь 1918 — март 1919 гг. — М.: Российская политическая энциклопедия, 2017. — 894 с.

Abstract

The article is devoted to the study of the position of one of the leaders of the Left SR party M. A. Spiridonova on the issue of concluding a peace treaty with Germany and its allies. The author examines the change in Spiridonova's attitude to the signing of the peace during December 1917 — July 1918 and shows that her position changed depending on the conditions put forward by Germany and the consequences to which the Bolsheviks fulfilled the conditions of the Brest-Litovsk peace treaty.

Key words: Spiridonova, Bolsheviks, Left SRs, Brest-Litovsk treaty.

Информация об авторе: Концевой Илья Анатольевич, кандидат исторических наук, НИУ «Высшая школа экономики», Москва, ikontsevov@hse.ru

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АЛЕКСАНДРЫ КОЛЛОНТАЙ ПО РУКОВОДСТВУ МЕЖДУНАРОДНЫМ ЖЕНСКИМ СЕКРЕТАРИАТОМ КОМИНТЕРНА

Богачев Никита Вячеславович

Тверской государственный университет, Тверь

Аннотация:

На основе архивных документов фонда Международного женского секретариата Коминтерна РГАСПИ (Ф. 507. Оп. 1–3.), опубликованных источников и исследовательской литературы в статье проводится анализ деятельности А. М. Коллонтай по руководству МЖС Коминтерна в 1920–1921 гг. Исследуется специфика восприятия А. М. Коллонтай самого Секретариата как центрального органа Коминтерна по работе среди женщин и дается оценка роли А. М. Коллонтай в развитии международного женского коммунистического движения.

Ключевые слова: А. М. Коллонтай, Международный женский секретариат Коминтерна, марксистский феминизм, женская эмансипация, Коммунистический Интернационал.

Деятельность А. М. Коллонтай на протяжении всей ее жизни была достаточно разносторонней. Она внесла свой вклад и в революционную, и в государственную, и в дипломатическую работу, оставила существенное публицистическое наследие. Исходя из этого, анализ

ключевых аспектов ее деятельности на сегодняшний день является одной из актуальных проблем исторической науки. Их изучение важно для понимания не только ряда важнейших страниц биографии А. М. Коллонтай, но и всей системы международного женского коммунистического движения, на которое она оказала значительное влияние.

Интерес исследователей к изучению деятельности А. М. Коллонтай начался еще в период 1930–1940-х гг. Зарубежные историки К. Энтони [21], И. Паленсия [24] (представители США) в целом очень избирательно подходили к объекту исследования и анализировали преимущественно дипломатическую деятельность А. М. Коллонтай и лишь некоторые отдельные страницы ее биографии [16, с. 1], практически не уделяя внимания ее работе в МЖС и взглядам на женскую проблему.

В отечественной историографии начало изучения деятельности А. М. Коллонтай пришлось на 1960-е гг. [16, с. 1]. В это время были изданы работы И. А. Майского [8], Е. Г. Лоренсона [7], Е. И. Бреслава [2]. Они, также как и их зарубежные коллеги, практически не упоминали А. Коллонтай в качестве одного из руководителей женской секции Коммунистического Интернационала и не проводили анализа ее деятельности на этом посту.

Во второй половине 1960 — начале 1980-х в зарубежной, преимущественно англоязычной историографии, представленной Б. Клементс [23], Р. Стайтсом (использовалось издание 2004 г. на русском языке) [18] и К. Портером [26], произошло постепенное смещение внимания исследователей с вопросов биографии и деятельности А. М. Коллонтай на проблему ее идеологии в отношении «женского вопроса». При этом ни один из указанных исследователей по-прежнему не касался темы деятельности А. М. Коллонтай в МЖС.

В отличие от зарубежных историков во второй половине 1960–80-х гг. XX в., большинство советских ученых того же периода, среди которых Г. Д. Петров [13], С. В. Каравашкова [5], Я. Г. Темкин и Б. М. Туполев [19], П. М. Чирков [20], вовсе не рассматривали ни идеологические взгляды А. М. Коллонтай на «женский вопрос», ни ее практическую деятельность по его решению в период руководства МЖС. В их исследованиях в большей степени упоминалась или анализировалась социально-политическая работа А. М. Коллонтай в период революции в России и оценивался ее вклад в дипломатию уже советского государства [16, с. 3]. Одним из немногих авторов этого времени, заострившем внимание на деятельности А. М. Коллонтай в Международном женском Секретариате, стала А. Свободова [17]. В своей работе ей удалось проанализировать процесс зарождения МЖС Коминтерна. Она прямо указывала на то, что его создание имело «большое значение для координации работы компартий среди женщин» [17, с. 99], а А. М. Коллонтай, наряду с Н. К. Крупской, сыграла в этом большую роль.

В 1990-е гг. зарубежные, преимущественно англоязычные историки продолжали работу в изучении теоретических взглядов А. М. Коллонтай на «женский вопрос». Среди таких исследователей в данный период можно выделить В. Брайсон (рассматривалось издание 2001 г. на русском языке) [1]. В ее работе, несмотря на анализ принципов новой половой морали в России после революции 1917 г. и концепции новой женщины, предложенной А. М. Коллонтай, вопрос о ее деятельности в руководстве Международным женским Секретариатом не поднимался.

В 1990-х гг. в отечественной, уже российской историографии, напротив, начинают активно, однако пока еще больше в публицистическом ключе, изучаться вопросы теоретического восприятия А. М. Коллонтай «женского вопроса». Так, Т. Е. Осипович [11], рассматривая отношение А. М. Коллонтай к женской проблеме, обвиняет ее, как и в целом всех марксистов, в искажении определения феминизма, но при этом не приводит достаточных для подтверждения этого доказательств. При этом, однако, немаловажным достоинством работы Т. Е. Осипович является упоминание отдельных аспектов деятельности А. М. Коллонтай по работе среди женщин, в частности, ее руководство Женотделами в 1921–1922 гг. Деятельность же А. М. Коллонтай в МЖС Коминтерна уходит от внимания исследователя.

2000-е гг. в зарубежной историографии стали в некоторой степени переломными в вопросе изучения МЖС Коминтерна. В 2003 г. Французский историк Ж. Ж. Мари опубликовала статью

«Женская секция Коминтерна от Ленина до Сталина» [24]. Данная работа является на сегодняшний день одним из немногих системных исследований МЖС Коминтерна. В ней автором дается описание деятельности МЖС Коминтерна с 1920 по 1935 гг. вплоть до его роспуска И. В. Сталиным. Автор утверждает, что благодаря авторитету руководителей Международного женского Секретариата, в большей степени А. М. Коллонтай и К. Цеткин, ему удавалось пользоваться в первые годы своего существования значительной автономией, чем любому другому отделу Коммунистического Интернационала, однако впоследствии политика Коминтерна в отношении женщин стала строго подчиненной внутренним преобразованиям Советского Союза и во многом определялась личными предпочтениями главы советского государства.

Отечественная историография периода 2000–2010-х представлена такими исследователями, как А. М. Пушкарев [16], Л. М. Млечин [10], О. М. Долидович и Т. А. Катцина [4], И. И. Юкина [21]. В их работах как продолжается исследование вопросов, поднятых в 1990-е гг., так и разрабатываются новые. Так, А. М. Пушкарев стал одним из немногих исследователей, кто проводит систематический анализ истории изучения деятельности и идеологии А. М. Коллонтай, как в России, так и за рубежом. Он приходит к выводу, что вопрос марксистского феминизма и его трактовки со стороны А. М. Коллонтай «табуировался» в СССР, в отличие от стран Запада, что, в свою очередь, привело к всплеску внимания к этой теме в России после перестройки. К сожалению, автор, также как и большинство исследователей А. М. Коллонтай, не упоминает о ее работе в МЖС Коминтерна.

Наиболее полная биография А. М. Коллонтай была предложена Л. М. Млечиным. Несмотря на подробность изложения, а также наличия описания работы А. М. Коллонтай в МЖС, источниковая база данного исследования не приводится в нем самом. В книге практически нет справочного аппарата, из-за чего проверка подлинности представленных в ней фактов достаточно затруднительна.

В статье О. М. Долидович и Т. А. Катциной раскрывается влияние А. М. Коллонтай на социальную политику советского правительства после Октябрьской революции 1917 г. Авторы приходят к выводу, что основной заслугой А. М. Коллонтай в вопросе строительства социального государства в Советской России стало то, что она сделала «важным направлением в работе возглавляемого ей Наркомата государственного призрения охрану материнства и детства, активно проводила в жизнь политику поддержки женщины-работницы» [4, с. 273]. Несмотря на наличие в статье краткого описания дальнейшей работы А. М. Коллонтай, ее деятельность в женском секретариате Коминтерна авторами опущена.

Анализ понимания А. М. Коллонтай марксистского феминизма дается в статье И. И. Юкиной. Автор приходит к выводу, что сама А. М. Коллонтай определяла его как движение, ставшее параллельным «буржуазной» женской эмансипации и основанное на сочетании фундаментальных идей феминизма и марксизма. В статье описывается в основном деятельность А. М. Коллонтай в России без упоминания ее руководства МЖС Коминтерна.

Таким образом, в зарубежной и отечественной историографии в разные периоды исследователями поднимались вопросы идеологии и деятельности А. М. Коллонтай на различных политических, дипломатических и общественных постах. При этом вопрос о ее вкладе в работу МЖС Коминтерна практически не изучен историками.

Цель данной статьи — определить основные направления деятельности А. М. Коллонтай по руководству Международным женским секретариатом Коминтерна.

Международный женский секретариат Коминтерна был создан в 1920 г. как орган связи между всеми организациями, работающими среди женского пролетариата всех стран мира. Его основной целью было руководство революционным женским движением в международном масштабе [9, с. 7].

Первоначально предполагалось, что Международный женский секретариат будет состоять из нескольких человек. В итоге же в него вошли 9 женщин: 3 от иностранных государств, а именно: К. Цеткин из Германии, Г. Роланд-Холст из Нидерландов, Р. Блох из Швейцарии, и 6 от Со-

ветской России: Н. К. Крупская, А. М. Коллонтай, З. И. Лилина, К. Н. Самойлова, Л. Н. Сталь и Симилова (имя и отчество не сохранились). Генеральным секретарем МЖС была назначена К. Цеткин как одна из старейших и наиболее авторитетных коммунисток [24, с. 428], а ее заместительницей — А. М. Коллонтай [12, с. 1.]. Причина, по которой выбор пал именно на ее кандидатуру, вероятно заключается в том обстоятельстве, что она уже тогда имела большой авторитет в коммунистическом и женском движениях в России ввиду ее широкой как теоретической, так и практической деятельности, посвященной «женскому вопросу».

Международный женский секретариат впервые собрался 23 ноября 1920 г. по инициативе А. М. Коллонтай, которая представила вступительный доклад, подготовленный ею для намечавшейся в июне 1921 г. Второй Международной коммунистической женской Конференции. В нем она говорила об основных задачах МЖС Коминтерна, а именно: о развитии влияния Интернационала на самые широкие массы работниц, содействию укреплению связей между женскими секциями коммунистических партий стран Запада и Востока. Кроме того, она предлагала круг основных проблем, на которые МЖС должен был обратить особое внимание, а именно на распространение празднования Международного женского дня и борьбу с проституцией и за декриминализацию аборт [24, с. 430].

После оглашения доклада А. М. Коллонтай также выдвинула ряд ближайших задач для работы Секретариата, в которые входили подготовка и созыв Международного съезда работниц, а также собрание и консолидация всех сил коммунисток и сочувствующих им женщин вокруг основных положений коммунистической работы. Кроме того, А. М. Коллонтай предложила создать между странами живую и литературную связь в виде «обмена печатными произведениями и живыми информаторами, выпусками специальных брошюр» [15, с. 1]. Эти задачи впоследствии превратились в многолетнюю работу для Международного женского Секретариата, поскольку ему пришлось выстраивать контакты практически со всеми существовавшими на тот момент коммунистическими партиями в разных странах мира, а выстраивание четких каналов связи не всегда было удачным [12, с. 3.].

А. М. Коллонтай, как один из руководителей МЖС, приняла активное участие во Второй Международной коммунистической женской Конференции, проходившей 9 июня 1921 г. в Москве. Она писала, что основная задача этой конференции — «установить методы и принципы, по которым должна вестись работа среди женщин, а также обязать все коммунистические партии выделить у себя либо женотделы, либо комиссии работниц» [3, с. 342].

Сама конференция началась с программной речи К. Цеткин, которая утверждала, что принимаемые капиталистические государства для самосохранения особенно тяжело угнетают именно женщин. Поэтому они должны стать в авангарде революции. Вопрос о методах работы среди женщин и их революционной борьбы вызвал продолжительные дебаты на этой конференции. Коллонтай выступила против борьбы только за социальные требования и настаивала на пропаганде революции. Она заявляла, что женщинам-работницам не следует ограничивать свои требования введением восьмичасового рабочего дня и выделением отдельного жилья, а необходимо понимать, что без революции, без диктатуры пролетариата, без советской власти у них этого не будет [24, с. 430].

А. М. Коллонтай завершила доклад, выразив надежду на то, что заседание секретариата уже в следующем году станет конференцией женщин уже из новых советских стран. Столь радикальное ее мнение вызвало широкую дискуссию среди делегатов и серьезную критику с их стороны. К. Цеткин заявила, что А. М. Коллонтай не указывает на методы работы среди женщин — интеллигенок, а делегатки из Кореи и Армении заметили, что она полностью игнорирует положение восточных женщин, которые не были освобождены из своих гаремов и к которым нужно подходить по-другому не так, как к европейским женщинам [24, с. 430].

На этой же конференции был преобразован и утвержден новый состав секретариата из шести женщин: К. Цеткин, Г. Штурм, Л. Коллиард, А. М. Коллонтай, З. Лилина и В. Каспарова. Последняя

стала сопредседателем женской секции Центрального комитета большевистской партии, вместе с Коллонтай и была назначена главой восточного отдела женского секретариата [24, с. 430–431].

Осень 1922 г. стала поворотным периодом в карьере А. М. Коллонтай в МЖС Коминтерна. После разгрома «рабочей оппозиции» (группы политиков, предлагавших передать управление народным хозяйством всероссийскому съезду производителей, объединенных в профсоюзы) [4, с. 272], в которой она занимала руководящее положение, ей пришлось по настоянию партии перейти на дипломатическую работу. Одной из причин назначения А. М. Коллонтай на должность дипломата стал ее опыт работы в должности секретаря Международного женского секретариата [4, с. 272]. Сама А. М. Коллонтай воспринимала дипслужбу как совершенно непонятное для нее поприще [6, с. 34]. Она по-прежнему поддерживала контакты с МЖС, принимала участие в женских конференциях, однако уже только в качестве приглашенного участника [14, с. 4–5].

Таким образом, относительно недолгая работа А. М. Коллонтай в руководстве МЖС Коминтерна была достаточно продуктивной. Ей удалось наметить основные задачи и направления для работы Международного женского секретариата на долгие годы по выстраиванию деловых контактов и литературных связей с коммунистическими партиями разных стран и между ними, которое продлились долгие годы. Немаловажной ее заслугой было также и акцентирование внимания других представительниц секретариата на некоторых важнейших для женского движения вопросах, а именно: на распространении празднования Международного женского дня и борьбе с проституцией и за декриминализацию абортов.

Список источников и литературы

1. *Брайсон В.* Политическая теория феминизма / Пер. с англ. О. Липовской и Т. Липовской. — М.: Идея-Пресс, — 2001. — 301 с.
2. *Бреслав Е. И.* А. М. Коллонтай — пропагандист ленинских идей в международном рабочем движении // Вестн. ЛГУ. — 1967. — № 14 — С. 143–147.
3. Вторая международная конференция коммунисток. Июнь 1921 г. // Коллонтай А. М. Избранные статьи и речи. М.: Политиздат, 1972. С. 341–345.
4. *Долидович О. М., Катцина Т. А.* Становление системы социального обеспечения под руководством А. М. Коллонтай: от сферы приватной в Российской империи к пространству публичного в советской России (12 ноября 1917 года 11 марта 1918 года) // Журнал исследований социальной политики. 2011. Т. 9. № 2. С. 255–276.
5. *Каравашкова С. В.* Публицистика А. М. Коллонтай, И. Ф. Арманд, Л. Н. Сталь, А. И. Ульяновой-Елизаровой в борьбе за укрепление международного рабочего движения. М.: МГУ, 1973. 92 с.
6. *Коллонтай А. М.* Дипломатические дневники. 1922–1940. В 2 т. Т. 1. М.: Academia, 2001. 528 с.
7. *Лоренсон Е. Г. А.* М. Коллонтай в Швеции // Новая и новейшая история. 1966. № 1. С. 105–111.
8. *Майский И. А.* М. Коллонтай // Октябрь. 1962. № 7. С. 107–112.
9. Международный секретариат женского коммунистического движения. Положение о секретариате // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 507. Оп. 2. Л. 7–12.
10. *Млечин Л. М.* Коллонтай. — М.: Молодая гвардия, 2013. — 512 с.
11. *Осипович Т. Е.* Коммунизм, феминизм, освобождение женщин и Александра Коллонтай // Общественные науки и современность. — 1993. — № 1. — С. 174–186.
12. Отчет секретариата по работе среди женщин с 20 ноября 1920 по май 1921 г. // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 507. Оп. 2. Д. 5. Л. 1–12.
13. *Петров Г. Д.* Политическая и научно-публицистическая деятельность А. М. Коллонтай в годы Первой мировой войны и подготовки Великого Октября (август 1914 г. — октябрь 1917 г.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М., — 1973. — 37 с.
14. Письмо А. Коллонтай Зиновьеву // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 507. Оп. 2. Д. 19. Л. 4.

15. Протокол заседания Секретариата по работе среди женщин от 23 ноября 1920 г. // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 507. Оп. 2. Д. 1. Л. 1.
16. *Пушкарев А.М.* К историографии «Истории повседневности» и «Нового быта» 1920-х гг. (проблема «Новой половой морали» в работах А.М. Коллонтай) // *Женщина в российском обществе*. — 2005. — № 1–2. — С. 55–75.
17. *Свободова А.* Роль марксистско-ленинских принципов единства международного женского пролетарского движения в антиимпериалистической борьбе женщин Чехословакии в 20-е годы (по материалам I Интернационала, Коминтерна и КПЧ): дис. ... канд. философ. наук. — М.: МГУ, — 1984. — 204 с.
18. *Стайтс Р.* Женское освободительное движение в России. Феминизм, нигилизм и большевизм, 1860–1930 / Пер. с англ. И.А. Школьникова, О.В. Шныровой. — М.: РОССПЭН, — 2004. — 614 с.
19. *Темкин Я.Г., Туполев Б.М.* От Второго к Третьему Интернационалу. — М.: Мысль, — 1978. — 368 с.
20. *Чирков П.М.* Решение женского вопроса в СССР (1917–1937 гг.). — М.: Мысль, — 1978. — 255 с.
21. *Юкина И.И.* На пути к марксистскому феминизму. Деятельность Александры Коллонтай // *Социология науки и технологий*. — 2014. — № 2. — С. 81–91.
22. *Anthony K.* Alexandra Kollontay // *The North American Review*. — 1930. — № 230. — P. 277–282.
23. *Clements B.E.* Bolshevik Feminist: The Life of Alexandra Kollontai. — Bloomington: Indiana University Press, — 1979. — 352 p.
24. *Marie J.J.* The Women's Section of the Comintern, from Lenin to Stalin // *Political and Historical Encyclopedia of Women*. New York: Routledge, 2003. — P. 275–285.
25. *Palencia I. de.* Alexandra Kollontay: ambassadress from Russia. — N. Y., L., Toronto: Longmans, Green & Co., — 1947. — 309 p.
26. *Porter C.* Alexandra Kollontai: A Biography. — L.: Virago, 1980. — 537 p.

Abstract

On the basis of archival documents of the Foundation of the International Women's Secretariat of the Comintern of the Russian Academy of Sciences (F. 507. Op. 1–3.) published sources and research literature, the article analyzes the activities of A. M. Kollontai on the leadership of the Women's Section of the Comintern in 1920–1921. The article examines the specifics of A. M. Kollontai's perception of the Secretariat itself as the central body of the Comintern for work among women and assesses the role of A. M. Kollontai in the development of the international women's communist movement.

Key words: A. M. Kollontai, International Women's Secretariat of the Comintern, Marxist feminism, Women's emancipation, Communist International.

Информация об авторе: Богачев Никита Вячеславович, аспирант очной формы обучения направления 46.06.01. Исторические науки и археология, направленность 5.6.2. «Всеобщая история (соответствующего периода)», Тверской государственный университет, Тверь, nik97bog@yandex.ru

ПЕРВАЯ ЖЕНЩИНА-МИНИСТР А. М. КОЛЛОНТАЙ (1872–1952) В БОРЬБЕ ЗА ГЕНДЕРНОЕ РАВНОПРАВИЕ

Мун Виктория Анатольевна

Волгоградский институт управления — филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Волгоград

Аннотация

В статье проанализированы основные работы А. М. Коллонтай, посвященные идее экономической эмансипации женщин, разработке концепции социализации женщин, основанной на равенстве полов, преодолении вековых стереотипов о патриархальной роли мужчин и подчиненном и зависимом положении женщин. Отмечается, что А. М. Коллонтай, поставив вопрос о роли женщины в обществе и семье, особое внимание уделяла понятию «равноправие» мужчины и женщины, которое основывалось не на их равноправности, а на целесообразном использовании женских сил при соблюдении интересов женщины как матери. Уделено особое внимание необходимости защиты прав беременных женщин, женщин-матерей, равной оплаты труда женщин и мужчин, недопустимости эксплуатации женщин, вовлеченных в социальную жизнь, что связывалось с исключительной ролью женщины как матери и важностью государственной поддержки женщин во время беременности и после родов.

Ключевые слова: А. М. Коллонтай, феминизм, женский вопрос, женское движение, гендерное равноправие, эмансипация женщин, охрана материнства, детство.

В 2022 году исполнилось 150 лет со дня рождения российской феминистки, политика, первой женщины-министра в истории А. М. Коллонтай. Александра Михайловна, в девичестве — Домонтович, отец — генерал, мать — из семьи фабриканта, владела несколькими иностранными языками, хорошо разбиралась в литературе. В 1898 г. поступила в Цюрихский университет, в 1899 г. переехала в Англию, где изучала историю рабочего движения. Большое влияние на Александру Михайловну оказала дружба с авторитетными вождями мировой социал-демократии, а также с суфражистками [7]. В дальнейшем тема женского движения и женского вопроса станет одной из основных для А. М. Коллонтай и позволит ей приобрести популярность среди теоретиков феминизма не только в России, но и за рубежом.

А. М. Коллонтай одной из первых политических активисток стала открыто освещать прогрессивные идеи о равенстве мужчины и женщины, взаимоуважении и признании прав другого «на основе товарищеской чуткости к суждениям и желаниям других, умении слышать и признавать работу души близкого и любимого человека» [2]. Согласно концепции А. М. Коллонтай, свобода в любви могла быть достигнута только через установление равенства во взаимоотношениях, подразумевающую отсутствие «самодовольства мужчины и самоотречения женщины»; сквозь уважение «права личности другого» и подавление частнособственнических инстинктов, и, наконец, через установление отношений между двумя влюбленными и коллективом [1].

Один из основных вопросов, который А. М. Коллонтай рассматривала в своих работах, — определение роли женщины в обществе и семье. Исходя из этого, в ее трудах получили широкое освещение такие аспекты «женского вопроса», как: труд женщины (экономическая независимость женщины, условия труда, охрана труда, профессиональный рост); борьба за равноправие женщин; охрана материнства и детства.

Так, в «Социальных основах женского вопроса» (1909) А. М. Коллонтай отмечает, что «корни женского вопроса глубоко зарыты в экономике» [5, с. 34]. Для того, чтобы требовать эман-

сипации, женщины должны быть экономически независимыми. В указанной работе представлены подробные статистические данные, свидетельствующие о том, что по состоянию на 1900 г. 25% женщин в России самостоятельно зарабатывали себе на существование, трудясь в различных областях промышленности. Более того, около 1/3 всей массы ежегодно добываемых на земном шаре для мирового рынка ценностей производилось женщинами. Анализируя данные сведения, А. М. Коллонтай пришла к выводу, что «весь дальнейший ход развития производительных сил шаг за шагом способствует и будут способствовать освобождению женщины из-под векового гнета и порабощения» [5, с. 5]. Между тем повсеместное применение женского труда происходило на фоне отсутствия правовой защищенности женщин от эксплуатации.

В достижении экономического благосостояния женщин А. М. Коллонтай выделяла проблему неравномерной оплаты мужского и женского труда. В России труд женщины оплачивался традиционно в два раза меньше, чем труд мужчины, а в некоторых сферах и того меньше (на сельских работах заработок женщин достигал только 2/5 части оплаты труда мужчин). В этой связи А. В. Коллонтай подчеркивала важность и прогрессивность установления равной заработной платы женщинам и мужчинам. Тем более, что существовавшая неравная оплата труда основывалась на общественном предубеждении о том, что заработок женщины покрывал лишь часть потребностей семьи, в то время как основное содержание семьи возлагалось на главу семьи — мужчину. Неравномерность оплаты мужского и женского труда также оправдывалась тем, что «женский труд» преимущественно применялся в низкооплачиваемых профессиях, на предприятиях, где требовался менее квалифицированный труд. В свою очередь, владельцы фабрик и заводов были заинтересованы в привлечении к производству более «дешевых трудовых рук», тем более что замужние женщины охотнее соглашались на «кабальные условия работы, лишь бы не слышать раздирающего душу плача голодных ребятишек» [5, с. 134].

Другая проблема, которая раскрывалась в работах А. М. Коллонтай, связана с отсутствием защиты прав трудящихся беременных женщин и женщин-матерей. Вопрос об охране материнства и детства А. М. Коллонтай рассматривала с точки зрения государственного страхования материнства. Так, в работе «Общество и материнство» (1916) подробно исследовано воздействие женского труда на детскую смертность. Особое внимание уделено влиянию, которое оказывает на «жизненность младенца» технологические и химические производства; промышленные яды и опасные для женщины методы работы; искусственное вскармливание; беспризорность. Важную практическую значимость имел произведенный А. М. Коллонтай анализ опыта государственного страхования материнства в зарубежных странах (Германии, Англии, Франции, Италии, Швейцарии, Австрии, Венгрии, Люксембурге, Норвегии, Босния-Герцеговине, Сербии, Румынии, Австралии, Финляндии) с приведением текстов или параграфов законов по страхованию материнства, действовавших в этих странах. Исходя из обзора зарубежного опыта регулирования вопроса охраны женского труда и защиты детства, А. М. Коллонтай предлагала основания, которые по ее мнению следовало бы включить в законы по охране труда женщин в России: ограничение возраста женщин, привлекаемых к труду; ограничение времени работы женщин; нормирование времени отдыха; запрещение ночного и сверхурочного труда; закрепление недопустимых для женщин вредных и опасных методов работы; «обезвреживание процессов труда» и санитарно-гигиеническое благоустройство мастерских (устройство умывальников, клозетов, раздевалок и т. д.); организация фабричной инспекции с введением должностей фабричных инспектрис; установление обязательного 8-недельного отдыха для беременной женщины после родоразрешения, обязательное отстранение женщины от работы за четыре недели до родов; установление точного списка запрещенных работ для беременной женщины, которые по своему техно-химическому или механическому процессу являлись вредными для организма беременной или кормящей женщины [4, с. 219–222].

Стоит отметить, что социальное страхование материнства А. М. Коллонтай рассматривала не только как различные меры поддержки беременной женщины, но и как целую сложную цепь

социальных мероприятий и реформ, которые обеспечивали бы каждой женщине выполнение ею естественного предназначения, «без риска быть раздавленной бременем материальной необеспеченности». Такое обеспечение означало бы заботу «общественного коллектива» о женщине с момента наступления беременности и до тех пор, пока ребенок не перестанет нуждаться в непосредственной материнской заботе [4, с. 225].

Что касается действовавшего в России страхового закона 1912 г., А. М. Коллонтай признавала, что несмотря на его несовершенства и недостатки, существенным достоинством данного закона являлось то, что утвердилась и нашла поддержку сама идея государственного обеспечения материнства, тем самым была «приоткрыта плотная завеса в царство будущего» [4, с. 472–473]. До 1912 г. в России «роды в мастерской не были исключительными фактами», как не были редки случаи, когда, чувствуя приближение родов, беременная работница, «просила мастера отпустить ее до гудка, на что получала грозный для ее дальнейшей судьбы ответ: сначала доработай, а там уходи. Иначе — расчет». Страховой закон 1912 г. предусматривал отпуск в период родов и после него, с сохранением права на часть заработка, что было неоспоримым шагом вперед по сравнению с полной необеспеченностью матерей. Среди основного недостатка закона 1912 г. А. М. Коллонтай выделяла ограниченное количество женщин-работниц, на которых он распространялся — 20% занятых в крупной промышленности, в то время как остальные работницы («торговослужащие», сельскохозяйственные работницы, прислуга, «огромная армия женщин-кустарей») «оставались за чертой страхования» [4, с. 476].

Освобождение женщин от домашнего труда, экономической зависимости, эксплуатации на производстве, по мнению А. М. Коллонтай, являлись предпосылками к социальному освобождению женщин в целом. Женское рабочее движение при этом являлось неразрывной частью общего рабочего движения. А. М. Коллонтай, обращаясь к женщинам, призывала их объединиться, преодолев вековое рабство, сломав традиции, понятия, нравы, привычки, «усвоенные с колыбели» и направленные на сохранение патриархального уклада. Только объединенное женское движение могло защитить интересы, касающиеся работниц как женщин, матерей, хозяек [3, с. 8].

А. М. Коллонтай стала инициатором создания и заведующей (с 1920 г.) Отдела по работе среди женщин (Женский отдел), созданного при Центральном Комитете Российской коммунистической партии (большевиков). Одновременно с руководством Женским отделом А. М. Коллонтай читала лекции в университете имени Я. Свердлова. В книге «Труд женщины в эволюции хозяйства», состоящей из четырнадцати лекций, А. М. Коллонтай последовательно раскрываются специфические аспекты женского труда на различных исторических этапах экономического развития, анализируются причины постановки «женского вопроса», исследуется движение феминисток и влияние его на защиту женских прав [6]. А. М. Коллонтай приходит к выводу о том, что смена семейно-бытового уклада, постановка «женского вопроса», активизация женского движения и другие изменения в сторону «раскрепощения женщин», можно было наблюдать с существенной оговоркой: все они затрагивали только жительниц городов, в то время как в деревнях «революция быта и нравов» коснулась в относительно слабой степени. Крестьянка по-прежнему оставалась «подсобницей мужа» в хозяйстве, где физическая мускульная сила играла большую роль. В этой связи положение женщин в деревнях практически не изменилось [6, с. 196]. В заключении А. М. Коллонтай пришла к выводу о том, что не равноправность, а «целесообразное использование женских сил при соблюдении охраны интересов женщины, как носительницы материнства, имеет главное значение» [6, с. 206].

Таким образом, А. М. Коллонтай, являлась выразительницей новационных для своего времени взглядов о важности экономической эмансипации женщин. При этом она подчеркивала необходимость учета физических и духовных потребностей женщины, своеобразие обоих полов и сообразно с этим последовательно раскрывала в своих работах концепцию равноправия мужчины и женщины. Ключевое место в ней отводилось поддержке беременных женщин и матерей в различных формах и различными способами, включая организацию широкой врачебной по-

мощи матери и ребенку, выплату государственных пособий нуждающимся женщинам-матерям, устройство яслей, детских садов, расширение области законодательной охраны женского труда.

Список литературы

1. *Ousmanova A.* Alexandra Kollontai and the political meaning of love // Bulletin of Kazakh National Women's Teacher Training University. — 2022. — №2. — С. 16–24.
2. *Абрамова М.Г., Попова А.В., Горохова С.С.* Проект женской эмансипации Александры Коллонтай как гендерное «расширение» марксизма // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. — 2021. — №2. — С. 44–54. — DOI: 10.18384/2310-676X-2021-2-44-54.
3. *Коллонтай А.М.* Как борются работницы за свои права: I. Социалистическое движение работниц в различн. странах. II. Формы организации работниц на Западе. — М.: Изд-во Всерос. центр. испол. ком. Сов. р., с., кр. и казач. деп., 1919. — 28 с.
4. *Коллонтай А.М.* Общество и материнство. Государственное страхование материнства // Пг: Жизнь и знание, 1916. — 641 с.
5. *Коллонтай А.М.* Социальные основы женского вопроса. — СПб.: Издание товарищества «Знание», 1909. — 431 с.
6. *Коллонтай А.М.* Труд женщины в эволюции хозяйства // М.; Пг.: Государственное издательство, 1923. — 206 с.
7. *Романов П.* Александра Коллонтай. Революция как «стакан воды» // <https://ria.ru/20171018/1504094748.html> (Дата обращения 01.12.2022 г.).

Abstract

The article analyzes the main works of A.M. Kollontai devoted to the idea of women's economic emancipation, the development of the concept of women's socialization based on gender equality, overcoming age-old stereotypes about the patriarchal role of men and the subordinate and dependent position of women. It is noted that A.M. Kollontai, raising the question of the role of women in society and the family, paid special attention to the concept of «equality» of men and women, which was based not on their equality, but on the expedient use of female forces while respecting the interests of a woman as a mother. Paying special attention to the need to protect the rights of pregnant women, mothers, equal pay for women and men, the inadmissibility of the exploitation of women involved in social life, was associated with the exclusive role of women as mothers and the importance of state support for women during pregnancy and after childbirth.

Key words: *A.M. Kollontai, feminism, women's issue, women's movement, gender equality, women's emancipation, maternity protection, childhood.*

Информация об авторе: Мун Виктория Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории права и государства Волгоградского института управления — филиала федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», mun.viktoriya@mail.ru

КОНСТИТУЦИОННАЯ РЕФОРМА М. С. ГОРБАЧЕВА 1988–1991 ГГ.: ВОСПРИЯТИЕ И ОЦЕНКИ В США

Мищенко Нина Сергеевна

Вятский государственный университет, Киров

Аннотация

Став в марте 1985 г. генеральным секретарем ЦК КПСС, М. С. Горбачев первоначально стремился ввести ряд политических и экономических мер, которые позволили бы устранить проблемы советской системы без ее коренного изменения. Однако уже во второй половине 1986 г. процесс преобразований стал приобретать все более радикальный характер и перерос в Конституционную реформу 1988–1991 гг. Изменения во внутренней политике в СССР были кардинальными, они вызвали заинтересованную реакцию западных политиков. В настоящей статье рассмотрен спектр оценок, высказанных американскими политическими деятелями по поводу Конституционной реформы в СССР, и уточняется, как перемены в СССР влияли на политику Вашингтона на завершающей стадии холодной войны. В статье обосновывается вывод о том, что образ СССР как главного противника США продолжал сохраняться, и американская администрация, несмотря на очевидные признаки демократизации СССР, не стремилась идти на серьезное сближение с Москвой.

Ключевые слова: М. С. Горбачев, Р. Рейган, перестройка, советско-американские отношения, холодная война, Конституционная реформа М. С. Горбачева.

Одним из результатов декларированного Генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачевым (11.03. 1985–24.08. 1991 г.) курса на новое политическое мышление стало принятие на XIX-й всесоюзной конференции КПСС (28.06–01.07. 1988) мер, направленных на радикальное изменение политической системы. Программа либеральных реформ превратилась в программу системных преобразований, которые парадоксальным образом подорвали авторитет партии и высвободили новые политические силы. Эти изменения были кардинальны, они меняли советскую систему и не могли не вызвать отклик на Западе. Цель данной статьи — определить спектр оценок, высказанных американскими политическими деятелями по поводу конституционной реформы в СССР и уточнить, как перемены в СССР влияли на политику Вашингтона на завершающей стадии холодной войны.

К 1987 г. большинство западных наблюдателей отмечали важные события, происходившие в руководстве КПСС и Советского государства. Для некоторых из них поворотным моментом стало январское пленарное заседание ЦК КПСС, на котором в повестку первоочередных задач была включена политическая реформа, для других таким событием стало заседание ЦК КПСС в июне того же года, на котором была признана необходимость масштабной экономической реформы [3].

На XIX Всесоюзной конференции КПСС был одобрен первый этап плана Горбачева по перестройке политической системы и закреплена частичная передача власти от Коммунистической партии всенародно избранным законодательным органам. План реорганизации, представленный в июне, предусматривал создание поста президента СССР, учредил новый национальный законодательный орган с широкими компетенциями, ограничил срок полномочий правительственных чиновников десятью годами, требовал проведения конкурентных выборов и укрепил независимость судей [5]. Эти изменения были революционными. Введение альтернативных выборов в законодательные органы с реальными полномочиями в 1988 г., возможно, является наиболее значительной реформой, демонстрирующей растущую демократизацию Советского Союза и постепенную эрозию партийно-государственного контроля над политическими процессами. Начавшиеся изменения также проецировались на сферу международных отношений, меняя не только

принципиальные ориентиры внешней политики, но и внешнеполитический менталитет как таковой. Горбачев перенастроил советскую дипломатию, подчеркивая свободу выбора социально-политического строя для государств-союзников СССР [3].

Радикальные перемены в советской политике вызвали неоднозначную реакцию в США. Некоторые из многотиражных изданий, в частности, *The New York Times*, выбрали политику выжидания. В газете писали, что эта реформа, как и многие другие инициативы Горбачева, может потерпеть неудачу при переходе от теории к практике, т. е. воздействие и эффективность политических изменений в конечном счете будут зависеть не от их законодательного закрепления, а от того, как они будут осуществляться [6]. При этом упоминалось, что в американском общественном мнении произошло разделение. Не было единой точки зрения на Конституционную реформу. Те, кто верил Горбачеву на слово, говорили, что он будет использовать реорганизацию для того, чтобы сделать страну более демократичной и лишить власти непокорную партию, делая ставку на законодательные органы, которые по причине все более широкой представленности в них демократических элементов, более чутко реагировали на его усилия по изменению страны. Те, кто сомневался в намерениях Горбачева, задавались вопросом, будут ли изменения, в конечном счете, представлять собой нечто большее, чем косметические преобразования, которые создадут видимость усиления демократии, оставляя власть, в основном, в руках партии [6].

Дуализм оценок был характерен и для представителей американского политического истеблишмента.

Администрация президента Р. Рейгана, в целом, одобрительно и с оптимизмом оценивала реформу. Посол США в СССР Дж. Мэтлок, наиболее убедительным доказательством необратимости и глубины советских перемен счел тезисы XIX всесоюзной конференции КПСС, опубликованные в тот момент, когда Мэтлок и Рейган находились в Хельсинки (на пути в Москву¹) в мае 1988 г. Мэтлок был воодушевлен предстоящими изменениями в СССР. Его настрой разделял директор библиотеки Конгресса Дж. Биллингтон, входивший в круг приближенных Рейгана, прокомментировавший информацию о XIX-й конференции словами: «Это потрясет мир».

Мэтлок поделился мнением с Рейганом. «Мы вступаем в новую игру, — сказал он президенту, — когда я увидел документ Коммунистической партии Советского Союза, который заимствовал больше из американской Конституции, чем из идеологии «марксизма-ленинизма», я был впечатлен [2]». И Рейган был с ним солидарен [1].

Однако не вся американская администрация разделяла эти оценки. Сохранялись весьма влиятельные группы политиков и целые ведомства, демонстрировавшие алармистские и даже враждебные настроения. В аналитической записке ЦРУ, например, отмечалось: «На сегодняшний день... мы не обнаружили изменений при Горбачеве, которые ясно иллюстрируют новые концепции безопасности ...» [2]. Заместитель директора ЦРУ Р. Гейтс официально продвигал еще более жесткую линию. В речи перед Американской ассоциацией содействия развитию науки в октябре 1988 г. он заявил, что «реальной целью советского лидера ... было использовать разрядку, чтобы получить доступ к западным технологиям и улучшить советскую военную машину, и что диктатура Коммунистической партии Советского Союза остается незыблемой и неприкасаемой» [2]. Гейтс произнес эту речь уже после XIX партийной конференции, тезисы которой впечатлили Мэтлока и Биллингтона, а также после реорганизации Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза, произошедшей в сентябре 1988 г.

Разногласия в американской администрации нашли подтверждение в выводах ЦРУ, подготовленных в апреле 1989 г и включенных в меморандум «Вызов Горбачеву», представленных в Совет национальной безопасности (СНБ). Этот документ включал раздел под названием «Разногласия», в котором кратко излагались полярные точки зрения в отношении Горбачева и про-

¹ Московский саммит — встреча на высшем уровне между президентом США Р. Рейганом и генеральным секретарем Коммунистической партии Советского Союза М. С. Горбачевым. Он проходил с 29 мая 1988 г. по 3 июня 1988 г.

водимого им курса и делался вывод о том, что некоторые аналитики рассматривают текущие изменения в СССР, в основном, как тактические, и считают, что существует серьезный риск возвращения Москвы к традиционно воинственному поведению, которое может произойти после того, как СССР добьется ожидаемых экономических показателей.

Таким образом, в американском правительстве так и не сложилось единой точки зрения на реформы системы государственной власти в СССР 1988–1991 гг. Перемены в СССР способствовали улучшению советско-американских отношений к концу второго срока пребывания в Белом доме Рейгана, но как только власть в США сменилась, возобладала ориентация на политику выжидания. Администрация Дж. Буша в условиях быстро менявшегося во второй половине 1989 г. геополитического ландшафта некоторое время сохраняла осторожность. Сам Буш в 1988 г. вскоре после визита Рейгана в Россию в разгар конституционной реформы в СССР сказал репортеру, что «холодная война еще не закончилась» [4, р. 233]. Образ СССР как внешнего врага продолжал сохраняться, и американская администрация, несмотря на растущую демократизацию СССР, не стремилась идти на серьезное сближение со своим противником по холодной войне.

Список литературы

1. Лидер на фоне эпохи. Традиции и новации современного политического лидерства в странах Запада / Л. С. Окунева, В. О. Печатнов, Н. К. Капитонова [и др.] Подред. Л. С. Окуневой. — М.: МГИМО-Университет, 2022. — С. 14–107.
2. *Blanton T.* U. S. Policy and the Revolutions of 1989 // books.openedition.org. 2022. URL: <https://books.openedition.org/> (дата обращения: 21.12.2022)
3. *Brown A.* The Gorbachev Factor // www.washingtonpost.com. 2022. URL: <https://www.washingtonpost.com/wp-srv/style/longterm/books/chap1/gorbache.htm> (дата обращения: 20.12.2022)
4. *Brown A.* The human factor. Gorbachev, Reagan, and Thatcher, and the End of the Cold War // Oxford: Oxford University Press, 2020. — 513 p.
5. *Gill G., R. D. Markwick.* The Attempt at Liberalization // academic.oup.com. 2022. URL: <https://academic.oup.com/book/7478/chapter-abstract/152391977?redirectedFrom=fulltext&login=false> (дата обращения: 25.12.2022).
6. *Taubman P.* Gorbachev's plan to realign power voted by Soviets (Special To the New York Times) // www.nytimes.com. 2022. URL: <https://www.nytimes.com/1988/12/02/world/gorbachev-s-plan-to-realign-power-voted-by-soviets.html> (дата обращения: 18.12.2022).

Abstract

Having come to power in 1985, Mikhail Gorbachev initially sought to introduce a number of political and economic measures that would eliminate the problems of the system without radically changing its structure. This process became radical in the second half of 1986 and developed into the Constitutional Reform of 1988–1991. The changes in internal policy in the USSR were cardinal and revolutionary, and they could not but provoke a reaction among Western politicians. Therefore, it is relevant to consider the full range of assessments made by American politicians about the Constitutional reform in the USSR and to clarify how the changes in the USSR affected Washington's policy at the final stage of the Cold War. The article concludes that the image of the USSR as an external enemy continued to persist, and the American administration, despite the growing democratization within the USSR, did not seek to make a serious rapprochement with its Cold War opponent.

Key words: *M. S. Gorbachev, R. Reagan, perestroika, Soviet-American relations, Cold War, Constitutional reform of M. S. Gorbachev*

Информация об авторе: Мищенко Нина Сергеевна, младший научный сотрудник факультета истории и политических наук, Вятский государственный университет, Киров, alenablumari@yandex.ru

МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ МЕДВЕДЕВ (КУДРИН): ВЯТСКИЙ ПЕРИОД ЖИЗНИ РЕВОЛЮЦИОНЕРА

Позднякова Анастасия Сергеевна

Кировский государственный медицинский университет, Киров

Аннотация

Статья посвящена малоизученному периоду жизни одного из участников расстрела царской семьи в июле 1918 г. — Михаила Александровича Кудрина (Медведева). На основе ранее не изученных документов Государственного архива Российской Федерации автор описывает и анализирует пребывание революционера в Вятке с августа 1918 г по февраль 1919 г. Было выяснено, что деятельность Медведева в городе сопровождалась конфликтными ситуациями.

Ключевые слова: М.А. Медведев (Кудрин), Гражданская война, Вятская губерния, ВЧК.

Одной из важных тем в изучении периода Гражданской войны является воссоздание биографий революционных деятелей. В советский период выходила масса работ, посвященных их жизни и революционной борьбе. Это были монографии, статьи, воспоминания, прославляющие большевистских деятелей, выдержанные в идейном ключе борьбы пролетариата с буржуазией и старым режимом [2], [14], [16]. В настоящее время эта работа продолжается с учетом новых исторических концепций [10], [11]. Внимание исследователей направлено на личные мотивы поведения большевиков, образ жизни до революции, во время Гражданской войны, их жизни и работы после 1922 г.

Особенно интересны для изучения биографии деятелей ВЧК, тех людей, которые проводили политику «красного террора», боролись с контрреволюцией, можно сказать, устанавливали новый порядок жизни в целом [1], [3]. Кто были эти люди? Какая судьба у них была до 1917 г.? К примеру, известный историк Уильям Розенберг считает, что «большинство участников зверств в годы Гражданской войны сами прошли через тот или иной опыт унижений в условиях, когда на обиды, накопившиеся в недавнем и более далеком прошлом, накладывались нужда и лишения», а «жестокое воздаяние служило для многих «компенсацией» за унижения и лишения» [15, с. 59]. Так ли это? Остались ли их воспоминания, что они думали относительно своей службы в ВЧК, как складывалась их жизнь после Гражданской войны. Все эти вопросы интересуют нас, современных исследователей.

Михаил Александрович Медведев (Кудрин) (1891–1964) — фигура в 1918 г., несомненно, легендарная, участник событий июля 1918 г. в Екатеринбурге. С его слов, именно он первым стрелял в царя Николая II. Обратимся к его биографии до 1918 г., которая, как нам кажется, повлияла на его дальнейшую жизнь. Его настоящая фамилия Кудрин, родился в Соликамском уезде Пермской губернии, выходец из крестьян, закончил 2 класса ремесленной школы. После второго класса был вынужден бросить учебу из-за тяжелого материального положения семьи [9, с. 427.]. С 1908 г. работал в Перми на электростанции, слесарных мастерских, масленщиком на буксирном пароходе. В 1911 г. уехал в Баку, где устроился в машинную команду наливного парохода. В 1912 г. он вошел в состав нелегального большевистского «Профсоюза моряков Каспийского торгового флота», член партии с 1912 г. В феврале 1914 г. Кудрин был арестован вместе с группой бакинских большевиков и до сентября 1916 г. находился в заключении в бакинской тюрьме. Освободившись, получил от большевистского подполья паспорт на имя Михаила Сидорова, перешел на нелегальное положение и уехал обратно в Пермь. В конце 1916 г. уехал в Иркутск, войдя в круг иркутских большевиков, М.А. Кудрин с их помощью обзаводится новыми документами, согласно которым он теперь выдает себя за Михаила Александровича Медведева, происходящего из крестьян Ичер-

ской волости Киренского уезда Иркутской губернии. Летом 1917 г. Медведев, по приглашению товарища по бакинскому подполью, приехал в Екатеринбург, устроился работать на электростанцию. После создания на электростанции рабочего комитета стал его секретарем, а позже был избран его председателем. Весной 1918 г. начал службу в Екатеринбургской ЧК, в июне 1918 г. Медведев стал членом коллегии Уральской областной ЧК в Екатеринбурге [9, с. 427]. В начале июля 1918 г. он был назначен во внутреннюю охрану Дома особого назначения в Екатеринбурге и в ночь на 17 июля участвовал в расстреле царской семьи. Что он делал после этих событий, мало изучено. Известно, что к 1938 г. он дослужился до звания полковника НКВД.

После расстрела царской семьи начался весьма короткий и малоизученный вятский период его жизни и деятельности, который продлился, по нашим данным, до февраля-марта 1919 г. Нам было интересно изучить и дополнить этот период его жизни новыми данными.

В июле 1918 г. перед сдачей Екатеринбурга белогвардейцам М. А. Медведев в составе Уральской областной ЧК был эвакуирован в Вятку. Историк Ю. Н. Тимкин отмечал, что по прибытию Медведев претендовал на единоличную власть в губернии, конфликтовал с только что созданным Чрезвычайным военно-революционным штабом. Разрешить конфликт помогли представители от ВЧК и Уральской облЧК [17, с. 68]. Поведение М. А. Медведева в Вятке вызвало жалобы в Центр. Председатель ВЦИК Я. М. Свердлов уже в августе 1918 г. телеграфировал в Вятку: «товарищ Медведев оказался крайне не тактичным, создавшим ряд конфликтов с вятскими товарищами, приведших к невозможности с ним работать. Его необходимо оттуда убрать в интересах работы» [4, с. 184]. Несмотря на рекомендацию, М. А. Медведев оставался в Вятке. В августе 1918 г. Вятская губЧК была ликвидирована. Уральская областная ЧК, получив всю полноту власти, стала проводить политику «красного террора» в Вятке в сентябре 1918 г. Медведев был членом коллегии, работал помощником заведующего по борьбе с контрреволюцией.

1 декабря 1918 г. М. А. Медведев был назначен на должность председателя Вятской губЧК (по факту это была Уральская облЧК). Будучи председателем, он оказался в центре серьезного конфликта между ЧК и отделом юстиции Вятского губисполкома. В начале декабря 1918 г. М. А. Медведев и несколько чекистов без ведома отдела юстиции произвели обыски и аресты в стенах Вятского исправительного рабочего дома, что было незаконно, так как места лишения свободы находились под контролем карательного отдела при отделе юстиции (на обыски требовалась их санкция). 7 декабря 1918 г. были арестованы и переведены в ЧК 12 человек, среди которых были 4 надзирателя. Отдел юстиции на следующий день провел допросы в исправительном доме, где выяснилось, что многие подверглись избиению, в том числе надзиратели, первичные допросы были проведены в самом исправительном доме; было произведено медицинское освидетельствование тех, кого допрашивали, но не забрали в ЧК. Были выявлены следы избиений. Отдел юстиции потребовал от губЧК объяснений, на что Медведев ответил, что ЧК отчитываться перед отделом юстиции не будет. А уже 10 декабря губЧК расстреляла 10 человек как врагов трудового народа. 4 надзирателя были расстреляны по обвинению в спекуляции, которая, по мнению отдела юстиции, была не доказана. Помимо них в числе расстрелянных 10 декабря оказались бывший тюремный врач, 69-летний тюремный священник, бывший городской Кочуров, бывший начальник губернской тюрьмы [5, л. 79 (об.), 80, 80 (об.)]. Последние были расстреляны за то, что в какой-либо мере участвовали в казни известного уральского революционера-экспроприатора, вожаке пермских «лесных братьев» А. М. Лбова в 1908 г.

При просмотре архивных документов по М. А. Медведеву, нами было обнаружено дело Лбова от 1908 г., где были подчеркнуты синим карандашом все фамилии участников этого дела. М. А. Медведев лично допросил бывшего начальника тюрьмы А. П. Виноградова и потребовал от него составить список тех, кто служил в тюрьме в то время, когда был казнен Лбов [8, л. 159.]. Возникает вопрос, что это было со стороны Медведева? Месть за революционера или очищение Вятки от политически неблагонадежных в рамках «красного террора»? Возможно, и то, и другое.

Дополнительным источником сведений о его пребывании и работе на Вятке служат протоколы его допросов. Дело в том, что отдел юстиции не оставил без расследования данный расстрел. Возмутило представителей юстиции то, что показания были «выбиты» из надзирателей, и то, как и где был произведен расстрел (он проходил во внутреннем дворе здания ЧК, в центре города, где ранее расстрелов не проводилось). По свидетельским показаниям «...после залпа не все были умерщвлены... подавшие признаки жизни добивались ружейными прикладами, при этом один солдат сломал приклад. Кругом раздавались стоны и крики добиваемых. После расстрела кавалеристы, производившие казнь, бросились к расстрелянным и стали обшаривать карманы, снимать кольца и срывать одежду» [5, Л. 79 (об.)]. При расстреле присутствовал лично председатель Медведев и несколько членов коллегии ЧК. «Один кавалерист заметив на руке расстрелянного кольцо, ударом шашки отсек ему палец, который на другой день был найден близ места казни. Когда после этого один из расстрелянных пошевелился, то один из кавалеристов шашкой распол ему живот. Кавалеристы, производившие расстрел, тут же поделили между собой имущество казненных. Все трупы были сложены в телегу, отвезены и брошены в реку Вятку» [5, Л. 79 (об.)]. Данные показания привели к большому скандалу в городе. Об этом было также доложено в Москву, в Наркомат юстиции, НКВД и ВЧК. В Вятке губернский исполком организовал контрольно-следственную комиссию, которая начала проводить следствие по делу, собирать показания.

Сохранилось два протокола допроса М.А. Медведева со стороны контрольно-следственной комиссии, в которых он числился как свидетель. Интересно, что в одном протоколе он указывал место рождения Иркутскую губернию, в другом — Пермскую, что подтверждает у него нескольких биографий. По делу о расстрелах, которые вызвали в Вятке скандал, он говорил, что никаких зверств и мародерств не было, все «шло обычным порядком», он присутствовал на расстреле до конца, пока трупы не увезли [6, Л. 133].

В январе 1919 г. расследование продолжила междуведомственная комиссия из представителей Наркомата юстиции, НКВД, ВЧК. В Вятку прибыл юрисконсульт Ройзман, который продолжил следствие. Медведев был вновь допрошен, но уже в качестве обвиняемого. Он показывал, что для выяснения порядка дел в исправительном рабочем доме, туда были посажены несколько агентов-коммунистов, которые выявили спекуляцию среди надзирателей. На основании их сведений ЧК решила произвести обыск. По показаниям Медведева, «юстиция не была в курсе, так как ЧК не доверяла некоторым ее членам, избиений не видел». Последняя фраза его короткого допроса: «Что касается дальнейших сведений по делу, то я воздерживаюсь по той причине, что не считаю возможным давать их Ройзману, как человеку, не состоящему в партии коммунистов» [6, Л. 46 (об.)].

К слову, под покровительством А.Г. Белобородова, который приехал в Вятку в начале января 1919 г. после сдачи Перми, чекисты продолжали работу в Вятской губЧК. В конце января 1919 г. Медведев числился в коллегии Вятской губЧК. 30 января 1919 г. состоялось заседание коллегии Наркомата юстиции, где был заслушан доклад И.П. Ройзмана о злоупотреблениях в Вятской губЧК. Чекистам вменялось в вину произведение обыска в Вятском исправительном рабочем доме без уведомления губисполкома, избиение арестованных при допросах, расстрел без достаточных на то оснований. Было вынесено решение предложить следственной комиссии Верховного ревтрибунала начать следствие по делу членов коллегии Вятской губЧК в преступлениях по должности. По постановлению следственной комиссии при ВЦИК 15 февраля 1919 г. было решено привлечь к ответственности членов коллегии ЧК, дело по подсудности отправить в Верховный трибунал при ВЦИК [7, Л. 8]. В итоге дело было прекращено не без вмешательства А.Г. Белобородова и Ф.Э. Дзержинского. Правда, М.А. Медведев был все же переброшен на другую работу — с февраля 1919 г. он работал в Урало-Сибирском бюро ЦК РКП(б). Урало-Сибирское было организовано в январе 1919 г. в Вятке, его целью было подготовка и отправка коммунистов в тыл к Колчаку с целью разведки или контрразведки. М.А. Медведев в феврале-марте 1919 г.

работал на заводах Пермской губернии, инструктировал разведчиков и занимался изготовлением подложных документов [12, с. 166].

Подводя итоги, можно сказать, что за полгода своей работы в Вятке М. А. Медведев проявил себя как харизматичный лидер, вступал в различные конфликты, отстаивал свою позицию, проводил политику «красного террора». Конечно, он носитель революционного правосознания, который впитал слова М. Я. Лациса о том, что основанием для задержания является уже само происхождение человека, принадлежность не к тому классу. Как справедливо отмечает уральский историк О. С. Поршнева, «в ходе развития Революции 1917 г. насилие и принуждение по отношению к классовым врагам стали рассматриваться массами как необходимые условия решения насущных проблем, выхода из кризиса, ликвидации нужды и бедствий, создания более справедливого порядка» [13, с. 490]. Михаил Александрович Медведев — строитель нового мира, в котором не место «бывшим», для него насилие — вариант нормы, расстрелы — обыденная работа, что подтверждает его пребывание в Вятке с августа 1918 г. по февраль 1919 г.

Список литературы

1. Алексеева О. А. От Гражданской войны к Великой Отечественной войне: судьба чекиста П. А. Каруся (по материалам ГМПИР) // Исторические чтения на Лубянке. Отечественные спецслужбы в войнах и вооруженных конфликтах XX века (к 75-летию Великой Победы): материалы XXIII международной научной конференции. — М., 2019. — С. 82–92.
2. В пороховом дыму: Воспоминания участников гражданской войны // Пермь, 1961. — 246 с.
3. Вебер М. И. Новые факты о биографии чекистки Г. Н. Штальберг // Органы государственной безопасности на защите Отечества. 11-е Уральские военно-исторические чтения, посвященные 100-летию Управления ФСБ России по Свердловской области. Сб. статей. — Екатеринбург, 2018. — С. 77–85.
4. ВЧК. Главные документы истории / автор и сост. В. Долматов. М., 2017. — 416 с.
5. ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 2. Д. 441.
6. ГАРФ. Ф. Р-1005. Оп. 1а. Д. 116.
7. ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 94. Д. 173.
8. ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 94. Д. 269.
9. Жук Ю. А. Вопросительные знаки в «Царском деле» // СПб., 2013. — 640 с.
10. Ищенко О. В. Биография революционера З. И. Лобкова: формирование образа героя // Революционная Сибирь: историки, процесс, наследие. Сборник статей. — Сургут, 2017. — С. 315–325.
11. Ищенко О. В. Штрихи к формированию биографии героя революции и Гражданской войны Г. А. Усиевича // Гражданская война на Востоке России: взгляд сквозь документальное наследие. — Омск, 2017. — С. 140–145.
12. Плотников И. Ф. Во главе революционной борьбы в тылу колчаковских войск: Сиб. (Урал.-Сиб.) бюро ЦК РКП(б) в 1918–1920 гг. // Екатеринбург, 1989. — 337 с.
13. Поршнева О. С. Практики насилия в воспоминаниях рабочих — участников Гражданской войны на Урале // Гражданская война в России: жизнь в эпоху социальных экспериментов и военных испытаний, 1917–1922. Материалы XI Санкт-Петербургского международного colloquium по русской истории. — Санкт-Петербург, 2020. — С. 489–505.
14. Резник Я. Чекист. // Екатеринбург, 1968. — 172 с.
15. Розенберг У. Г. Революция и контрреволюция: синдром насилия в Гражданских войнах России (1918–1920 годы) // Война во время мира: Военнизированные конфликты после Первой мировой войны. 1917–1923 / Сб. статей. — М., — С. 59.
16. Сивков В. Ф. Пережитое // Пермь, 1968. — 264 с.
17. Тимкин Ю. Н. Вятская губернская чрезвычайная комиссия в 1918–1920 гг. // Из истории вятских спецслужб // Киров, 1997. — С. 63–76.

Abstract

The article is devoted to a little — studied period in the life of one of the participants in the execution of the royal family in July 1918 — Mikhail Alexandrovich Kudrin (Medvedev). On the basis of previously unexplored documents of the State Archive of the Russian Federation, the author describes and analyzes the revolutionary's stay in Vyatka from August 1918 to February 1919. It was found out that Medvedev's activities in the city were accompanied by conflict situations.

Key words: *M. A. Medvedev (Kudrin), Civil War, Vyatka province, all-Russian Emergency commission.*

Информация об авторе: Позднякова Анастасия Сергеевна, кандидат исторических наук, Кировский государственный медицинский университет, Киров, pozdnyakova.med@gmail.com

«ПО ПРОИСХОЖДЕНИЮ — ОН ИНОСТРАНЕЦ»: ЖИЗНЬ И СУДЬБА ЧЕКИСТА КАРЛА РОЛЛЕРА

Полуэктов Иван Борисович

Самарский государственный медицинский университет, Самара

Тумшис Михаил Антонович

Независимый исследователь, Самара

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению жизненного пути и служебной деятельности одного из видных деятелей советской контрразведки и внешней разведки — К. Ф. Роллера-Чиллека. Актуальность заявленной темы объясняется сохраняющимся в современном историческом сообществе интересом к истории отечественных спецслужб и судьбам их сотрудников. Авторы считают, что в судьбе К. Ф. Роллера наглядно отразилась история органов ВЧК — ОГПУ — НКВД в весьма сложный и неоднозначный период развития советского государства.

Ключевые слова: *Карл Францевич Роллер-Чиллек, органы ВЧК — ОГПУ — НКВД, КРО ОГПУ, советская внешняя разведка, «Почетный работник ВЧК — ГПУ».*

В последние два десятилетия исследование организационно-штатной структуры и кадрового состава органов ВЧК — ОГПУ — НКВД оформилось в самостоятельное историографическое направление, особое место в котором заняло рассмотрение истории отечественных органов госбезопасности через изучение личных биографий чекистов. В рамках данного исследования, основываясь на архивных материалах и опубликованных исторических исследованиях, предполагается рассмотреть биографию и профессиональную деятельность одного из руководящих работников советских спецслужб периода 1920–1930 гг. — Карла Францевича Роллера-Чиллека, внесшего значимый вклад в становление и укрепление органов ВЧК — НКВД.

Карл (Кароль) Францевич Чиллек родился 24 октября 1896 г. в Австро-Венгерской империи в селе Мних Герцогства Верхняя и Нижняя Силезия¹ в семье железнодорожного сторожа [6, л. 6]. По окончании реального училища в связи с началом Первой мировой войны Карл Чиллек был

¹ Историческая область Тешинская Силезия. В настоящее время — гмина Хибе, Тешинский повят, Силезское воеводство, Республика Польша.

мобилизован в австро-венгерскую армию, в 1916 г. попал в русский плен и отправлен в лагерь для военнопленных в с. Березовка Верхнеудинского уезда Забайкальской области.

Осенью 1918 г. К. Чиллек вместе «...со всеми военнопленными польской национальности лагеря» переведен в г. Иркутск, где началось формирование польской армии в Сибири. В марте 1919 г. он переводится в г. Новониколаевск и, как владеющий несколькими иностранными языками, назначается переводчиком при штабе 5-й польской стрелковой дивизии, затем становится прапорщиком и направляется на учебу в дивизионную офицерскую школу. В декабре 1919 г. Чиллек, видя полный распад дисциплины в польских частях, дезертировал из дивизии, командование которой спустя несколько дней после переговоров с представителями РККА без боя сдалось в плен [6, л. 104].

Некоторое время Чиллек скрывался в г. Красноярске у бывшего знакомого по польской дивизии, а затем под видом бывшего австро-венгерского военнопленного уехал в г. Москву. Там ему удалось выяснить, что, якобы, в районе советско-латвийской границы бывших военнопленных свободно выпускают за пределы РСФСР. Прибыв на станцию Пустошка (Псковская губерния), К. Чиллек явился в местный пограничный Особый отдел (ОО) ВЧК для оформления пропуска, где и был задержан. Далее его как «подозрительного поляка» отправили в распоряжении ОО Западного фронта в г. Смоленск [6, л. 8].

Именно там произошел коренной перелом в его жизни, навсегда связавший судьбу Карла Чиллека с работой в советских органах государственной безопасности. По рекомендации перевербованного чекистами и принятого на службу в ВЧК в качестве уполномоченного ОО ВЧК и Полномочного представительства (ПП) ВЧК на Западном фронте по расследованию польского и савинковского шпионажа бывшего агента 2-го (разведывательного) отдела Польского Главного штаба и члена «ПОВ»¹ капитана В. Марчевского (в чекистском ведомстве носил фамилию Витковский) [9, с. 262–263], Чиллек был привлечен к сотрудничеству особоуполномоченным ОО ВЧК на Западном фронте А. Х. Артузовым [1, с. 84, 87]. Вскоре он оказался вначале агентом в оперативной группе Артузова, а в дальнейшем и штатным сотрудником ВЧК.

При поступлении на службу в органы ВЧК Чиллек был вынужден сменить свою фамилию — он стал Карлом Роллером. История этого псевдонима, вероятно, такова: будучи человеком образованным и начитанным, он неплохо знал драму известного немецкого драматурга, поэта и философа Ф. Шиллера «Разбойники», один из героев которой носил фамилию Роллер. По ходу пьесы Роллер погибает при прорыве бандитской шайки из окружения. Должно быть, Чиллеку-Роллеру хорошо запомнился лозунг молодых разбойников из пьесы: «Мое ремесло — возмездие, месть — мой промысел». Вероятно, в честь этого героя Чиллек и взял свой новый псевдоним «Роллер». Под этой фамилией он и станет известен в чекистских структурах.

В 1920–1921 гг. Роллер в составе группы чекистов, в которую входили бывшие перевербованные польские разведчики и активисты «ПОВ», ездил по городам Белоруссии, Литвы и западной части России, где ликвидировал резидентуры и информационные пункты польской военной разведки и «ПОВ».

И в дальнейшем большинство польских перебежчиков остались на службе в аппарате ВЧК — ГПУ. В январе 1921 г. бывшие польские разведчики В. Кияковский, И. Сосновский и примкнувший к ним Роллер — сотрудники для поручений ОО ВЧК [3, с. 20], а на ноябрь 1922 г. они уже на руководящих должностях в аппарате вновь образованного Контрразведывательного отдела (КРО) ГПУ при НКВД РСФСР. Кияковский — начальник 4-го отделения КРО, Сосновский — начальник 6-го отделения КРО, Роллер — помощник начальника 4-го отделения КРО [5, с. 80–81].

4-е отделение КРО ГПУ, в котором на конец 1922 г. служил Роллер, отвечало за борьбу со шпионажем стран Центральной и Западной Европы и Америки, а также осуществляло аген-

¹ «Польская организация войскова» (ПОВ) — подпольная военная организация, созданная в годы Первой мировой войны в целях борьбы за освобождение территорий от российского владычества, курировалась 2-м отделом (разведка) Польского Главного штаба.

турно-оперативное наблюдение за деятельностью АРА и других организаций помощи голодающим [3, с. 29]. Возглавлял это отделение КРО старый знакомый Роллера — бывший подрезидент польской военной разведки в г. Петрограде Виктор Кияковский-Стецкевич. Можно предположить, что именно он и стал наставником в вопросах разведки и контрразведки для Роллера, который только начинал познавать азы этой профессии. С этим чекистом у Роллера сложились доверительные отношения, они дружили семьями. Можно предположить, что, благодаря поддержке Кияковского (которому доверял сам начальник КРО Артузов), Роллер и сделал столь успешную карьеру в советских органах госбезопасности.

По мнению начальника КРО ОГПУ Артузова, главным в работе его сотрудников было не количество вскрытой агентуры и разведывательных ячеек спецслужб противника, а создание устойчивых каналов продвижения, как стратегической, так и тактической дезинформации о положении дел в Красной Армии и внутренней ситуации в стране. Особо ценилось, если эти дезинформационные материалы продвигались на уровень руководства иностранных разведывательных структур.

Именно такой канал продвижения дезориентационной информации по французской «линии» и удалось разработать помощнику начальника 4-го отделения КРО К. Ф. Роллеру, который через перевербованного агента 2-го бюро (военная разведка) Генштаба Франции С. К. Петкевича — Берклинга неоднократно доводил подготовленный для французской разведки дезинформационный материал о состоянии РККА [6, л. 94–95].

Одновременно Роллер подготовил еще одну операцию по поставке дезинформации для французской и польской военной разведки, в которой активное участие принимала группа бывших царских офицеров во главе с бывшим прапорщиком 21-го стрелкового Туркестанского полка Е. В. Гросицким, находившимся на личной связи у Кияковского и Роллера. Через Гросицкого продвигалась информация о состоянии Красной Армии и положении дел в военной промышленности, получившая высокую оценку как поляков, так и их основных кураторов — французов: «...По своему содержанию этот [разведывательный] материал является очень ценным и всесторонним, охватывающим, как военные вопросы, так и политические. <...>Общая оценка работы — выдающаяся» [4, с. 66].

Осенью 1926 г. Роллер с дипломатическим паспортом на имя Ивана Трофимовича Соловьева выехал в Италию, где занял пост заместителя легальной резидентуры ИНО ОГПУ, под прикрытием должности секретаря полпредства СССР в Риме [6, л. 41]. Причиной его переброски в Италию стала необходимость активизации работы с ценным источником ИНО ОГПУ в Риме — Ф. Константины (оперативный псевдоним «Дункан»), поставлявшим чекистам документальную информацию по линии английского МИДа. По данным на 1927 г., переданным резидентурой ИНО ОГПУ в Италии, из 1406 оперативных материалов, полученных советской разведкой в Риме, 634 материала были представлены Ф. Константины [7, с. 156–157].

В 1927 г. Роллер возвратился обратно на работу в КРО ОГПУ СССР и возглавил работу 2-го (англо-франко-итальянского) отделения. Одним из успешных дел, проведенных Роллером совместно с КРО ПП ОГПУ по Ленинградскому военному округу, стало выявление и арест агентуры специального отдела Скотленд-Ярда, действовавшей в структуре «Аркус»². Дело об «английских шпионах в Аркусе» было закончено в конце июня 1929 г., всего перед судебной коллегией ОГПУ 30 июля 1929 г. предстало 8 чел., двое из которых были приговорены к высшей мере наказания и 9 августа 1929 г. расстреляны [2, с. 477].

Деятельность Роллера в «деле борьбы с врагами революции» была высоко отмечена руководством ОГПУ СССР: 18 января 1931 г. он награжден орденом Красного Знамени, а ранее удостоен высшей ведомственной награды — знака «Почетный работник ВЧК — ГПУ» (V). Помимо этого, ему в 1931 г., как оперативному работнику, владеющему иностранными языками, была присвоена квалификация «оперативного переводчика 1-й категории», т. к. Роллер мог свободно пе-

² «Аркус» — советско-английское экспортно-импортное общество, штаб-квартира которого располагалась в Лондоне. Через «Аркус» власти СССР вели закупку необходимых английских товаров и одновременно реализовали советские товары — лен, марганец, древесину, меха.

реводить с немецкого, английского и итальянского [8, с. 164]. Помимо этого, он свободно владел еще и своим родным языком — польским.

В целом, к Роллеру в ОГПУ относились неплохо, ценили его как высококвалифицированного контрразведчика и разведчика, владевшего несколькими иностранными языками. Правда, отмечали и ряд его недостатков: «...крайне болезненно относился к возможным недостаткам в [своей] работе, потому никогда и не вставал вопрос о каких-то крупных упущениях и провалах». Правда, это был взгляд на него, как профессионала своего дела, но как человека отдельные сотрудники его недолюбливали. Считали, что он «...слишком... высокомерен и заносчив со своими товарищами» [6, л. 58].

События лета 1931 г. — изгнание из ОГПУ Я. К. Ольского, С. А. Мессинга, Е. Г. Евдокимова и Л. Н. Бельского, как составивших «оппозицию» первому заместителю председателя ОГПУ СССР Г. Г. Ягоде, коренным образом изменили судьбу ряда чекистов польского, литовского и белорусского происхождения. После этих событий часть сотрудников стали направлять для прохождения службы в «медвежьи углы»: в феврале 1932 г. Роллер был откомандирован в г. Новосибирск на должность помощника начальника ОО ОГПУ Сибирского ВО (СВО). Весной 1933 г. он получил новое назначение, став заместителем начальника ОО ОГПУ СВО, а по совместительству еще и заместителем начальника ОО ПП ОГПУ по Западно-Сибирскому краю. В марте 1935 г. убыл из Новосибирска в Алма-Ату на ответственную должность заместителя начальника ОО УГБ УНКВД по Казахской АССР, но вскоре переброшен в Сталинград — начальником ОО УГБ краевого УНКВД. Здесь Роллер задержался чуть больше года и в декабре 1936 г. был отозван в г. Москву в распоряжение Отдела кадров НКВД СССР.

К этому времени в столице уже многое изменилось, заслуги Роллера в борьбе со спецслужбами противника, его успехи по польской «линии» начала 1920-х гг. стали забываться. Одновременно к подобным ему сотрудникам возрастало политическое недоверие. Вот как об этом писал в своих показаниях в 1955 г. один из бывших коллег Роллера по КРО ОГПУ В. И. Пудин, касаясь фигур Роллера, Сосновского, Кияковского: «По происхождению эти люди были иностранцы, и для меня их прошлое совершенно не ясно... Мне, как разведчику, известно, что любая иностранная разведка в целях внедрения своего агента в аппарат госбезопасности противной стороны, как правило, ставит задачу завоевать доверие и добиться соответствующего положения. Поэтому были ли они внедрены в советскую разведку противником или честно пришли на службу в советские органы госбезопасности, для меня точной ясности нет» [6, л. 56]. Интересный факт для подтверждения этих слов: к 1937 г. К. Ф. Роллер так и не обзавелся советским гражданством, числясь на момент ареста гражданином Польши [6, л. 60б].

Об определенном недоверии свидетельствует и последнее назначение: его, Карла Роллера, почетного чекиста, орденноносца, капитана госбезопасности, владеющего несколькими европейскими языками, назначили на второстепенную должность начальника Отдела мест заключения УНКВД по Курской области. К этому времени под стражей в Москве уже пребывал его бывший коллега И. Сосновский. Он был обвинен в связях с «польской военной разведкой» с целью сбора секретной информации об СССР. Все это Роллер расценил как явное проявление недоверия, стал более замкнутым и нелюдимым. Круг его общения постепенно сужался и, помимо служебных дел, фактически ограничился лишь семьей (женой и дочкой).

5 мая 1937 г. на его квартиру пришли оперативники с ордером на арест, подписанным 1-м заместителем наркома внутренних дел СССР М. П. Фриновским. Сотрудники УНКВД, проводившие арест и обыск, отмечали, что «...ими не было найдено ни одного листа переписки, в столах произведена основательная чистка».

В тюрьме УНКВД по Курской области Роллер пробыл недолго и вскоре был переведен в Бутырскую тюрьму НКВД в Москве. 14 июня 1937 г. он дал признательные показания о том, что к работе на польскую военную разведку его привлек И. Сосновский. Они часто собирались на его квартире, вели разговоры «...польской национальной направленности», из чего становилось ясно,

что и Сосновский, и Кияковский, и Витковский оставались поляками-националистами. А в 1921 г. Сосновский лично подтвердил Роллеру, что «...переход на сторону Советской власти лично его и других... поляков есть просто маневр, и что в действительности они продолжают вести работу в пользу Польши» [6, л. 9].

20 августа 1937 г. высшему руководству страны был представлен список «Москва — Центр 1-я категория», где среди приговоренных значилось немало чекистов и негласных сотрудников ОГПУ — НКВД, в т. ч. и Роллер. 21 августа 1937 г. Комиссия НКВД, Прокурора СССР и председателя Военной Коллегии Верховного Суда СССР приговорила К. Ф. Роллера, как «участника шпионско-диверсионной террористической организации, возглавляемой резидентом ПГШ (Польского Главного штаба) Сосновским», к высшей мере наказания — расстрелу. 21 августа 1937 г. Карла Роллера расстреляли.

Реабилитация Роллера, как и большинства «польских шпионов», шла со скрипом. В марте 1957 г. Следственное Управление КГБ при Совете Министров СССР отказало его родственникам в реабилитации. Объяснение было простым: шпионская деятельность Роллера подтверждена не только его прямыми показаниями, но и показаниями «резидента польской разведки» И. Сосновского [6, л. 138–141]. Вскоре уголовное дело Роллера вновь сняли с архивной полки. Сотрудники Следственного Управления КГБ и Главной военной прокуратуры (ГВП) начали обстоятельную проверку всех материалов этого «шпионского» дела. Были изучены уголовные дела тех, кто давал показания на Роллера (некоторые из них уже были реабилитированы), опрошены бывшие сослуживцы, вызваны на допрос в КГБ бывшие следователи по этому уголовному делу, получены копии документов из центральных архивов страны, делались попытки раздобыть материалы в архивных хранилищах Польской Народной Республики. Собрав обстоятельный массив материалов, в ГВП пришли к заключению о реабилитации Карла Роллера. 13 февраля 1958 г. по решению Военного Трибунала Московского военного округа он был реабилитирован посмертно.

Несмотря на полную реабилитацию, имена Роллера и его соплеменников-поляков, связавших свою судьбу с новой Родиной и службой в органах государственной безопасности СССР, так и не получили должного отражения в советской историографии. Окончательно этот «часток молчания» был сломан лишь в 1990-е гг., когда стали открываться архивы отечественных спецслужб.

В судьбе Карла Францевича Роллера-Чиллека наглядно отразилась история советских разведки и контрразведки в весьма сложный и неоднозначный период развития нашего государства. Он, на первый взгляд, органично вписался в когорту чекистов, пришедших в органы ВЧК в конце Гражданской войны, даже с учетом определенного своеобразия этого пути. За короткий период, благодаря своим настойчивости и профессионализму, К. Ф. Роллер стал одним из видных руководящих работников в Центральном аппарате и региональных подразделениях ОГПУ — НКВД. Вместе с тем, несмотря на заслуги в сфере обеспечения государственной безопасности, отмеченные орденом Красного Знамени и высшей ведомственной наградой — знаком почетного чекиста, К. Ф. Роллер не смог избежать уголовного преследования в ходе кампании по «очищению» чекистской среды путем массовых чисток и уничтожения сотрудников НКВД, предпринятой новым наркомом внутренних дел Н. И. Ежовым.

Список литературы

1. *Гладков Т. К.* Награда за верность — казнь. — М., 2000. — 570 с.
2. *Лосев И. В.* ОГПУ против Скотленд-Ярда. — СПб, 2003. — 480 с.
3. *Лубянка: органы ВЧК — ОГПУ — НКВД — НКГБ — МГБ — МВД — КГБ. 1917–1991: справочник.* — М., 2003. — 766 с.
4. *Мисюк А.* Спецслужбы Польши, Советской России и Германии. Организационная структура польских спецслужб и их разведывательная и контрразведывательная деятельность в 1918–1939 годах. — М., 2012. — 270 с.
5. *Мозохин О. Б., Сафонов В. Н.* Синдикат-2. ГПУ против Савинкова. — М., 2018. — 466 с.

6. ОРАФ УФСБ по Курской области. Архивное уголовное дело № П-6791 в отношении К. Ф. Роллера-Чиллека.
7. Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. 1933–1941. — М., 1997. — 496 с.
8. Папчинский А. А., Тумшиц М. А. Щит, расколотый мечом. НКВД против ВЧК. — М., 2001. — 367 с.
9. Сафонов В. Н., Мозохин О. Б. Особый отдел ВЧК против польской разведки. 1918–1921 гг. — М., 2018. — 477 с.

Abstract

The article is devoted to the review of the life and career of one of the prominent figures of Soviet counterintelligence and foreign intelligence — K. F. Roller-Chilleck. The relevance of the stated topic is explained by the continuing interest in the history of the Russian special services and the fate of their employees in the modern historical community. The authors believe that the fate of K. F. Roller clearly reflected the history of the organs of the Cheka — OGPU — NKVD in a very difficult and ambiguous period of the development of the Soviet state.

Key words: *Karl Frantsevich Roller-Chillek, organs of the Cheka — OGPU — NKVD, KRO OGPU, Soviet foreign intelligence, «Honorary worker of the Cheka — GPU».*

Информация об авторах: Полуэктов Иван Борисович, заведующий архивом, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Самарский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения Российской Федерации (ФГБОУ ВО СамГМУ Минздрава России), Самара, ivan.poluektov@yandex.ru;

Тумшиц Михаил Антонович, независимый исследователь, Самара, nfago@mail.ru

БЫЛ ЛИ ТРОЦКИЙ ЛИДЕРОМ КОМИНТЕРНА?

Суздальцев Илья Алексеевич

ГБОУ Школа № 1381, Москва

Аннотация

В статье рассматривается деятельность Л. Д. Троцкого в Коммунистическом Интернационале. Автор приходит к выводу, что наиболее часто Л. Д. Троцкий участвовал в работе Коминтерна в 1921–1922 гг., когда входил в его руководящий орган и был одним из тех, кто принимал ключевые политические решения в этой международной организации.

Ключевые слова: *ИККИ, единый фронт, внутривластная дискуссия.*

Троцкий Л. Д. — одна из самых противоречивых фигур в советской истории. В начале 1920-х гг. он отождествлялся с Октябрьской революцией и Коммунистическим Интернационалом практически наравне с В. И. Лениным, однако вскоре был выслан из страны и в отечественной историографии практически не изучался, периодически находя упоминание на страницах западных научных работ. В последние годы растет число публикаций, посвященных Троцкому [4, 11, 34, 35], при этом, за несколько прошедших десятилетий практически не исследовалась его деятельность в Коминтерне, за исключением нескольких работ: в 1986 г. американский историк Дж. А. Гетти проанализировал период окончательного разрыва Троцкого с III Интернационалом [33], спустя год на эту статью был опубликован отзыв [36]; так или иначе работа Троцкого в Ком-

интерне находит отражение еще в незначительном количестве статей [2, 12, 13], несколько лет назад нами была предпринята попытка разобраться в вопросе перенесения во многом иницируемой Троцким внутрипартийной дискуссии в Коминтерн [29]. Имеются труды, посвященные внутрипартийной дискуссии: в одной из монографий его выступления в 1923 и 1924 гг. рассматриваются только как зарождение оппозиции, сформировавшейся только в 1926 г. [32, с. 4, 42, 96], в другой автор считает, что уже в 1923 г. допустимо говорить именно об оппозиции как о явлении социально-политических отношений в РКП(б) [22, с. 9–12]. Историков в основном Троцкий привлекает как партийный деятель, как идеолог мировой революции, однако, его деятельность в организации, во многом создававшейся для осуществления этой революции, рассмотрена очень фрагментарно, при этом освобождение от «историко-партийного подхода» в отечественной науке, а также открытие российских архивов вполне могло бы способствовать уточнению ряда вопросов, либо рассмотренных недостаточно, либо нуждающихся в пересмотре.

Л. Д. Троцкий входил в число главных действующих лиц в III Интернационале, начиная с его учредительного конгресса: им был написан Манифест Коммунистического интернационала — один из первых программных документов создающейся международной организации [14, с. 29], он выступил с докладом об РКП(б) и Красной армии [6, с. 41–44]. После неудачных революций в Европе в 1919 г., Троцкий предложил перенести маршрут мировой революции на Восток и в 1920 г., что отчасти было реализовано в ряде событий: в Гиляне (регион Ирана) была провозглашена Иранская советская республика; в Туркестане в сентябре 1920 г. была образована социалистическая советская республика [28, с. 43]. На II конгрессе Лев Давидович участвовал в прениях по докладу Г. Е. Зиновьева «О роли и структуре коммунистической партии до и после завоевания власти пролетариатом» [17, с. 70], входил в состав комиссии по парламентаризму [25, с. 627], был избран кандидатом в руководящий между конгрессами Коминтерном Исполком (ИККИ) [1, с. 21].

В 1920 г. лидеры Коминтерна стали допускать возможность создания единого фронта с социал-демократами, что нашло отражение в резолюции IX конференции РКП(б) [23, с. 66]. Однако, авторитет Троцкого позволял ему не всегда соглашаться с линией Коминтерна: после неудачного мартовского восстания коммунистов в 1921 г. в Германии, он подверг критике как саму Коммунистическую партию Германии (КПГ) за выбор неблагоприятного момента для выступления, так и социал-демократию за вопиющее предательство [30, с. 259]. При этом подобные действия не ослабили позиций Троцкого в Коминтерне — III и IV конгрессы станут временем, когда Лев Давидович фактически и формально станет одним из главных действующих лиц в этой международной организации. На III конгрессе он выступит с одним из основных докладов — «Мировой хозяйственный кризис и новые задачи Коминтерна» [7, с. 26–46], будет участвовать в прениях по итальянскому вопросу [8, с. 184–187], по докладу К. Б. Радека о тактике Коминтерна [10, с. 301–308], по докладу В. И. Ленина о тактике РКП(б) [9, с. 370–374], выступит с критикой «рабочей оппозиции», войдет в комиссию по выработке резолюций. После конгресса Троцкий станет членом ИККИ с решающим голосом [1, с. 38].

Лев Давидович был одним из организаторов Конференции трех интернационалов, состоявшейся в апреле 1922 г. и активно вел переписку от имени Политбюро ЦК РКП(б) (совместно с Г. Е. Зиновьевым, В. И. Лениным, И. В. Сталиным и А. Б. Каменевым) с представителями Коминтерна на этой конференции — Н. И. Бухариным и К. Б. Радеком [26, с. 106]. Неудачные переговоры со II и II ½ Интернационалами привели к тому, что одним из результатов конференции станет отказ от сотрудничества с социал-демократами, которых Троцкий критиковал еще за несколько лет до этих событий.

IV конгресс Коминтерна станет временем, когда Троцкий достигнет в нем наивысшего влияния. Главным образом это проявится в решении вопроса с руководителями Французской коммунистической партии (ФКП), которые не принимали единый рабочий фронт ни в какой форме, проголосовав против еще на стадии его предварительного обсуждения [27, с. 88]. В резолюции II расширенного Пленума ИККИ «О коммунистической партии Франции», составленной Троцким,

французским коммунистам были выдвинуты требования: не участвовать в буржуазной печати и приступить к созданию коммунистических ячеек в синдикатах [19, л. 2]. Инициатором данной резолюции была т. н. «пятерка» членов ИККИ от РКП(б) — Ленин, Троцкий, Зиновьев, Бухарин и Радек. О ее существовании говорит, например, письмо Троцкого, в котором он пишет, что стенограмма речи на заседании французской комиссии будет у него и может быть предоставлена по требованию любого из членов «пятерки» [20, л. 35]. В таком же составе было утверждено бюро русской делегации на IV конгресс Коммунистического Интернационала [5, л. 29]. Французский вопрос потребовал от руководства Коминтерна усилить влияние на входящие в его состав зарубежные секции, для чего была необходима реорганизация ИККИ, что также обсуждалось внутри «пятерки» — 11 ноября Зиновьев направил телефограмму Ленину, Троцкому, Бухарину и Радеку с просьбой, если по проекту реорганизации ИККИ есть замечания, срочно их высказать [31, л. 43]. В итоге Троцкий предложил поправку, согласно которой Исполком получает право требовать от компартий немедленного исключения отдельных лиц и групп из своих рядов «в тех случаях, когда соответственная национальная партия не проявляет необходимой энергии и бдительности в деле охраны состава партии от некоммунистических элементов» [21, л. 4]. Эта поправка в итоге была утверждена в окончательной редакции «Тезисов о реорганизации Исполкома Коминтерна и его дальнейшей деятельности» [26, с. 116–117]. 22 ноября в письме членам «пятерки» Троцкий задавался вопросом, как в виде предложения конгресса адресовать экстраординарному конгрессу ФКП список угодных им членов ЦК? [18, л. 136] В конечном счете, французских коммунистов обвинили в саботаже тактики единого фронта, а на национальном Совете ФКП в январе 1923 г. было полностью обновлено руководство ЦК, в соответствии с требованиями «пятерки» [26, с. 120]. Кроме деятельности в этом «тайном обществе» на конгрессе Троцкий выступил с одним из основных докладов «Русская революция» [24], а также вошел во вновь избранный ИККИ и был назначен референтом по Франции, Люксембургу и Бельгии [1, с. 65, 83].

1923 г. характеризуется началом ослабления позиций Троцкого как в Коминтерне, так и в РКП(б), а также в тех ведомствах, которые он возглавлял. Одной из главных причин этого, безусловно, стала болезнь Ленина, который фактически уже не принимал действенного участия в политических делах и формирование против Троцкого т. н. «тройки» (Зиновьев, Каменев, Сталин). Считается, что главным событием, послужившим началом внутрипартийных противоречий стало письмо Троцкого 8 октября 1923 г. в ЦК РКП(б), в котором «партийная бюрократия» обвинялась в экономическом и политическом кризисе [16]. Троцкий желал отправиться в Германию, где в этот период происходили очередные революционные события, однако, представители сформированной «тройки», считая вполне возможным вариант положительного исхода кампании, не могли допустить «облачение Троцкого в мундир главнокомандующего силами мировой революции» [3, с. 155]. Перенесение вопроса в Коминтерн состоялось на заседании ИККИ 6 января 1924 г., когда в докладе Зиновьева Троцкий был подвергнут критике в том числе за свое меньшевистское прошлое. После ряда внутрипартийных резолюций низвержение Троцкого продолжилось на V конгрессе Коминтерна, на котором с докладом о дискуссии в РКП(б) выступил А. И. Рыков. В его выступлении для зарубежных соратников был подобран ряд убедительных доводов, дабы развеять все сомнения в правильности курса, что способствовало осуждению оппозиции как «мелкобуржуазного уклона» [29, с. 159–160]. Хотя Троцкий и вошел в качестве кандидата в избранный на конгрессе ИККИ, больше в Коминтерне он активного участия не принимал, фактическим же окончанием его деятельности в III Интернационале можно считать 27 сентября 1927 г., когда Президиумом ИККИ он был исключен из кандидатов в Исполком [1, с. 96–97].

Для анализа политической деятельности Троцкого в Коминтерне нами также была проанализирована его публикационная активность в главном печатном органе Коминтерна — журнале «Коммунистический Интернационал». За 1919–1922 гг. Троцкий опубликовал в нем 18 статей («Манифест Коммунистического Интернационала», «Великое время», «Заявление участников Циммервальдской конференции» (соавт.), «Доклад тов. Л. Троцкого», «Письмо к французским

товарищам», «Октябрьская революция», «Жан Лонгэ» — в 1919 г.; «Памяти ген. А. П. Николаева», «Парижская коммуна и Советская Россия», «Труд и война», «О терроризме», «К предстоящему конгрессу Коммунистического Интернационала», «Группировки во французском рабочем движении и задачи французского коммунизма», «Письмо французскому синдикалисту о коммунистической партии» — в 1920 г.; «О политике К. А. Р. Д.», «Военная доктрина или мнимо-военное доктринерство» — в 1921 г.; «Между империализмом и революцией», «Французская коммунистическая партия и ее ближайшие задачи» — в 1922 г.), с 1923 г. в «Коммунистическом Интернационале» Троцкий не публиковался.

Получается, что пик политической активности Троцкого в Коминтерне пришелся на 1921–1922 гг., публиковался же он чаще в 1919–1920 гг. Эти факты вполне возможно объяснить: первые годы существования Коминтерна Троцкий ввиду занятости по своим основным должностям вынужден был часто бывать на фронтах Гражданской войны и в целом заниматься военными вопросами, с 1921 г. же он стал чаще находиться в Москве, поэтому получил возможность заниматься политическими делами в Коминтерне. Снижение публикационной активности объясняется сокращением количества номеров: если за 1919–1920 гг. увидело свет 16 выпусков, то за 1921–1922 гг. их было издано только 8, к тому же в архиве Коминтерна (в Российском государственном архиве социально-политической истории) присутствует значительное количество писем Троцкого с предложениями, поправками к различным документам Коминтерна, которые занимали, вероятнее всего, достаточно много времени, однако, опубликованы не были ввиду отсутствия необходимости. Таким образом, вполне уместно заметить, что Троцкий занимал одну из лидирующих позиций в Коминтерне: если в 1919–1920 гг. его деятельность в нем была не так заметна, то в 1921–1922 гг. проявилась очень масштабно: он стал членом ИККИ, выступал докладчиком по основным темам политической повестки конгрессов, был одним из инициаторов «кулуарного» решения вопроса с ФКП во время IV конгресса. В коммунистической прессе в этот период его имя чаще всего упоминалось либо сразу вслед за Лениным, либо за Зиновьевым, что также говорит о его значительном влиянии на III Интернационал. Увеличение числа публикаций, посвященных деятельности Льва Давидовича, в том числе в зарубежной историографии, дает нам основание полагать, что интерес к его персоне будет расти и будут изучены ранее неизвестные страницы в биографии этого революционера.

Список литературы

1. Адибеков Г. М., Шахназарова Э. Н., Шириня К. К. Организационная структура Коминтерна. 1919–1943. — М.: РОССПЭН, 1997. — 287 с.
2. Анфертьев И. А. Л. Д. Троцкий, Г. Е. Зиновьев и Л. Б. Каменев: несостоявшиеся преемники В. И. Ленина // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. — 2018. — № 5 (38). — С. 37–48.
3. Ватлин А. Ю. Коминтерн: идеи, решения, судьбы. — М.: РОССПЭН, 2009. — 376 с.
4. Воробьева Т. А., Доронина К. Н. Ораторский стиль Л. Д. Троцкого // Архивариус. — 2016. — № 5 (9). — С. 37–41.
5. Выписка из протокола № 8 заседания Пленума ЦК РКП от 7.10.1922 г. // РГАСПИ Ф. 17. Оп. 170. Д. 4. Л. 29.
6. Доклады партий: Троцкий (Россия) // Первый конгресс Коммунистического Интернационала. Март 1919 г. / Под ред. Е. Короткого и др. — М.: Партийное издательство, 1933. — С. 41–44.
7. Заседание второе: Доклад Л. Троцкого «Мировой хозяйственный кризис и новые задачи Коминтерна» // Третий всемирный конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет. — Пг.: Государственное издательство, 1922. — С. 26–46.
8. Заседание девятое: Продолжение прений по итальянскому вопросу. Речь Троцкого // Третий всемирный конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет. — Пг.: Государственное издательство, 1922. — С. 184–187.

9. Заседание семнадцатое: Прения по докладу Ленина. Речь Троцкого // Третий всемирный конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет. — Пг.: Государственное издательство, 1922. — С. 370–374.
10. Заседание четырнадцатое: Прения по докладу Радека. Речь Троцкого // Третий всемирный конгресс Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет. — Пг.: Государственное издательство, 1922. — С. 301–308.
11. *Кривушин А. Т.* Реальный образ и виртуальный имидж политика (эффекты двуликости Л.Д. Троцкого) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. — 2010. — № 2. — С. 105–115.
12. *Ланцов С.А.* Ленин и Троцкий как идеологи и вожди Октябрьской революции // ПОЛИТ-ЭКС. — 2017. — № 3. — С. 97–113.
13. *Луговцова М.Ю.* Внутрипартийная борьба во Французской коммунистической партии как отражение внутренних противоречий в Российской коммунистической партии (большевиков) в 20-х годах XX века // Научный диалог. — 2017. — № 7. — С. 115–125.
14. *Макдермотт К., Агню Дж.* Коминтерн. История международного коммунизма от Ленина до Сталина. — М.: АИРО-XX, 2000. — 223 с.
15. Манифест Коммунистического Интернационала к пролетариям всего мира // Первый конгресс Коммунистического Интернационала. Март 1919 г. / Под ред. Е. Короткого и др. — М.: Партийное издательство, 1933. — С. 162.
16. *Мухамеджанов М.М.* Коминтерн: страницы истории // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». [Электронный ресурс]. — 2008. — № 6. — Режим доступа: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2008/6/Mukhamedzhanov_Komintern
17. О роли и структуре коммунистической партии до и после завоевания власти пролетариатом. Доклад Зиновьева. Прения: Троцкий (Россия) // Второй конгресс Коминтерна. Июль — август 1920 г. — М.: Партийное издательство, 1934. — С. 70.
18. Письмо Троцкого 22.11.1922 г. // РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 3. Д. 22. Л. 136.
19. Письмо Троцкого Ленину 18.10.1922 г. // РГАСПИ Ф. 5. Оп. 3. Д. 266. Л. 2.
20. Письмо Троцкого Ленину, Зиновьеву, Радеку, Бухарину О критике французской компартии // РГАСПИ Ф. 5. Оп. 3. Д. 22. Л. 35.
21. Поправки к проекту постановления 4-го Всемирного конгресса Коминтерна по вопросу об отчете Исполкома Коминтерна. 11.11.1922 г. // РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 3. Д. 22. Л. 4.
22. *Резник А.В.* Троцкизм и Левая оппозиция в РКП(б) в 1923–1924 годы. — М.: Свободное марксистское издательство, 2010. — 112 с.
23. Резолюция IX Всероссийской конференции РКП(б) по докладу Г. Зиновьева о II конгрессе Коминтерна // Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943: Документы. — М.: РОССПЭН, 2004. — С. 66.
24. Русская революция. Доклад т. Троцкого // IV конгресс Коминтерна. Доклады т. т. Ленина, Троцкого, Клары Цеткин и др. Стенографический отчет. — Харьков: Пролетарий, 1923. — С. 86–123.
25. Состав комиссий конгресса // Второй конгресс Коминтерна. Июль — август 1920 г. — М.: Партийное издательство, 1934. — С. 627.
26. *Суздальцев И.А.* Большевики и политика Коминтерна в 1919–1924 гг.: дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук. — Мытищи, 2020. — 206 с.
27. *Суздальцев И.А.* IV конгресс Коминтерна: особенности проведения и освещение в коммунистической прессе // Вестник МГПУ. Серия: Исторические науки. — 2022. — № 2 (46). — С. 85–96.
28. *Суздальцев И.А.* Нужна ли была большевикам мировая революция? // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. — 2022. — № 4. — С. 39–50.

29. Суздальцев И.А. Об особенностях перенесения вопроса о внутрипартийной дискуссии в РКП(б) в Коминтерн в 1924 г // Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки. — 2017. — № 5. — С. 154–162.

30. Тезисы Л. Троцкого: Мартовское революционное движение в Германии. Апрель 1921 г. // Драбкин Я.С. Коминтерн и идея мировой революции. Документы. — М.: Наука, 1998. — С. 259.

31. Телефонোগрамма Зиновьева Ленину, Троцкому, Бухарину, Радеку 11.11.1922 г. // РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 3. Д. 22. Л. 43.

32. Фельштинский Ю.Г., Чернявский Г.И. Лев Троцкий. Книга 3: Оппозиционер, 1923–1929 гг. — М.: Центрполиграф, 2012. — 336 с.

33. Getty J.A. Trotsky in Exile: The Founding of the Fourth International // Soviet Studies. — 1986. — No. 1. — P. 24–35.

34. McCallum A. Perviy Kanal's Trotsky and the «Atlanticisation» of Leon Trotsky's Legacy // Australian Journal of Politics and History. — 2020. — Vol. 66. — No. 3. — P. 432–449.

35. Rubenstein J. Leon Trotsky. A Revolutionary's Life // New Haven and London: Yale University Press, 2011. — 240 p.

36. Twiss T. Trotsky's break with the Comintern: A comment on J. Arch Getty // Soviet Studies. — 1987. — Vol. 39. — No. 1. — P. 131–137.

Abstract

The article deals with the activities of Leon Trotsky in the Communist International. The author comes to the conclusion that most often Trotsky participated in the work of the Comintern in 1921–1922, when he was a member of its governing body and was one of those who made key political decisions in this international organization.

Key words: *ECCL, united front, intra-party discussion.*

Информация об авторе: Суздальцев Илья Алексеевич, кандидат исторических наук, преподаватель истории, ГБОУ Школа № 1381, Москва, ialoko90@mail.ru

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В РАБОТАХ В. И. ЛЕНИНА

Савина Наталья Викторовна,

ФГБОУ ВО Орловский ГАУ Многопрофильный колледж, Орел

Аннотация

В данной статье рассматриваются фразеологизмы церковнославянского происхождения, используемые в работах В.И. Ленина, оказывающие эмоциональное воздействие и сообщающие особую экспрессию и образность его речи.

Ключевые слова: *В.И. Ленин, фразеологизмы, церковнославянизмы.*

Для стиля В.И. Ленина характерно широкое использование крылатых слов. Их источники разнообразны: это античные и библейские мифы, пословицы и поговорки, мировая художественная литература, публицистика, мемуары. Интересно проследить употребление

В. И. Лениным крылатых выражений, которые вошли в русский язык из книг Ветхого и Нового заветов. Как известно, крылатые слова этого происхождения занимают значительное место среди фразеологических единиц современного русского литературного языка.

В структурном отношении рассматриваемые церковнославянизмы можно разделить на две группы. Первую составляют словосочетания типа *блудный сын, волк в овечьей шкуре, камень преткновения*; вторую — афоризмы типа *суббота для человека, а не человек для субботы* и др. Предметом анализа будут главным образом изречения первой группы.

В трудах В. И. Ленина, особенно в работах, написанных до революции, библейские изречения используются широко. Они усиливают эмоциональное воздействие высказывания, сообщают ему особую экспрессию и образность. Например, фразеологизм *ветхий Адам* имеет значение «грешный человек, который должен нравственно переродиться». Отсюда выражение *совлечь с себя ветхого Адама*, т. е. духовно обновиться, освободиться от старых привычек, взглядов. В докладе о революции 1905 г. В. И. Ленин блестяще использует это изречение: «Только теперь крепостная, пребывавшая в медвежьей спячке, патриархальная, благочестивая и покорная Россия совлекла с себя ветхого Адама; только теперь русский народ получил действительно демократическое, действительно революционное воспитание» [1, с. 313].

Фразеологизм *мертвая буква* употребляется в значении «формальная, внешняя сторона дела, противоположная сущности; то, что не находит практического применения». В. И. Ленин прибегает к этому выражению в полемике с меньшевиками о роли русской буржуазии: «Меньшевики ограничивают свое рассуждение тем, что революция у нас буржуазна и что буржуазия у нас «левее». Но ограничиваться этим — значит превращать марксизм из «руководства для действия» в мертвую букву, значит фальсифицировать марксизм, переходить фактически на точку зрения либерализма» [2, с. 412].

Творчески используя выразительные свойства библейских изречений, В. И. Ленин наполняет последние новым содержанием, нередко частично изменяя их лексический состав, морфологическую и синтаксическую структуру. Сравним, например, обновление структуры устойчивого словосочетания за счет его распространения второстепенными членами. Характерно в этом отношении распространение согласованными и несогласованными определениями фразеологизма *фиговый листок* («то, что служит прикрытием чего-либо заведомо бесстыдного, нечестного»); с помощью этих определений В. И. Ленин выражает свое отношение к предмету высказывания «*фиговый листочек, прикрывающий субъективную антипатию к революции и революционной деятельности*» [3, с. 57].

С целью сделать высказанную мысль более яркой и точной по содержанию В. И. Ленин нередко изменяет лексический состав фразеологизма, сохраняя неизменной его синтаксическую структуру. Таковы лексические замены в изречениях *краеугольный камень, страха ради иудейска, да минует меня чаша сия* и др. Выражение *краеугольный камень* имеет значение «основа, главная идея». Широко известна формулировка В. И. Ленина: «Учение о прибавочной стоимости есть краеугольный камень экономической теории Маркса» [4, с. 45]. Но в работах Ленина можно встретить и вариации этого изречения. Например, характеризуя революционное направление в итальянской социалистической партии, Владимир Ильич писал: «Классовая борьба — вот краеугольный принцип, основа взглядов этого направления» [5, с. 406]. И в другой работе: «Вопрос об империалистских войнах <...> с 1914 года стал краеугольным вопросом всей политики всех стран земного шара» [6, с. 148].

Изречение *страха ради иудейска* означает «из страха перед властями или какой-либо силой». В. И. Ленин не только наполняет его новым содержанием, но и видоизменяет в лексическом отношении: «Партийная агитация будет говорить о партиях вообще, намеренно умалчивая о лицах, страха ради полицейска» [7, с. 85].

Фразеологизм *да минует меня чаша сия* употребляется в значении «пусть не коснется меня это горе, несчастье». Разоблачая оппортунизм новоискровцев, В. И. Ленин использует этот фра-

зеологизм в трансформированном виде: «Их филистерская душа справедливо подсказывает им, что при быстром ходе вперед труднее отличить верный путь и быстро решать сложные и новые вопросы, чем при рутине будничной, мелкой работы; поэтому они инстинктивно шепчут: чур меня, чур меня! да минует меня чаша революционно-демократической диктатуры! как бы не погибнуть! господа! вы уже лучше «медленным шагом, робким зигзагом» [8, с. 15].

Иногда структурная схема фразеологизма служит для Ленина моделью, по которой он строит собственное высказывание: «Будьте в этом смелей, наглаей и изобретательней, а в остальном — потише и поосторожнее. Мудры, аки змеи — и кротки (с Бундом и Питером) — аки голуби» [9, с. 446]. Синтаксический параллелизм собственно ленинских слов и традиционно книжного выражения («мудры, аки змеи, и кротки, аки голуби») придает большую убедительность фразе В. И. Ленина.

Нередко фразеологизм является не только выразительным, но и изобразительным средством. Так, разоблачая психологию приспособленчества, В. И. Ленин использует в видоизмененном виде изречение *благодарим тебя, господи, что мы не похожи на этих мытарей*: «И он гордо поднимает очи к небу: благодарю тебя, господи, что я не похож на одного из этих «крайних»! я — не революционер, я сумею приспособиться <...> к любым мероприятиям» [10, с. 227].

Для стиля В. И. Ленина характерно объединение книжных выражений с разговорными и просторечными. В работе «Материализм и эмпириокритицизм» читаем: «Перед нами выступили три эмпириокритических авгура, которые в поте лица своего трудились над примирением своей философии с естествознанием, над починкой прорех солипсизма» [11, с. 79].

Предложение включает в себя лексику разных стилей: книжного (*в поте лица* — «тяжким трудом добывать хлеб»); *авгур* — «человек, толковавший мнимую волю богов по крику и полету птиц»; философские термины — *солипсизм, эмпириокритический*) и разговорного (*починка, прорехи*). Именно это соединение, казалось бы, несоединимых элементов и придает предложению необычайную выразительность. Наряду с другими лексическими средствами языка, церковнославянизмы выполняют смысловую и эмоциональную функцию.

Все приведенные выше примеры показывают творческое отношение В. И. Ленина к языковому наследию прошлого. Крылатые слова в его работах нередко претерпевают смысловые и структурные изменения, автор переосмысляет библейские изречения, сообщая им ироническое звучание; с предельной ясностью раскрывает политический смысл выражения; противопоставляет разговорный фразеологизм книжному; трансформирует крылатые слова; сокращает, расширяет, заменяет компоненты; наполняет синтаксическую структуру выражения совершенно новым содержанием. С помощью этих изменений повышаются экспрессивные возможности фразеологизмов и достигается нужная точность и образность речи.

Список литературы

1. Ленин В. И. Полное собрание сочинений, изд. 5-е. — М.: Издательство политической литературы, 1967. — Т. 30.
2. Там же // Т. 17.
3. Там же. // Т. 5.
4. Там же // Т. 23.
5. Там же // Т. 21.
6. Там же // Т. 44.
7. Там же // Т. 14.
8. Там же // Т. 10.
9. Там же // Т. 21.
10. Там же // Т. 14.
11. Там же // Т. 18.

Abstract

This article examines the phraseological units of Church Slavonic origin used in the works of V.I. Lenin, which have an emotional impact and communicate a special expression and imagery of his speech.

Key words: *V.I. Lenin, phraseological units, Church Slavonisms.*

Информация об авторе: Савина Наталья Викторовна, преподаватель общественных дисциплин, ФГБОУВО Орловский ГАУ Многопрофильный колледж, Орел, savinanv2205@mail.ru

А. Н. КОСЫГИН: РЕФОРМАТОР ЭПОХИ «РАЗВИТОГО СОЦИАЛИЗМА»

Гапоненко Сергей Юрьевич

Кубанский государственный университет, Краснодар

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению основных этапов политической биографии одного из выдающихся реформаторов в истории Советского Союза Алексея Николаевича Косыгина на посту председателя Совета министров СССР (1964–1980 гг.), и его вклада в процесс реформирования командно-административной экономической модели эпохи «Развитого социализма» (1964–1985 гг.).

Ключевые слова: *А. Н. Косыгин, Л. И. Брежнев, СССР, «Развитой социализм», «Косыгинская реформа», децентрализация, хозрасчет.*

Советский Союз эпохи «развитого социализма» (1964–1985 гг.) кажется на первый взгляд государством, в политической среде которого господствовали консервативные начала. И это, в некотором смысле, действительно так, поскольку правление Никиты Сергеевича Хрущева (1953–1964 гг.) продемонстрировало ярко выраженное стремление к переходу от «сталинской модели социализма» к «ленинской». При этом данный переход был весьма и весьма болезнен как для развития государства, так и для партийного аппарата, который опасался постоянных кадровых перестановок и грубого стиля руководства бывшего первого секретаря ЦК КПСС. Поэтому правы некоторые исследователи, говоря о том, что целью нового главы партии и государства Леонида Ильича Брежнева во внутренней политике стала консервация политической жизни и стабилизация плановой экономики, которая к концу правления Хрущева начала претерпевать кризисные явления [10, с. 273–274]. Во внешней же политике Леонид Ильич стремился отойти от эмоционального стиля, который преобладал в период правления Н. С. Хрущева в определении внешнеполитической стратегии страны, а потому целью нового генерального секретаря ЦК КПСС в этом отношении стало создание такого курса на международной арене, который бы позволял, с одной стороны, сохранить все внешнеполитические достижения СССР после 1945 года, и, с другой стороны, вести диалог с капиталистическим блоком на принципах «реального мирного сосуществования». Касаясь во внутренней политике первого аспекта, стоит сказать, что это привело к такому историческому феномену, как «застой», поскольку власть в Политбюро ЦК КПСС в брежневскую эпоху принадлежала людям весьма и весьма пожилым (исключением в Политбюро в этом отношении являлись Г. В. Романов и М. С. Горбачев, родившиеся в 1923 и в 1931 годах соответственно). Говоря о втором факторе, необходимо уточнить, что в пе-

риод правления Л. И. Брежнева командно-административная экономическая модель не только стабилизировалась после «хрущевских экспериментов», но и претерпела некоторую модернизацию, которая была к 1980-м годам свернута по ряду причин, которые будут указаны ниже. Внешняя же политика, проводимая Советским Союзом в 1964–1982 гг., действительно совершила переход от «мнимого» мирного сосуществования с Западом к «реальному», хотя этот переход во многом оспаривается историками в связи с вводом советских войск в Афганистан в декабре 1979 года [3, с. 616]. Тем не менее процесс преобразований социалистической системы в СССР был запущен, но в историографической традиции данный процесс ассоциируется, по большому счету, не с именем Леонида Ильича Брежнева, а с именем председателя Совета министров СССР в 1964–1980 гг. Алексея Николаевича Косыгина.

Алексей Николаевич Косыгин (1904–1980) представляет собой весьма нетипичного для постсталинского времени реформатора. Практически все первые лица Советского Союза — Г. М. Маленков, Н. С. Хрущев, Л. П. Берия, Ю. В. Андропов, М. С. Горбачев — являются выходцами из партийной среды, возвращенными в условиях аппаратной борьбы (из этого списка реформаторов выбивается лишь Н. И. Рыжков — будущий председатель Совета министров СССР в 1985–1991 гг., который начал свою политическую карьеру с должности директора Уралмаша, а после перевода в Москву занимал должности в министерстве тяжелого и транспортного машиностроения и Госплана СССР). Косыгин же занимал исключительно государственные посты, которые были связаны с экономическим развитием страны — председатель Совета министров РСФСР (1943–1946), министр легкой промышленности СССР (1948–1953), председатель Госплана СССР (1959–1960), заместитель председателя Совета министров СССР (1957–1964). Став после смещения Хрущева главой правительства, Косыгин быстро вошел во вкус своей должности, так как он прекрасно разбирался в том, какие существуют проблемы народного хозяйства Советского Союза, обладал мощным опытом хозяйственной и государственной работы.

В политическом отношении Алексей Николаевич представлял из себя «мастодонта» советской системы, который обладал определенным влиянием в стране и вполне мог выдвинуться на первые роли. По мнению первого секретаря Московского горкома КПСС в 1967–1985 гг. и члена Политбюро ЦК КПСС в 1971–1986 гг. В. В. Гришина, Косыгин считал себя опытным, эрудированным руководителем, имеющим авторитет среди коллег и населения, но не могущим воспользоваться этим авторитетом в полной мере ввиду своей требовательности и принципиальности в работе, и в этом отношении был явной противоположностью Брежнева, у которого имелись определенные политические амбиции. Брежнев хотел быть первым и единственным авторитетом в партии и государстве, а потому с Алексеем Николаевичем у Леонида Ильича сложились крайне натянутые отношения [4], которые, в какой-то степени, помешали реализации процесса модернизации социалистической экономической модели развития. Более того, как отмечает Е. Ю. Спицын, вокруг Косыгина сформировалась группа «технократов», в которую входили Д. С. Полянский (заместитель председателя Совета министров СССР), Г. И. Воронов (председатель Совета министров РСФСР) и К. Т. Мазуров (первый секретарь ЦК КП Белоруссии). Также Евгений Юрьевич вполне справедливо указывает на то, что негласно в «косыгинской фракции» мог принимать участие и уже упоминавшийся выше В. В. Гришин, о чем свидетельствуют его мемуары [9, с. 433]. Таким образом, тот факт, что вокруг амбициозного главы советского правительства собирается группировка членов Политбюро ЦК КПСС, имеющих довольно высокое влияние в партии и государстве, вполне справедливо вызывал опасение Леонида Ильича Брежнева, который также начал укреплять свои позиции в Центральном Комитете за счет членов так называемого, «днепропетровского клана».

В отечественной историографии есть несколько вариантов периодизации премьерства А. Н. Косыгина. На основании монографии В. И. Андриянова можно выделить три этапа: 1) октябрь 1964 года (назначение председателем Совета министров СССР) — сентябрь 1965 года (пленум ЦК КПСС, на котором были объявлены первые шаги к экономической реформе); 2) сен-

тябрь 1965 года — лето 1976 года (первый инфаркт А. Н. Косыгина); 3) лето 1976 года — октябрь 1980 года (снятие с поста председателя Совета министров СССР) [2, с. 159, 341]. Другую точку зрения на периодизацию деятельности Алексея Николаевича Косыгина можно выделить из трудов Е. Ю. Спицына: 1) октябрь 1964 года — сентябрь 1965 года — подготовка к реализации экономических преобразований; 2) сентябрь 1965 — начало 70-х годов — реализация «косыгинской реформы»; 3) начало 70-х годов — октябрь 1980 года — закат деятельности Косыгина [8, с. 286–288].

Прежде, чем рассматривать процесс модернизации командно-административной экономической модели, необходимо изучить вопрос о том, какие в послесталинский период сложились предпосылки к изменениям в данной сфере. По мнению В. К. Ситнина, к тому времени во властных структурах уже сложилось мнение о том, что плановая экономика не справляется с постоянно возрастающими потребностями советского государства и народа, а потому в научной среде середины 50-х годов развернулась широкая дискуссия по поводу поиска путей решения постепенно проявляющегося экономического кризиса [7, с. 55]. Возникли трудности с обеспечением населения товарами и продовольствием. Реформа управления промышленностью и строительством 1957 года не помогла стабилизировать положение. Еще накануне Октябрьского пленума ЦК КПСС 1964 года по поручению Н. С. Хрущева была собрана комиссия из выдающихся экономистов СССР во главе с Л. А. Ваагом, которую курировал как раз А. Н. Косыгин. Уже после смещения Хрущева новоиспеченный председатель Совета министров СССР поручил комиссии разработать проект экономической реформы. Однако в марте 1965 года была создана иная комиссия во главе с А. В. Коробовым. Чем объясняется такой шаг? Интересную точку зрения высказала К. А. Кочнева. По ее мнению, деятельность комиссии Ваага, вероятно, не получила огласки, и, скорее всего, с результатами ее работы члены Политбюро ЦК КПСС и Л. И. Брежнев ознакомлены не были [5, с. 80]. Хотя можно высказать иную версию, проистекающую из особенностей политической борьбы в Политбюро между «днепропетровским кланом» и «фракцией технократов». Вторая комиссия была создана в противовес первой, «косыгинской», и имела две цели: ослабление контроля А. Н. Косыгина над экономическими преобразованиями в стране и свертывание процесса реформ, если их результаты оказались бы пагубными. Тем не менее о проведении реформы было сообщено 27 сентября 1965 года, когда Алексей Николаевич выступил с большим докладом на пленуме ЦК КПСС и заявил о необходимости проведения ряда мер по совершенствованию планирования, хозяйственного управления и усилению экономического стимулирования производства.

Сущность реформы можно выразить словосочетанием «децентрализация производства». Она заключалась, во-первых, в сокращении количества показателей планирования (осталось 9 из 30); во-вторых, в повышении роли коллективных видов материального стимулирования предприятия; в-третьих, в установлении объема реализованной продукции как основного критерия объема производства; в-четвертых, в повышении роли хозяйственных договоров во взаимоотношениях предприятий и постепенном переходе на полный хозрасчет; в-пятых, в принятии таких критериев оценки деятельности предприятий, как прибыль и рентабельность. По мнению Г. И. Ханина, у советского правительства была возможность пойти по пути «более решительной и последовательной децентрализации» по примеру кадаровской Венгрии (1957–1989 гг.) и дубчековской Чехословакии (1968–1969 гг.), однако данный вариант, вероятнее всего, был отвергнут консервативным крылом Политбюро ЦК КПСС во главе с Л. И. Брежневым, секретарем ЦК КПСС М. А. Сусловым и председателем Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорным по причине событий в Чехословакии 1968 года. Более того, в 1970-е годы возобновляется интерес к идеям академика АН СССР В. М. Глушкова о создании автоматизированной системы управления, и эти идеи, как отмечает Г. И. Ханин, нашли своего покровителя в лице секретаря ЦК КПСС и будущего министра обороны СССР Дмитрия Федоровича Устинова [11, с. 317–318]. Это создало главное препятствие политического характера, которое привело к провалу реформы, но об этом будет сказано чуть ниже.

В 1967 году для обеспечения нормальной работы предприятий Советом министров СССР была проведена реформа оптовых цен промышленности, дабы ликвидировать нерентабельность ряд отраслей и уменьшить дифференциацию в рентабельности по отдельным производимым продуктам. В 1967–1969 гг. было принято постановление о переходе на фиксированные платежи в бюджет в зависимости от благоприятности погодных условий с учетом отраслевых особенностей совхозов и капитального строительства. На Западе сложилось впечатление, что «Косыгинская реформа» совершила рывок в реформировании советской экономики в сторону рыночных отношений, однако это не так. Прежде всего сохранялись основы командной экономики — сверху устанавливались величины показателей, вне зависимости от реальных потребностей государства и народа СССР; устанавливались оптовые и розничные цены, уровень оплаты труда и процент по кредиту. Потому за «капиталистической оболочкой» реформы скрывалась вполне «социалистическая начинка».

Последствия реформы оцениваются в отечественной историографии неоднозначно. Р. Г. Пихоя говорит о том, что преобразования Косыгина столкнулись с противоречиями между «экономическими закономерностями и политическими установками». Главными недостатками реформы называются отсутствие определенных уровней рентабельности отдельных промышленных отраслей производства и убыточность действующего ценообразования. Это вызвало падение доходов в угольной отрасли на 16%; пищевая, молочная и рыбная промышленности претерпевали глубочайший кризис. Но, с другой стороны, уровень рентабельности предприятий военно-промышленного комплекса был необыкновенно высоким — прибыль составляла 50% [6, с. 252]. Однако есть и другая оценка попытки модернизировать существующую модель экономического развития СССР, которой придерживается бывший председатель Совета министров СССР Николай Иванович Рыжков: «Косыгинская экономическая реформа 1965 г. дала заметный толчок буксовавшему народному хозяйству. Только за восьмое пятилетие объем промышленного производства вырос в полтора раза, производительность труда — на одну треть. Темпы роста товаров народного потребления наконец-то сравнялись с темпами роста средств производства, которым всегда отдавалось предпочтение» [1, с. 150].

Как уже описывалось выше, характер и принципиальность в работе и стали причиной отставки Алексея Николаевича с поста председателя Совета министров СССР. Однако непосредственным поводом стало ухудшение его здоровья. В 1976 году во время плавания на байдарке у Косыгина случился инсульт, что дало возможность стареющему Брежневу искать кандидата на пост главы советского правительства. Наиболее предпочтительным вариантом для него был Николай Александрович Тихонов — уроженец Днепропетровской области, с помощью которого Леонид Ильич рассчитывал укрепить позиции консервативного крыла в Политбюро ЦК КПСС. В 1980 году у Косыгина случается инфаркт, после которого по инициативе Брежнева Алексея Николаевича отправляют в отставку. Долго на пенсии Косыгин не прожил. Он скончался 18 декабря 1980 года, в канун дня рождения Брежнева, и был похоронен в Кремлевской стене.

Список литературы

1. «В спокойном тоне дать статью». Лидеры партии об оценке Сталина // Источник. — 1994. — № 4. — С. 145–151.
2. Андриянов В. И. Косыгин // Москва: Молодая гвардия, 2003. — 366 с. — ISBN 5–235–02623–3.
3. Вдовин А. И. СССР. История великой державы (1922–1991 гг.) // Москва: РГ-Пресс, 2019. — 768 с. — ISBN 5–998–80699–5.
4. Гришин В. В. Катастрофа. От Хрущева до Горбачева // aleksandr-kommari.narod.ru: [электронный ресурс]. — 2022. — URL: <http://aleksandr-kommari.narod.ru/grishin.htm> (дата обращения 04.10.2022).
5. Кочнева К. А. Процесс проведения реформы А. Н. Косыгина. Как и почему был искажен замысел преобразований // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России

XX века. Сборник научных статей / ред. Г.А. Гончаров, С.А. Баканов. — Челябинск: Энциклопедия, 2009. — 571 с. — ISBN 5-912-74073-2.

6. Пихоя Р.Г. Советский Союз: история власти. 1945–1991 // Новосибирск: Сибирский хронограф, 2000. — 684 с. — ISBN 5-875-50105-7.

7. Ситнин В.К. События и люди. Записки финансиста // Москва: Проспект, 1993. — 468 с. — ISBN 5-700-50080-9.

8. Спицын Е.Ю. Брежневская партия. Советская держава в 1964–1985 годах // Москва: Концептуал, 2021. — 784 с. — ISBN 5-907-28954-3.

9. Спицын Е.Ю. Политбюро и секретариат ЦК в 1945–1985 годах: люди и власть // Москва: Концептуал, 2022. — 704 с. — ISBN 5-907-47263-1.

10. Спицын Е.Ю. Хрущевская слякоть. Советская держава в 1953–1964 годах // Москва: Концептуал, 2019. — 592 с. — ISBN 5-907-17263-0.

11. Ханин Г.И. Экономическая история России в новейшее время: монография: В 2 т. Т. 1. Экономика СССР в конце 30-х годов — 1987 год // Новосибирск: Новосибирский государственный технический университет, 2008. — 516 с. — ISBN 5-778-20903-9.

Abstract

The article is devoted to the consideration of the main stages of the political biography of one of the outstanding reformers in the history of the Soviet Union, Alexei Nikolayevich Kosygin, as chairman of the Council of Ministers of the USSR (1964–1980), and his contribution to the process of reforming the command-administrative economic model of the era of «Developed socialism» (1964–1985).

Key words: *A. N. Kosygin, L. I. Brezhnev, USSR, «Developed socialism», «Kosygin reform», decentralization, self-financing.*

Информация об авторе: Гапоненко Сергей Юрьевич, студент, Кубанский государственный университет, Краснодар, history1956@mail.ru.

Раздел III
ЛИЧНОСТЬ В МАССОВЫХ
СОЦИАЛЬНЫХ
ДВИЖЕНИЯХ

ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО СУБЪЕКТА НА ПРИМЕРЕ ИРАКСКИХ КУРДОВ: СУБЪЕКТ ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ И КОЛЛЕКТИВНЫЙ

Веденеев Илья Николаевич

Институт востоковедения РАН, Москва

Аннотация

Статья посвящена разработке теории политического субъекта на материале национального движения иракских курдов в XX в. Делается вывод, что политический субъект может рассматриваться, одновременно, как «индивидуальный» и «коллективный». Оба представляются связанными друг с другом и социально-экономическим базисом своего общества. Политический субъект не сводится к структуре самого общества, однако она накладывает достаточно жесткие ограничения на его деятельность.

Ключевые слова: курды, системная история, национальное движение, Ирак, Махмуд Барзанджи, Мустафа Барзани.

Свою задачу мы видим в том, чтобы уяснить место курдов, — национального движения этого народа Ближнего Востока, лишенного собственной государственности, — в региональном и общемировом процессе; в контексте магистральных экономических и политических трендов XX в.

Данный подход обусловлен следующими обстоятельствами. Мы исходим из положения, согласно которому «курдский вопрос» обладает своей собственной *примордиальной* (изначальной) спецификой. Это означает, что, во-первых, курды значительно отличаются от других — окружающих их — народов (прежде всего по языку и культуре), а, во-вторых, что эта условная «исконная инаковость» оказывается сильнее — в конечном итоге, «превозмогает» — всякое воздействие извне.

Так, можно утверждать — следуя марксистскому видению исторического процесса — что становление курдского национализма в Ираке и в Турции (в XX в., особенно, во второй половине) совпало с развитием в этих странах капиталистических отношений [2, с. 42]. Однако это не дает ответа на вопрос, почему националистическим правительствам этих стран — говорящих «от имени» арабов и турок — не удалось преодолеть самосознание курдов (вопреки целенаправленной политике по ассимиляции курдского меньшинства). Можно сказать, что не увенчалось успехом стремление «вытравить» из умов курдов сознание самой их инаковости по отношению к другим народам.

Опять-таки, перефразируя апологетов марксизма, мы могли бы сказать, что вожди национального движения — претендующие на контроль над ресурсами Курдистана — могли бы сколько угодно «спекулировать» (над) таким «ложным сознанием» как «курдский национализм». Однако, если бы — еще прежде — такое («инаковое») сознание не существовало — в голове того же Моллы Мустафы Барзани,¹ лидера национального движения курдов Ирака 60-х гг. — то оно и не смогло бы обрести формы требований более равного распределения ресурсов: между, условно говоря,

¹ В пользу этого, в частности, играл такой «внешний» фактор самоидентификации Барзани как то, что центральное правительство в Багдаде (в лице хашимитской монархии) обращалось с ним как с «бешенной собакой» [5, с. 291]. Более грамотная — прежде всего, с точки зрения собственного классового интереса — политика кемалистов в Турции, напротив, привела к тому, что национальное движение курдов Турции умолкло вплоть до 60–70-х гг. [6, с. 137]. Оно также не смогло обрести организационной формы, сколь-нибудь адекватной ведению реальной борьбы за власть до начала 80-х гг.

ним, его «подсекцией» племени Барзани² и центральным правительством в Багдаде. Требований, которые — в свою очередь — приняли бы форму идеологии национализма (как наиболее релевантной реалиям XX в.).

С этой точки зрения различия в идеологии между ведущими политическими субъектами иракских курдов — более «правой» Демократической партией Курдистана (ДПК) и более «левым» Патриотическим союзом Курдистана (ПСК) — представляются, на самом деле, минимальными. И те, и другие были, в первую очередь, националистами: ориентация ПСК на левые лозунги представляется вторичной (не говоря уже о том, что «локомотивом» самого движения выступала консервативная ДПК).³

Однако, несмотря на то, что вопросы идентичности — в контексте рассмотрения феномена национализма (и, в частности, сепаратизма) — определено имеют место, для того, чтобы получить научное (т. е. объективное) представление о курдах одного лишь *единичного* недостаточно. Также необходимо и *общее*. Таковыми являются сферы мировой экономики и мировой политики в XX в.: частными по отношению к которым представляются события, затронувшие ближневосточный регион на всей его протяженности. В их числе могут быть упомянуты Великая депрессия и Холодная война.⁴

Как следствие этого, мы исходим из того, что адекватное рассмотрение феномена курдского национализма возможно, действительно, только в контексте общемировых (а не только региональных: в значительной степени, производных от них) событий. Такой подход мы хотели бы назвать «*системной историей*», в то время как наше рассмотрение курдов (в частности, национализма и национального движения) в XX в. — «*системным*».⁵ С этой точки зрения изучение курдов на Ближнем Востоке в 60-е гг. суть не более чем рассмотрение одного из элементов картины: в то время как вполне разобраться с этим элементом (в частности, уяснить его место) без того чтобы получить представление о картине «в целом» не представляется возможным.

Можно было бы сказать, что мы идем от *частного* к *общему*, однако, точнее было бы выразиться, что мы идем от *одного общего* (допущения о Целом) к частному. И, уже от него, к *другому общему* (уточненному представлению о Целом). Иными словами, частное выступает, своего рода, «полигоном» по проверке «больших теорий» (и подходов). В числе оных могут быть упомянуты следующие:

1. Марксизм (К. Маркс);
2. Мир-системный подход (И. Валлерстайн);
3. Цивилизационный подход (А. Тойнби);
4. Теория «*социальной власти*» (М. Манн);
5. Исследования национализма, *Nationalism Studies* (Б. Андерсон, Э. Хобсбаум, Э. Геллнер, К. Калхун и др.).

² Каковым является (под) племя *берожи* [3, с. 84]. То, что в курдоведческой литературе именуется «*племенами*», по всей видимости, точнее характеризовать как объединения или, даже, «*конфедерации*» племен: как — некоторые из них — характеризуются Макдауаллом [5, с. 13].

³ Так, нет свидетельств в пользу того, что Ибрагим Ахмед — лидер «левого» крыла ДПК (впоследствии один из основателей ПСК, обособившегося от ДПК) — в момент репрессий Барзани против курдов-коммунистов как-либо выступил против этого [5, с. 305–306]. Размежевание между «коммунистами» (членами Коммунистической партии Ирака) и курдами (на тот момент, единственной курдской ДПК) было неизбежно. Впоследствии, аналогичный раскол произойдет левом движении Турции / национальном движении турецких курдов. Так, «турецкие левые» закроют глаза на курдский вопрос, в то время как для такого — вставшего на путь вооруженной борьбы — движения как Рабочая партия Курдистана (РПК) левая риторика станет, со временем, не более чем выражением, «внешней формой» идеологии курдского национализма. [1, с. 124]. Содержательно идеологией РПК (особенно на современном этапе) является курдский национализм, а не марксизм.

⁴ Так, в частности, Ирак пострадал от экономического кризиса, последовавшего за окончанием Второй мировой войны (в 1947–1948 гг.) [4, с. 93].

⁵ И в том смысле, что национальное движение рассматривается как система (совокупность связанных между собой элементов с «*обратной связью*»); и в том смысле, что оно само рассматривается как элемент несравненно более обширной — мировой — системы: притом обособленно в ее *экономическом* и *политическом* «модусах», измерениях.

В свою очередь, в том, что касается, собственно, курдоведения, *Kurdish studies*, то здесь основной трудностью является нехватка источников (в то время как литература, посвященная Автономной администрации Северной и Восточной Сирии — также известная как «Рожава» — носит явно апологетический характер).¹ Другой проблемой — применительно к современным курдским исследованиям — является отсутствие регулярной статистики (даже на территории автономии Северного Ирака, где ситуация с правами курдов обстоит лучше, чем где-либо во всем этноареале Курдистан).² Во всяком случае, эти сведения отсутствуют в открытом доступе.

Тем не менее, — вопреки всем этим трудностям — курды должны рассматриваться не только в контексте, с точки зрения «больших нарративов», но также «изнутри». Так, — в самом грубом приближении — представляется необходимым выделять и отдельно рассматривать следующие аспекты:

1. Экономическую, хозяйственную основу (выражаясь в марксистских терминах, «базис») общества;
2. Сферу политического;
3. Социальную сферу.³

В рамках данной работы хотелось бы более подробно остановиться на «сфере политического».

Одной из характерных — именно что «родовых» — черт курдского общества является его глубокая разобщенность. При это следует иметь в виду, что она связана не только с тем трагическим разделением (границами национальных государств), которое Курдистан пережил сразу после окончания Первой мировой войны и распада Османской империи, но и разобщенностью курдов — в еще более ранний период — между Османской империей и сефевидским Ираном.⁴ Также сыграло свою роль т. н. «повторное завоевание Курдистана», когда — в 1834 г. — 20-тысячная армия Мехмеда Решида-паши произвела полное опустошение османского Курдистана. По итогам завоевания курдские эмираты — пользовавшиеся до этого относительной автономией — были уничтожены. Последующие восстания (в 1843 и 1855 гг.) также были подавлены османами [2, с. 31].

Как следствие этого, с точки зрения консолидации — формирования единой *нации* — курдское общество оказалось в значительной степени отброшено назад. Также оно оказалось расколото в классовом (если не сказать, культурном) отношении. Так, многие представители традиционной курдской аристократии — с комфортом проживавшие в Стамбуле — не имели никакой реальной связи с собственными поместьями, рядовыми общинниками: над которым они — с формальной точки зрения — обладали всей полнотой власти [1, с. 31]. Исповедуя передовые (либеральные) политические взгляды своего времени, они, тем не менее, оказались неспособны принять никакого реального участия в становлении национального движения. Наиболее красноречиво об этом свидетельствует то обстоятельство, что британцы — имея незадолго до распада Османской империи, уже в ходе Первой мировой войны — планы по созданию «независимого Курдистана»,⁵ не нашли в Стамбуле курдов, на которых они могли бы сделать ставку: ни в плане деловых, ни личных качеств.

¹ Речь идет о таких работах как: Флах А., Айбога Э., Кнапп М. Курдистан. Реальная демократия во время войны и блокады. — М.: Изд. «Радикальная теория и практика», 2016. — 348 с. и Жизнь без государства: революция в Курдистане. — М.: Common place; Nevale, 2017. — 366 с. К ним также можно отнести работы М. Лебского, в которых — с последовательно марксистско-ленинских позиций — приводится анализ левого движения курдов Турции: Лебский М. Курды. Потерянные на Ближнем Востоке // «Алисторус», 2016. — 380 с.

² В частности, это касается таких разделов как «ВВП», «сельское хозяйство» и «образование и здравоохранение» // Kurdistan Region Statistics Office [Электронный ресурс] <https://krso.gov.krd/en/statistics> (дата обращения: 29.12.2022)

³ Более подробно об этом подходе см. Веденеев И. Н. К вопросу о методологии общественных наук (на материале курдоведения, *Kurdish studies*) // Российский совет по международным делам [Электронный ресурс] URL: https://russiancouncil.ru/blogs/The_Dairy_of_a_Contemporary/k-voprosu-o-metodologii-obshch-estvennykh-nauk-na-materiale-kurdovedeni/ (дата обращения: 29.12.2022)

⁴ После Чалдыранской битвы 1514 г.

⁵ Что, в частности, нашло свое отражение в Севрском мирном договоре 1920 г.

Однако и у тех курдских аг и шейхов, что жили непосредственно «на земле», были серьезные проблемы с тем, чтобы консолидироваться в некую «действительную силу». Так, в ноябре 1920 г. — при поддержке британцев — *хукумдаром* (управителем) Сулеймании (северного Ирака) был назначен шейх Махмуд Барзанджи. Таким образом, британская администрация подмандатной (в тот период) территории Ирак планировала убить сразу двух зайцев. С одной стороны, создать — в лице воинственных курдов — «заслон» против возможного военного вторжения кемалистов, а, с другой стороны, осуществить опосредованное управление в ситуации, когда весь юг Ирака был сотрясаем — с июня по октябрь того же года — мощнейшим антибританским восстанием [1, с. 41].

Ставка британцев на шейха Махмуда была, по всей видимости, лучшим (оптимальным) вариантом из всех доступных им в тот момент. Однако очень скоро выяснилось, что его авторитета недостаточно чтобы контролировать территории даже в 20 милях от Сулеймании. Можно сказать, что здесь «*политический субъект*» (создаваемый, во многом, искусственно, извне) вступил в прямое противоречие с «*базисом*» того общества, продуктом которого он сам, в значительной степени, являлся.

Наконец, дала знать о себе строптивость как личная черта шейха (рассматриваемого, с этой точки зрения, в качестве «*индивидуального субъекта*»), когда он поднял восстание против британцев. Впрочем, оно не увенчалось успехом: ровно по той же причине, по которой британцам не удалось консолидировать курдов для достижения собственных целей.

В том же, что касается Махмуда Барзанджи как «*коллективного субъекта*», то он прославился в основном тем, что окружил себя подхалимами и раздал все значимые должности своим родственникам [1, с. 43]. Впрочем, в этом отношении следует признать, что он делал, по всей видимости, ровно то, что мог для консолидации общества, едва ли ни единственным видом связей в котором являлись *патронажно-клиентелистские отношения*. С этой точки зрения — во всяком случае, на том этапе — консолидация курдского общества видится нами как концентрация власти в руках определенной властной группы (вплоть до контроля — одной отдельно взятой фигуры — над этой группой). Фигурой, которая — в данном случае — совпала с ее «фронтменом».

Следует отметить, что данная ситуация сохраняла свою актуальность для курдского общества / национального движения курдов и впоследствии. Есть свидетельства в пользу того, что кланово-племенная структура курдского общества (если не сказать, их элитных групп) сохраняет свою актуальность вплоть до настоящего времени [5, с. 16]. Аналогичные проблемы были у Мустафы Барзани, восстание которого в Ираке всередине 40-х гг. также потерпело поражение из-за отказа ряда (если не большинства) курдских нотаблей присоединиться к нему [5, с. 293].

Патриотический союз Курдистана (ПСК) — будучи движением светской городской интеллигенции, — в свою очередь, не мог рассчитывать на массовую поддержку из-за того, что подавляющее большинство рядовых курдов оставалось — по состоянию на 60-е гг. — в составе племенных групп. Возможно, не столько даже по условиям труда (т. к. уже к 40-м гг. начался отток населения из сельской местности в промышленные центры), сколько по своему сознанию, которое еще достаточно продолжительное время оставалось сугубо патриархальным [5, с. 299].

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

С нашей точки зрения, национальное движение курдов может быть проанализировано в следующих перспективах. С одной стороны, оно должно быть описано в глобальных трендах XX в. *Инвариантом* этого — в сфере идей — выступают такие «большие теории» как марксизм, мир-системный подход и др. С другой стороны, курдское движение должно быть «разложено» — на составляющие его элементы — изнутри.

Данная работа была посвящена дальнейшей разработке «политической компоненты» нашей *системно-исторической теории*, в применении к курдскому обществу XX в. Базовым понятием для нас — в этом отношении — является понятие «*политического субъекта*».

Он обладает двумя измерениями, которые (при взгляде, во всяком случае, извне) не противоречат друг другу, но идут «параллельно». Речь идет об «индивидуальном» и «коллективном» политическом субъекте. Так, индивидуальными субъектами в курдской истории являлись Молла Мустафа Барзани и Ибрагим Ахмед. Коллективными (группами лиц, совместно борющимися за власть) были, соответственно, ДПК и ПСК. Шейх Махмуд Барзанджи не создал собственной партии (он, по всей видимости, вовсе не мыслил в категориях «партийности» политики, политической борьбы), однако доподлинно известно, что — будучи хукумдаром — у него также был свой «двор». В случае с шейхом Махмудом и Моллой Мустафой мы можем утверждать, что фактические руководители движений были их «фронтменами» (но не в случае ПСК).¹

Несомненно, что политический субъект (в обоих его измерениях) представляется «погруженным» в тот социально-экономический «базис», из которого он произрастает. Однако он, во-первых, не сводится к нему, а, во-вторых, может вступить с ним в прямое противоречие, с целью изменить (равно как внешними — не имеющими прямого отношения к самому рассматриваемому обществу — обстоятельствами). Об этом, в частности, свидетельствуют восстания шейха Махмуда и Моллы Мустафы. То, что они потерпели поражение, тем более ценно, т. к. не позволяет нам механически списать их на какую-либо «историческую необходимость».

В то же время шейх Махмуд — который может рассматриваться как герой национально-го движения — сам едва ли мыслил в категориях национализма. Однако, в конечном итоге, его стремление максимально расширить собственный феод представляется — если не буквально соответствующим, то, в определенной степени — идущим «внахлест» со стремлением курдов к национальному самоопределению.

Характерной чертой курдского общества является роль в нем политического субъекта (если не сказать, конкретной персоны, принимающей то или иное политическое решение). Это было характерно для курдов в XX в., когда лидерам их движения приходилось принимать судьбоносные решения в критической ситуации, сильного внешнего давления. В известной степени данная ситуация сохраняется и сейчас.

Список литературы

1. *Веденеев И. Н.* Курдское национальное движение Ирака и Турции в 1918–1980 гг.: факторы взаимовлияния: диссертация ... кандидата исторических наук. Институт востоковедения РАН. — М.: 2021. — 221 с.
2. *Лазарев М. С.* Курдский вопрос. (1891–1917). АН СССР. Ин-т востоковедения. — М.: Наука, 1972. — 472 с.
3. *Мосаки Н. З.* Сведения о членах отряда Мустафы Барзани в Российском государственном архиве социально-политической истории // Восточный архив, — № 1 (43), — 2021. — С. 77–84.
4. *Eppel M.* Iraq from Monarchy to Tyranny: From the Hashemites to the Rise of Saddam // University Press of Florida, 2004. 328 p.
5. *McDowall D.* A Modern History of the Kurds // I. B. Tauris, 2004. 532 p.
6. *Ulus Ö. M.* The Army and the Radical Left in Turkey: Military Coups, Socialist Revolution and Kemalism. Library of Modern Middle East Studies // London: I. B. Tauris & Co Ltd., 2010. 280 p.

Abstract

The article is devoted to the development of the theory of the political subject on the basis of the national movement of the Iraqi Kurds in the 20th century. The conclusion is that the political subject can be considered, at the same time, as «individual» and «collective». They both seem to be connected to each other and to the socio-economic basis of their society. The political subject is not limited to the structure of the society itself, however, it imposes quite severe restrictions on its activities.

¹ Так, «лицом» ПСК стал Джалаля Талабани. С какими обстоятельствами это было связано (борьбы за власть в самой отколовшейся от ДПК группе левой интеллигенции?), выяснить еще только предстоит.

Key words: *the Kurds, systemic history, national movement, Iraq, Mahmoud Mahmud Barzanji, Mustafa Barzani.*

Информация об авторе: Веденеев Илья Николаевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва, ilya.vedeneev@gmail.com

РОЛЬ У. БАКЛИ-МЛ. В ВОССТАНОВЛЕНИИ КОНСЕРВАТИВНОГО ДВИЖЕНИЯ ПОСЛЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В США

Зайцева Анастасия Витальевна

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва

Аннотация

Статья посвящена роли У. Бакли-мл. в реконструкции консерватизма в США в годы после Второй мировой войны. Политические взгляды Бакли оформились еще в подростковые годы под влиянием его отца. В течение своей жизни он последовательно отстаивал эти позиции. После окончания Йельского университета будущий журналист всерьез берется за продвижение своей идеологии. В 1955 году он основывает журнал «Нэшнл Ревью», который впоследствии сыграл решающую роль в восстановлении консервативного движения.

Ключевые слова: *У. Бакли-мл., консерватизм, «Нэшнл Ревью», традиционализм, либертарианство, антикоммунизм.*

В практической политике в новейший период истории между двумя партиями существует своеобразное разделение труда: Демократическая партия подвигает либеральную идеологию, а Республиканская — консервативную. В 1945 году в США не было явно просматриваемой консервативной силы. Как известно, с 1932 года в США президентский пост занимали представители Демократической партии: Ф. Рузвельт и Г. Трумэн. Консерваторы долгое время не могли предложить альтернативы либерализму демократов и поэтому находились на вторых позициях.

Победа республиканского кандидата Д. Эйзенхауэра в 1952 не изменила ситуацию. Он был первым республиканцем на президентском посту после Г. Гувера, но в результате своей центристской позиции по вопросам внутренней и внешней политики, он приобрел неоднозначную репутацию среди растущей группы новых консерваторов. Провозглашенный курс на «освобождение» от коммунизма народов, находящихся под «советским господством» не исполнялся. Администрация Эйзенхауэра, опасаясь «всеобщей ядерной войны», фактически вернулась к политике «сдерживания». К тому же, при общей ориентации на методы частного предпринимательства и рыночной экономики, республиканцы не отказывались от идеи государственного вмешательства, полностью противоречащей экономической линии партии, но прочно вошедшей в жизнь американского общества к 50-м годам. Современный республиканизм Эйзенхауэра обвиняли в излишней мягкости: «Президент управлял страной так, чтобы нравится всем» [5, р. 114]. Так, на рубеже 1940–1950-х годов наступил новый этап в истории консервативной идеологии. Его магистральная линия заключалась в соперничестве эйзенхауэровского консерватизма и нового консервативного

движения. В. В. Согрин называет эти течения «новым республиканизмом» консервативно-ревизионистского направления и консервативно-ортодоксальным республиканизмом соответственно [1, р. 503]. Ревизионисты разрабатывали концепцию нового республиканизма, который превозносил ценности, обеспечивающие социальный мир и консенсус, преемственность общественных связей. Они признавали социально-экономические меры Нового курса Ф. Рузвельта, среди которых были социальное страхование, государственная помощь образованию, медицине, строительству жилья. Это, в свою очередь, кардинально противоречило ортодоксальным взглядам на консерватизм со стороны противостоящей фракции.

Сразу после окончания Второй мировой войны, в течение 40-х годов, интеллектуальное движение нового консерватизма стало генерироваться — ученые приобретали все большую аудиторию, возникали первые дискуссии. В движении выделились три течения, каждое из которых внесло свои элементы в общую картину. Первое направление — представители традиционализма. Они призывали к возвращению к традиционным религиозным и этическим абсолютам [4, р. 6]. Традиционалисты подчеркивали важность сохранения традиционных ценностей, среди которых были вера, брак, верность, патриотизм, честь, долг. Основным выразителем этой позиции являлся американский политолог Р. Кирк. В числе мыслителей-традиционалистов также весьма весомые позиции занимали Б. Бозелл, Р. Уивер, А. Штраус, Э. Хааг [2, р. 76].

Вторая ветвь — либертарианцы. Либертарианцы противопоставили постоянно расширяющемуся влиянию государства [2, р. 7]. Это направление сформировалось вокруг традиции американского индивидуализма. Представители этого течения, идеологами которого являлись М. Фридман, Ф. Хайек, Ф. Мейер, А. Нок, Г. Хэзлайт, уделяли первоочередное внимание рыночной экономике и идее ограниченной власти правительства. Истоки проблем современных им правительств, они видели в президентстве Ф. Рузвельта, политика которого способствовала увеличению размера и аппетитов федеральной администрации. Либертарианцы выступали против увеличения бюрократического аппарата. В противовес государственному регулированию в области экономики, основанному на кейнсианской макроэкономической модели¹, они ставили рыночную экономику. Приверженцы рыночной экономики выступали за снижение налоговых ставок, которое неизбежно ведет к увеличению инвестиций [4, р. 223]. Рыночная модель ставила акцент на увеличение предложения в противовес тактике государственного планирования, ориентированного в первую очередь на увеличение спроса.

Интеллектуальной основой третьего течения являлся антикоммунизм [2, р. 6]. Наиболее яркими идеологами этого направления являлись У. Чемберс, Д. Бернхем, Г. Нимейер. Главным врагом американских антикоммунистов считался СССР, который на фоне победы в войне, начал активно распространять свою идеологию в послевоенные годы. Антикоммунисты называли коммунизм философией материализма. Он отрицал мораль и стремился к полной перестройке человеческого сознания [4, р. 419]. Неудачи Америки в противодействии коммунизму за рубежом объяснялись неспособностью национальных администраций понять революционную, экспансионистскую природу коммунизма. Перед консерваторами в США стояли вызовы как изнутри, так и снаружи. Деятельность сенатора-республиканца Дж. Маккарти, проводившего политические репрессии против «антиамерикански настроенных» граждан, — пример противодействия внутренней угрозе коммунизма.

Несмотря на то, что идеологи нового консерватизма старательно работали над идейным продвижением консерватизма, ничего не может сравниться по значимости для идеологии с дея-

¹ Кейнсианская макроэкономическая теория — течение, сложившееся как реакция на Великую депрессию. Модель разработал английский экономист Дж. Кейнс и изложил основные положения в «Общей теории занятости, процента и денег» в 1936 году. Основные принципы можно свести к следующему: рыночная экономика не может регулироваться самостоятельно, и поэтому вмешательство государства неизбежно; проблемы производства необходимо решать не с позиции изучения предложения ресурсов, а с позиции спроса, обеспечивающего реализацию ресурсов; основным инструментом регулирования экономики признавались бюджетная политика, на которую возлагались задачи обеспечения занятости рабочей силы.

тельностью У. Бакли-мл. и его журнала «Нэшнл Ревью». Уильям Фрэнк Бакли-младший родился в семье католика, занимающегося добычей нефти в Техасе. В 1945 году он поступил в Йельский университет, где изучал экономику, историю и зарекомендовал себя как один из лучших специалистов по дебатам. Во время учебы он работал над своей первой книгой «Бог и человек в Йельском университете», в которой, критикуя администрацию университета, описал свои студенческие годы. Ч. Кеслер характеризовал Бакли как самого выдающегося исследователя консервативной мысли в Америке [4, р. 3]. В ноябре 1955 года У. Бакли-мл. закончил работы по организации своего собственного консервативного журнала. При создании «Нэшнл Ревью» присутствовали представители всех течений нового консерватизма: традиционалисты Р. Кирк и Р. Уивер, либертарианцы Дж. Чемберлен и Ф. Ходоров, антикоммунисты Д. Бернхэм, М. Истман и У. Чемберс. Многие из них вошли в состав его редакции. Особый талант Бакли заключался в том, что ему удавалось удерживать разнонаправленных авторов вместе долгие годы. Он называл свой журнал средоточием современного американского консерватизма [3]. В качестве основных принципов журнала были выделены: ограничение власти правительства; призыв к возрождению веры в христианскую ортодоксию; противодействие коммунизму; отрицание непрекращающейся, бездумной реформаторской деятельности; пропаганда идеи свободной экономики; оппозиция либеральной идеологии [3].

Бакли попытался объединить три течения нового консерватизма. Одним из стимулов объединения консерваторов мог стать общий враг. Этим главным интеллектуальным врагом стал американский либерализм. Ненависть к либерализму была присуща всем трем течениям. Попытка предоставить конструктивную критику либерализму была проделана У. Бакли-мл. Основная претензия журналиста заключалась в том, что либералы не принимали интеллектуальный вызов своей гегемонии [5, р. 105]. Это выражалось в практически полной остановке дискуссионного процесса между левыми и правыми, нежелании либералов аргументированно выступать на дебатах [5, р. 48]. Значительную часть своего исследования У. Бакли посвятил политике либерализма в области образования. Он подчеркивал значимость нового поколения для будущего страны, поэтому был разочарован курсом, проводимым в университетах. Он считал, что в течение нескольких лет американское высшее образование трансформировалось в двигатель насаждения преобладающей ортодоксии [5, р. 69; 6, р. 24]. Образование превратилось в целенаправленное распространение либеральных идей. Говоря об образовании, он также вернулся к проблеме отсутствия горячих дискуссий, являющейся причиной пассивности большого числа студентов в политической жизни [5, р. 122]. В качестве еще одной проблемы редактор выделил фаталистическое ощущение удаленности молодого поколения от механизмов государственной политики. Бакли был убежден, что в студенческом мире больше не могло быть здоровой политической жизни, пока молодой человек не убедился бы в том, что то, о чем он думает, имеет значение [5, р. 126].

«Нэшнл Ревью» был не просто новым журналом, это был политический акт. Американский историк Дж. Нэш писал, что если бы не было основано «Нэшнл Ревью», то не было бы сплоченной интеллектуальной силы у правых в 1960-х и 1970-х годах [7, р. 223]. Действительно, с созданием коалиции редактор справился лучше своих современников, он объединил на страницах своего периодического издания традиционалистов, потрясенных эрозией ценностей и появлением светского массового общества, лишенного корней; либертарианцев, спасающихся от угрозы государства для частного предпринимательства и свободы; мыслителей, встревоженных международным коммунизмом.

В вопросе объединения течений Бакли помог Ф. Мейер. Он разработал концепцию синтеза традиций и свободы, назвав ее «фузионизмом»². Мейер утверждал, что традиционалисты и индивидуалисты должны признать, что западная цивилизация была основана на разуме, действующим в рамках традиции, что свобода не может быть реализована вне рамок порядка [2, р. 87].

² Фузионизм — политическое течение, стремившиеся синтезировать либертарианские и консервативные идеи, объединить идею сохранения традиций и индивидуальную свободу людей.

Ведущий «фузионист» С. Эванс впоследствии хвалил Бакли за то, что он на страницах своих работ совмещал темы антиэтатизма и упадка традиционных ценностей, олицетворяя предложенный Мейером вариант слияния течений консервативной мысли.

Таким образом, три течения представляли три основных компонента послевоенного движения нового консерватизма: свободную рыночную экономику, традиционные ценности и антикоммунизм. Жестких барьеров между течениями не существовало. Традиционалисты и либертарианцы обычно были антикоммунистами, а антикоммунисты поддерживали свободный капитализм и традиции. Однако нельзя говорить, что разногласий не было. Они были присущи движению уже на моменте его оформления, но это были расхождения в акцентах, а не противоположные точки зрения [2, p. 80].

Обобщая все вышесказанное, можно констатировать, что с окончанием Второй мировой войны и началом «холодной» консерватизм не представлял собой заметный вызов господствующей либеральной идеологии. До начала 1950-х существовали идеологи разных направлений консервативной мысли, разрабатывающие свои взгляды. В 1955 году журналист У. Бакли-мл. собрал широкую коалицию антилиберальных писателей, труды которых обеспечили современный консерватизм прочной интеллектуальной основой. После создания «Нэшнл Ревью» стали проявляться другие консервативные организации и даже студенческие группы. Все они активно подхватили идеи У. Бакли-мл. и начали их распространение. Однако деятельность У. Бакли-мл. не ограничилась созданием журнала. В 1965 году он баллотировался на пост мэра Нью-Йорка как кандидат от Консервативной партии. В 1966 году Бакли основал шоу «Линия огня», на котором проходили дискуссии и дебаты по важным вопросам современности. За всю жизнь он выпустил более 50 книг, большую часть которых составляли публицистические произведения о политике.

Список литературы

1. *Согрин В. В.* Исторический опыт США. — М.: Наука, 2010. — 580 с.
2. *Buckley W.* American conservative thought in the twentieth century/ Ed. by W. F. Buckley //Indy.: Bobbs-Merril Company, 1970. — 554 p.
3. *Buckley W.* Our mission statement/ National Review. [Official site]. URL: <https://www.nationalreview.com/1955/11/our-mission-statement-william-f-buckley-jr/> (Accessed 01 December 2022).
4. *Buckley W.* Keeping the Tablets: Modern American conservative thought/ Ed. by W. F. Buckley and C. R. Kesler // N. Y.: Perennial library, 1988. — 469 p.
5. *Buckley W.* Up from liberalism // N. Y, Hillman Books, 1959. — 224 p.
6. *Evans S.* Revolt on the campus // Chicago, Henry Regnery company, 1961. — 248 p.
7. *Nash G.* The Conservative Intellectual Movement in America Since 1945 // Wilmington, Del.: Intercollegiate Studies Institute, 1996; reprint of Basic Books 1976 publication. — 467 p.

Abstract

This article focuses on W. Buckley, Jr.»s role in the reconstruction of conservatism in the United States in the years following World War II. Buckley's political views were shaped in his teens by the influence of his father. Throughout his life he consistently defended these positions. After graduating from Yale University the future journalist takes seriously to promote his ideology. In 1955 he founded the National Review, which later played a decisive role in the restoration of the conservative movement.

Key words: *W. Buckley Jr., conservatism, National Review, traditionalism, libertarianism, anticommunism.*

Информация об авторе: Зайцева Анастасия Витальевна, студент, 2 курс магистратуры, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, nastya.zaycheva@mail.ru

РОЛЬ ЛИЧНОСТИ В ОБРЯДНОСТИ МОРДВЫ, СВЯЗАННОЙ С ЖИЛИЩНО-ПОСЕЛЕНЧЕСКИМ КОМПЛЕКСОМ, В XIX–XXI ВВ.

Святкин Михаил Ильич

ФГБОУ ВО «МГУ им. Н.П. Огарева», Саранск

Аннотация

В статье рассмотрена роль жилищно-поселенческого комплекса в материальной и духовной культуре мордвы. Цель статьи — изучить традиционные обряды мордвы, связанные с жилищем и надворными постройками. В основу исследования положены следующие методы: сравнительно-исторический, историко-генетический. Используются полевые материалы, собранные автором в этнографических экспедициях. Отмечается, что жилищно-надворный комплекс являлся важным этническим компонентом родильной, свадебной, похоронно-поминальной обрядности. Со временем некоторые традиции изменились либо утратили свое значение, но жилищно-поселенческий комплекс продолжает сохранять свою важную роль в традиционной культуре мордовского народа.

Ключевые слова: мордва, жилище, поселение, обряды, традиции.

На протяжении многовековой истории мордовского народа жилище, традиционные постройки и поселения занимали важное место в традиционной материальной и духовной культуре. Жилищно-надворный комплекс являлся важным этническим компонентом родильной, свадебной, похоронно-поминальной обрядности. Следует отметить, что традиционные постройки не только являлись местом проведения многих молений, но и сами часто имели своих божественных покровителей и наделялись духовными качествами.

Одним из первых упоминаний о поселениях и жилищах мордвы является сообщение арабского географа X века Ибн-Русте. Он отмечает, что среди мордвы в это время наиболее распространенным был земляночный вид жилища. Крышу делали из дерева и накидывали на нее землю [7]. Ценные сведения об особенностях мордовских жилищ и поселений содержатся в отчетах о путешествии Платона Карпини и Виллема Рубрука [12].

В XVI веке весомый вклад в изучение материальной и духовной культуры внес австрийский дипломат Сигизмунд Герберштейн. В работе «Записки о Московитских делах» автор сообщает, что наиболее распространенным среди мордвы был рассеянный тип застройки поселений [2].

В XVIII веке с началом преобразований Петра I увеличивается интерес к традиционной культуре народов, проживавших на территории Российской империи. Был открыт музей Кунсткамера, в который привозили предметы быта, утварь, традиционную одежду, а также элементы жилищ. С целью более глубокого изучения традиционной материальной и духовной культуры народов Российской империи было организовано несколько академических экспедиций. Участниками этих экспедиций П.С. Палласом [11], И.И. Лепехиным [6], Н.П. Рычковым [4], И.П. Фальком [5] был собран ценный этнографический материал. В отчетах исследователей подробно описана традиционная культура мордвы, а также уделяется внимание изучению особенностей поселений и жилищ мордвы. Ученые отмечают, что наиболее распространенным видом жилища среди мордвы была курная изба. При этом устройство и убранство жилища было тесно связаны и схожи с русской избой.

С созданием в 1878 году Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете увеличивается количество научных работ, публикаций в области этнографии. Одним из активных членов данного общества был Н.Н. Харузин [13]. Этнограф уделяет внимание изучению поселений и жилищ многих финно-угорских народов, в том числе мордвы. По мнению

ученого, первоначальным видом мордовского жилища являлась наземная постройка, схожая по устройству с шалашом. Следует отметить, что с данным мнением были согласны не все исследователи, в связи с тем, что в условиях умеренного климата сложно было пережить холодную зиму в подобной постройке.

Ценные сведения о поселениях и жилищах мордвы оставил финский исследователь Аксель Гейкель. Ученый изучил особенности жилища марийцев, мордвы, эстонцев и финнов. Автор уделяет внимание эволюции и развитию финно-угорских жилищ на протяжении истории, а также выделяет схожие и отличительные черты в устройстве и планировке.

Таким образом, поселение и жилище мордвы являлись объектами изучения многих исследователей. В настоящее время проблема изучения поселений и жилищ мордвы остается актуальной [8; 9; 10].

Тесное взаимодействие мордовского народа с другими финно-угорскими, тюркскими и славянскими народами отразилось на культуре и образе жизни этноса. Так, например, можно заметить в традиционной обрядности мордвы и марийцев много схожих элементов. Принадлежность двух этносов к волжской группе финно-угорских народов, близкое географическое соседство в определенной степени объясняют данное явление. Одним из наиболее ярких моментов, подтверждающих близость двух этносов, является обрядность, сопровождающая процесс строительства дома.

В мордовской мифологии жилище и традиционные постройки часто имели своих божественных покровителей. Так, например, божеством, оберегающим дом, являлась Кудава или Кудатя. Периодически, чтобы задобрить этих божеств, проводили моления, на которых члены семьи просили благополучия, счастья и достатка. Считалось, что Кудава обитает в переднем углу избы, а Кудатя — под печью, поэтому обычно в этих местах им оставляли жертвенную пищу.

Закладке и строительству жилища уделялось большое внимание. Старались выбирать место, на котором ранее не было строений и пожаров. Люди верили, что, если построить дом на месте сгоревшего, то новый может сгореть, либо это может стать причиной семейных бед. Дом старшему сыну обычно строили рядом с родительским. Предпочтение отдавалось хорошо освещенным, ровным и плодородным участкам.

В качестве строительного материала при возведении домов чаще использовали хвойные породы деревьев: сосну и ель. Лес обычно рубили в конце ноября — начале декабря. Использовали «сырое» дерево, так как его легче рубить, а после высыхания конструкция становилась прочнее. Перед закладкой первого венца строители читали молитву «Живые помощи». Под первый ряд бревен клали монеты, чтобы в новом доме всегда были благополучие и достаток.

Торжественным событием являлось окончание строительства дома. В этот день совершалось празднество, приглашались родственники, друзья, односельчане. Хозяева расплачивались с плотниками, иногда дарили небольшие подарки: платки либо продукты. Дома строили как с помощью помочан на добровольной, безвозмездной основе, так и активно привлекали отходников и плотничьи бригады. С плотническим промыслом мордва была знакома с глубокого детства, так как, с малых лет помогая родителям, ребята знакомились со строительным ремеслом [7, с. 194].

В связи с тем, что ранее крыши крылись преимущественно соломой, требовалось защитить ее от ураганов и сильных ветров. С этой целью рядом с избой сажали деревья. Предпочтение уделялось иве, березе и липе. При этом следует отметить, что сажали ель неохотно или даже вообще старались вырубать ее, если она росла рядом с жилищем. Считалось, что ель несет отрицательную энергию и приносит в дом беду.

Рождение ребенка всегда являлось торжественным событием в жизни мордовской семьи. Считалось, что в первые дни ребенок подвержен глазу, поэтому его старались обезопасить и не показывать незнакомым людям. После рождения малыша тщательно мыли в бане и при этом парили веничком. Мальчиков — дубовым, чтобы вырос сильным и крепким, а девочек — березовым, чтобы стала красивой и здоровой. После мытья ребенка обматывали в рубаху здорового и крепкого человека, чтобы прожил долгую и счастливую жизнь. В первые дни малышу давали

два имени, чтобы запутать злого духа. В колыбель подкладывали металлические предметы. Считалось, что это также защищает ребенка от сглаза.

Во многих традиционных обрядах мордвы фигурирует баня. Она являлась не только местом мытья, но в ней также часто проводили магические действия. Покровительницей бани являлась Банява. После мытья оставшуюся воду старались не выливать, а часть оставляли Баняве, чтобы она тоже помылась. Баня тесно связана с родильной, свадебной и похоронно-поминальной обрядностью. Молодые девушки обычно рожали в банях. Повитуха тщательно следила за чистотой и пуповину после рождения ребенка прятала сама. Обычно ее зарывали дома в подполье. Баню строили подальше от дома, чтобы обезопасить жилище от пожара. Чаще ее возводили на приовражной территории рядом с водным источником, чтобы не носить воду издалека. Из-за нехватки средств построить баню могла не каждая семья, поэтому во многих селениях строили общие бани, либо бани на несколько семей. Наиболее широко распространенным видом бань являлась баня «по-черному». Их возводили без трубы. При этом дым выходил через специальное отверстие, проделанное в стене. Во время топки это окошко открывали, а когда баня была готова — вновь закрывали специальной дощечкой либо брусом. Чтобы не угореть в бане «по-черному», перед мытьем ее нужно было немного проветрить. С целью поддержания противопожарной безопасности и сохранения тепла на потолок накидывали землю.

Перед свадебным гуляньем подруги невесты устраивали девичью баню. Каждая девушка приносила несколько полений. Во время мытья в девичьей бане невеста прощалась со своей дозамужней жизнью и оплакивала ее. После этого она благодарила подруг и дарила им на память подарки.

После свадебного гулянья молодых отправляли ночевать в баню либо в амбар. На следующий день родственники жениха вели невесту к семейному колодцу. Это событие имело большое смысловое значение, так как, показывая колодец, родня жениха подтверждала принадлежность невесты к своему роду.

Похоронно-поминальная обрядность наиболее точно сохраняет свои элементы на протяжении веков. Возможно, это связано со стремлением похоронить и помянуть своего предка по устойчивым правилам. К покойникам традиционно относились с глубоким почтением и осторожностью. После смерти их мыли в бане, одевали и укладывали на скамью в передний угол.

Важное место в традиционной обрядности мордвы занимало поселение. Так, например, если начиналась засуха, неурожай, падеж скота, эпидемии, устраивались общесельские моления — озксы, которые обычно совершали в священных рощах или на полянах. С собой обязательно приносили жертвенную пищу или резали быка или барана. Представители от каждого рода обращались к верховному богу и просили помощи.

Первый выгон скота на пастбище являлся важным событием, поэтому в этот день устраивали общесельское моление. Скот прогоняли через ворота, по краям которых стояли люди с иконами. Во время прогона читали молитвы, а скот окропляли святой водой. Следует отметить, что в некоторых эрзя-мордовских селениях свиней не выгоняли. Считалось, что свинья — это грязное животное.

На Троицу в мордовских селениях обычно устраивали гулянья. Дома украшали кленовыми, березовыми и липовыми веточками. В этот день нарядная молодежь собиралась в группы и гуляла и веселась. Одну из девушек обычно наряжали в весну. Ее украшали веточками деревьев и плели ей яркий венок. Молодые люди заходили в гости к односельчанам и в своих песнях желали счастья, здоровья и достатка каждой семье. При этом хозяева их одаривали и угощали. В конце праздника компания шла к водному источнику и устраивала гулянье. Девушки бросали свои венки в воду и наблюдали: если венок не тонул — значит, девушка скоро встретит жениха.

Таким образом, жилище, надворные постройки и в целом поселенческий комплекс занимали на протяжении веков важное место в материальной и духовной культуре мордвы. Со временем некоторые традиции изменились либо утратили свое значение, но жилищно-поселенческий комплекс продолжает сохранять свою важную роль в традиционной культуре мордовского на-

рода. Жилище как неотъемлемый компонент этнической жизни приобрело особый символический статус в мировоззрении людей.

Список литературы

1. *Белицер В. Н.* Обзор мордовских поселений и построек первой половины XX в. в районах смежных с Мордовской АССР // Исследования по материальной культуре мордовского народа. — М.: Изд-во АН СССР, 1963. — Вып. 2. — С. 210–249.
2. *Герберштейн С.* Записки о Московитских делах. — СПб.: Издание А. С. Суворина, 1908. — С. 99–100.
3. *Горюнова Е. И.* Развитие жилища у мордвы [Текст] / Е. И. Горюнова // Исследования по материальной культуре мордовского народа. — М.: Изд-во АН СССР, 1963. — Вып. 2. — С. 127–146.
4. *Рычков Н. П.* Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства, 1769 и 1770 гг. — СПб.: Императорская Академия наук, 1770. — 189 с.
5. *Фальк И. П.* Записки путешествия академика Фалька // Полное собрание ученых путешествий по России. — СПб.: при Императорской Академии наук, 1824. — Т. 6. — 546 с.
6. *Лепехин И. И.* Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства, 1768 и 1769 году. — СПб.: Императорская Академия наук, 1771. — 376 с.
7. *Макушин Н. П.* Современное эрзянское жилище на территории Мордовской АССР // Исследования по материальной культуре мордовского народа. — М.: Изд-во АН СССР, 1963. — Вып. 2. — С. 192–209.
8. *Мокшин Н. Ф.* Мордва глазами зарубежных и российских путешественников. — Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1993. — 240 с.
9. *Мокшина Е. Н., Святкин М. И.* Традиционные хозяйственные надворные постройки мордвы // Экономическая история. — 2019. — Т. 15. — № 2. — С. 154–165.
10. *Мокшина Е. Н., Святкин М. И.* Религиозные обряды и праздники мордвы-эрзи, связанные с жилищем и хозяйственными постройками // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. — 2020. — Т. 20. — № 2. — С. 145–153.
11. *Паллас П. С.* Путешествие по разным провинциям Российской империи. — СПб.: Императорская Академия наук, 1809. — 657 с.
12. *Плано Карпини Дж., Рубрук Г.* Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука / редакция, вступительная статья и примечания Н. П. Шастиной. — М.: Гос. изд-во геогр. лит-ры, 1957. — 272 с.
13. *Харузин Н. Н.* Очерк истории жилища у финнов // Этнографическое обозрение. — М.: Т-во скоропечатни А. А. Левинсон, 1895. — № 1. — 99 с.

Abstract

The article discusses and studied the role of a housing and settlement complex in the material and spiritual culture of the Morder. The purpose of the article is to explore the traditional rites of the Morder, associated with the housing and surviving buildings. Materials and Methods. The following methods are primary: comparable-historical, historical and genetic. Used field materials collected by the author in ethnographic expeditions. Results of research, discussion. The housing and surveillance complex was an important ethnic component of the maternity, wedding, funeral-commemorative ritual. Conclusion. Over time, some traditions have changed either have lost their importance, but the housing and settlement complex continues to maintain its important role in the traditional culture of the Mordovian people.

Key words: *Mordva; dwelling; settlement; rites; traditions.*

Информация об авторе: Святкин Михаил Ильич, аспирант кафедры истории России ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарева», Саранск, mihail_svyatkin@mail.ru

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СТАРООБРЯДЦЕВ ПОСЛЕ 1906 г. И В МЕНЯЮЩИХСЯ УСЛОВИЯХ 1918 г.¹

Кальниченко Владислав Николаевич

Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург

Аннотация

В исследовании мы постарались показать новые правовые условия старообрядцев после 1906 г., когда вышел в свет закон об общинах, позволявший легализовать им свою церковно-общинную деятельность. Несмотря на это, оставались правовые проволочки, тормозящие их деятельность. Первая мировая война стала поворотным этапом во взаимоотношениях между старообрядцами различных направлений с православным духовенством и светскими властями. Государственные органы и господствующая церковь стали обращаться с должным уважением к старообрядцам и отвечать на жизненно важные вопросы. Создание самостоятельного государства на Дону впервые позволило воспользоваться «свободным управлением их веры и Богослужения по обрядом оной».

Ключевые слова: *духовенство, старообрядчество, приемлющие священство, правовое положение.*

Актуальность данного исследования заключается в недостаточной освещенности ряда проблем по истории религиозных групп в дореволюционной России. Казалось бы, проблемы в изучении отечественной историографии относительно старообрядчества перестали быть, все изучено и нет исследовательских лагун. Однако, если мы обратим особенное внимание на проблему старообрядчества в правовом поле Российской империи, то увидим, что преимущественно исследователями (подчеркну, российскими) рассматривается положение старообрядческих направлений различных локаций (включая особенности региона) в диапазоне второй половины XIX — начале XX вв. [7]. При этом хронологическая граница завершалась известным актом 17 апреля 1905 г. [9]. К таковой плеяде исследователей мы также ранее относились [5]. Следует отметить, что некоторые отечественные и зарубежные исследователи коснулись проблемы положения старообрядчества (1905–1917 гг.), включая иные конфессиональные группы (1920-е гг.) [6].

Данное исследование преимущественно будет обращено к постапрельским событиям указа об общинах (17 октября 1906 г.), его влияния на дальнейшую регламентацию жизнедеятельности старообрядческих направлений, а также действительном их положении в правовом поле Российской империи. Несомненно, проанализируем отношения старообрядцев и власти, вменяющихся событиях Гражданской войны на примере Донского региона. В основе данного исследования лежат неопубликованные документы Государственного архива Ростовской области из фонда канцелярии Войска Донского (Ф. 301), документы отдела рукописей Российской государственной библиотеки (Ф. 246), опубликованные документы Государственного архива Российской Федерации (Ф. 1317).

Итак, 13 марта 1913 г. представителем Покрово-Дмитриевской общины г. Новочеркаска было подано прошение о признании просителя «членом названной общины». Некоторое время спустя Областное правление Войска Донского разъяснило наставнику новочеркасской старообрядческой общины ряд положений указа об общинах от 17 октября 1906 г., где «членами старообрядческой общины считаются: 1/ лица, подписавшие заявления об образовании ея, 2/ лица, изъявившие желающие присоединиться к общине и принятыя общим собранием ея, и 3/ лица,

¹ Работа выполнена при поддержке РНФ (Соглашение от 26.04.2021 № 21–18–00266) «Религиозный фактор в России в годы Гражданской войны: феномен, значение и региональная специфика».

записанные в книгу рождений общины». Далее там уточняется, что право голоса в общине имеет член, достигший 25-летнего возраста, а также в общине обязателен совет, состоящий из 3-х человек. Из всех положений следует, что наставник, хотя и является членом общины, но это «вовсе не вытекает, что он является членом общины, пользующийся правом голоса в общем собрании общины...» [2, л. 33–33 об]. При этом уточнялось, что данное заявление оставить без удовлетворения. В это же самое время наблюдается свободное препровождение лиц, перешедших в старообрядчество или в «секту» (молокане и баптисты). Важно учесть, что теперь вовсе не следовала незамедлительная миссионерская деятельность официальной церкви по возвращению из «раскола», «секты», что ярчайшим образом проявлялось до 1905–1907 гг.

Там же давалось более подробное уточнение: «было сделано сношение с Департаментом Духовных Дел о том, кто именно из духовных лиц... должен быть прилагам в войсковые части для исполнения религиозных треб и для привода к присяге нижних чинов соответствующих вероучений [3, л. 1]. Выделим также две особенности. Первая — войсковая канцелярия отказалась от штампования ярлыка старообрядцев «раскольниками», в отличие от документации официальной церкви. Прямым показателем являются документы ф. 226 Донской духовной консистории, находящиеся в Государственном архиве Ростовской области. Вторая особенность — наличие в войске полкового духовенства из старообрядцев.

Основные вопросы, поднимаемые старообрядческими обществами в период Первой мировой войны (1916–1917 гг.), можно условно разделить на три части: духовное — наличие на фронте старообрядческого священнослужителя, возможность исповедоваться и причащаться в пограничном состоянии или в праздничные дни (воскресные, двенадцатые и войсковые богослужения). В т. ч. богослужбная и нравственная литература. Следующее необходимое условие, на наш взгляд, стоит отнести к нравственно-этической категории — ношение бороды. И последнее — отсрочка от служения в армии (наличие рукоположения не ниже дьякона).

Так, например, 6 декабря 1916 г. Военному министру поступило прошение от старообрядческих епископов, в котором они говорят о наличии регулярных обращений с фронта солдат и казаков, а также возможности разрешения их просьбы: «...к ним со всех сторон ежедневно поступают слезные письма от призванных в войска старообрядцев, коих принуждают брить бороды, просить сделать по сему зависящие распоряжения» [4, л. 2]. На что незамедлительно поступил ответ Войскового атамана М. Н. Граббе: «В войске Донском не только не принуждаются к бритью бород, казаки старообрядцы, а на оборот ношение бород всеми вообще казаками поощряется» [4, л. 2]. Однако, в этом войске данная традиция имела давние корни, не будем также исключать особенное положение Войска Донского как иррегулярных частей. Здесь мы видим уникальный для этого времени пример от Михаила Николаевича Граббе равного отношения к высшему представителю старообрядцев и более того, он подписывает: «Поручаю себя молитвами Вашего Высокпреосвященства / подпись / покорный слуга» [4, л. 2]. Оговоримся, что никогда ранее к старообрядческим представителями войсковые наказные атаманы не обращались подобным образом, не имея даже малейшего на это намека.

Однако старообрядческое священство снискало уважительное отношение и у других представителей официальной церкви. Например, в «38-м пехотном Тобольском и 10-м Сибирским стрелковом полках и в 709-й пешей Томской дружине» наблюдается все та же проблема — воспрещение командирами частей ношение бород. На что обратил внимание уже старообрядческий епископ Геронтий (Лакомкин). Протопресвитер Георгий Шавельский в письме заверил: «Мною вместе с ними делается надлежащее сношение с командирами этих частей». Подписываясь, «С совершенным почтением и преданностью имею честь быть Вашего Преосвященства Покорнейший слуга Георгий Шавельский» [4, л. 8].

К 1917 г. становятся более актуальными проблемы призыва в армию и участия в войне не рукоположенных в священство граждан (уставщики, дьяконы), а также наличия на фронте старообрядческого духовенства. В феврале 1917 г. крестьянин села Елшанки Роман Иванович Сальни-

ков получил объявление относительно своего статуса. На основании 98 статьи Устава о воинской повинности ходатайство Сальникова, избранного дьяконом (еще не рукоположенного) не может быть удовлетворенно, т. к. «...освобождаются лишь настоятели и наставники Старообрядческих Общин» [4, л. 13]. В 4-й Запасной Кавалерийский полк командирован к нижним чинам старообрядцам священник Зиновий Орехов для совершения исповеди и причастия. С покорнейшей просьбой обращается епископ Геронтий Тверской и Петроградский сопроводить священнослужителя к солдатам в назначенное место [4, л. 15].

В послереволюционный период в ходе деятельности Временного Правительства старообрядцам, в т. ч. находящимся в окопах, была предложена новая присяга. 10 апреля 1917 г. архиепископ Мелетий (Картушин) получил текст данной присяги и внес свои уточнения: «Так слова: „клянусь“, ... должны быть заменены словами: „обещаюсь“». Итак: приемлемый нами вполне текст присяги / обещания / будет иметь такую форму: «Обещаюсь по заповеди Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, еже: „ей ей“, быть верным и неизменно преданным Российскому Государству, как своему отечеству...» [4, л. 19], далее по прежнему тексту. Интересно, что ранее формулировка «клянусь» не смущала никого, но почему же в новой политической реальности, тем более, что спрашивают собственного мнения у старообрядческого представительства, так почему же не внести свою редакцию?

Что же касается Донского региона, то революционные события февраля-октября 1917 г. привели к появлению небывалого энтузиазма в политической сфере, где они просили представителей Временного Правительства позволить им самим разработать политический проект, в котором главенствующее место среди религиозно-конфессиональных групп займет именно старообрядческая церковь. Как мы знаем, этот проект хотя и появился на свет благодаря деятельности старообрядческих представительств разных направлений, но все же полноценной реализации и обнародование он не получил.

В начале мая 1918 г. состоялся Круг спасения Дона, в рамках которого должность атамана Войска Донского занял генерал-лейтенант от кавалерии П. Н. Краснов. После его знаменитой речи от 3 мая 1918 г., в которой он дважды упомянул христианские маркеры «... возлагается тяжелый крест» (в данном случае надежды), в завершении высказывает чистосердечно о важности своего долга: «Другой присяги генерал не знает, как любви к Богу и Дону» [12]. Полным ходом шла подготовка к Большому войсковому Кругу. В июне-августе 1918 г. производился отбор участников на Круг. В этом Алфавитном списке мы встречаем следующие сведения: «По вероисповеданию, первое место занимают православные — (90%), второе старообрядцы — (7%) и, наконец, третье место — буддисты — (3%)» [1, л. 4]. На Круг было избрано 360 делегатов, из которых 24 были старообрядцы [1, л. 14]. Здесь также важно отметить, что некоторые из будущих делегатов, будучи старообрядцами по вероисповеданию являлись станичными и хуторскими атаманами. Например, «Синебрюхов Василий Филиппович, урядник, депутат и гражданин Усть-Белокалитвенской станицы Донецкого округа», возраст — 46 лет. Немов Артемий Иванович — вахмистр, гражданин Верхне-Чирской станицы, был помощником станичного атамана, «один год станичным судьей» [1, л. 5]. После первой сессии Круга последовала определенная законодательная регламентация, которая нашла отражение в «Основных законах Всевеликаго Войска Донского». Здесь окончательно утверждается принцип веротерпимости. Так, в разделе IV «о Вере» в законе № 43 отмечается: «Первенствующая в Войске Донском есть вера христианская, православная». А в законе № 44 имеются уточнения относительно иных религиозно-конфессиональных групп. «Все, не принадлежащие к православной вере граждане Войска Донского, а также все, проживающие в пределах Войска, пользующиеся каждый повсеместно свободным оправлением их веры и Богослужения по обрядам оной» [11]. Следует отметить, что этот раздел остался таким же, что и в законах от 4 мая 1918 г. [8, с. 1].

Следует согласиться с утверждением А. Г. Терещенко, что «Конституционные законы Всевеликаго войска Донского в комплексе представляли первую в России региональную демокра-

тическую Конституцию» [10]. Более того, именно в этих законах была закреплена позиция свободного отправления иных религиозных организаций. Как мы видим, старообрядцы перестали именоваться «раскольниками» и носить дополнительные негативные коннотации.

Таким образом, законодательные изменения после 17 октября 1906 г. привели к новым социальным и политическим реалиям для старообрядческих направлений. Следует отметить, что некоторые процессуальные проволочки по-прежнему наблюдались вплоть до предвоенного времени. В это же время старообрядцы продолжали разрабатывать и предлагать свои законопроекты, расширяющие их социально-политическую деятельность. В условиях Первой мировой войны появились вопросы как духовного содержания (появление старообрядческого духовенства на фронте) для удовлетворения их нужд, нравственно-этического плана (ношение бород), так и необходимость отсрочки в армии, но в рамках имеющегося закона. В данной ситуации эти прошения зачастую были услышаны и приведены в исполнение. А завершение жизнедеятельности монархии инспирировало их активность в разработке новых проектов, регламентирующих старообрядческую деятельность. Более того, у старообрядческого представительства спрашивали мнения, обращались на равных основаниях как с представителями господствующей церкви. А законодательство Всевеликого войска Донского (1918–1919 гг.) позволило свободное отправление культа, непродолжительную регистрационную деятельность общин, участие в политической жизни общества.

Список литературы

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1317. Оп. 1. Д. 9. Л. 4.
2. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 301. Оп. 10. Д. 1353. Л. 33–33 об.
3. ГАРО. Ф. 301. Оп. 10. Д. 1369. Л. 1.
4. Российская государственная библиотека Отдел рукописей (РГБ ОР). Ф. 246. Карт. 211. Ед. хр. 10. Л. 2; 8; 13; 15; 19;
5. *Кальниченко В. Н.* Борьба с «расколом» на территории Донской епархии в 1890–1900 гг. // Актуальные вопросы церковной науки: научный журнал / Санкт-Петербургская духовная академия. — СПб.: Изд-во СПбДА. — 2021. — № 1.
6. Материалы XIII Международной студенческой научно-богословской конференции. Санкт-Петербург, 17–18 мая 2021 года. 2021. — С. 133–136.
7. *Трапш Н. А., Кальниченко В. Н., Германовская Н. С.* Миссионерская деятельность на территории области Войска Донского в 1870-е гг.: от контекста к источниковедческому анализу // Гуманитарные и юридические исследования. — 2021. — № 4. — С. 122–128.
8. *Клюкина Ю. В.* Источники о свободе вероисповедания старообрядцев Урала в начале XX века // Уральский сборник. История. Религия. Культура. — Екатеринбург.: 2001. Вып. IV. — С. 42–58.
9. *Клюкина Ю. В.* Старообрядцы и политическая партия (1905–1917) // Проблемы истории России. На перекрестках эпох и традиций. — Екатеринбург.: 2003. Вып. 5. — С. 327–349.
10. *Матющенко В. С., Пушкарев В. А.* Правовое положение локальных социокультурных групп в Приамурье в 1920–1930 гг. XX в. (на примере старообрядчества и казачества) // Право и образование, 2012. — № 10. — С. 153–162.
11. *Freeze G L.* Counter-Reformation in Russian Orthodoxy: Popular Response to Religious Innovation, 1922–1925 // *Slavic Review.* — vol. 54, no. 2, 1995. — p. 305–339.
12. *Кулиев Ф. М.* Политика Российской империи по отношению к старообрядчеству на Северном Кавказе во второй половине XIX века // Известия вузов Северо-Кавказский регион. Общественные науки. — 2011. — № 1. — С. 55–58.
13. *Дашковский П. К., Ильин В. Н.* Правовое положение старообрядцев в контексте законодательных инициатив Российской империи в последней трети XIX — начале XX вв. // Былые годы, Т. 3. — 2019. — № 53. — С. 1232–1242.

14. *Мурадосылова Ш.М.* Правовое положение старообрядцев и сектантов Таврической губернии (XIX — начало XX вв.) // Труды V Всероссийской научно-практической конференции. Межрегиональная общественная организация социально-гуманитарных научных исследований «Историческое сознание». — Брянск.: 2019. — С. 105–110.

15. *Васильева С.В.* Государственно-правовое регулирование положения старообрядцев Забайкалья после провозглашения указа о свободе вероисповедания // История государства и права. — 2008. — № 23. — С. 16–19;

16. *Основные законы Всевеликого войска Донского.* 4 мая 1918. — Новочеркасск. — С. 1.

17. *Таран Т.В., Людвиг С.Д., Байбарин А.А., Пестерева Н.М.* К вопросу о веротерпимости в России вначале XX в.: правовое регулирование старообрядчества и сектанства // Былые годы, 2022. № 17 (3). — С. 1430–1439.

18. *Терещенко А.Г.* Конституционные акты Всевеликого войска Донского // Донской временник. — Ростов н/Д.: 2002. — Вып. 11. URL: http://donvrem.dspl.ru/Files/article/m3/0/art.aspx?art_id=96 (дата обращения: 8.10.2022).

19. *Туроверов Н.Н.* Основные Законы Всевеликого Войска Донского. — Париж: Издание «Казачьего Союза», 1952. — С. 21.

20. *Щепкин Г.* Содержание речи г.-м. Краснова (Круг Спасения Дона. 1918 г. Ч. 1) // Донской временник. — Ростов н/Д.: 1993. — Вып. 2. URL: http://donvrem.dspl.ru/Files/article/m3/0/art.aspx?art_id=92 (дата обращения: 15.10. 2022).

Abstract

In the study, we tried to show the new legal conditions of the Old Believers after 1906, when the law on communities was published, which allowed them to legalize their church and community activities. Despite this, there were legal delays hindering their activities. The First World War was a turning point in the relationship between the Old Believers of various trends with the Orthodox clergy and secular authorities. State bodies and the ruling church began to treat the Old Believers with due respect and answer vital questions. The creation of an independent state on the Don made it possible for the first time to take advantage of «the free restoration of their faith and Worship according to the rite thereof.»

Key words: *clergy, old believers, accepting the priesthood, legal status.*

Информация об авторе: Кальниченко Владислав Николаевич, лаборант-исследователь Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, st086572@student.spbu.ru

КОНСТРУИРОВАНИЕ КУЛЬТОВОГО ОБРАЗА Г. Е. ЗИНОВЬЕВА В 1920-Е ГОДЫ

Флигинская Екатерина Дмитриевна

Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Санкт-Петербург

Аннотация

В данной работе рассматриваются способы формирования Г. Е. Зиновьевым личного культового образа в 1924–1925 годах на основе его собственных работ, посвященных В. И. Ленину. Постоянная апелляция к большевистскому вождю после его смерти стала для Зиновьева попыткой к выстраиванию собственного культового образа. Анализ его статей и речей позволит выявить, в какие специфические формы складывалось обращение Зиновьева к образу Ленина.

Ключевые слова: Г. Е. Зиновьев, В. И. Ленин, культовый образ, Коммунистический интернационал.

В 1920-е годы Г. Е. Зиновьев принимает активное участие в формировании собственного культового образа. В период внутрипартийной борьбы одним из важнейших приемов поддержания своих позиций в партии для него становится постоянная апелляция к авторитету Ленина. Обращение к работам и личности еще живого вождя способствовали укреплению позиции как партии, так и ее лидера в условиях Гражданской войны. Постоянная апелляция к текстам и высказываниям Ленина уже после его смерти были необходимы Зиновьеву исключительно для придания веса собственным идеям в условиях, когда ни партия, ни сам вождь уже не нуждались в поднятии авторитета.

Во всех статьях, очерках, речах и прочих текстах о Ленине и «ленинизме» Зиновьев обращается к ряду тем, через которые наиболее сильно проявляется его стремление приблизиться к статусу вождя и придать себе политический вес внутри партии. Такими темами являются: похороны В. И. Ленина, участие Ленина в деятельности Коммунистического Интернационала, связь Петрограда-Ленинграда с деятельностью вождя, жизнь Ленина до революции и после. Красной нитью через большинство текстов также проходит мотив присутствия и участия народных масс во многих значимых событиях.

Смерть и похороны В. И. Ленина — события, которые оставили яркий эмоциональный след в текстах Г. Е. Зиновьева. В своей книге «Шесть дней, которых не забудет Россия» Зиновьев выстраивает нарратив о том, что происходило в первое время, когда стало известно о смерти вождя, и что ощущали его товарищи в этот момент. Непосредственно в тексте, Зиновьев никак не выделяет себя на фоне остальных большевиков, которые также узнали о смерти Ленина одними из первых (такими были, например, Каменев, Сталин, Бухарин, Бонч-Бруевич и т.д.). В повествовании постоянно используются местоимение «мы» или глаголы во множественном числе: «смотрим», «вошли», «успели» и т.д. [12, с. 5–6]. Тем самым Зиновьев показывает свою солидарность с партийными товарищами и не выделяет себя на их фоне. Такая показательная отрешенность от собственного «Я» в пользу партийного единения довольно ярко контрастирует, например, с работой В. Д. Бонч-Бруевича, который также был одним из первых, кто узнал о смерти вождя. «Смерть и похороны Владимира Ильича», изданная в том же году, демонстрирует Зиновьева как одного из самых близких соратников В. И. Ленина, с которым он провел больше всего времени [1, с. 9]. В нарративе Бонч-Бруевича Зиновьев выделяется как непосредственный участник событий января 1924 года, в то время как в собственном повествовании, Григорий Евсеевич старается не отделять себя от коллектива.

«Коллективизм» Зиновьева наиболее ярко проявляется тогда, когда в его повествовании появляется народ, сочувствующий потере своего вождя. В этот момент «мы», обозначающее Зи-

новьева и его товарищей по партии, объединяется с множеством рабочих, крестьян, красноармейцев и превращается в одно большее «мы», объединяющее народные и партийные массы перед лицом потери [12, с. 8–9]. Опять же, сравнивая нарративы Зиновьева с описанием Бонч-Бруевича, стоит отметить, что второй не придавал особенного значения единению народа и партии, для него массы стояли обособленно — по отношению к ним использовались глаголы «стояли», «несут», «входили», «несли» [1, с. 28–30], которые показывают народ как единицу, действующую отдельно от партии. Это наблюдение позволяет сделать вывод о том, что «коллективизм» и обращение к обществу являются индивидуальными приемами Зиновьева, с помощью которых он легитимирует себя через отождествление с народными и партийными массами, привлекая такой «открытостью» к массам, на свою сторону большинство.

Дискурс «коллективизма» в работах Зиновьева нередко появляется в связке с мотивом «массовости». Включение в нарратив народных масс делает общественность непосредственным участником происшедших событий, объектом, имеющим собственную волю и мысли, а Зиновьева — главным рупором общественных идей. Зиновьев представляет народ «прекрасной единой массой», переживания которой он разделяет вместе с партией [9, с. 4]. В своих речах, обращаясь к аудитории, Зиновьев не отделяет себя от нее, и неоднократно использует, например, местоимение «нас», чтобы продемонстрировать свое единение со слушателями и читателями [5, с. 3]. Единение в связи со смертью В. И. Ленина проявляется в чувстве скорби и боли от утраты вождя [4, с. 5]. Таким образом Зиновьев старается показать не столько идеологическую близость к массам, сколько эмоциональную, конструируя через текст более близкие отношения с общественностью. Важно отметить, что Зиновьев использует формулировки «наше с вами поколение» и «наш класс» [4, с. 5] при обращении к слушателям речи, чем может продемонстрировать свою включенность в жизнь рабочего класса, несмотря на то, что сам он его частью не является. Зиновьев также неоднократно отмечает, что ему хорошо знакомы интересы народа, которым он и старается соответствовать, предлагая аудитории писать и рассказывать о том, что может быть интересно ей [4, с. 6]. Все эти примеры демонстрируют особенное отношение, которое Зиновьев старался выстраивать между собой и обществом — лишенное какого-либо патернализма, оно конструируется на близости к рабочему классу как идеологической, основанной на совместном желании трудиться на благо светлого будущего, так и эмоциональной, корни которой лежат в глубокой скорби, связанной с потерей своего вождя.

Связанной с мотивом массовости и играющей большую роль для самого Зиновьева также становится опора на значение Петрограда-Ленинграда в революции и жизни В. И. Ленина. Сам город стал одной из главных вех в политической карьере Зиновьева еще в 1917 году, когда тот был избран председателем Петроградского Совета [2, с. 43]. С тех пор имя Зиновьева неразрывно связывалось со всеми событиями Петрограда, а авторитет, который закрепился за Григорием Евсеевичем в период председательства в Петросовете, сохранялся даже в то время, когда он не принимал значительного участия в жизни города в первой половине 1920-х годов. В 1924–1925-х гг. апелляция к населению Петрограда-Ленинграда и придание городу центрального революционного значения становятся еще одним выразительным приемом, используемым в работах Зиновьева.

Петроград в нарративе Г. Е. Зиновьева становится местом, где началась деятельность В. И. Ленина [9, с. 36]. Значимые факты биографии вождя тесно сопрягаются с городом, тем самым указывая на его исключительную значимость. Одним из таких событий является, например, выступление Ленина 3 апреля 1917 года в Петрограде, при описании которого Зиновьев использует конструкцию «величайшее историческое дело, выполненное Владимиром Ильичом» и дополнительно уточняет, что это великое дело было связано, в первую очередь, с петроградскими рабочими [9, с. 37].

Прием массовости, о котором говорилось ранее, и петроградский дискурс соединяются в обращении Г. Е. Зиновьева к рабочим — в описании их роли в деятельности Ленина и событиях революции. В работах неоднократно отмечается «нежная» любовь питерских рабочих к вождю,

их готовность идти за ним от начала до самого конца [12, с. 12]. Взаимная симпатия описывается и со стороны самого Ленина, который вдохновлялся рабочими Питера, «которых он учил, и у которых он учился» [9, с. 36]. Кроме того, делается акцент на то, что заслугой петроградского пролетариата являются «многие» и «основные мысли великой пролетарской революции» [3, с. 60], на которые вдохновился Ленин во время общения с ним. Таким образом, через образ «передового города революции» [5, с. 3], к которому вождь обращается «при первых же трудностях» и который населяют «самые воспитанные, самые революционные, самые дальновидные рабочие» [5, с. 11], показывается тесная связь Петрограда-Ленинграда с Лениным, на пути его становления великим вождем. Для Зиновьева было важно показать исключительность роли города в жизни В. И. Ленина, так как в эту связь он включал и самого себя. По отношению к Петрограду часто используется местоимение «наш»: например, «наш город и наша организация» [3, с. 60], «среди нас, в Петрограде» [8, с. 48], «чем был Владимир Ильич для нас, Ленинграда» [5, с. 10]. За счет использования «наш», по отношению к Петрограду-Ленинграду, в связь между городом и Лениным включался и Зиновьев, присваивая все особенные преимущества и качества революционного города, сыгравшего ключевую роль в жизни вождя.

Апелляция к Петрограду-Ленинграду становится еще одним важным приемом для повышения авторитета Г. Е. Зиновьева в партии. Будучи председателем Петроградского Совета, он не пытается акцентировать внимание на собственное управление городом, но создает образ крепкой «дружбы» между населением и вождем, делая себя частью петроградского населения. Петроград в нарративе Зиновьева — место, где оформились и распространились основные идеи Ленина, где зародилось сильное революционное движение, и сформировался самый грамотный и ответственный рабочий класс. Включая себя в эту прослойку дальновидных и революционных рабочих, Зиновьев наделяется теми же качествами и, следовательно, становится частью петроградского дискурса. Таким образом, повышая авторитет «своего» Петрограда и его пролетариата, Г. Е. Зиновьев приобретает большой политический вес в условиях внутривнутрипартийной борьбы.

Петроград-Ленинград не становится единственной площадкой, на которой Зиновьев, обладая высоким авторитетом среди народных масс, старается основываться для придания себе большего влияния внутри партии. На самом деле, город несколько уступает в значимости другому политическому органу — Коммунистическому Интернационалу. В 1922–1925-х годах, в силу того, что работа в Коминтерне и деятельность в рамках внутривнутрипартийной борьбы заставляли его больше времени проводить в Москве, Зиновьев все меньшее участие принимал в деятельности ленинградской партийной организации [2, с. 141]. Поэтому дискурс Коммунистического Интернационала становится еще одним важным элементом публицистики Г. Е. Зиновьева.

Основной прием, используемый Зиновьевым при описании деятельности Коммунистического Интернационала — апелляция к В. И. Ленину, как к главному основателю и вдохновителю этой организации. Несмотря на то, что с 1919 года Зиновьев являлся председателем ИККИ, в своих работах он представляет Коминтерн как «детище Ильича» [4, с. 25], тем самым адресуя все его заслуги вождю. Важно также отметить, что деятельность Ленина связывается со всеми вехами в истории Интернационала: начиная со связи I Интернационала с началом политической деятельности Ленина и первой попытки участия в деятельности II Интернационала [6, с. 3–4], продолжая его ролью в начале эпохи III Интернационала. На В. И. Ленина, как главного вдохновителя Коминтерна, указывает еще и содействие в написании двадцати одного условия для вступления, одного из основных документов организации. Несмотря на то, что Зиновьев отмечает, что правила были написаны им, главным «отцом» мысли называется именно Ленин [3, с. 35]. Более того, Коминтерну, помимо его официального названия, Зиновьевым дается имя «Ленинского Интернационала» [6, с. 27]. III Интернационал в работах Зиновьева не является очередной организацией, сопровождающей Ленина исключительно в его политической деятельности. Большой вес он приобретает, становясь частью повседневности и смерти вождя. Как население Петрограда сопровождало Ленина до самой его смерти, так и Коминтерн принимал непосредственное уча-

стие в процессе его похорон. Так, при рассказе о смерти Ленина, Г. Е. Зиновьев отмечает, что после траурной демонстрации, у гроба Владимира Ильича остается два знамени — ЦК РКП и Коминтерна [12, с. 13]. Так Зиновьевым показывается очевидная преемственность «заветов» Ленина, передающихся партии и Коммунистическому Интернационалу.

Таким образом, конструируя в работах образ вождя-основоположника и вождя-руководителя, Зиновьев придает символическое значение «детища Ленина» Коминтерну. Будучи председателем Исполнительного Комитета — главой целого Интернационала, Григорий Евсеевич призывает в своих речах нести «выше знамя Ленина — знамя Коминтерна» [7, с. 5], чем не только ставит подвластную себе организацию в один ряд с Лениным, но и делает себя носителем и продолжателем идей вождя в рамках этой организации, тем самым легитимируя собственные политические шаги.

Помимо создания акцента на наследовании политических достижений В. И. Ленина, Г. Е. Зиновьев также обращает немалое внимание на биографию вождя, называя себя человеком, «знающим биографию тов. Ленина достаточно подробно» [8, с. 6]. Во многих своих работах Зиновьев обращается к жизни В. И. Ленина с целью подчеркнуть или более подробно описать то событие, о котором он повествует. А многократно переплетая биографию вождя с автобиографией, автор показывает, что он всегда был достаточно близок к Ленину, переживал те же трудности, выражал те же идеи и участвовал в тех же событиях. Такую общность Зиновьев часто подчеркивает, используя местоимение «мы» в моменты, когда ему необходимо обратиться к какому-либо случаю из жизни вождя. Зиновьев не только путешествовал и жил вместе с Лениным, описывая совместные повседневные занятия [11, с. 68–69]. Он также сопровождал вождя партии в наиболее опасные и важные моменты: «мы в тов. Лениным скрывались» [8, с. 42], «мы приехали в казарму» [3, с. 20], «мы прятались» [3, с. 47] и т. д. Что более важно, Зиновьев становится одним из первых, кто встречает весть о революции вместе с Лениным [10, с. 289]. Помимо «мы» в своих работах, Зиновьев отсылается и к собственным воспоминаниям о Ленине, используя конструкции «я не забуду» [6, с. 13], «я помню» [8, с. 33], «я вспоминаю» [4, с. 17]. Они также дают понять, что для описания событий из жизни вождя Зиновьев пользовался исключительно своими воспоминаниями, из чего следует, что он долгое время был рядом с Лениным, почему и предстает перед читателями ближайшим верным соратником Владимира Ильича.

После смерти Ленина, апелляция к его личности в работах Зиновьева не прекращается, но приобретает несколько иную форму — теперь Григорий Евсеевич не соратник и ближайший товарищ Ленина, а хранитель и популяризатор ленинских идей среди масс. Говоря о значении идей Ленина, Зиновьев называет их изложение «непосильной и ни для кого не выполнимой задачей», однако берет ее на себя [4, с. 6]. Этим он показывает, что только ему, но не кому-то другому, под силу говорить о Ленине. Делая себя главным интерпретатором мыслей вождя, Зиновьев использует такие фразы, как «позвольте мне говорить тут словами не своими, а в данном случае словами самого Владимира Ильича» [9, с. 10] или «Мне думается, в революционный марксизм Владимир Ильич внес следующие пять <...> моментов» [4, с. 11]. Акцент на собственной интерпретации и высказывании идей Ленина сохраняет ту преемственность, которая существовала между Зиновьевым и Лениным еще при жизни вождя. Жизнеописание Ленина становится еще одним ключевым приемом для повышения авторитета Зиновьева. Как в период до революции Зиновьев находится рядом с вождем, разделяя все трудности, новости, мысли и идеи, так и после смерти Ленина он продолжает распространять воспоминания и идеи о нем.

Список литературы

1. *Бонч-Бруевич В. Д.* Смерть и похороны Владимира Ильича: (По личным воспоминаниям). — М.: Жизнь и знание, 1925. — 39 с.
2. *Вихров В. М.* Коммунистический лидер Г. Е. Зиновьев во главе Петрограда-Ленинграда (конец 1917 г. — начало 1926 г.): специальность 07.00.02 «Отечественная история»: диссертация

на соискание ученой степени кандидата исторических наук; Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена // СПб, 2011. — 227 с. — Библиогр.: с. 205–227.

3. *Зиновьев Г.Е.* В. И. Ленин — гений, учитель, вождь и человек: (речь на заседании Ленинградского совета, 7 февраля 1924 г.) // Л.: Государственное издательство, 1924. — 74 с.

4. *Зиновьев Г.Е.* В. И. Ленин: Речь, произнес. на заседании Ленингр. сов. рабочих и крест. депутатов 7 февр. 1924 г. // Харьков: Путь просвещения, 1924. — 47 с.

5. *Зиновьев Г.Е.* Историческое значение Ленина: (Речь, произнесенная в Ленинграде при закладке памятника В. И. Ленину, 16-го апр. 1924 г.) // Л.: Государственное издательство, 1924. — 15 с.

6. *Зиновьев Г.Е.* Ленин и Коминтерн: [доклад на торжественном заседании Исполкома Коминтерна и пленума Московского совета, 5 марта 1924 г.] // М.; Л.: Молодая гвардия, 1925. — 32 с.

7. *Зиновьев Г.Е.* Ленин и Коммунистический интернационал // Л.: Государственное издательство, 1925. — 51 с.

8. *Зиновьев Г.Е.* Н. Ленин (Владимир Ильич Ульянов): Очерки жизни и деятельности // Сочинения. Т. 15: Владимир Ильич Ульянов-Ленин. — Л.: Государственное издательство, 1924. — с. 5–51.

9. *Зиновьев Г.Е.* На смерть Ленина // Л.: Государственное издательство, 1925. — 50 с.

10. *Зиновьев Г.Е.* Приезд Ленина в Россию // Сочинения. Т. 15: Владимир Ильич Ульянов-Ленин. — Л.: Государственное издательство, 1924. — с. 289–295.

11. *Зиновьев Г.Е.* Тов. Ленин на отдыхе // Там же. — С. 68–73.

12. *Зиновьев Г.Е.* Шесть дней, которых не забудет Россия // Л.: Государственное издательство, 1925. — 16 с.

Abstract

The article examines the construction of Grigory Zinoviev's own personality cult image during 1924–1925, based on his own texts, dedicated to V.I. Lenin. The constant appeal to the Bolshevik leader after his death became Zinoviev's attempt to construct his personality cult. An analysis of Zinoviev's articles and speeches makes it possible to reveal, what specific forms of appeal to Lenin's image Zinoviev made.

Key words: G. E. Zinoviev, V.I. Lenin, cult image, Communist International.

Информация об авторе: Флигинская Екатерина Дмитриевна, студентка 3 курса, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Санкт-Петербург, edfliginskaya@edu.hse.ru

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЕ КОЛЕБАНИЯ В ВОСПРИЯТИИ НАЧАЛА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ ЛЕТОМ-ОСЕНЬЮ 1914 ГОДА

Каркач Максим Владимирович

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

Аннотация

В данной статье рассматриваются настроения различных классов населения на момент начала Первой мировой войны. Основная проблема заключается в факте существования массовой патриотической эйфории всех слоев населения в июле-августе 1914 года. Этот факт многими

историками не подвергается сомнению, тогда как он остается спорным. Целью данного исследования является выявление отличий в настроениях разных слоев общества, привлечение внимания к проблеме массовых российских настроений в 1914 году. Задачами выступают анализ источников различных классов и сословий общества.

Ключевые слова: Первая мировая война, массовые настроения, мобилизация.

Начало Первой мировой войны потрясло многих людей, проживающих в странах Западной, Восточной и Южной Европы. Широкий всплеск патриотических настроений прошелся по Франции, Германии, Австро-Венгрии. Но в Российской Империи данной тенденции не прослеживалось.

«Блестящая» мобилизация, по словам ген. Сухомлинова¹, была проведена полностью удачно [23, с. 313–314]. Н. Н. Головин также поддерживает данную позицию, указывая на огромную явку мобилизованных: «...96% подлежащих воинскому призыву явились к воинским начальникам. Между тем трудные условия, в которых находился точный учет чинов запаса, заставлял предполагать, что разница между расчетами и фактической явкой может быть до 10%. Следовательно, уклонения от мобилизации почти не было» [6, с. 81].

Такой большой процент явки объясняется данными авторами национальным подъемом всех слоев населения, вызванным оборонительной войной [7, с. 407–408]. Массовые патриотические шествия простых людей были так же замечены А. А. Успенским²: «С получением Высочайшего манифеста о войне с Германией в городе начались патриотические манифестации. Несмотря на национальное и религиозное различия населения, взрыв негодования против Германии, объявившей войну России, был общий. Это доказывали манифестации и шествия по городу с национальными русскими флагами, в которых принимали участие все слои населения» [25, с. 12]. Жители многих губерний выражали верноподданнические чувства монарху. Не только мужчины, но и женщины, дети, подростки (в том числе малолетние преступники) и студенты Тверской губернии старались помочь фронту всеми силами [14, с. 26]. В Орловской губернии 17 июля 1914 года собралось около тысячи человек у дома губернатора с патриотическими настроениями [9]. Население Калуги массово выражало свою солидарность сербскому народу. В Твери собралась 10-тысячная манифестация в поддержку союзников [13, с. 74–75]. Но Арамилев, наоборот, констатирует тот факт, что манифестации в поддержку царя являлись инсценировкой местных властей [2, с. 13]. Студент Московского университета Д. Фурманов также писал о подобном, побывав на патриотической манифестации в Москве, прошедшей 17 июля 1914 года: «Был я в этой грандиозной манифестации... Скверное у меня осталось впечатление. Подъем духа у некоторых, может, и очень большой, чувство, может, искреннее, глубокое и неударжимое — но в большинстве что-то тут фальшивое, деланное. Видно, что многие идут из любви к шуму и толкотне» [27, с. 46]. Ген. Данилов согласен с мнением студента: «Патриотические манифестации и взрывы энтузиазма являлись, по-видимому, лишь дешевым фасадом, за которым скрывалось невзрачная действительность» [10, с. 112].

Не все исследователи поддерживали точку зрения всесословной эйфории, некоторые подчеркивали классовое различие отношения к войне: «Угрюмое молчание народа красноречиво контрастировало с патриотической эйфорией, охватившей господствующие классы, часть интеллигенции, студенчества, городского мещанства, казачества. Основная же масса крестьян и рабочих восприняли войну как страшное стихийное бедствие,» — писал Станислав Васильевич Тютюкин [24, с. 240].

Разные слои населения имели разные мнения насчет войны. Класс интеллигенции разделся на два лагеря. Первые, не обладая патриотическим чувством, устраивались в тылу, избегая

¹ Военный министр 1909–1915 годов.

² Командир роты 106-го Уфимского полка.

фронтальной жизни. Вторые же шли на фронт даже тогда, когда государство было заинтересовано в их пребывании в тылу [8, с. 140].

Студенты также не обладали единой точкой зрения. Отмена отсрочек в 1901 году у студентов Киевского университета вызвала волну беспорядков в разных городах России. Однако осенью 1914 года такой сценарий не повторился, прошла серия патриотических манифестаций учащихся высших учебных заведений [1, с. 167]. Но были и те, кто выступил категорически против войны. Студенты массово солидаризировались с оппозиционными партиями кадетов, эсеров и социал-демократов, поддерживали рабочее движение [1, с. 169]. Нередко ученики скрывали за патриотическим воодушевлением свои оппозиционные настроения. С. Морисси писал: «Выражая готовность выполнить свой гражданский долг в этот трудный час, они (студенты) надеялись, что наградой за единение во имя победы и отказ от внутренних политических разногласий послужит политическая оттепель» [16, с. 291].

Женский взгляд на мобилизацию был преимущественно единообразным, женщины испытывали огромное горе, провожая своих мужей и сыновей на войну [1, с. 152]. Они массово шли работать медсестрами в госпитали, записывались добровольцами на фронт. В газетах обсуждалась идея создания отряда амазонок [4]. Стоит отметить, что были две распространенные причины ухода женщин на фронт. Первая, патриотическая, девушки преследовали цель защиты Родины, Царя и Отечества. Вторая, личная, — уход от действительности. В качестве примера можно привести известный случай Марии Бочкаревой, которая ушла на фронт осенью 1914 года. Она застала войну в Иркутской губернии, куда она отправилась в добровольную ссылку со своим гражданским мужем Яковом Буком. Но он стал пить и избивать ее, из-за чего она захотела сбежать от него. Мария вспоминала: «Покинуть Яшу ради собственного блага казалось мне почти невыносимым. Но оставить его и пойти на фронт во имя бескорыстного самопожертвования — нечто совершенно иное. Идея отправиться на войну все сильнее и сильнее овладевала всем моим существом, не давая покоя» [3].

Женщины, оставшиеся в тылу, столкнулись с реквизицией лошадей и повышением цен на продукты. Данный факт побудил девушек выходить на улицы и бунтовать: «Вчера хозяйки, явившись на рынок, узнали о новом повышении цен почти на все продукты первой необходимости. Они напали на ларьки торговцев и уничтожили весь товар. Разгром рынка отличался не меньшей жестокостью и не меньшим озлоблением, чем разгром немецкого посольства... Торговцы понесли весьма существенные убытки и после этого согласились понизить цены на все продукты до прежней нормы» [17].

Рабочее движение развилось в 1913–1914 гг. Массовые стачки и нарастающие каждый месяц потери рабочих дней стали обыденностью. По всей России в 1913 г. количество потерянных рабочих дней составило 3.868.257, тогда как фактически в первую половину 1914 г. — 5.755.072 (даже в революционный 1917 г. было 3.822.656 дней) [15, с. 88]. А. Г. Шляпниковым были отмечены настроения рабочих: «Атмосфера весною 1914 года в фабрично-заводских районах была напряжена до крайности. Все конфликты, от малого и до великого, независимо от их происхождения, вызывали стачки протеста, демонстративные окончания работ за час до конца работ и т. п. Политические митинги, схватки с полицией были явлениями обыденными. Рабочие начали заводить знакомства и связи с солдатами близлежащих казарм. Велась революционная пропаганда и в лагерях. Весьма активная роль в этой пропаганде выпадала на долю женщин-работниц, ткачих и других текстильщиц» [28, с. 40]. В Нижнем Новгороде, как и в других городах (особенно в С. — Петербурге) рабочие отстаивали свои права, что можно увидеть по донесениям губернатора в департамент полиции [20, с. 228]. Часто рабочие боялись протестовать, так как боялись призыва на фронт из-за своих действий [20, с. 238–240].

Особое место в рабочем движении занимали различные партии. По воспоминаниям А. Пирейко, трудно было найти хотя бы одного обывателя в Риге (этот город в 1914 году стоял на втором месте по размаху рабочего движения, на первом стоял С. — Петербург), который не принад-

лежал бы к какому-либо обществу. Но только небольшое число партий действительно боролось против войны, тогда как остальные (напр. ЦК с.-д. Латышского края, состоящий из меньшевиков) молчали и не давали никаких призывов [18, с. 7–8]. Движение рабочих за свои права крайне сильно зависело от хода военных действий на полях Первой мировой войны. Во время удач и побед на фронте люди меньше протестовали, выходили на работу. Но при поражениях массовое недовольство снова проявлялось в различных стачках и протестах [19, с. 205]. Л. Хеймсон выделил 3 стачечные волны: август-декабрь 1915, январь-июнь 1916, июль 1916 — январь 1917 [19, с. 204].

В 1914 году, по сравнению с 1913, процент бунтов на политической почве значительно возрос (с 59% до 81% по отношению ко всем протестам) [1, с. 41]. Рабочие все больше требовали не только повышения и выплаты зарплат (т.е. экономические требования), но и изменения политического устройства (конкретные предложения по изменению отсутствовали, люди скандировали лозунги «Долой Царя!»). Но вместе с данным фактом в 1914 г. стачки стали напоминать пьяные бунты, что выражалось в стихийном погроме магазинов и лавок [1, с. 43].

Довоенные антимонархические настроения строились на несоответствии патерналистического представления о царе с образом Николая II, императору вменялось в вину то, что он не был «настоящим» царем [12, с. 86]. С началом войны ситуация мало изменилась, образ монарха разрушался с каждым поражением на поле боя.

Большинство призывников были крестьянами [8, 103]. Особый менталитет этого слоя обуславливал все настроения, бунты и беспорядки. Ярko отразила настроения призывников некая Катя из Нижнего Рыбинска, которая в письме от 30 июля писала: «Здесь мужики с большим неудовольствием шли на призыв, даже бранили государя, говоря, что, вот они идут на войну, а их семьи остаются без работников, голодные и «сырые». Требовали водки, угрожая разгромить казенки» [5].

Хорошая явка на призывные пункты исходила скорее из крестьянского фатализма, а не патриотических настроений [21, с. 41]. Большой приток мобилизованных подвергал нагрузке инстанции, проводившие людей в части. Они не справлялись с распределением, и вследствие длительного ожидания поездов и скуки росли бунтарские настроения, так, например, в Верхотурском уезде Пермской губернии 20 июля произошли беспорядки, в которых участвовало более 500 новобранцев. Из-за опоздания поезда они были предоставлены сами себе и отправились гулять по окрестностям, подпольно купили алкоголь и пришли на станцию уже пьяными. После того, как солдаты узнали, что эшелон еще не прибыл, они начали бунтовать с требованием хлеба и крыши над головой [1, с. 128].

Феномен пьяных бунтов был распространен по всей стране. Проводы на войну, по народной традиции, не представлялись возможными без употребления спиртных напитков. Это снимало градус напряжения и было способом релаксации [22, с. 45]. Во время мобилизации, помня опыт русско-японской войны, военные власти ввели запрет на продажу алкоголя во избежание волнений и хулиганства. Но такое решение возымело обратный эффект. Арамилев, вспоминая первые дни мобилизации, говорит о погромах винных лавок, о «невообразимом» пьянстве и драках [2, с. 11].

После отбытия новобранцев из своих городов беспорядки только усилились, на станциях, где проезжали солдаты, случались погромы и бунты. С. Федорченко передала нам слова одного солдата: «Эх, вначале, как погнали нас семнадцатеро из деревни, ничего не понятно, а больше плохо... Ух и заскучали мы... На каждой станции шум делали, матерно барышень пугали, пели чточасно, а весело не было...» [26, с. 22]. Арамилев так же упоминает о погромах на станциях [2, с. 22–23].

Существует различная оценка состояния солдат в лагерях, где они размещались перед отправкой на фронт. А.А. Успенский пишет о трезвых и опрятных людях, об их бодром настроении [25, с. 14]. А.А. Игнатъев, наоборот, повествует об упадке воинского духа: «При посещении Жоффром Красного Села для меня приоткрылась завеса над истинным настроением русских солдатских масс. При объезде лагеря гвардия действительно кричала еще верноподданно «ура», но в аван-

гардном лагере, где стояла какая-то армейская пехотная дивизия, приказ приветствовать «обожаемого монарха» выполнялся только передники шеренгами. В задних же рядах, столпившихся между бараками, некоторые солдаты демонстративно молчали, другие, опустив глаза в землю, не желали даже смотреть на процессию» [11, с. 540]

В самом бою солдаты часто проявляли отвагу и героизм, отчаянно сражались с врагом. Данный факт обуславливается менталитетом русских людей: «Есть три главных его (*русского бойца — М. В. Каркач*) состояния... Третье состояние — артельная работа, или бой. Тут он герой. Он умирает спокойно и сосредоточенно. Без рисовки. В беде он не оставит товарища. Он умирает деловито и мужественно, как привык делать артельное дело» [21, с. 9].

В письмах солдаты часто не выражали антимонархических и иных оппозиционных настроений, так как знали, что все они проходят выборочную цензуру. После возвращения домой крестьяне позволяли себе нелестно выразиться в адрес царя и войны [1, с. 80].

Подводя итоги, можно сказать, что в начале Первой мировой войны в России не было той массовой патриотической эйфории и всесословного единения, которые наблюдались на Западе. Интеллигенция, как и студенты, разделились на два противоположных во взглядах лагеря. Женщины не были готовы к полному переключению труда в их руки. Рабочие, хоть и прекратили массово выступать, но все равно сохранили свои протестные настроения. А крестьяне, повинувшись, шли на фронт с отсутствием объединяющего патриотического подъема, о котором так рьяно говорили в газетах.

Список литературы

1. Аксенов В. Б. Слухи, Образы, Эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914–1918). — М.: Новое литературное обозрение, 2020.
2. Арамилев, В. В. В дыму войны: Записки вольноопределяющегося (1914–1917 гг.) // М., 1930.
3. Бочкарева, М. Л. Яшка: Моя жизнь крестьянки, офицера и изгнанницы: В записи Исаака Дон Левина / Мария Бочкарева. — М.: Воениздат, 2001. — 444 с.
4. Вечернее время. — 1914. — 2 октября.
5. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 992. Л. 1104. Цит. по: Аксенов, В. Б. Слухи, Образы, Эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914–1918). — М.: Новое литературное обозрение, 2020. — С. 118.
6. Головин Н. Н. Военные усилия России в Первой мировой войне. // Военная мысль в изгнании. Российский военный сборник. — М.: Военный университет, Русский путь, 1999. — Вып. 16.71–114 с.
7. Головин Н. Н. Из истории кампании 1914 года на Русском фронте. [В 3 кн.] Кн. 1, т. 2. Начало войны и операции в Восточной Пруссии. — М.: АЙРИС-пресс, 2014.
8. Головин Н. Н. Россия в Первой мировой войне. — М.: Вече, 2021.
9. Государственный архив Орловской области. Ф. 580. Ст. 1. Д. 5962. Цит. по: Крайкин, В. В. Первая мировая война в сознании провинциальных обывателей (июль 1914 — сентябрь 1915 гг., по материалам Орловской губернии) // Вестник СамГУ. — 2009. — № 3 (69). — 73–78 с.
10. Данилов Ю. Н. Россия в мировой войне, 1914–1915 гг. // Берлин: Слово, 1924. — 396 с.
11. Игнатьев, А. А. Пятьдесят лет в строю. В 2-х томах. Т. 1. Книги 1–3. — М.: Правда, 1989.
12. Колоницкий, Б. И. К изучению механизмов десакрализации монархии (слухи и «политическая порнография» в годы Первой мировой войны) // Историк и революция. СПб., 1999.
13. Кузнецова В. В. Патриотические настроения населения 1914–1915 гг. // Молодой ученый. — 2018. — № 31 (217).
14. Леонтьева Т. Г. «Победа зависит не от количества штыков и снарядов»: настроения тверской провинции в 1914–1917 годы // Вестник ТвГУ. — Серия «История». — 2014. — N 1.
15. Мировая война в цифрах / Коммунистическая акад. Ин-т мирового хоз-ва и мировой политики // М.; Л.: ОГИЗ; Гос. воен. изд-во, 1934. — 127 с.

16. Морисси С. Между патриотизмом и радикализмом: петроградские студенты в годы первой мировой войны // Россия и Первая мировая война (материалы международного научного colloquium). СПб., 1999. — С. 288–303.
17. Петербургский листок. — 1914. — 26 июля.
18. Пирейко А.М. В тылу и на фронте империалистической войны: воспоминания рядового. Отд. ЦК ВКП(б) по изучению истории Окт. революции и ВКП(б) // Л.: Прибой, 1926.
19. Рабочее движение и Первая мировая война (о книге «Забастовки, социальный конфликт и Первая мировая война. Международный аспект») // Отечественная история. — 1994. — № 2.
20. Революционное движение в Нижнем Новгороде и Нижегородской губернии. (1907 — февраль 1917 гг.) [Текст]: [Сборник документов] / Под ред. [и с введ.] проф. В.П. Фадеева; Арх. отд. исполкома Горьк. обл. Совета депутатов трудящихся. Гос. архив Горьк. обл. // Горький: Волго-Вят. кн. изд-во, 1971. — 344 с.
21. Сенявская Е.С. Человек на войне: опыт историко-психологической характеристики российского комбатанта // Отечественная история. — 1995. — № 3.
22. Сухова О.А. Мобилизационные кампании периода Первой мировой войны в восприятии и поведении российского крестьянства: итоги и перспективы изучения проблемы // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. — 2014. — № 1 (29).
23. Сухомлинов В.А. Воспоминания. — М.: Русское универсальное издательство, 1924.
24. Тютюкин С.В. Первая мировая война и революционный процесс в России (Роль национально-патриотического фактора) // Первая мировая война. Пролог XX века. — М.: Наука, 1998. — 697 с.
25. Успенский А.А. На войне. В плену: Воспоминания // СПб., 2015.
26. Федорченко С. Народ на войне. — СПб.: Издательская группа «Лениздат», «Команда А», 2014. — 448 с.
27. Фурманов Д. Дневники (1910–1921). Собр. Соч. // М., 1961. — Т. 4.
28. Шляпников А.Г. Канун семнадцатого года. Семнадцатый год: В 3 т. — Т. 1: Канун семнадцатого года // М., 1992.

Abstract

This article examines the moods of various classes of the population at the time of the outbreak of the First World War. The main problem lies in the fact of the existence of mass patriotic euphoria of all segments of the population in July-August 1914. This question is not questioned by many historians, while it remains controversial. The purpose of this study is to identify differences in the moods of different strata of society, to draw attention to the problem of mass Russian sentiments in 1914, as well as to draw attention to the problem of mass Russian sentiments in 1914. The tasks are the analysis of sources of various classes and estates and comparison with similar sources, the authors of which belong to a single stratum of society. This issue was considered by Vladislav Banovich Aksenov in his work «Rumors, images, emotions». Olga Alexandrovna Sukhova's article was also informative. «Mobilization campaigns of the period of the First World War in the perception and behavior of the Russian peasantry: the results and prospects of studying the problem,» but, in general, this problem has been unreasonably ignored by historians.

Key words: World War I, mass sentiments, mobilization

Информация об авторе: Каркач Максим Владимирович, студент 2 курса бакалавриата, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, thehourjust@gmail.com

СПОДВИЖНИКИ И. С. КОЛЕСНИКОВА ВО ВРЕМЯ КРЕСТЬЯНСКОГО ВОССТАНИЯ 1920–1921 ГГ. И ПОСЛЕ ЕГО ПОДАВЛЕНИЯ

Подлеснов Владимир Ильич

Тамбовский государственный технический университет, Тамбов

Аннотация

Статья посвящена личностям ближайших сподвижников руководителя антибольшевистского восстания воронежских крестьян Ивана Сергеевича Колесникова, их роли в повстанческом движении. На материалах ранее не опубликованных документов рассматриваются биографии повстанческих лидеров, модели поведения после разгрома основных сил колесниковцев, а также дальнейшие судьбы после окончания Гражданской войны.

Ключевые слова: *крестьянство, повстанчество, биографии, Гражданская война, колесниковщина, антоновщина, революция.*

Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения личностей крестьянских лидеров среднего звена, причин их участия в повстанческом движении. Своевременность обращения к вопросу крестьянского повстанчества продиктована необходимостью научного осмысления роли и значения «третьей» силы в Гражданской войне к столетию ее завершения

Научная новизна исследования выражается во введении в научный оборот ранее не опубликованных материалов, выявленных выдающимся исследователем Гражданской войны В. В. Самошкиным в архиве УФСБ Воронежской области. После ухода из жизни историка, его записки были переданы в Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области (ГАСПИТО), где хранятся в фонде Р-9683 (личный фонд В. В. Самошкина). Также в статье впервые проанализированы биографии командного состава Повстанческой армии Колесникова и основные модели их поведения после разгрома восстания.

В 1920–1921 гг. на территории бывшей Российской империи происходили многочисленные крестьянские восстания, направленные против проводимой большевиками политики военного коммунизма и продовольственной разверстки. Одним из таких восстаний стала разгоревшаяся в ноябре 1920 г. «Колесниковщина» (по фамилии руководителя восстания, Ивана Сергеевича Колесникова). По мнению к. и. н. Д. А. Борисова, особенностями данного крестьянского выступления было отсутствие политической окраски, направленность на борьбу не за какую-либо идею, но за восстановление справедливости, против злоупотреблений и насилия со стороны продотрядов и представителей новой власти. Знаменем колесниковцев был красный революционный флаг, а их основными лозунгами стали «За Советы без коммунистов» и «Да здравствует Солнце Правды!» [1, с. 23]. Необходимо отметить, что «Солнце Правды» является не просто абстрактным символом, это — одно из имен Иисуса Христа, упоминаемых в Библии [Мал. 4:1–3] и православных богослужениях.

Большинство лидеров восстания имело боевой опыт во время Первой мировой и Гражданской войн. Так, один из организаторов восстания, уроженец Старой Калитвы Марко Гончаренко (1896 г. р), с 1917 по 1918 г. служил в Красной армии. Крестьянин-бедняк, до войны он занимался хлебопашеством. В августе 1920 г. в селе им совместно с другими жителем села, Григорием Колесниковым, был собран отряд для противодействия насилию со стороны продотрядов. Причиной своего участия в восстании Гончаренко указал «неправильные действия со стороны агентов во время сбора продразверстки». «Был собран сход, на котором продовольственный агент

потребовал объяснить, почему до сих пор не была собрана разверстка, собравшиеся ответили, что такую разверстку выполнить не можем, и так голодаем. На что агент ответил: «Голод начнетcя тогда, когда мать будет кушать своего ребенка, а сейчас у вас нет голода. Я — сын барона, вы в имении моего отца все растащили, даже карнизы, и я оставлю у вас одни стены». Затем продотрядовцы начали реквизицию зерна, во время которой был застрелен оказавший им сопротивление крестьянин. После этого собравшиеся жители села разоружили сопровождавших продовольственных агентов красноармейцев, один из агентов был убит Марко Гончаренко (по его словам, он знал этого агента до революции как конокрада), а второй, назвавшийся сыном барона, смог сбежать [2, с. 36].

После этого в селе был собран сход, на котором был избран военный совет, состоявший из зажиточного крестьянина Тимофея Кунакова, Ивана Сиверского, Андрея Колесникова. и бывшего председателя Старо-Калитвенского волсовета Горемыко. Задачей военного совета были хозяйственные вопросы. Руководителем восстания избрали Ивана Колесникова, участника Первой мировой войны, бывшего командира 3-го батальона 357-го стрелкового полка Красной армии. Марко Гончаренко стал командиром пулеметной роты [2, с. 40].

Занимали командные должности в Красной армии и другие выдающиеся лидеры повстанцев — братья Варравы. Старший из братьев, Петр, был начальником эскадрона 3 кавполка 40 Богучарской дивизии, Емельян — начальником пулеметной команды, а Егор — командиром взвода. В мае 1920 Петр Варрава был осужден Ревтрибуналом к 5 годам тюрьмы [3, с. 24], а два других брата взяты заложниками. После побега из тюрьмы они организовали повстанческую группу, действовавшую в Богучарском уезде. В ноябре 1920 г. группа Варрав объединилась с силами Колесникова для совместных действий против большевиков [2, с. 80].

Схожая биография и у другого сподвижника Колесникова — командира одного из повстанческих полков Ивана Михайловича Нутрякова. Крестьянин Старой Калитвы, 1896 г. р., он был призван в армию во время Первой мировой и дослужился до унтер-офицера. В 1918 был зачислен в Красную армию, служил в Острогжске в 41-пехотном полку. В октябре 1921 г., по его словам, был отправлен в отпуск на 7 суток и приехал в Старую Калитву, которая на тот момент уже была охвачена восстанием, и там был мобилизован в ряды повстанцев. По словам самого Нутрякова, во время похода на территорию Тамбовской губернии часть повстанцев под руководством братьев Варрав хотела повернуть назад, но Иван Колесников вернул их, а одного из командиров полков расстрелял, назначив на его место Нутрякова, несмотря на его возражения. В некоторых архивных документах и основанных на них исследованиях [1, с. 55] Иван Нутряков называется начальником колесниковского штаба, однако он сам это отрицал, называя начальником штаба своего однофамильца Павла Романовича Нутрякова, убитого 11 февраля у слободы Карпенко. После этого новым начальником штаба стал Федор Андреевич Титов [2, с. 60].

Вливались в ряды колесниковцев и бывшие советские служащие. Так, видным повстанческим командиром стал военный комиссар Шуриновской [2, с. 81] (по другим данным Красноженовской) [4, с. 90] волости Демьян Стрешнев, вскоре ставший ближайшим помощником Колесникова.

Главным агитатором Колесникова был георгиевский кавалер Иван Григорьевич Безручко, по данным ЧК — убежденный эсер, командовавший политотделом. Он лично объезжал села и хутора для агитации среди крестьян, организовывал рассылку письменных обращений [2, с. 54]. Кроме агитации и вербовки в повстанцы дезертиров, Безручко также командовал 3 полком колесниковской армии, принимал участие в боевых столкновениях с красными [5, с. 22].

Было знакомо колесниковцам и имя Н. И. Махно. Так, в 1920 г. братья Мельниковы вырезали продовольственный отряд, где оставили записку «был Махно». Один из братьев стал командиром повстанческого полка, второй командовал эскадроном, а третий, Иван Ипполитович Мельников по прозвищу «Опалетов», муж сестры Колесникова, возглавлял охрану командира [2, с. 21]. Считал Колесникова человеком близким к Махно и один из руководителей Тамбовского восстания,

Григорий Наумович Плужников, назвавший соединение сил Антонова и «представителя Махно» Колесникова «историческим переломом» [6, с. 11].

На Тамбовщине Колесников возглавил Первую Повстанческую армию, состоявшую из 10 полков, однако после нескольких поражений, он принял решение вести свою армию в Воронежскую губернию. Это вызвало раскол между тамбовскими и воронежскими повстанцами, большая часть тамбовцев во главе с Иваном Кузнецовым осталось, а Колесников со своим отрядом возвращается на юг Воронежской губернии [5, с. 130].

В момент возвращения в Воронежскую губернию отряд Колесникова состоял из двух полков, в каждом из которых было по два эскадрона конных численностью около 70 человек каждый. Имелась хозяйственная часть, заведовал которой Андрей Никанорович Колесников, родной дядя командира. При санитарной части состояли фельдшер и 3 сестры милосердия. Вскоре дивизия начала активно пополняться за счет не ушедших на Тамбовщину повстанцев и крестьян, недовольных политикой Советской власти и не почувствовавших облегчения от замены продразверстки продналогом. Предгубчека Воронежской губернии Дмитрием Яковлевичем Кандыбиным было дано поручение начать операцию по ликвидации Колесникова. Уполномоченный Павловского Политбюро Самойлов и сотрудник Иван Чаплыгин отправили для работы среди повстанцев бандперебежчика Ивана Денисова, целью которого было либо ликвидировать Колесникова лично, либо поставить эту задачу ранее судимому за грабежи знакомому Чаплыгина, характеризующемуся как «надежный бандит» Ивану Маньшину, которому обещали избавление от наказания за бандитизм в обмен на исполнение особых поручений.

Иван Маньшин — житель станицы Гнилуша Верхне-Гнилушинской волости Павловского уезда, 1898 г. р., неграмотный, в 1920 г. был осужден за разграбление имущества на 5 лет. Из Красной армии дезертировал. С двумя другими лицами занимался грабежами под видом красноармейцев. Бежал из Бобровской тюрьмы во время выполнения работ за ее пределами, вскоре был опять арестован и отправлен в концлагерь Лосево, освобожден Колесниковым вместе с другими заключенными.

28 апреля во время боя у слободы Криничной, Маньшин и его сообщник Иван Красненко несколько раз выстрелили Колесникову в спину, одна из пуль попала в левый бок, пройдя насквозь, что и привело к гибели командира. Колесников был похоронен на хуторе Вязоватом своим дядей, а руководство группой принял Демьян Стрешнев. Красненко вскоре погиб, Маньшин же состоял в группе Стрешнева вплоть до ее разгрома, после прибил к группе Курочкина и через некоторое время добровольно сдался. Несмотря на ходатайства Чаплыгина, был осужден на 5 лет лагерей, наказание отбывал в Ново-Спасском исправдоме [1, с. 53–56].

После гибели Колесникова его отряд продолжил борьбу с коммунистами, их действия затрагивают Бобровский, Новохоперский, Богучарский, Острогжский, Павловский и частично Валуйский уезды. Повстанцы нападают на советские предприятия и хозяйства, в первую очередь разбивая ссыпные пункты, раздавая зерно населению [1, с. 91]. Д. В. Борисов приводит уездно-хозяйственную отчетность, согласно которой на 25 мая 1921 года по шести ссыпным пунктам было разграблено 8369 пудов овса, 6202 пудов подсолнечника, 3108 пудов проса, 1234 пудов пшеницы, 1907 пудов пшени и т. д., всего — 40 232 пуда различных продуктов [7, с. 333].

В ответ на действия повстанцев Воронежская ЧК выпускает «Ультимативный приказ участниками бандитских шаек», во многом совпадающий с печально известным «Приказом 171 полномочной комиссии ВЦИК», действовавшим в Тамбовской губернии.

Ультимативный приказ гласил: 1) К задержанным бандитам применять самые суровые меры, вплоть до расстрела; добровольно явившимся бандитам гарантировать жизнь и уменьшать меру наказания. 2) Семьи уклонившихся от явки бандитов забрать как заложников и на имущество наложить арест; семьи содержатся две недели в концентрационном лагере. 3) Всех, кто оказывает содействие бандитам, расстреливать на месте. 4) В селах и деревнях, в которых население скрывает оружие, брать заложников и расстреливать таковых, если население не сдаст оружие в течение

ние 8 часов. 5) Семью, укрывшую в своем доме бандита, считать бандитской и высылать на север, старшего работника расстреливать на месте без суда, имущество конфисковывать. 6) Граждан, отказывающихся назвать свою фамилию или называющих себя вымышленными фамилиями именами, — расстреливать на месте» [8, с. 49].

Принятые меры вкупе с объявлением добровольной явки и усилением войск Красной армии наносят ощутимый ущерб повстанцам, однако не прекращают их деятельность полностью. В данный период повстанческие лидеры выбирают один из нескольких путей дальнейших действий.

Первой моделью поведения было продолжение вооруженной борьбы против коммунистической власти. Повстанцы разделились на группы, объединяющиеся для совместных действий, проводят координационные съезды. Укрытиями для них служат крупные лесные массивы, такие как Теллермановский или Шипов лес. Для борьбы с подобными группами был создан особый чекистский отряд, выдающий себя за повстанцев с целью выманить и уничтожить колесниковцев. Возглавил этот отряд прибывший в Воронеж командир Северо-Кавказской группы по борьбе с бандитизмом Иван Петрович Шматко, взявший псевдоним «Батька Воронов». Другими значимыми участниками группы были Предгубчека Кандыбин («Большой»), начальник отдела по борьбе с бандитизмом Любушкин («Солнце»), начальник штаба отряда Дегтярев («Каменев») [2, с. 87].

По данным, представленным в Президиум ВЧК, с 15 апреля по 20 августа 1922 г. действиями чекистов было разложено и уничтожено до основания 13 повстанческих групп, среди которых называются группы Стрешнева, братьев Варрав, Безручко, Змеева, Серобабы и других, всего 12 «банд», 32 лидера и около 12000 человек [2, с. 84].

В качестве примера таких операций можно привести ликвидацию крупной группы Курочкина, которая пришла в с. Ливенки Павловского уезда для соединения с «Батькой Вороновым», попала в засаду и была уничтожена. Тяжело раненый Курочкин умер через несколько дней, а последние бойцы его отряда (около 100 человек) были разбиты ЧОН под командованием А. Ф. Ключкина у Дона [2, с. 81].

Одной из последних повстанческих групп была группа Фомина, в октября 1921 г. действовавшая под лозунгом «Долой продналог и коммунистов» [9, с. 120]. Остатки данной группы ушли из Воронежской губернии в Донскую область, где были разбиты группой Шматко под хутором Каменка [2, с. 80].

Подводя итоги успешным операциям, Кандыбин писал: «Выходя с успехом из-под ударов войсковых частей, бандиты не могли уйти от губительной работы ЧК» [2, с. 86].

Избравшие иную модель поведения командиры скрывались с небольшими группами возле родных сел, как Марко Гончаренко, захваченный в августе 1921 г. неподалеку от Старой Калитвы с несколькими товарищами. Постановлением Воронежской губчека от 27.08.1921 он был приговорен к смертной казни и 04.10.1921 расстрелян в Бутырской тюрьме. В 1991 г. реабилитирован [2, с. 35].

Некоторые лидеры, например, колесниковский командир Полка Петр Петрович Пархоменко, выбрали сдачу со своим отрядом по добровольной явке. Судьбы таких командиров складывались по-разному, однако сам Пархоменко осужден не был и попал под репрессии только в 1928 г. во время дела «федоровцев». Тогда же по обвинению в участии в антисоветской религиозной секте было привлечено к суду 43 жителей Старой Калитвы и близлежащих сел, в основном, зажиточные крестьяне либо бывшие колесниковцы. 16 из них было расстреляно, остальные приговорены к различным срокам заключения [2, с. 75].

Многие видные колесниковцы после гибели руководителя либо после полного разгрома сил восставших смогли покинуть Воронежскую губернию и уехать в другие области, однако были схвачены и осуждены, или решив, что опасность миновала, в середине 20-х годов вернулись в родные места и вскоре попали под репрессии. Так, Иван Нутряков уехал на Кубань и скрывался там до декабря 1921 г., был вычислен чекистами по отправленному домой письму. Арестован в станции Брюховецкой, доставлен в Воронеж и приговорен к расстрелу, однако «принимая во вни-

мание чистосердечное признание во всем и склонность к исправлению», мера наказания была заменена на 5 лет заключения в концлагерь [2, с. 52]. Дальнейшая судьба Нутрякова неизвестна.

Также неизвестна дальнейшая судьба Андрея Никаноровича Колесникова, который был выслан из губернии как организатор банды в конце 1921 г. Его родной брат Петр Никанорович, до 1929 г. имевший 2 лошадей и 12 десятин земли, во время коллективизации был раскулачен. В 1937 г. по обвинению в антисоветской агитации был осужден и 26.11.1937 расстрелян [2, с. 77].

Братья Ивана Мельникова были схвачены и расстреляны в 1921 г., сам же он смог покинуть губернию, вернулся в Старую Калитву только в 1926 г. В 1937 г. был задержан за агитацию против колхозов, в которой сознался и террористические намерения, которых не признал. 20.01.1938 Особой тройкой был приговорен к высшей мере наказания, 15.02.1938 приговор был приведен в исполнение. 20.06.1989 г. реабилитирован посмертно [2, с. 22].

Таким образом, командиры среднего звена Повстанческой армии Ивана Колесникова в большинстве своем имели военный опыт, многие служили в Красной армии. Были среди них и советские служащие, разочаровавшиеся в политике РКП(б). Причиной участия в повстанческом движении они называли злоупотребления со стороны продовольственных отрядов, антикрестьянскую политику коммунистов. Среди командного состава было велико количество уроженцев Старой Калитвы — «столицы» восставших, часть из них была родственниками Колесникова. После разгрома основных сил восставших командиры либо продолжили борьбу и вследствие чекистских операций были убиты, либо скрывались, вернувшись в родные места только спустя несколько лет после восстания. Однако, вернувшиеся либо сдавшиеся и помилованные в 1921 г. командиры все равно подверглись репрессиям в конце 20-х либо 1937–1938 гг., когда произошло очередное ужесточение политики коммунистической власти в отношении крестьянства.

Список литературы

1. Борисов Д. А. Колесниковщина. Антикommунистическое восстание воронежского крестьянства в 1920–1921 гг. // М: Посев, 2012. — 164 с.
2. Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области, Ф. Р-9683, Оп. 1, Д. 65.
3. Российский Государственный Военный Архив, Ф. 1398, Оп 1 Д. 40.
4. Государственный Архив Воронежской Области Ф. Р-539. Оп. 1. Д. 3.
5. Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области, Ф. 5. Оп. 1. Д. 777.
6. ГАСПИТО, Ф. 840, Оп. 1, Д. 1110.
7. Самошкин В. В. Хроника Антоновского восстания // Борисоглебск: Кристина и К, 2003. — 208 с.
8. ГАВО, Ф. Р-602. Оп. 2. Д. 73.
9. ГАСПИТО, Ф. Р-9683, Оп. 1, Д. 97

Abstract

The article is devoted to the personalities of the closest associates of the leader of the anti-Bolshevik uprising of the Voronezh peasants Ivan Sergeevich Kolesnikov, their role in the insurrectionary movement. On the materials of previously unpublished documents, biographies of rebel leaders, behavior patterns after the defeat of the main forces of the Kolesnikovites, as well as further destinies after the end of the Civil War are considered.

Keywords: *peasantry, rebellion, biographies, Civil War, Kolesnikovshchina, Antonovshchina, revolution.*

Информация об авторе: Подлеснов Владимир Ильич, аспирант, Тамбовский Государственный Технический Университет, Тамбов, wlscl990@gmail.com

НЕСТОР МАХНО КАК ЛИДЕР САМОБЫТНОГО КРЕСТЬЯНСКОГО ПОВСТАНЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Комаров Даниил Олегович

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, Саратов

Аннотация

В статье предпринята попытка демонстрации анархистских идейных оснований Махновского движения. При этом обговариваются причины, позволяющие назвать участников данного движения, и в частности его руководителя, Нестора Ивановича Махно, лишь широкими интерпретаторами некоторых постулатов русского анархизма, которые соответствовали чаяниям крестьянства, на контролируемой махновцами территории.

Ключевые слова: Махновское движение, русский анархизм, крестьянство, идейные основания.

Нестор Иванович Махно на протяжении всей своей военной и политической карьеры считал себя представителем самобытного отечественного анархо-коммунистического течения, создателями которого являются представители классического периода русского анархизма — М.А. Бакунин и П.А. Кропоткин. Поэтому для наиболее обстоятельного изучения поднимаемой в статье проблематики, необходимо в первую очередь сначала изучить концепции данных теоретиков.

По хронологии сначала следует начать с описания концепции М.А. Бакунина. Современный философ Е.М. Амелина отмечает: «М.А. Бакунин видел особые пути развития России в возможности социалистического преобразования посредством народной революции на основе крестьянского общинного уклада» [1, с. 25]. Бакунин предлагал коллективизировать средства производства и изменить систему оплаты труда. Она предполагала получение оплаты за труд в зависимости от времени, что человек отработал.

Также большое внимание М.А. Бакунин уделял вопросу частной собственности. Он относил ее к признакам низшей ступени развития человечества, как и государство. Бакунин утверждает, что с помощью частной собственности государство манипулирует своим народом, таким образом не позволяя ему развиваться. Создаются условия, при которых человек не стремится к благу общему, а только лишь к собственному, для него остальные люди становятся препятствиями на пути к достижению его собственных целей. Вскоре, по его мнению, настанет момент, когда общество в силу своего прогресса, который не способно сдержать даже государство, сможет преодолеть частную собственность и перейти на его более высокую стадию, коллективную, что вполне укладывается в тот метаязык, через который Нестор Махно транслировал свои идеи.

П.А. Кропоткин вторил своему современнику, при этом продолжая углублять и развивать концепцию анархо-коммунизма. Согласно ему, главным катализатором развития общества является вовсе не борьба, а естественный закон взаимной помощи. Об этом он пишет в своей книге «Взаимная помощь как фактор эволюции». В доказательство он приводит примеры, касающиеся животных и насекомых: «Если мы возьмем муравейник, то мы не только увидим, что всякого рода работа — воспитание потомства, фуражировка, постройка, воспитание куколок, выкармливание тлей и т.п. — выполняется согласно принципам добровольной взаимной помощи; но, вместе с Форелем, мы должны будем также признать, что главной, основной чертой жизни многих видов муравьев является тот факт, что каждый муравей делится и обязан делиться своей пищей, уже проглоченной и отчасти переваренной, с каждым членом общины, предъявляющим на нее требование» [2, с. 24]. П.А. Кропоткин пишет, что они в большинстве своем, живут сообщества-

ми, что позволяет им бороться сообща против неблагоприятных условий. Он не отрицает борьбу за существование, но подчеркивает, что она идет между различными видами, взаимопомощь же работает лишь среди особей подобных друг другу, это относится и к человеку.

По его мнению, человеческий вид способен организовать свою жизнь согласно принципу солидарности, который присутствует в человеке с самого рождения. Однако, его постоянно пытаются искусственно изменить различные авторитарные институты, а государство является наиболее вредным из них.

Именно с этих позиций П. А. Кропоткин начинает строить свое учение о новом общественном строе. Построение нового общества, как и у М. А. Бакунина начинается с социальной революции, ее главной целью должно быть обеспечение условий для полного перехода общества от прежнего государства к анархическому коммунизму. Революция для П. А. Кропоткина является социальным фоном. Как отмечает в своей статье российский философ А. Д. Сухов: «Уделяя революции преимущественное внимание, он не считал, конечно, что она — единственная форма социального движения. Ее органически дополняет эволюция. Революция указывает направление последующей эволюции, которая, в свою очередь, развивает дальше то, что задано революцией. Это эволюционное развитие происходит до тех пор, пока новая революция не положит начало следующей эпохе общественного движения» [3, с. 37]. Из цели, упомянутой выше, вытекают две задачи. Согласно первой необходимо уничтожить все учреждения и государственные институты. После уничтожения следует созидание. Революция интересует П. А. Кропоткина не только как народное движение, разрушившее старый порядок, но прежде всего как движение созидательное. На этой стадии происходит внедрение анархо-коммунизма в жизнь общества. Вторая стадия является самой сложной и трудоемкой. Из-за этого его очень беспокоило настроения некоторых масс, в которых к несчастью почему-то принято смотреть на революцию как на великий праздник, во время которого все устроится само по себе.

В основе анархо-коммунистического общества должна лежать федерация независимых общин. Кропоткина беспокоило безболезненное встраивание в социальную общность отдельно взятого человека. Он хотел, чтобы отдельно взятый человек, находясь в коммуне, не жертвовал своими интересами, не растворялся в ней. Его главной задачей было показать человеку, что его интересы могут совпадать с потребностями общины, в которой он будет существовать. Почему же П. А. Кропоткин краеугольным камнем своей концепции сделал именно федеративные общины? Ответ довольно прост: по его мнению, именно федерация общин должна была дать возможность людям, благодаря собственной инициативе организовать свою жизнь исходя лишь из своих потребностей, не оглядываясь на волю «центра».

В этих общинах должен будет господствовать обязательный для всех труд, общими станут не только средства производства, но и продукты труда.

Описанные выше идеи являются далеко не полными частями концепций классиков русского анархизма, однако именно их пытался транслировать на подконтрольное ему население Н. И. Махно. Причину этого легко понять, они в первую очередь предлагали пути решения проблем важных для рядового крестьянина, который составлял на тот момент большую часть населения территории, контролировавшейся Махновской Повстанческой армией.

Кроме того, Н. И. Махно прямо нарушал один из основных принципов анархо-коммунизма, провозглашавшего равенство участников общины, то есть лишение данного объединения хоть какой-либо формы иерархии. Проявилось это нарушение в том, что он стал фактическим руководителем движения со своими подчиненными, которые должны были беспрекословно выполнять его указания без всевозможной самостоятельности. Яркой иллюстрацией данного противоречия является его конфликт с известной анархисткой Марусей Никифоровой, которая, не предупредив Н. И. Махно, пыталась распорядиться деньгами его армии. В ответ на эти действия он лично угрожал ей оружием, а после распорядился прогнать ее отряд [4, с. 60].

Другой иллюстрацией того, что Н. И. Махно пренебрегал анархистскими принципами, является объявление им, пусть и по итогам общего съезда в селе Сентове, летом 1919 года, обязательной всеобщей мобилизации мужского населения.

Это решение было вызвано необходимостью борьбы с частями ВСЮР, которые в тот момент наступали на Москву, через территории, что контролировал Н. И. Махно. Своим постановлением он совершил акт принуждения, лишил отдельно взятую личность права выбора, что полностью противоречит концепции свободного общества не только анархо-коммунизма, но и всех других направлений анархистского учения.

Таким образом, он отвернул от себя многих русских анархистов, которые еще больше стали относиться к нему и к его движению с подозрением, а его последующее восстановление отношений с советской властью только усугубило данный процесс.

Даже его сподвижники, к которым, несомненно, относился П. А. Аршинов впоследствии, уже в эмиграции считали движение контрреволюционным. Он писал: «Даже такое здоровое вначале партизанское движение, как революционное повстанчество на Украине, под влиянием анархистов переродилось в известной своей части в трагикомический фарс махновщины. Больше того, поскольку анархисты пытались превратить это движение в оппозицию Советской власти, в плацдармы для своих экспериментов, оно становилось контрреволюционным, подрывающим мощь русской революции, кулацким, резко собственническим по своему социально-классовому существу и своему общественному значению» [5, с. 528].

В итоге становится совершенно понятным, что Н. И. Махно довольно широко интерпретировал принципы, на которых базировалась отечественная анархическая мысль. Причиной этого было его происхождение, а также специфика электората на территории рядом с родным Гуляйполем. Его эклектический эксперимент принес определенные плоды и позволил ненадолго создать территориальное образование, отдаленно напоминающее проекты теоретиков русского анархизма.

Список литературы

1. Амелина Е. М. Философские и социально-исторические взгляды М. А. Бакунина // Философские науки. — 2013. — № 4. — С. 20–32
2. Кропоткин П. А. Взаимная помощь среди животных и людей как двигатель прогресса. Пер. с англ. В. П. Батурина под ред. П. А. Кропоткина. — М.: Голос труда, 1922. — 342 с.
3. Сухов А. Д. П. А. Кропоткин как философ. — М.: ИФ РАН, 2007. — 141 с.
4. Кондрашин В. В. Н. И. Махно и махновское движение на Украине: мифы и факты // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. — 2011. — № 1 (3). — С. 56–62
5. Анархисты. Документы и материалы. 1883–1935 гг.: в 2 кн. Кн. 2. 1917–1935 гг. — М.: РОСС-ПЭН, 1999. — 704 с.

Abstract

The article attempts to demonstrate the anarchist ideological foundations of the Makhnovist movement. At the same time, reasons are discussed that allow calling the participants in this movement, and in particular its leader, Nestor Ivanovich Makhno, only interpreters of the main postulates of Russian anarchism, which corresponded to the aspirations of the peasantry in the territory they control.

Key words: *Makhnovist movement, Russian anarchism, peasantry, ideological foundations.*

Информация об авторе: Комаров Даниил Олегович, магистр 2 курса, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Саратов, daniil-komarov-99-98@mail.ru

Раздел IV
ЧЕЛОВЕК НА ВОЙНЕ

КИМ ИР СЕН И АНТИЯПОНСКИЕ ИНСУРГЕНТЫ В МАНЬЧЖУРИИ 1937–1941 гг.

Гайкин Виктор Алексевич

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток

Аннотация

Одним из известных партизанских командиров в Юго-Восточной Маньчжурии во время японской агрессии против Китая (1937–1945 гг.) был молодой кореец Ким Сон чжу, взявший псевдоним Ким Ир сен. Отряд, которым командовал Ким Ир сен в лучшие годы насчитывал около 500 бойцов, что несколько не умаляет героической герильи корейских партизан. В данной статье приводится тематический обзор японских полицейских изданий синхронных описываемым событиям, не введенных в научный оборот в России и за рубежом, подтверждающих реальную антияпонскую войну будущего лидера КНДР

Ключевые слова: *Ким Ир сен, антияпонская герилья, Маньчжурия, Общество возрождения отечества, корейские инсургенты*

Общепринятая версия о начале 1 сентября 1939 г. Второй мировой войны — это отражение европоцентристского взгляда на историю и мировую политику, согласно которому Европа является геополитической доминантой, «первой скрипкой» мирообщества. Если сменить «ракурс», то можно предположить, что глобальный конфликт начался с масштабных боевых действий на Дальнем Востоке — вторжения в Китай японской армии в июле 1937 г., которому предшествовало подписание 25 ноября 1936 г. в Берлине между Германией и Японией антикоминтерновского пакта, оформившего под флагом борьбы против Коминтерна блок этих государств для завоевания мирового господства.

В вооруженную конфронтацию на азиатско-тихоокеанском театре военных действий уже на первом этапе были вовлечены государства (Китай, Япония, Корея) с населением 700 млн человек. Общие потери Китая в процессе сопротивления японской агрессии в 1937–1945 гг. составили 20 млн человек. Одним из ярких и действительно героических страниц антияпонского сопротивления была вооруженная борьба в районах Маньчжурии, граничащих с Кореей. Главными «действующими лицами» здесь были корейские партизаны поскольку это была территория с преимущественно корейским населением (1 млн чел. на 1937 г.), которое и стало человеческим ресурсом антияпонской борьбы в этом регионе Маньчжурии, а также продовольственной базой сопротивления. Одним из известных партизанских командиров в этом районе был кореец Ким Сон чжу, взявший псевдоним Ким Ир сен. Он официально именовался командиром 6-й дивизии Второй армии Первого фронта Объединенной антияпонской армии, руководимой китайскими коммунистами. На самом отделе отряд (дивизия), которым командовал Ким Ирсен в лучшие годы насчитывал около 500 бойцов. В данной статье приводится тематический обзор японских полицейских изданий, не введенных в научный оборот в России и за рубежом.

Основным районом действий отряда Ким Ир сена (численностью около 300 бойцов) были уезды Дунбяньдао (гористая местность на границе с Кореей) — Чанпай база отряда, Фусун, Аньту, Хэлуи, и др. [6, с. 410]. Здесь на склонах горы Байтоушань (корейское название Пектусан) были созданы партизанские базы. Кроме отряда Ким Ир сена, в Дунбяньдао действовали партизанские отряды Цао Я фана, Чэ Хена (впоследствии министр обороны КНДР), Ан Ку чена, Ван Тэ тая, Цао Ку ана, Ман Суна, Ван Фэн ко, У И чена [11, 1936 № 78–93, 1937, № 1–26]. Общая численность бойцов партизанских отрядов Дунбяньдао (большинство из которых были корейцами) составляла к сентябрю 1936 г., по японским оценкам, 5520 человек. Из них в отрядах компартии сражалось

2590 бойцов, отряды националистов насчитывали 1720 человек. Численность крестьянских отрядов и хунхузов составляла 1210 человек [12, с. 6].

В результате карательных операций, мер, направленных на изоляцию антияпонских отрядов, проведения антияпонской пропаганды среди населения численность партизан в Дунбяньдао уменьшилось к январю 1937 г. по сравнению с сентябрем 1936 г. более чем в два раза (до 2595 бойцов). Из них в отрядах под руководством компартии воевало 1340 человек, численность националистических группировок составила 395 человек (уменьшение в 4 раза), «беспартийные» крестьянские отряды и хунхузы насчитывали 860 человек [12, с. 65, 66].

Военные операции Ким Ир сена в Корее сделали его известной фигурой в антияпонском сопротивлении. Японский автор писал: «Я слышал от чиновников корейского генерал-губернаторства о корейских коммунистических бандитах Ким Ир сене, Цао Ку ане... Ким Ир сен является политкомиссаром армии № 2–5 ОАА» [5, с. 58].

В октябре 1936 г. в одном из уездов Дунбяньдао по инициативе Компартии Китая для вовлечения в антияпонское движение населения северной Кореи было создано корейское «Общество возрождения отечества». Из материалов допросов членов «Общества возрождения отечества», арестованных японской полицией, видно, что фактическим руководителем Общества и его основателем был Ким Ир сен [8, Т. 6, с. 586–648], хотя его подписи не было под «Декларацией Общества возрождения отечества», которую подписали трое других, известных в то время корейских лидеров антияпонской борьбы. Это подтверждают и авторы японского полицейского издания: «Осенью 1936 г. под непосредственным руководством командира 6-й дивизии Второго фронта ОАА Ким Ир сена... было создано «Корейское общество возрождения отечества» [7, с. 405].

Осенью 1937 г. японские жандармы, напав на след «Общества освобождения отечества», провели серию арестов в уезде Чанпай (Маньчжурия) и в пограничных с Китаем районах Кореи. На маньчжурском берегу р. Ялуцзян в ноябре-декабре было схвачено 700 патриотов. В Корее полиция арестовала 166 подпольщиков [8, т. 6, с. 7]. Среди схваченных были руководители корейских коммунистов. Трудно было и националистам. «Корейская революционная армия» (антияпонские отряды националистов) таяла под ударами карателей. Остатки Армии влились в отряд Ким Ир сена в 1938 г. В том же году сдались японцам командующий «Корейской революционной армией» Ким Хваль сок, начальник военного отдела Ким Ту хва [4, с. 77]. По японским данным, на декабрь 1938 г. в приграничных с Кореей районах маньчжурии продолжали борьбу 3400 партизан (коммунисты, националисты. Крестьянские (беспартийные) отряды). Из них в отрядах компартии сражались 2825 бойцов. По свидетельству японского полицейского издания, в этом районе «главные бандиты — Ян Цзинь юй и Ким Ир сен», уничтожение их — «важнейшая цель карательных операций» [13, с. 220]. В отряде Ким Ир сена насчитывалось около 500 человек [8, с. 225].

В 1940 г. в Дунбяньдао, районе дислокации 1-го фронта ОАА, сконцентрировавшего основные силы корейских партизан в Маньчжурии, действовали корейско-китайские отряды Ян Цзинюя (командующий 1-м фронтом), Пак Тык пома, Ли Чхам мо, Ким Ир сена, Цао Я фана, Чэнь Хань чжана, Вэй Чжен миня, Ан Сан кия, Чон Гвана, Хан Ин хва, Чэхена (Ян Цзинь юй убит в бою в феврале 1940 г., Пак Тык пом захвачен в плен в декабре 1940 г., Цао Я фан погиб в апреле 1940 г., Чэнь Хань чжан убит в декабре 1940 г., Вэй Чжен минь убит в марте 1941 г.) Ким Ир сен с остатками отряда перешел на территорию СССР в начале 1941 г.

В январе 1940 г. в Юго-Восточной Маньчжурии (восточная часть провинции Цзилинь, провинции Цзяньдао, Тунхуа), по данным японским военных сводок, партизаны провели 37 боев с карателями, в которых участвовало 4295 партизан [9]. В сентябре 1940 г. в Юго-Восточной Маньчжурии произошло 34 столкновения партизан с японскими частями, в которых участвовало только 385 человек [9].

В конце 1940 г. из 4–5 отрядов, действовавших на юго-востоке Маньчжурии, на первое место по значимости японцы ставили отряд Ким Ир сена. Однако реальной угрозы для японцев

ни отряд Ким Ир сена, ни другие отряды этой зоны в 1940 г. уже не представляли. Партизаны в 1940 г. были чаще всего обороняющейся стороной. Инициативой полностью владели каратели. Основная цель партизан была уже не борьба с японскими оккупантами, а выживание в невероятно трудных условиях. В летне-осенний период партизаны нападали на «коллективные деревни» или на небольшие отряды лесной полиции для пополнения запасов продовольствия, одежды. С наступлением зимы активность инсургентов резко снижалась. Патриоты несли большие потери в боях с преследовавшими их карателями и поэтому старались избегать кровопролитных столкновений с превосходящими силами противника.

К концу 1940 г. японцам удалось почти полностью подавить вооруженное сопротивление корейских партизан в Маньчжурии (как и китайских). Так общее количество инсургентов на юго-востоке Маньчжурии, принимавших участие в боях, сократилось в сентябре 1940 г. по сравнению с январем 1940 г. в 11 раз [9]. Действия армии и полиции сочетались с экономическими и политическими мерами, направленными на контроль за населением партизанских районов (создание «стратегических деревень»). Национальная политика японских властей в этнической иерархии Манчжоуго ставила корейцев на второе место после японцев, третье место занимали китайцы. Например, в провинции Ляонин средняя заработная плата рабочих-китайцев (каменщики, штукатуры, плотники, чернорабочие др.) составляла 74% заработной платы рабочих-корейцев (того же профиля). В провинции Цзилинь — 69% [1, с. 220, 221].

Осенью 1940 г. в Юго-Восточной Маньчжурии (основном районе действий корейских партизан) продолжало борьбу не более 400 патриотов (по всей маньчжурии — 1600 партизан) [7, с. 26]. Для сравнения: только полицейских-корейцев в Цзяньдао насчитывалось 4013 человек (по всей Маньчжурии — 6890 человек), членов отрядов самообороны-корейцев в Цзяньдао — 12376 человек (по всей Маньчжурии — 12875 человек) [3, с. 2, 8]. С октября 1939 г. по март 1941 г. в боях в Дунбяньдао погибло 1282 партизана, захвачено в плен 896, сдались 1040 инсургентов [14, с. 293].

По мнению многих исследователей, после 1940 г. вооруженное антияпонское сопротивление практически сошло на нет [16, с. 289, 290]. К 1941 г. в Маньчжурии, по японским оценкам, насчитывалось всего 510 партизан, из них 50% находилось в Северо-Восточной Объединенной антияпонской армии (под руководством компартии). В 1942 г. остатки ОАА перешли на территорию СССР. Небольшие отряды этого соединения (по 15–20 человек), в том числе корейцы внедрились в Маньчжурию в 1942–1945 гг. с диверсионно-разведывательными целями [13, с. 20].

(Комментарий: Коллективные (или стратегические) деревни, об атаке партизан на которые с целью захвата продовольствия упоминается, создавались японцами путем сселения в одно место жителей небольших корейских деревень. Целью этого мероприятия была изоляция населения от партизан, чтобы лишить их как возможности привлечения в сопротивление новых членов, так и оставить без источников снабжения продовольствием (впоследствии этот опыт был воспроизведен американцами во Вьетнаме — «стратегические деревни»). Отряды самообороны создавались из прояпонски настроенных корейцев. Число таковых увеличивалось по мере ослабления движения сопротивления, осознания крестьянами бесперспективности антияпонской борьбы. Тем не менее, надо сказать, что часто «бои» между партизанами и отрядами самообороны были лишь инсценировкой, призванной замаскировать добровольную продовольственную помощь населения партизанам.)

Список литературы

1. Дзайман тесэндзин гайке (Положение корейцев в Маньчжурии) // Чанчунь, 1936. — 208 с.
2. Кантосе гайсон гэнке (Положение городов и деревень провинции Цзяньдао) // Кантосе, 1937. — 365с.
3. Мансю кокунай бусо дантай тесахе (Вооруженные формирования в Маньчжурии) // Б. м., 1940. — 256 с.
4. Мансюкоку кэйсацу гайе (Обзор полиции Маньчжоуго) // Б. м. 1940. — 194 с.

5. *Нагаока титаро*. Кекуто но кэйкаку то миндзоку (Перспективы Дальнего Востока и народы) // Токио, 1938. — 270 с.
6. Сайкин ни окэру тесэн тиан дэке 1938 нэн (Общественный порядок в Корее в настоящее время 1938 г.) // Токио, 1966. — 307 с.
7. Сина оеби Мансю но тиан дэке 1941 (Общественный порядок в Китае и Маньчжурии на 1941) // Б. м. 1942. — 425 с.
8. Тесэн тодзи сире (Материалы по истории управления Кореей): в 10 томах // Токио, 1970–1971.
9. Тиан гайке гаппо (Ежемесячный бюллетень состояния общественного порядка) // Б. м., 1940, — № 1, 2, 3, 4, 7, 9. — 205 с.
10. Тобацу гэнке хококу (Доклад о карательных операциях) // Б. м., 1937. — 160 с.
11. Хокубу тохэндо тайбацу дзехо (Сообщения о карательных операциях в северной части Дунбяньдао) // Тунхуа, 1936, — № 78–93; 1937, — № 1–26.
12. Хокубу тохэндо тихон косаку сого хококу (Сводный доклад о работе по усмирению северной части Дунбяньдао) // Б. м. 1937. — 234 с.
13. *Чжоу Баочжун*. Дунбэйды канжи юцзи чжаньчжэн хэ канжи лянцзюнь. Чугао (Антаяпонская партизанская война и Объединенная антияпонская армия Северо-Восточного Китая. Краткий очерк) // Даншицзыляо, — 1954, — № 9. — С. 3–46.
14. *Chong-sik Lee*. Revolutionary struggle in Manchuria // Berkley-Los Angeles, London, 1983. — 398 p.
15. *Suh Dae-Sook*. Document of Korean communism 1918–1948 // Prinston (N. J.), 1970. — 402 p.
16. *Suh Dae-Sook*. The Korean communist movement 1918–1948 // Prinston (N. J.), 1967. — 378 p.

Abstract

One of the famous guerrilla commanders in Southeastern Manchuria during the Japanese aggression against China (1937–1945) was a young Korean Kim Song Joo, who took the pseudonym Kim Irsen. The detachment commanded by Kim Il Sung in the best years numbered about 500 fighters, which does not detract from the heroic guerilla of the Korean guerrillas. This article provides a thematic review of Japanese police publications synchronous with the events described, not introduced into scientific circulation in Russia and abroad, confirming the real anti-Japanese war of the future leader of the North Korea.

Key words: *Kim Il sung, anti-Japanese guerrilla, Manchuria, Fatherland Revival Society, Korean insurgents.*

Информация об авторе: Гайкин Виктор Алексеевич, канд. истор. наук, ст. н. с. Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВОРАН, Владивосток, Unara49@mail.ru

ОФИЦЕРСКИЕ СКАЗКИ КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ВОЕННО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ

Всеволожский Георгий Константинович, Махмутова Камиля Зарифуллаевна

Уральский федеральный университет имени первого президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург

Аннотация

В статье рассматривается информационный потенциал офицерских сказок для военной антропологии. Делается обзор развития военной антропологии как дисциплины, изложены результаты источниковедческого исследования офицерских сказок, массового источника начала XVIII века. Сделан вывод о возможности и полезности их использования в исследованиях «человеческого измерения войны».

Ключевые слова: военная антропология, «сказки», российское дворянство, массовые источники.

В последнее время получило широкое распространение такое направление исторической науки, как военно-историческая или военная антропология.

В статье Е. С. Сенявской «Военная антропология: опыт становления и развития новой научной отрасли» говорится, что эта новая междисциплинарная отрасль науки, интегрирующая достижения, предметные области и исследовательский инструментарий военной психологии, социологии, педагогики, истории, культурологии, медицины и других дисциплин, изучающих человека в условиях военной деятельности. Интерес к военно-антропологической проблематике среди историков неуклонно растет, о чем свидетельствует количество научных мероприятий, публикаций и диссертационных исследований, выполненных в русле новой исследовательской парадигмы [3]. Военная антропология — новая научная отрасль и относительно молодая, которая только сейчас набирает большую популярность среди ученых, так как это новый взгляд в человеческое измерение, таким образом, наблюдается большой потенциал для изучения.

Военная антропология изучает часть военной культуры, которая непосредственно связана с человеком и способствует его познанию. Объект военно-исторической антропологии не сводится только к армии, а включает человека и все общество в экстремальных условиях вооруженных конфликтов. Объектом изучения военной антропологии являются человек и общество в экстремальных условиях вооруженных конфликтов, а также те аспекты жизни «гражданского», мирного общества, которые характеризуют его подготовку к подобного рода экстремальным историческим ситуациям и отражают их последствия, то есть историческим фоном данной проблематики является подготовка общества и человека к войне, «вхождение» в нее, ход военных действий и «выход из войны».

Ее главная особенность — историко-психологические исследования, которые показывают войну как явление, формирующее особый тип человеческого сознания, создающее феномен «человека воюющего», и позволяют раскрыть мотивации поведения людей в экстремальных условиях «военного лихолетья». В этом смысле военно-историческая антропология, по мнению Е. С. Сенявской, является прежде всего «человеческим измерением войны», интерпретируя которое фактически невозможно «фальсифицировать прошлое в угоду настоящему» [3].

Поэтому офицерские сказки могут являться действенными источником в изучении Северной войны несмотря на то, что на данный момент в военной антропологии значительно больший интерес выражен к Первой и Второй мировой войне.

Следует сказать, что такие офицерские сказки и почему мы вообще рассматриваем их как источник по исследованию человека на войне. Офицерская сказка — это документ учета служи-

лого населения, разработанный в начале 20-х годов XVIII века. Сказки предназначались для создания кадрового резерва, чтобы государство знало, к каким службам годны разные податели [1, с. 275]. Документ носит отчасти формализованный характер, то есть существует повторяющаяся из сказки в сказку рубрикация, однако в каждой конкретной сказке может быть дополнительная информация, причем совершенно разной тематики.

К основным рубрикам можно отнести социальное происхождение офицера, возраст начала службы, возраст отставки (для отставников), полки службы, процесс повышений, рассказ о сражениях, об имущественном положении [2, с. 5].

Как уже было сказано выше, военная антропология работает с ощущениями, восприятиями, психологическими моментами. Все это часто содержится в источниках личного происхождения. И именно большое количество таких источников для войн XX века делает возможным антропологические исследования. Когда мы решаем рассмотреть Северную войну, причем с точки зрения рядовых российских участников, мы сталкиваемся с почти полным отсутствием источников личного происхождения. Дворяне того времени просто не имели потребности писать дневники, мемуары и прочую личную литературу.

Поэтому услышать их голос возможно только в документах учета, создание которых инициировано не самими комбатантами, а государством. Важным является то, что, как уже было сказано, офицерская сказка – это не просто анкета, а скорее заполняемое подьячим со слов офицера повествование, которое содержит элементы прямой речи, и может служить источником представлений и чаяний офицеров.

Стоит сказать, что этот источник является массовым, например, сказки 1720 года сохранили повествование о 85% офицерского корпуса российской армии [2, с. 3]. Это позволяет сделать выводы об офицерах как о группе населения в целом.

Отметим основную информацию, которую можно получить из офицерских сказок. Для начала укажем, что документы эти могут очень различаться по длине: от буквальной констатации полков службы в одних сказках до развернутых повествований в других. Объяснить это можно и большей разговорчивостью некоторых респондентов, и желанием подьячих быстрее сделать свою работу. Тем не менее информация в «больших» по размеру сказках обычно всегда относится к основным рубрикам, только описывает события войн подробнее, чем в других сказках.

Итак, что мы можем получить? Для начала это статистические и демографические сведения: мы можем увидеть, когда начинали службу большинство офицеров петровской армии и как долго они находились на государственной службе. Изучая сказки Военной коллегии 1720 года, мы увидели, что за время Северной войны офицеры почти не покидали свои полки. Например, премьер-майор Иван Яковлев за 20 лет был в поместье 1,5 месяца [2, с. 1284], секунд-майор Иван Мещериков был отпущен в дом на 1 месяц с 1704 года [2, с. 1285]. Эти и другие свидетельства рисуют людей, очень оторванных от своих земель, совершенно не занимающихся хозяйственными вопросами в отличие от их предков, служба которых носила непостоянный характер.

Вместе с тем упоминается эта информация не просто так. Офицеры жалуются на проблемы, которые происходят дома, в то время как они участвуют в Северной войне. Вышеупомянутый Иван Мещериков пишет, что «деревни, приданное жены, проданы подлогом Кузьме Загряжскому, отчего разорен, деревнями не владею с 1715 года, о чем челобитье лежит в Поместном приказе». То есть, уже в течение 5 лет Иван пытается решить вопрос подложной продажи собственности, но дело, видимо, как тогда часто бывало, утонуло в бумажной волоките.

Разумеется, вопрос об имуществе входил в анкету, но офицеры и сами стремились показать, что долгая служба негативно сказывается на состоянии их поместий. Отмечу, что это уже регулярная армия, где служба оплачивается деньгами, а не жалованием поместий, но вопрос поместий все так же волнует офицеров.

Другим часто встречающимся и полезным для военно-антропологических исследований материалом является повествование о героизме. Отметим, что сказки были разработаны к концу

Северной войны, и собирались все 20-е годы. Так что ключевые битвы были для офицеров делом прошлого, и они лишь вспоминали их. А мы знаем, что память, тем более в коллективе, имеет свойство отбирать какие-то наиболее яркие черты событий. Таким образом конструируется образ прошлого, в том числе и прошлого героического.

Одним из самых часто встречаемых в сказках полка героическим действием является руководство подразделением, возможность возглавить которое офицер получал не по званию, а в случае неординарных обстоятельств, например, смерть командира или его отсутствие по иным причинам. Такие действия должны были показать, что офицер не теряется в экстренной ситуации и может быть полезен при возможном повышении.

Важным на войне было взятие в плен врага. Офицеры также старались указать на такую доблесть.

Героизм в сражении, упорное сопротивление неприятелю были связаны с людьми, которые своим примером вдохновляли полк, помогали выдержать натиск соперника. Например, в Белгородском пехотном полку [2, с. 1281–1322] таким являлся бригадир Савва Айгустов, который руководил полком до 1711 года. После 1711 года его следы теряются, известен указ Петра, который требует найти Айгустова, так как тот дезертировал из полка во время прибытия того в Польшу. Несмотря на такой бесславный конец, в полке продолжают упоминать, что сражались в Полтавской битве именно рядом с Айгустовым, это показывает действительно большое значение героизма Айгустова в той славной победе, его большое значение именно для Белгородского полка. Что интересно, упоминают его офицеры, знавшие бригадира лично.

Отметим также информацию о болезнях. Это информация показывает, какие болезни, с одной стороны, были наиболее распространенными, и, с другой стороны, позволяли или не позволяли служить в дальнейшем. Отметим, что среди сказок действующих офицеров в основном упоминаются ранения в руки, бедра. Тем не менее с этими ранениями службу офицеры продолжали. А вот среди отставников помимо рассказа о прошедших ранениях мы встречаем рассказы о «болезнях духа, чахотной и жевотной болезнях» (ментальные болезни, туберкулез и болезни желудочно-кишечного тракта соответственно) [4, л. 25, 46, 48], связанных с плохим питанием, неблагоприятными условиями, частой сменой мест, плохой водой.

Еще одним пунктом, представленным в опроснике сказок, является информация о повышении. Офицеры честно рассказывают о своей мотивации при переходе из одних видов войск в другие. Так, подпоручик князь Семен Вяземский «после полтавской битвы в Киеве просил Царское Величество служить в драгунах вместо гренадерской службы» [2, с. 1307]. Это свидетельствует о том, что потомки высшей аристократии не были довольны службой в пехоте и предпочитали сражаться верхом, что испокон веков делало дворянское ополчение. Капитан Рамза Карел пишет, что до 1714 года служил в гарнизоне, а потом попросил перевода в пехотный полк, так как там выше оплата [2, с. 1287]. Просьбу удовлетворили, и Рамза стал получать в том же звании, что и раньше 18 рублей в месяц вместо 11.

Итак, мы показали и проиллюстрировали основные сведения офицерских сказок, которые могут быть полезными для создания военно-антропологических исследований по войнам петровской эпохи в целом и Северной войне в частности. К ним относится информация о сроке службы и недвижимом имуществе, представления о героизме, а также информация о ранениях и повышениях.

Список литературы

1. *Богословский М. М.* Областная реформа Петра Великого. Провинция 1719–27 гг. // Лейпциг, 1902. — 581 с.
2. *Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Полевая армия. Сборник документов в 2 тт. Том 1 / Составление, вступительная статья, оформление К. В. Татарникова.* — М.: Старая Басманная, 2015. — 1352 с.

3. Сенявская Е. С. Военная антропология: опыт становления и развития новой научной отрасли // Вестник Мининского университета. 2016. № 1–2 (14). URL: https://iriran.ru/files/VIA_2002.pdf (дата обращения: 21.12.2022).

4. РГАДА. Ф. 286. Оп. 1. Д. 84. Л. 1–92 об.

Abstract

The article replaces the information potential of officers' «skazki» for military anthropology. A review of the development of military anthropology as a discipline is made, the results of source study research «skazki» are published. The conclusion is made about the possibility of using «skazki» to study the «human dimension of war».

Key words: *military anthropology, «skazki» Russian nobility, mass sources.*

Информация об авторах: Всеволожский Георгий Константинович, магистр, Уральский федеральный университет имени первого президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, goshavs@mail.ru

Махмутова Камиля Зарифуллаевна, бакалавр, Уральский федеральный университет имени первого президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, makhmutova_kamila@mail.ru

СТАЛИНСКИЙ СОКОЛ

Елисеев Виктор Владимирович

МБУ ДО ДЮОЦ «Ритм», поселок Добринка Липецкой области

Аннотация

В статье рассказывается о летчике-истребителе Г. Ф. Глотове (1910–1943) — одном из лучших советских асов, совершившим более 300 боевых вылетов и проводившим 39 воздушных боев.

Ключевые слова: *Г. Ф. Глотов, село Отскочное, советско-финская война, орден Красного Знамени, орден Красной Звезды, летчик-ас, капитан, ведомый.*

Георгий Федорович Глотов родился в 1913 году в селе Отскочное Дмитриево-Дуровской волости Усманского уезда Тамбовской губернии [10]. Ныне это село Дуровской сельской администрации Добринского района. Его отец Федор Федорович хотя и был бедняком, но слылся честными порядочным человеком среди односельчан. Его семья считалась самой большой в Отскочном. Девять детей. Порой Федор Федорович не успевал обеспечивать детей обувью — лаптями. Георгия в семье звали Ерой, Егором. Заводила среди местной ребятни, он быстро не только снашивал лапти, но порой и рвал их. Порой приходилось щеголять в одном лапте, за что дочери местного священника Казанской церкви Семена Михайловича Аксенова часто дразнили его «однолапотным». Но мальчишка молодым поповнам спуску не давал, таская их за длинные косы. Обиженные девочки постоянно жаловались отцу, и Семен Михайлович был частым гостем в хате Глотова-старшего. После таких приходов батюшки Еру наказывали. Он просил отца сплести ему новый лапоть, а отец отмахивался от него, словно от назойливой мухи. Все обещал и обещал. Да и некогда было Федору Федоровичу. То весенние, то летние работы. Надо было кормить многочисленное семейство. Но все-таки однажды уважил он сына. Произошло это по окончании

сельской школы. Решил связать свою жизнь Георгий с педагогикой и поступил в Усманский педтехникум. Вот здесь отец и порадовал сына — сплел ему пару новеньких лаптей. Шла коллективизация. Отец вступил в местный колхоз, работая здесь за трудодни. Ничем старшему сыну-студенту он помочь не мог. Да и Георгий не просил. Порой голодая, он все-таки сумел сэкономить деньги из своей стипендии и купил новые лакированные ботинки. Правда, ходить в них с непривычки оказалось не очень-то ловко. Подошва не гнулась, скользила. В лаптях было куда удобней. На всякий случай Георгий завернул их в газету и сунул под кровать. Лапти действительногодились студенту. Он обувал их, отправляясь домой на выходные. Идти из Усмани в Отскочное было не близко, и ботинок хватило бы ненадолго. Ходить же домой надо было чуть ли не каждую неделю. Хлеба наберешь — легче концы с концами сводить. До околицы родного села Георгий нес завернутые в газету ботинки под мышкой. Перед тем, как войти в село, переобувался и аккуратно заворачивал лапти в газету. ПосмотретьнаегоботинкиисбегалосьвсеОтскочное.

Поработать ему в школе почти не довелось. В 1935 году (по другим данным в 1936 году) он был призван в ряды Красной Армии. Юношу отправили на учебу в Борисоглебское авиационное училище. Тогда многие юноши мечтали стать летчиками. Наступало время Чкалова, Водопьянова, беспересадочные перелеты советских авиаторов. Младший лейтенант Готов тоже мечтал о полетах. А вскоре началась советско-финская война. Готов подал рапорт и вскоре оказался в действующей армии. Первый свой самолет он сбил южнее городка Лавола 8 марта 1940 года. Им оказался «Бленхейм». На другой день разыгрался воздушный бой над мысом Харапиниemi. И здесь Готов одерживает победу, сбив финский истребитель. А летал он на И-153, который наши летчики ласково называли «ишачком».

Он начал воевать с первого дня войны — с 22 июня. Уже через неделю, 29 июня он открывает боевой счет. В районе станции Ритуппе лейтенант Готов сбивает немецкий Ю-88. 19 июля разгорелся воздушный бой над Домашевым и вновь победа. На своем И-6 Георгий Федорович вновь одерживает победу 24 июля, подбив Ю-88 в районе местечка Сабск [9, с. 43].

19 августа 1941 года в воздушном бою над Чудовом им был сбит Ме-109. Командование 158-го истребительного авиаполка ходатайствует о его награждении. В наградном листе отмечается, что «...за время войны с германским фашизмом проявил себя инициативным, мужественным командиром-летчиком... Умело ведя в бой подчиненных искусно маневрируя и правильно используя огонь, неоднократно выигрывал сражения с противником...». Заместитель командира эскадрильи по летной части Готов «своим личным примером показывает подчиненным образец борьбы с воздушным противником. За время военных действий имеет 54 боевых вылета с налетом в 37 часов 25 минут. В воздушных боях с противником сбил два самолета «Юнкерс-88» и один разведчик. Все приказы командования выполняет с большим чувством ответственности за порученное ему дело, всегда доводя его до конца. Среди личного состава пользуется заслуженным авторитетом» [2, л. 35]. Командир 158 истребительного полка майор Афромеев и комиссар полка Журавлев ходатайствовали о награждении его орденом Красного Знамени. Их ходатайство было удовлетворено. А счет побед нашего земляка рос. 9 марта 1942 года в бою севернее станции Гостинополье он отправляет к земле подбитый им Ме-109. Особенно запомнилось нашим летчикам 14 марта. В этот день Готову пришлось дважды подниматься в небо. И два сбитых немецких самолета. Один Ю-88 навечно упокоился восточнее Кондуя, второй горящий погрузился навечно в болото Соколий Мох.

Среди сохранившихся фотографий интересна та, на которой Готов изображен с двумя своими однополчанами. Это как раз март 1942 года. Фотографу удалось запечатлеть Готова в тот момент, когда он рассказывал летчикам Василию Гнееву и Ивану Чемоданову о том, как им был атакован и сбит «Мессершмитт-110». На фотографии чуть сдвинутый на затылок шлем, левая рука, изображающая немецкий самолет, опущена. Ее неотвратимо преследует правая рука, которая обозначает машину самого Готова. Март 1942 года особенно был тяжелым для летчиков 154-го истребительного авиаполка. Наши авиаторы прикрывали с воздуха пехоту, которая пыталась

пробиться к Ленинграду с востока — со стороны Большой земли. Малоизвестные когда-то Погостье, Виняголово, Кондуя, Смердыня, Кордыня что ни день упоминались в боевых донесениях. Близ этих мест шли тяжелые бои и на земле и в небе. Особенно летчикам запомнилось 13 марта. Ни один вылет не обходился без боя. Едва успевали заправлять самолеты горючим и боеприпасами. В этот день и отличился Готов, который командовал первой эскадрильей. Атаковав большую группу «Юнкерсов», он им не дал отбомбиться. Ушли они, недосчитавшись двух самолетов. Одного сбил сам командир, второго — его ведомые. В это время Готов воюет в составе 154-го истребительного авиаполка. Командир майор Матвеев и комиссар полка Сясин ходатайствуют о награждении старшего лейтенанта, командира эскадрильи Глотова орденом Красного Знамени. В наградном листе они отмечают, что Георгий Федорович «...политически и морально устойчив, идеологически выдержан. Дисциплинированный, культурный командир. Требовательный к себе и к своим подчиненным. Отличный организатор летной работы своего звена на выполнения боевой задачи. Сам отличный летчик-истребитель, летает на самолетах И-15, И-16, И-153, Як-1, Р-40; общий налет за период его летной работы 870 часов, 1939 посадок. Участник в борьбе с финской белогвардейщиной с 31.11 1939 года по 13 марта 1940 года. Участвует в частях, ведущие боевые действия в борьбе с немецкими фашистами с 22.6. 1941 года по настоящее время» [2, л. 35].

«За период Отечественной войны тов. Готов имеет 229 боевых самолетов-вылетов с налетом 300 часов, участвовал в 26 воздушных боях; им лично сбито 6 самолетов противника, его счет растет ежедневно. Только за период с 9.3.1942 г. по 14.3. 1942 г. принимал участие в 4-х воздушных боях, сбив 2 самолета противника лично и 3 в группе. За образцовое выполнение боевой задачи, поставленной командованием и умелое руководство подчиненными, выдвинут на должность командира эскадрильи... За принятие активного участия в боях с фашистской авиацией на фронте 54 армии и лично сбив два самолета противника «Хе-113» и 3 в группе 14.3. 1942 г. ходатайствую перед командованием ВВС 8-й Армии к представлению Правительственной награде орденом «Красной Звезды» [4, л. 36]. И вскоре ходатайство командира авиаполка удовлетворили командующий Ленинградским фронтом генерал-лейтенант Хозин и члены Военного совета фронта Андрей Жданов и Алексей Кузнецов.

Уже 15 марта наш земляк вновь восточнее местечка Бараки подбил немецкий бомбардировщик. На другой день, 16 марта Георгий Федорович одерживает две победы. Южнее Кондуя и севернее острова Ларионов он сбивает два немецких самолета. 17 марта в болоте северо-восточнее местечка Бараки и западнее Виняголово нашли свою погибель два «Хе-113», сбитые Готовым. Счет сбитым самолетам рос в марте с каждым днем. 19 марта он сбивает Ю-88, а через два дня, 21 марта, юго-западнее городка Остров от его метких пулеметных очередей, дымовым шлейфом устремился к земле Ме-110 [9, с. 44]. Командир 154-го истребительного авиаполка подполковник Матвеев вновь ходатайствует о награждении боевого летчика.

Наградной лист на старшего лейтенанта Глотова, датирован 5 мая 1942 года. В нем в частности можно прочесть: «...За период Отечественной войны имеет 296 боевых самолетов-вылетов. Участник 39-ти воздушных боев. Лично сбито 9 самолетов противника и в группе 8. За проявленное мужество и героизм в борьбе с немецкими фашистами награжден орденами «Красное Знамя» 20.12.194 г. и «Красная Звезда» 15.3.42 г. После правительственной награды с 15.3.42 г. во время прикрытия наземных войск в районе действия 54 армии им лично произведено 49 боевых самолетов-вылетов, участвовал в 19-ти воздушных боях, лично сбил 2 самолета противника и в группе 6. Под его руководством сбито 8 самолетов противника.

За период командования им эскадрильей, с 15.3.42 г., под его руководством эскадрильей произведено 209 боевых самолетов-вылетов, проведено 28 воздушных боев с противником, сбито 16 самолетов противника, своих потерь не имеет.

За проявленные мужество, героизм и отвагу в воздушных боях с врагом, представляю к Правительственной награде орденом Ленина» [6, л. 64]. Приказом № 1782/н от 16 августа 1942 года по войскам Ленинградского фронта Готов был удостоен ордена Ленина [7, л. 50].

Наш земляк продолжал громить ненавистного врага в ленинградском небе. Его боевой счет сбитым гитлеровским самолетам подходил к двадцати, за что полагалась Золотая Звезда Героя Советского Союза. 30 августа 1942 года от его метких выстрелов были сбиты три Ме-109 — все в группе. На другой день, в день уходящего последнего летнего месяца он вновь отличается. В районе станции Назия подбил Ме-1-9. С июля 1942 года капитан Готов воюет в составе 159-го истребительного авиаполка, по-прежнему командуя эскадрилей.

30 сентября 1942 года. Аэродром находился на берегу древней реки Волхов. В ожидании, когда придут новые машины, летали по очереди. И, конечно же, вынужденное безделье тяготило. У него, командира эскадрильи, был самолет, и, к тому же, забот хватало и без полетов. Однажды он даже сорвал зло на инженерере дивизии, который приехал устанавливать на его самолете фотоаппарат для аэросъемок. Георгий Федорович вскипел:

— Я бы унты сбросил, чтобы машине было легче, а вы в нее такую бандуру суete. Фотоаппаратом вражеский самолет не собьешь, а я ведь, как- никак, летчик-истребитель. Сами бы и занимались фотографией! [8, с. 54].

Потом он, наверное, жалел, что незаслуженно обидел инженера. Знал, что с помощью фотографий артиллеристам и бомбардировщикам легче накрывать цели, все знал, а вот не сдержался. А причина заключалась в том, что на оккупированной немцами территории, недалеко от псковского города Порхов, оказалась его жена.

30 сентября ознаменовалось очередными заморозками. Пожухла на аэродроме трава. Механик готовил к полету самолет капитана. Опытные на этот раз попались немцы. Но и на этот раз Готову удалось сбить «Юнкерс-88». Уже на подлете к линии фронта, навстречу эскадрилье Готова, встретились немецкие бомбардировщики и истребители. И вновь в небе завертелась воздушная «карусель». Со всех сторон слышались пулеметные очереди, разрывы снарядов. Готов очень внимательно следил за картиной боя. Особенно он переживал за своего ведомого — молодого летчика. Последний, по-видимому, увлекся и не заметил, как сзади на него наседали вражеский истребитель. Георгий Федорович сразу оценил ситуацию и поспешил на помощь ведомому. Ударил по самолету с черными крестами из пулемета, и тот дымя устремился к земле. Но не успел выйти из этой атаки капитан Готов. Второй немецкий истребитель неожиданно подобрался к истребителю командира эскадрильи и открыл ураганный огонь из пулемета и пушки. Самолет нашего земляка загорелся и вскоре взорвался. Так 30 сентября 1942 года над Синявинскими высотами, спасая своего ведомого, погиб Георгий Федорович Готов. Двадцать девять лет прожил отважный летчик-ас Готов. К сожалению, нам не удалось найти его родственников.

Но биография Готова таит много загадок. В одном из архивных дел ЦАМО не прослеживается подробный его служебный список, поиски продолжаются. Отмечается, что с июня по сентябрь 1941 года он проходил службу в 158-м истребительном авиаполку, затем 17-й авиаполк. С июля 1942 года он сражается в 154-м истребительном авиаполку, а затем с июля того же 1942 года до дня своей гибели служит в 159-м истребительном авиаполку [1, л. 28]. Различаются и сведения о сбитых самолетах. По одним данным к маю 1942 года Готов совершил 296 боевых вылетов, провел 39 воздушных боев и, по мнению Быкова, сбил 5 самолетов противника лично и 9 в составе группы. И здесь же он оговаривается, и это видно из наградных документов, что капитан Готов уничтожил 9 самолетов гитлеровцев лично и 8 самолетов — в составе группы. А вот в день гибели он сбил 6 самолетов лично и в составе группы 13 самолетов противника [9, с. 46]. Интересно, что в свое время пересекались боевые пути Готова и Героя Советского Союза, уроженца города Липецка Сергея Гавриловича Литаврина. Они оба служили в 158-м истребительном авиаполку, а в приказе по войскам Ленинградского фронта № 01782 от 16 августа 1942 года мы среди награжденных орденом Ленина находим командира эскадрильи 159-го истребительного авиационного полка старшего лейтенанта Готова и заместителя командира эскадрильи 158-го истребительного авиаполка старшего лейтенанта Литаврина. Готов в списке награжденных стоит 3-м, а Литаврин — 4-м [7, л. 50].

Список литературы

1. ЦАМО РФ (Центральный архив Министерства обороны РФ). Личное дело Г. Ф. Глотова // Ф. 58. — Оп. 818883. — Д. 25.
2. ЦАМО РФ. Наградной лист на лейтенанта Г. Ф. Глотова, представленного к награждению орденом Красного Знамени // Ф. 33. — Оп. 683524. — Ед. хр. 75.
3. ЦАМО РФ Приказ № 1007/н по Ленинградскому фронту о награждении лейтенанта Г. Ф. Глотова орденом Красного Знамени // Ф. 33. — Оп. 682524. — Ед. хр. 75.
4. ЦАМО РФ. Наградной лист на старшего лейтенанта Г. Ф. Глотова, представленного к награждению орденом Красной Звезды // Ф. 33. — Оп. 682524. — Ед. хр. 90.
5. ЦАМО РФ. Приказ № 585/н по Ленинградскому фронту о награждении старшего лейтенанта Г. Ф. Глотова орденом Красной Звезды // Ф. 33. — Оп. 682524. — Ед. хр. 90.
6. ЦАМО РФ. Наградной лист на старшего лейтенанта Г. Ф. Глотова, представленного к награждению орденом Ленина // Ф. 33. — Оп. 683524. — Ед. хр. 64.
7. ЦАМО РФ. Приказ № 97182/н по Ленинградскому фронту о награждении орденом Ленина старшего лейтенанта Г. Ф. Глотова // Ф. 33. — Оп. 682524. — Ед. хр. 107.
8. Буров А. В. Огненное небо // Ленинград: Лениздат, 1974.
9. Быков М. Ю. Победы сталинских соколов // Москва: ЯУЗА-ЭКМО, 2008.
10. Липецкая энциклопедия. А-Е. Глов Г. Ф. Федорович. Т. 1 // Липецк, 1999. — 269 с.

Abstract

The article tells about the fighter pilot G. F. Glotov (1910–1942) — one of the best soviet aces, who made more 300 combat sorties and conducted 39 air battles.

Key words: *G. F. Glotov, Otskochnoye village, soviet-finnish war, order of the Red Banner, order of the Red Star, pilot-ace, wingman.*

Информация об авторе: Елисеев Виктор Владимирович, методист, краевед, учитель истории, Муниципальное бюджетное учреждение дополнительного образования Детско-юношеский центр «Ритм» поселка Добринка Липецкой области (МБУ ДО ДЮОЦ «Ритм» поселка Добринка Липецкой области), ieliseiev.58@mail.ru

ФИЛОСОФИЯ ВОЙНЫ Ф. А. СТЕПУНА В КНИГЕ «ИЗ ПИСЕМ ПРАПОРЩИКА-АРТИЛЛЕРИСТА»

Даренский Виталий Юрьевич

Луганский государственный педагогический университет, Луганск

Аннотация

В статье рассмотрены парадоксальные элементы философии войны из книги Ф. А. Степуна «Из писем прапорщика-артиллериста», что позволяет увидеть экзистенциально-психологические «механизмы» трансформации массового и индивидуального сознания в условиях войны. К этим механизмам относятся экстремальная поляризация добра и зла, чувство бессмысленности бытия и трансформация сознания, похожая на обряд «инициации».

Ключевые слова: *война, трансформация сознания, Ф. А. Степун.*

Философия войны является одной из оригинальных и ярких страниц в русской философии Серебряного века. Война 1914–1917 гг., которая в России называлась Второй отечественной, стала предметом глубокого философского осмысления у всех самых крупных философов того времени по обе стороны фронта. На этом фоне русская философия стала явлением выдающимся, поскольку через призму войны как борьбы народов и цивилизаций она осмыслила самые предельные вопросы — о смысле истории и об оправдании человеческого бытия, о ценности земной жизни в сравнении с ценностью бессмертной души. Впервые эта страница русской философии получила систематическое исследование в яркой книге А. Ю. Коробова-Латынцева «Философ и война. О русской военной философии» (2022) [1].

Книга Ф. А. Степуна «Из писем прапорщика-артиллериста» имеет ценность и как исторический документ, и как художественное произведение, и как книга философа, в которой есть важные элементы философии войны, увиденные изнутри, самим участником событий. Такой синтетический характер делает эту книгу классическим произведением по данной тематике. В данной статье мы выделим ряд смысловых аспектов философии войны Ф. А. Степуна, на которые исследователи еще почти не обращали внимания. Это специфически экзистенциальные переживания войны, порождающие особый взгляд на нее как на «космическое» явление, как особое измерение бытия, которое трансформирует индивидуальное и массовое сознание.

В первую очередь Ф. А. Степун обратил внимание на парадоксальное несоответствие внешнего и внутреннего на войне: дело идет о жизни и смерти, а внешне все часто выглядит как бестолковая суета. «Странная и совсем непонятная вещь война, — писал, например, он, — Мы готовимся к выступлению, а временами кажется, что затевается пикник» [3, с. 4].

Эта исходная мысль в его наблюдениях дальше все более углубляется и приобретает все более универсальное содержание. В конце концов философ начинает понимать, что это парадоксальное несоответствие несколько не удивительно, поскольку оно присутствует и в мирной жизни, в которой также самые главные и фундаментальные смыслы обычно полностью затмеваются суетой. В этом он очень близок тезисам из «Мыслей» Паскаля. Ф. А. Степун писал так о своих занятиях: «Мы учимся убивать и прятаться от смерти. Бывают, конечно, минуты, когда ужасный смысл написанной мною фразы воистину понимается, но такие минуты очень редки. Обычно же последняя цель и сущность войны совершенно также заграждается и оттесняется целым рядом предпоследних мыслей, действий, событий и мероприятий, как ими же и в мирной жизни заграждается и оттесняется все то, что есть Жизнь жизни, ее последнее и сущностное ядро» [3, с. 4].

Ф. А. Степун акцентирует разрушительное воздействие войны на душу человека следующим образом: «Ужасна война, как материальный факт: как ранение, увечье, убийство... Но все же этот ужас материального плана еще не самый страшный. Страшнее той смерти, которую сеет война в материальном мире, та жизнь, которую она порождает в сознании почти всех без исключения людей. Грандиознейшие миры упорнейшей лжи возвышаются ныне в головах всех и каждого. Все самое злое, грешное и смрадное, запрещаемое элементарною совестью в отношении одного человека к другому, является ныне правдою и геройством в отношении одного народа к другому. Каждая сторона беспamięтно предает проклятию и отрицанию все великое, что некогда было вложено духом и гением враждующей с нею стороны в сокровищницу человечества, изменяя тем самым той благодарной «вечной памяти», которую мы обещаем усопшим, когда отпетое церковью тело опускаем в открытую землю» [3, с. 4].

Однако такое одностороннее восприятие врага на самом деле имеет и совершенно неожиданное последствие — столь же одностороннюю апологию своей Родины, которая, в свою очередь, пробуждает в людях самые высокие нравственные чувства. Ф. А. Степун пишет об этом так: «Но это еще не все. Более, чем вся эта ложь, смущает и мучает меня та тень правды, которая ныне, очевидно, лежит на всей этой лжи. Правда же эта заключается в том, что вражда к врагу рождает громадную любовь к своему народу, к своей родине. Сейчас у нас, наверное, и в Германии тоже,

действительно наблюдается такое преодоление косности, своекорыстия и эгоизма, о котором в мирное время даже и подумать было невозможно» [3, с. 4–5].

Таким образом, поляризация сознания людей, разделение мира на добро и зло, в конечном счете, оказывается возвышающим душу фактором: «Не ложь, а правда в том героизме, с которым ныне многие переносят раны, смерть и безвестную пропажу своих дорогих и близких. Не ложь, а правда, великая сердечная правда чувствуется ныне отчетливо во всем настроении России, трезвой, сознательной и бескорыстной: чувствуется в толпе, провожающей эшелоны, в вечерней молитве солдат: «Спаси, Господи, люди Твоя», в тех цветах, которые население несет отправляющимся на войну солдатам и офицерам, в тех белых лентах, которыми завязаны эти цветы, в надписях на них: «Спаси вас Господь!»» [3, с. 6].

Исходя из этого обстоятельства, в XX веке появились концепции оправдания войны как цивилизационного фактора. Е. С. Сенявская в книге «Психология войны в XX веке: исторический опыт России» (1999) в качестве примера героической апологии войны приводит идеи ветерана Первой мировой, известного немецкого писателя Эрнста Юнгера. Согласно его философии, «война — самое естественное проявление человеческой жизни, что только она может принести народу обновление, а без нее начинают преобладать застой и вырождение. Именно в военных условиях человек проявляет свою истинную сущность, являя себя миру во время «танца на острие клинка», в момент пребывания между бытием и небытием» [2, с. 58]. Ф. А. Степун несколько не является апологетом войны, однако он очень четко зафиксировал тот факт, что война парадоксальным образом может пробуждать лучшие качества и в отдельном человеке, и в целом народе.

Каким образом происходит трансформация сознания отдельного человека, Ф. А. Степун показывает на собственном примере самоанализа. Он пишет: «За последнее время я внутренне живу какую-то новую жизнью. Война куда-то далеко отошла от меня. Она уже не определяет собою содержания, строя и течения моей жизни. Но несмотря на такую фактическую свободу от войны, я сейчас больше живу и мучаюсь ею, чем раньше: как черная туча облегает мысль о войне весь горизонт моей жизни, как сиделка у постели больного дежурит она бессменно при моей душе. Правда, мне теперь война уже не видится в образе физической смерти... Но ведь смерть мы знаем не только как приходящий извне конец нашей жизни, мы знаем ее еще и как постоянно происходящее внутри нас умирание оскудевающих стремлений, осуществляющихся надежд, самых нежных мелодий в душе, самых пророческих наших чаяний. Смерть ведь не только в том, что все мы «сойдем под вечны своды», но и в том, что все мы уже при жизни «вечные своды!»» [3, с. 218]. Такое символическое «прохождение через смерть» в архаических культурах создавалось в обрядах инициации; в современной цивилизации таких обрядов нет, их роль выполняет война.

С другой стороны, такая трансформация сознания аналогична той рефлексии, которая в философии называется трансценденцией — выходом сознания за рамки восприятия материального мира и мышление высшими сущностями — идеями. Для привычного «земного» мышления это может выглядеть как «безумие». Ф. А. Степун пишет об этом так: «Одним уже налаженным в душе движением выбиваюсь из этой гипнотизирующей имманентности, и тогда все кругом становится тем, что оно действительно есть, — сплошным ужасом и безумием — абсолютно непонятностью. Непонятно, кто мы, где мы, и зачем мы вместе... О, Господи, когда же, наконец, все человечество высвободится из тисков проклятого прагматического понимания и поймет, что для целого ряда вещей единственную форму адекватного постижения является безумие?» [3, с. 223–224]. В религиозной культуре человек постоянно мыслил себя перед лицом смерти и посмертного суда, и поэтому война не была для него чем-то неординарным — она просто концентрировала в себе жизнь как таковую. Но для человека с секулярным, нерелигиозным сознанием война представляется противоположностью «нормальной» жизни, и это состояние, действительно, обрушивает все его представления о жизни и в некоторых случаях может доводить до сумасшествия. Это показывает ограниченность рационального сознания и является импульсом к возрождению сознания религиозного.

Краткий обзор парадоксальных элементов философии войны из книги Ф.А. Степуна «Из писем прапорщика-артиллериста» позволяет увидеть экзистенциально-психологические «механизмы» трансформации массового и индивидуального сознания в условиях войны. К этим механизмам относится экстремальная поляризация и противопоставление добра и зла, которая позволяет совершать сверхусилия, подвиги и самопожертвование. С другой стороны, зрелище массовой гибели людей выводит сознание за пределы привычных представлений и внушает чувство бессмысленности бытия. В целом же состояние войны совершает трансформацию сознания, похожую на обряд «инициации» в архаических обществах и трансценденцию наличного мира в рамках философско-религиозной рефлексии.

Список литературы

1. Коробов-Латынцев А. Ю. Философ и война. О русской военной философии. — М.: «Русская философия», 2022. — 250 с.
2. Сенявская Е. С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. — М.: РОСС-ПЭН, 1999. — 383 с.
3. Степун Ф. А. Из писем прапорщика-артиллериста // Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2020. — 229 с.

Abstract

The article deals with the paradoxical elements of the philosophy of war from the book by F.A. Stepun «From the Letters of an Artillery Ensign» allows you to see those existential-psychological «mechanisms» of the transformation of mass and individual consciousness in war conditions. These mechanisms include an extreme polarization of good and evil, a sense of the meaninglessness of being, and a transformation of consciousness similar to the rite of «initiation».

Key words: war, transformation of consciousness, F.A. Stepun.

Информация об авторе: Даренский Виталий Юрьевич, доктор философских наук, профессор Луганского государственного педагогического университета, Луганск, darenskiy1972@rambler.ru

«КОЛОБОК». ПУБЛИКАЦИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО ФАКТА ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ. ПО МАТЕРИАЛАМ ФОНДА Ю. В. БРОМЛЕЯ (из переписки Н. Н. Бромлей и Т. Н. Грушевской)

Ежова Оксана Федоровна

Архив РАН, Москва

Аннотация

Публикуемый документ впервые вводится в научный обиход. Вступительная статья посвящена описанию и первоначальному анализу документа, обнаруженного в личном фонде академика Ю. В. Бромлея (ф.№ 2138 АРАН). Документ содержит текст переработанной предположительно в военное время (1941–1945 гг) русской народной сказки о Колобке. При сохранении некоторых структурных элементов фольклорного памятника, образность текста соответствует време-

ни предположительного создания. Публикация и вступительная статья подготовлена к. ф. н., м. н. с. Архива Российской Академии наук Ежовой О. Ф.

Ключевые слова: сказка, Колобок, война 1941–1945 гг, Ю. В. Бромлей, письмо, Т. В. Грушевская, Наталья Бромлей, три Фрица.

Юлиан Владимирович Бромлей — академик Академии наук СССР, этнограф, оппонент Льва Николаевича Гумилева, создатель своей теории формирования этносов. Юлиан Владимирович родился в 1921 году и умер в 1990 году. Личный фонд Ю. В. Бромлея № 2138, хранящийся в Архиве РАН, поступил на хранение от его родственников в 2004 году. Он состоит из 13,5 метров россыпи документов и принят в обработку в сентябре 2022 года. Объем фонда значительный, на настоящий момент сформировано 163 дела, связанных с научной, общественной и педагогической деятельностью академика, имеется также небольшой объем фотоматериалов, многие лица, присутствующие на фотографиях, пока не идентифицируются.

Значительную долю личного фонда академика составляют документы его матери, Натальи Николаевны Бромлей. Мать будущего академика, Наталья Николаевна Бромлей, происходила из большой семьи, объединившей две семьи обрусевших англичан — семью Бромлей и Шервуд. У дедушки Юлиана Владимировича, Николая Эдуардовича Бромлея, было 5 дочерей и 1 сын, умерший в детском возрасте. Поскольку Николай Эдуардович в сложных обстоятельствах, связанных с его механическим производством, был вынужден бежать в Англию, а вернувшись в Российскую Империю около 1905 года, старался находится вдали от столиц — в Сибири и Средней Азии — девушки Бромлей выросли в достаточно стесненных материальных обстоятельствах, проживали по одной у разных родственников, рано начали работать, были очень самостоятельными, умели делать любую бытовую, включая традиционно не женскую, работу. Например, Наталья Николаевна познакомилась с отцом будущего академика, Владимиром Сергеевичем Сергеевым, когда готовила его к поступлению в гимназию, преподавая ему немецкий язык, сама едва окончив гимназию.

Большую долю бумаг Натальи Николаевны составляет ее переписка с сестрами. Среди писем от сестры, художницы Татьяны Николаевны Грушевской (в девичестве Бромлей), и был найден тот литературный текст, который мы представляем вниманию читателей.

Текст не находился в конверте, на листке с этим произведением нет даты, но он лежал в стопке писем 1939–1941 годов. Альбомный неразмеченный лист плотной пожелтевшей бумаги для рисования, формата А4 сложен поперек, и еще раз поперек — так, чтобы лист помещался в конверте, т. е. изначально был вложен в какое-либо письмо. Написан текст черными чернилами, расположен в книжной ориентации и занимает 3,5 страницы, т. е. практически все пространство листа. Очевидно из сличения почерков, что документ написан рукой Татьяны Николаевны, но без авторской подписи. То есть в данном случае мы можем предположить ее авторство или какое-либо чужое, а, возможно даже и коллективное авторство. С осторожностью возможно предположить, что данный текст — фольклорный, является плодом устного народного творчества.

Текст представляет из себя сказку, составленную как подражание сказке «Колобок». Колобка замешивает бабка, живущая с дедом в партизанской землянке, колобок убегает и по дороге, вместо зверей встречает немцев — «фрицев», как они названы в тексте. Фрицев он встречает трижды — первый идет пешком, второй едет на мотоцикле и называется «очкастый» и, наконец, третий едет на танке «Тигр». Все Фрицы пытаются съесть Колобка, но он легко их обманывает. Финал сказки не похож на традиционный — Колобок производит акт самопожертвования, рассыпавшись на 33 пышки и накормив 33 красноармейца, которые, поев колобка, «бросились на врага», которому «тут и крышка».

Переделки специфически народных произведений, а также рецепция фольклорных жанров в творчестве профессиональных литераторов — происходили и ранее в русской литературе. Достаточно вспомнить «Сказку о мертвой царевне» А. С. Пушкина или имитацию народной драмы — «Петрушка иностранец» С. Я. Маршака.

В годы войны такие переделки имели целью поднять боевой дух бойцов — сочинялись частушки, переделывались пословицы. Сказка вернула свою историческую социально-бытовую функцию — отвлечь от мрачной реальности, поднять настроение. А. Н. Пушкарёв вспоминал: «Наиболее плодотворными были «очаги бытования» фронтового фольклора во время боевых затихий. Например, при медленном продвижении во фронтовой полосе железнодорожного эшелона, на его остановках — на станциях и полустанках, нередко и в чистом поле» [9, с. 189]. В послевоенные годы велась большая экспедиционная работа по выявлению и записи произведений народного творчества. В основе работы со сказкой практически до настоящего времени, лежат методы, разработанные А. И. Никифоровым в 1926–1928 гг. В сравнении, например, с методологией братьев Соколовых, которые проявляли внимательное отношение только к выдающимся сказителям, впоследствии в советской фольклористике исследователи стали записывать любых людей, кто готов был рассказывать — т. н. рядовых исполнителей, проводилась тщательная запись материалов, получаемых от любых сказочников. Таким образом, не поиски «старинной сказки» в исполнении талантливых мастеров, а изучение ее повседневной жизни — такова и по настоящее время задача, стоящая перед собирателями. Среди опубликованных фольклорных источников подобного вышеупомянутому тексту на настоящий момент не выявлено. Так же пока нам не удалось найти подобного текста среди опубликованных авторских произведений.

Найденный нами текст имеет в сюжете троекратное повторение происходящего с главным героем обстоятельства — он трижды встречает по пути Фрица с нарастающими признаками опасности — первый антагонист пеший, второй — на мотоцикле и, наконец, третий — на танке. Структурно трехчастность характерна для фольклорного памятника. Мотивы хитрости и ловкости героя, способного преодолевать опасности, также присутствуют как в наблюдаемой реминисценции, так и в общеизвестной народной сказке. Далее приведем еще несколько, как нам кажется, важных соображений. Замена сказочных зверей — антагонистов, врагами-немцами, очевидным образом свидетельствует о расчеловечивании врага, его обезличивании и сопоставлении с животными, которые также часто в традиционной сказке являлись проявителями, заместителями существ т. н. «нижнего демонологического круга» — леших, русалок и водяных. Существа эти в нашем тексте — недалекие, о чем, в частности свидетельствует их неправильная, комичная русская речь, а раз он глупые — их легко обмануть. В статье С. Ю. Неклюдова и А. С. Архиповой приводится цитата из А. М. Горького о подобном комическом приеме: «Создатели песен прибегают к своеобразному и довольно ловкому приему: они берут старые песенные мотивы и вставляют в лирическую мелодию нарочно искаженные, комические слова» [3], [1]. «Поэтический прием» такого рода встречается в городском фольклоре — чаще для карикатурной имитации искажения русской речи в устах инородца или иностранца [1]. Блажес В. В. замечает, что «комический потенциал кроется в сознательном несогласовании рода, числа, падежа существительных с глаголами, прилагательными и другими частями речи <...> Языковая игра очень широко используется в русском фольклоре: в народном театре, во всех речевых жанрах ярмарочно-торгового комплекса, в загадках, скороговорках, этнических эпитетах, коллективных прозвищах, анекдотах и т. д.» [2]. Колобок, герой нашего текста, делая это, должен вызвать у слушателя смех, таким образом принижая внушаемый врагами-немцами ужас, абсолютно в соответствии со смеховой культурой в народной традиции.

А. Н. Пушкарёв отмечал также, что многие памятники фольклора времен войны сохранились в домашних архивах, блокнотах, песенниках и дневниках фронтовиков, он подчеркивал необходимость тщательного изучения и разбора исследователями — фольклористами, этнографами и историками такого рода документов [10, 11].

Предположительное время создания сказки — 1941–1942 годы. Об этом свидетельствует степень сохранности бумаги, использование чернил и пера, датировка писем, вместе с которыми в пачке был обнаружен документ. Художественная образность относится ко времени создания, структурные же компоненты текста являются характерными для традиционной народной сказки.

В заключение вводного комментария скажем, что если этот текст является авторским, то это, бесспорно, очень талантливая стилизация, написанная человеком, глубоко воспринявшим особенности традиционной культуры из письменных или устных источников.

Текст печатается без сокращений, с сохранением авторской орфографии и стилистики.

Колобок.

«Жили были дед да баба. Жили они в лесной землянке. Баба партизанам хлеб пекла. Дед за немцем на охоту ходил.

Испекла баба партизанам хлебы большие, вкусные, соскребла с квашни поскребыши, поката в ладошках да сунула в печь. Вынула баба из печи румяный колобок, положила его на холодок. Придет, думает, дед, попотчую. Полежал, полежал Колобок на холодке да вдруг как прыгнет, из землянки выскочил и покатился.

Увидала его бабка, бросилась догонять, а он от нее. Идет дед.

— Держи его, держи! — кричит бабка — вон, живой колобок катится!

Побежал было дед, да где уж ему: колобка и след простыл.

Катился колобок лесной тропкой, а навстречу ему Фриц — носом поводит, зубами щелкает, ремень на брюхе затягивает. Говорит Фриц: какой ты предмет есть? И можно ли тебя есть? Отвечает Колобок:

из квашни я из крестьянской,

я из печки партизанской,

я пшеничный Колобок

я пустился наутек.

Я от бабки утек,

я от деда утек, и от тебя Фриц голодный утеку!

Шмыгнул Фрицу под ноги и покатился дальше.

Катился, колобок, катился и выкатился на проселок. А по проселку мотоцикл мчится, на мотоцикле очкастый сидит. Мотоцикл как затарахтит и остановился:

Я немецкий офицер,

я голодный очень — зер

ты какая штука есть

и возможно — ль тебя есть? — спрашивает очкастый.

Отвечает Колобок:

из квашни я из крестьянской,

я из печки партизанской,

я пшеничный Колобок

я пустился наутек.

Я от бабки утек,

я от деда утек, и от тебя, очкастый, утеку!

Ка-ак крутанет, повернет, очкастому пыль в нос пустит! Не успел он прочихаться, как колобка и след простыл.

Катился, Колобок, катился, и выкатился на шоссе, а по шоссе «тигр» фашистский бежит, шумит, гремит. Выглянул из «тигра» танкист-фашист и закричал:

— Я б тебя машиной смял,

если бы я только знал,

что такой ты за предмет

ты опасный или нет?

Засмеялся Колобок:

— Не узнал меня горбатый

«тигр» фашистский полосатый!

Колобок я партизанский,
я из печки из крестьянской
всем фашистам лютей враг —
да, опасный, еще как!
Начинен я динамитом
Если тронешь — быть убитым!

Испугался танкист-фашист партизанского колобка и дал тягу. Фыркнул Колобок и дальше покатился. Катился, Колобок, катился и прямо к нашим окопам подкатился. А в окопах 33 красноармейца к атаке готовились.

Как докатился до них Колобок, о землю ударился, на 33 пышки раскатился. Попрыгали пышки красноармейцам прямо в рот, по жилочкам богатырской силой растеклись. Бросились красноармейцы на врага. Тут ему и крышка» [Ф.№ 2138 АРАН].

Список литературы

1. *Архипова А. С., Неклюдов С. Ю.* Два героя / два уркана: привал на пути // *Natalesgratenumeras?: Сборник статей к 60-летию Георгия Ахилловича Левинтона.* — СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2008. — (Studia Ethnologica; Вып. 6). — с. 27–75.

2. *Блажес В. В.* Солдатский юмор в свете народной поэтической традиции // *Устная и рукописная традиции.* — Сб. науч. тр. (Фольклор Урала [Вып. 11]). — Екатеринбург, 2000. — С. 20–37

3. *Горький А. М.* По Союзу Советов. V. Соловки // *М. Горький. Собр. соч.: В 30 т.* — Т. 17. — Москва, 1952.

4. *Кулагина Алла Васильевна.* Поэтический мир частушки // *А. В. Кулагина; РАН, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Филол. фак.* — М.: Наука, 2000. — 303 с. — ISBN 5-02-022545-2

5. *Курганов Ефим.* Анекдот как жанр / *Е. Курганов; редкол.: Б. Ф. Егоров [и др.].* — СПб.: Гуманитар. агентство «Академ. проект», 1997. — 123 с. — (Современная западная русистика). — Прил. содерж.: Сб. анекдотов 19 в.

6. До последнего дыхания: стихи советских поэтов, павших в Великой Отечественной войне / [сост. И. Богатко; ил. С. Красаускаса]. // *Москва: Правда, 1985.* — 397 с.

7. *Пушкарев Л. Н.* По дорогам войны. Воспоминания фольклориста-фронтовика // *Москва, ИРИ РАН, 1995.* — 309 с.

8. *Пушкарев Л. Н.* Очаги бытования фольклора и методика работы фольклориста-фронтовика // *Научные ведомости.* — Серия История. Политология. Экономика. Информатика. — 2010. — № 7 (78). — Выпуск 14. — с. 188–194.

9. *Пушкарев Л. Н.* Письменная форма бытования фронтового фольклора // *Этнографическое обозрение.* — 1995. — № 4. — С. 25–35.

10. *Пушкарев Л. Н.* Человек на войне (источники по изучению менталитета фронтовиков в годы Великой Отечественной войны) // *Этнографическое обозрение.* — 2000. — № 3. — С. 109–121.

Источники: Ф.№ 2138 АРАН, находится в процессе комплектования.

Abstract

The published document is being introduced into scientific use for the first time. The introductory article is devoted to the description and initial analysis of the document found in the personal fund of academician Yu. V. Bromley (f. No. 2138 ARAN). The document contains the text of the Russian folk tale about the Kolobok, which was supposedly revised in wartime (1941–1945). While preserving some structural elements of the folklore monument, the imagery of the text corresponds to the time of the alleged creation. Publication and introductory article prepared by Ph. D., M. Sc. of the Archive of the Russian Academy of Sciences Yezhova O. F.

Key words: *fairy tale, Kolobok, the war of 1941–1945, Yu. V. Bromley, letter, T. V. Grushevskaya, Natalia Bromley, three Fritz.*

Информация об авторе: Ежова Оксана Федоровна, кандидат филологических наук, м. н. с. Архив РАН, Москва, oks-ezhova@yandex.ru

МАРИНА РАСКОВА — РУКОВОДИТЕЛЬ АВИАГРУППЫ И КОМАНДИР АВИАПОЛКА

Лукоянова Мария Александровна

Сахалинский областной краеведческий музей, Южно-Сахалинск

Аннотация

В 1941–1942 годах Марина Раскова руководила формированием трех авиаполков, состоящих исключительно из женщин. Эта работа проводилась в Москве и Энгельсе и нашла свое отражение в документах, хранящихся в Центральном архиве министерства обороны РФ. В статье определяются ключевые обязанности Расковой в формировании боевых соединений, не имеющих аналогов в мировой истории.

Ключевые слова: *Марина Раскова, женские авиаполки, Авиагруппа 122, советская авиация, Великая Отечественная война.*

Советский авиационный деятель Марина Михайловна Раскова известна, в первую очередь, своими рекордными перелетами, осуществленными во второй половине 1930-х годов. За участие в самом знаменитом из них на самолете «Родина» 24–25 сентября 1938 года она была удостоена звания Героя Советского Союза. Жизнь Расковой оборвала Вторая мировая война, к участию в которой она тщательно готовилась и на которую так и не попала. Данная статья рассказывает о работе Марины Расковой в качестве руководителя Авиагруппы 122, а затем — командира 587-го авиаполка. Публикация основана на материалах фонда этого соединения, хранящихся в Центральном архиве министерства обороны Российской Федерации.

Имеется много воспоминаний личного состава авиаполков, которые в 1941–1942 годах формировались под руководством Марины Михайловны, а также ее знакомых, о работе Расковой в качестве руководителя воинских формирований. В диссертации «Женские авиационные части в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (историческое исследование)» [2] Леся Лактионова рассказывает о формировании и деятельности этих полков в целом, упоминая, конечно, и Марину Раскову. Одна из моих публикаций посвящена учебе личного состава женских авиаполков Энгельсе в 1941–1942 гг. [3]. При этом исследования, посвященного Расковой как руководителю авиагруппы и авиаполка, не существует, и моя статья призвана восполнить этот пробел.

К началу Великой Отечественной войны в Советском Союзе имелось достаточное количество женщин — авиационных специалистов. Многие из них изъявили желание попасть на фронт, но в первые месяцы сражений их обращения были безответными. Раскова вместе со своей напарницей по рекордным перелетам Валентиной Степановной Гризодубовой обратилась к народному комиссару авиапромышленности СССР Алексею Ивановичу Шахурину. На встрече она заявила, что «девушки-летчицы, получившие эту специальность в аэроклубах и работающие сейчас ин-

структурами по подготовке летного состава, хотя бы создать женские летные соединения для борьбы с немецко-фашистскими захватчиками» [10]. Шахурин передал эту просьбу Иосифу Сталину, и 8 октября 1941 года вышел приказ народного комиссара обороны СССР №0099 «О формировании женских полков ВВС Красной Армии» [7, л. 2]. Руководство этим процессом было возложено на Марину Раскову. В конце октября 1941 года авиагруппа по железной дороге прибыла в Саратовскую область, где ей предстояло пройти подготовку к боевым действиям в Энгельсской военной авиационной школе пилотов.

Изучение архивных документов наталкивает на мысль о том, что в 1941–1942 годах в Энгельсе Марина Раскова практически все свое время посвящала руководству авиаполками, практически не уделяя внимания самообучению. За указанный период она издала большое количество приказов — сначала по Авиагруппе 122, потом — по 587-му авиаполку, который начал формироваться в феврале 1942 года [5, л. 10] и был возглавлен Расковой в июне 1942 года [5, л. 18]. Точное число этих приказов назвать невозможно, поскольку ряд документов полка был уничтожен его руководством еще во время войны при вхождении в состав авиадивизии [6, л. 13–15].

Проблемами Авиагруппы 122 Раскова занималась еще в Москве с начала октября 1941 года. Ее приказами в штаты зачислялись летчицы, стрелки-бомбардиры, мотористы, мастера по вооружению, укладчицы парашютов, писари, ответственные секретари разных партийных организаций, сотрудники полковых органов безопасности [8, л. 46, 55]. Первым ее распоряжением по прибытии в Энгельс стала единообразная стрижка всего личного состава, за редкими исключениями [9, л. 173]. Решив насущные хозяйственные и жилищные вопросы, Герой Советского Союза разделила соединение на несколько групп и назначила им руководителей [8, л. 36, 37, 38, 40, 43, 44; 9, л. 159]. Последние должны были полностью отвечать за строевую подготовку и выправку личного состава, дисциплину и порядок в группах и расположении, контроль и поверку групп по специальности, а также постоянно докладывать командованию части о ходе учебы и дисциплине в группах.

В Москве не удалось собрать личный состав всех трех планируемых полков; вызванные персонально летчицы и представительницы других авиационных профессий приезжали уже в Энгельс, где зачислялись Расковой в штат при успешном прохождении медкомиссии [8, л. 14, 16, 20, 35; 9, л. 8, 20, 33]. В противном случае они откомандировывались на прежнее место службы [8, л. 24; 9, л. 18, 32–32об].

Прибывших специалистов все же не хватало, и 3 января 1942 года Марина Раскова назначила мандатную комиссию для отбора «молодого пополнения команды формирования». В нее вошли: батальонный комиссар Елисеева (председатель), военинженер третьего ранга Орлова и младший лейтенант Маздрин. Комиссия должна была начать работать в Саратове в 12:00 4 января [9, л. 85]; она заседала до 10 января 1942 года и в результате отобрала для авиачасти 95 девушек-специалистов [1, л. 16–16об].

По мере пополнения штата определялось, какие специалисты его составляют [8, л. 29, 32; 9, л. 10–10об, 13, 36] и какие самолеты будут использоваться для обучения. Раскова постепенно формировала группы для прохождения летной практики и пилотами, и штурманами [8, л. 30, 33] и, как руководитель Авиагруппы 122, подводила итоги обучения личного состава. Для этого издавались специальные приказы, где пилоты признавались «самостоятельно вылетевшими» на разных типах самолетов и допускались к вывозным полетам [8, л. 55; 9, л. 58–58об, 60, 91], а штурманы — к исполнению обязанностей [8, л. 2; 9, л. 64–64об, 86]. Увеличившаяся Авиагруппа 122 вскоре была разделена на три полка, каждый из которых со временем получил своего командира, которому Марина Михайловна и делегировала подготовку летно-технического состава [9, л. 1, 7, 8, 9, 14].

Воспитательная работа Мариной Расковой проводилась редко: она имела форму выговоров и нарядов вне очереди [9, л. 61, 6об]. Причиной большого числа дисциплинарных взысканий Раскова считала недостаточную воспитательную работу командного состава со своими подчиненными, а со стороны последних — отсутствие «должного воинского такта и вежливости» к своим командирам [5, л. 38об]. По ее мнению, основными недостатками в работе 587-го авиаполка

были «недостаточная дисциплина личного состава и слабая воспитательная работа с ними; недостаточная любовь летного состава к материальной части... слабая помощь командиров экипажей техническому составу в его работе на материальной части; низкое качество предполетной подготовки в эскадрилье и звеньях, недостаточное изучение ошибок в прошлых полетах» [5, л. 38об-39].

За время руководства Авиагруппой 122 и 587-м полком Раскова совершила несколько командировок в Куйбышев (ныне Самара) и Москву [8, л. 13, 27], но их цель в архивных источниках не указывается. Предположительно, они были предприняты для получения новых самолетов, которые строились в Куйбышеве, и встреч с руководителями советской авиационной промышленности в столице.

Изначально планировалось, что возглавляемый Расковой полк будет воевать на Су-2, но во время учебы этот самолет сняли с производства, и соединению выделили Пе-2. Своими приказами Марина Михайловна закрепляла машины за эскадрильями, определяла для каждой из них технический состав [9, л. 50–51, 52–52об, 59–59об, 71–71об].

20 октября в Энгельсе состоялось заседание комиссии в составе Расковой, представителя завода № 22, инженера-инспектора И. В. Березкина и инженера полка, военинженера 3-го ранга Круглова. Они составили технический акт по итогам осмотра шести самолетов Пе-2, которые были поставлены на вооружение в 587-й авиаполк. В ходе осмотра у каждой машины был обнаружен целый ряд дефектов [6, л. 9–10]. К сожалению, в техническом акте нет информации о том, какие меры были предприняты к устранению дефектов.

19 ноября начальник Энгельсской военной авиашколы пилотов полковник Багаев издал приказ о перебазировании 587-го авиаполка на аэродром Киржач с 25 ноября [5, л. 41]. К 22 ноября не все экипажи отработали стрельбы по конусам из-за отсутствия бензина и плохих метеословий, но уже на следующий день полк официально завершил переучивание на Пе-2.

К 25 ноября в состав расковского полка входили 20 летчиков, 20 стрелков-бомбардиров и 20 стрелков-радистов. Техническим составом полк был укомплектован полностью по штату, исключая трех мастеров по электрооборудованию. В составе полка также имелись шесть резервных экипажей, которые к тому моменту еще не закончили переучивание на Пе-2 и СБ. За время обучения 20 экипажей полка налетали 1776 часов и осуществили 5835 полетов на У-2, УТ-2, Су-2, Р-5, ТБ-3, СБ и Пе-2 [5, л. 10]. Личный состав был обеспечен летным, армейским и техническим зимним обмундированием полностью, исключая 40 пар зимних технических рукавиц. У всех было по пистолету «ТТ», за исключением троих человек; у 30 военнослужащих имелись винтовки. Штурманским снаряжением полк был также полностью обеспечен. На его вооружении стояли 20 Пе-2 (полностью оборудованные для ночных и слепых полетов) и 1 Пе-2 с двойным управлением заводского изготовления, по одному У-2 и УТ-2, снабженные ракетами [5, л. 10об]. Можно сделать вывод о том, что, несмотря на затянувшееся обучение и переучивание, полк Марины Расковой был в принципе готов к участию в боевых действиях и не в последнюю очередь — благодаря ее руководству.

С 28 декабря 1942 года 587-й авиаполк числился прибывшим на фронт и в состав 270-й бомбардировочной авиационной дивизии [5, л. 43], при этом несколько экипажей оставались в Киржаче из-за ремонта самолетов. К 12 января 1943 года Раскова должна была выполнить «программу ввода в строй и доложить о готовности перебазироваться на основной, боевой аэродром дивизии» [5, л. 43об], но этого она сделать не успела. Вылетов на фронт 4 января с последними самолетами полка, Марина Михайловна на своем Пе-2 попала в сложные метеословия и врезалась в гору в Саратовском районе. Весь экипаж, включая Раскову, погиб. Расследованию авиакатастрофы посвящена обстоятельная статья историка Владимира Николаевича Прямыцына [4], поэтому здесь делать акцент на этом событии не стоит, но, очевидно, обязанности руководителя Авиагруппы 122 и 587-го авиаполка помешали Герою Советского Союза отточить летное мастерство и наработать опыт самолетовождения. Вместе с ней из Киржача вылетели еще два экипажа, чьим летчицам в таких же метеословиях удалось осуществить вынужденную посадку и выжить.

Список литературы

1. Государственный архив новейшей истории Саратовской области. Ф. 30. Оп. 14. Д. 74.
2. Лактионова Л.Д. Женские авиационные части в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (историческое исследование). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук // Москва, 1999.
3. Лукоянова М.А. Учеба в Энгельсской авиационной школе пилотов в воспоминаниях и письмах личного состава женских авиаполков // Центральная библиотека г. Саратова, 2019 г. — URL: <https://ru.calameo.com/read/004184547913c63624667> (время обращения: 03.09.2021).
4. Прямыцын В.Н. Последний полет «сталинской ласточки». Расследование катастрофы с самолетом майора М.М. Расковой // Военно-исторический журнал. — 2016. — № 1. — С. 36–40.
5. Шахурин А.И. Крылья победы. URL: // <http://militera.lib.ru/memo/russian/shahurin/05.html> (время обращения: 23.12.2022).
6. Центральный архив министерства обороны Российской Федерации. Ф. 22294. Оп. 224258с. Д. 1. Акты о готовности и приказы полка. 43 л.
7. Центральный архив министерства обороны Российской Федерации. Ф. 22294. Оп. 224258с. Д. 2. Документы летно-подъемного состава. 23 л.
8. Центральный архив министерства обороны Российской Федерации. Ф. 22294. Оп. 518876с. Д. 1. Исторический формуляр. 125 Гвардейский бомбардировочный авиационный полк имени Героя Советского Союза Марины Расковой. 66 л.
9. Центральный архив министерства обороны Российской Федерации. Ф. 22294. Оп. 706029. Д. 1. Приказы личному составу части. 55 л.
10. Центральный архив министерства обороны Российской Федерации. Ф. 22294. Оп. 706029. Д. 2. Приказы и приказания авиагруппы. 175 л.

Abstract

In 1941–1942, Marina Raskova led the formation of three aviation regiments consisting exclusively of women. This work was carried out in Moscow and Engels and is reflected in the documents stored in the Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation. The article defines Raskova's key responsibilities in the formation of combat formations that have no analogues in world history.

Key words: *Marina Raskova, women's aviation regiments, Air Group 122, Soviet aviation, the Great Patriotic War.*

Информация об авторе: Лукоянова Мария Александровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Сахалинский областной краеведческий музей, Южно-Сахалинск, lukoyanovahistory@yandex.ru

ЖИЗНЬ И БОЕВОЙ ПУТЬ ИВАНОВА ЕГОРА СТЕПАНОВИЧА (1902–1964 ГГ.)

Розмысл Егор Викторович

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, Гродно, Республика Беларусь

Аннотация

В статье прослеживается жизненный путь Иванова Егора Степановича — ветерана Великой Отечественной войны. Автор реконструировал биографию своего родственника, используя интернет-ресурсы и воспоминания родственников.

Ключевые слова: *Иванов Е. С., Иванов А. Е., Великая Отечественная война, 41-й стрелковый полк, послевоенное лихолетье.*

В истории Великой Отечественной войны существует и сегодня огромное количество загадок и тайн, которые не позволяют до конца раскрыть подлинную картину одного из самых трагических периодов истории нашей страны. До сих пор многие документы отмечены штампом «секретно», однако это не должно останавливать тех, кто интересуется событиями тех лет и стремится узнать об участии в войне своих родных и близких, то есть реконструировать свою семейную историю. В Великой Отечественной войне участвовал и мой прадед — Иванов Егор Степанович.

К сожалению, информация о его жизни весьма скудная: имеются лишь отрывочные упоминания в архивных документах, которые не позволяют воссоздать полноценную картину биографии прадеда. Поэтому весьма ценным источником выступают воспоминания родственников, в частности, его сына Иванова Александра Егоровича, 1952 г. рождения, который помнит рассказы своего отца [2].

Ранние годы жизни Иванова Е. С., к сожалению, мало известны. Вот что сообщает его сын Иванов А. Е. в своей автобиографической справке (далее — АС) от 23 сентября 1982 г., во время приема его в члены КПСС: «Отец — Иванов Егор Степанович, 1902 г. рождения, беспартийный, инвалид Великой Отечественной войны» [3, л. 7]. Точную дату рождения не знает ни один из живущих родственников ветерана. Однако в семье, по словам сына Александра, самыми радостными праздниками были День Победы, годовщина Октябрьской революции, Рождество и Пасха. «А вот день рождения я ни разу не видел, чтобы он (отец) отмечал, я и сегодня не знаю, в какой день он родился, предположительно — в декабре», — вспоминал Александр Егорович [2]. Место рождения — Коми-Пермяцкий национальный округ, около города Кудымкар. Это подтверждают и данные сайта «Память народа»: место рождения: Молотовская область, Юрлинский район, д. Вятчина [4].

О детстве и юности Егора Степановича ничего не известно, кроме сведений о составе семьи. Вот как об этом рассказывает Александр Егорович: «Я знаю, что у него старший брат жил в Екатеринбурге. Он приезжал, когда мне было 7 или 8 лет, я тогда уже в школу ходил. Было у папы 2 сестры, которые жили возле нас. У одной сестры детей не было, но она похоронила троих мужиков, двое из которых были купцами. И у нее был дом такой большой, как особняк. А серебра сколько у нее было... Кроме того, еще 3 кузницы. Вторая сестра самая младшая была, ее Маруся звали, а вот старшую как звали, не помню, но мы все время ее «Кыра» обзывали. Она была 1890 года рождения, а Маруся где-то в 1920–1930-е годы родилась» [2].

Не меньший интерес вызывает следующий эпизод из жизни Иванова Е. С., о котором вспоминает Александр: «Когда в 1980-е гг. меня в КГБ вызвали, то мне рассказали, что, когда отцу 14 или 15 лет было, на него бандиты напали, а у него сапоги тогда хорошие были, самодельные

и там у него гильза была, для защиты служила. Бандитов трое было, и он достал гильзу и дал им. Тогда царская полиция была, и его арестовали, на неделю или месяц» [2]. Если брать в расчет возраст Егора Степановича, то можно предположить, что данные события относятся к 1917 г., однако имеет ли данный эпизод отношение к революционным событиям — ответить сложно. В любом случае при посещении Александром Егоровичем Гродненского комитета госбезопасности никаких документов ему не было предоставлено.

Супругой Иванова Егора Степановича была Мария Максимовна, о чем сообщает автобиографическая справка Иванова А. Е.: «Мать — Иванова Мария Максимовна, 1916 года рождения, уроженка деревни Исаково Пермской области РСФСР, работала колхозницей» [3, л. 7]. Дату свадьбы установить также трудно. Если учесть, что старшая сестра Александра родилась в 1940 г., о чем сообщается в автобиографической справке: «Сестра — Кудряшова Павла Егоровна 1940 года рождения» [3, л. 7], то предположительно, брак произошел в 1938–39 гг., однако не исключено, что данное событие могло быть и раньше.

Мирная жизнь Егора Степановича, как и всей огромной страны, была прервана началом Великой Отечественной войны 22 июня 1941 г. С первых дней войны он был призван в ряды РККА в Юрлинском РВК и зачислен в ряды 41-го стрелкового полка 84-й стрелковой дивизии [4].

Следует отметить, что детям ветерана ничего не известно о его жизни на войне. В автобиографической справке указано лишь место его проживания на момент призыва: «В годы Великой Отечественной войны отец воевал на фронте. Мать проживала в деревне Исаково, занималась сельским хозяйством» [3, л. 9].

Реконструировать боевой путь Иванова Е. С. мы можем, лишь опираясь на данные боевой части, в которой он служил — 41-й стрелковый полк 84-й стрелковой дивизии.

Согласно данным карты боевого пути, Егор Степанович прибыл в расположение армии 26 июня 1941 г., преодолев более 2000 км от родных мест прямо в район боевых действий на Юго-Западный фронт у Львова. Удалось ли ему сразу принять участие в боях — неизвестно, поскольку у нас нет данных о наличии им какой-либо боевой подготовки. Вскоре его часть с боями начала отступать от «линии Сталина» в район Белой Церкви. Бои в тот период отличались особой ожесточенностью — 41-й полк оборонялся от наступавшей 1-й немецкой танковой группы Эвальда фон Клейста, которые стремительно двигались к Киеву.

9 июля был захвачен Житомир, а после подавления сопротивления Красной Армии в районе Киевского укрепленного района, немецкие войска повернули на юг, с целью разгромить советские войска на Правобережной Украине. Журнал боевых действий скупно сообщает, что «ведутся бои с превосходящими силами противника. К 17:00 противник создал угрозу окружения, поскольку прорвал оборону частей слева и грозил отрезать полк от других частей» [5, лл. 10–11].

Ввиду высоких потерь советской армии, вскоре часть была снята с линии фронта и после переформирования направлена под Новгород [4]. Журнал боевых действий сообщает об этом следующее: «5 августа 1941 г. в 16:00 полк прибыл на станцию Васильки Ленинградской области. В 18:00 группа из 80 человек заняла оборону в районе села Павлово» [5, лл. 18–19]. Так полк вошел в состав 84-й стрелковой дивизии Северо-Западного фронта.

С 23 августа по 7 сентября дивизии удалось вырваться из окружения в районе Хильково через Торопец и Осташков. В начале сентября дивизию маршем перебрасывают в район станции Лычково. Она получила задачу занять Лужно, но, перейдя в наступление, успеха не имела. После отдыха и переформирования в районе г. Валдай в конце сентября 1941 г. дивизия перебрасывается в район Новгорода, где ведет тяжелые бои в составе Новгородской оперативной группировки.

В начале октября 1941 г., совместно с 8-й танковой бригадой наносит контрудар юго-восточнее озера Ильмень, в районе станции Лычково [1]. Командир части майор Панчин так описывает один из боев: «22 октября 1941 г. В течение ночи 1-м и 2-м батальоном велась боевая разведка в направлении д. Сухая Нива. Утром бойцы вступили в бой с противником, и к 17:00 выбили его с северной и юго-западной части деревни. Противник вынужден был отступить за д. Лужонка»

[6, л. 3]. С 11 января по 20 января 1942 г. 84-я дивизия ведет наступательные бои в районе Старой Руссы. 24 января вновь перешла в наступление, а 26 января отбила у противника д. Пеньково. 20 февраля овладела д. Шишиморово, но 21 марта противник вновь занял этот населенный пункт. Со 2 по 21 апреля части дивизии вели непрерывные наступательные бои за д. Сычево, но овладеть ею не сумели и перешли к обороне. До августа 1942 г. дивизия вела бои к северу от Демянска, участвовала в окружении Демянской группировки врага [1].

После этого основные силы дивизии были дислоцированы под Сталинградом, однако 41-й стрелковый полк, согласно данным карты, остался в районе озера Ильмень, и еще до 12 сентября вел бои, после чего был выведен в тыл.

Скорее всего, именно в этот период Иванов Егор Степанович получил тяжелое ранение в левую ногу, вследствие чего она была ампутирована, что можно обнаружить на единственной фотографии 1950-х гг. Предположительно, он был демобилизован и вернулся домой зимой 1943 г., поскольку в январе 1944 г. у него родилась дочь Анна [3, л. 7].

Период жизни с 1943 по 1953 гг. наполнен постепенным возвращением к мирной жизни в разоренной и разрушенной войной стране. Хотя Приуралье не пострадало от войны, военная ноша ощущалась по всему Советскому Союзу. В то время семья Егора Степановича проживала в Перми, а в 1953 г. переехала в село Покция Червенского района. Вот как об этом рассказывает его сын: «Я в 1952 г. родился, и когда мне был годик, время тогда голодное было и нужно было найти приличное место для жизни, мы всей семьей и переехали в Покцию. Очень большое село — длиной около трех километров, было 6 детских домов, 3 садика, 4 школы. Мои трое старших братьев и сестер жили в детском доме вместе с другими ребятами» [2].

Причина переезда объясняется проживанием там старшей сестры ветерана, а также невозможностью прокормить многочисленное семейство, состоявшее тогда из семи человек. Всего у Егора Степановича родилось трое сыновей и четыре дочери, это подтверждает автобиографическая справка: «Сестра — Кудряшова Павла Егоровна, 1940 г. рождения.

Сестра — Иванова Анна Егоровна, 1944 г., проживает в городе Березники Пермской области РСФСР (Современная Россия), работает рабочей коммерческого предприятия.

Брат — Иванов Иван Егорович, 1946 г., проживает в городе Березники Пермской области РСФСР, работает взрывником на Березинском калийном предприятии.

Брат — Иванов Виктор Егорович, 1950 г., проживает в городе Березники Пермской области РСФСР, работает поваром в тресте столовых-ресторанов.

Сестра — Макарова Нина Егоровна, 1954 г., проживает в городе Березники Пермской области РСФСР, работает няней в детском саду.

Сестра — Барташевич Галина Егоровна, 1959 г., член ВЛКСМ, проживает в г. Гродно, БССР, работает штукатуром — маляром» [3, л. 7–9]. Эти данные подтверждают и личные воспоминания Александра.

Жизнь прадеда, лишившегося во время войны ноги, была весьма тяжелой, но, несмотря на это, Егор Степанович, переживший лишения самых тяжелых лет войны, не отчаивался и кормил свою семью, как мог: «Он в основном валенки делал, иногда — сапоги, каждую зиму и лето шил, ремонтировал. Также занимался строительством — дома строил. Он имел 6 соток земли, но без ноги очень тяжело на земле работать. Поэтому строил дома соседям — очень хорошо умел организовывать стройку» [2].

Однако послевоенное лихолетье диктовало свои законы — оно пронеслось через все детство сына Егора Степановича Александра. Вот как он об этом вспоминает: «Сначала мы все вместе жили. А потом, когда старшие в школу пошли, то рядом с нами был детский дом. Ваню, Витю, а потом и Галю в детский дом мы отдали, а что там — их всегда накормят, сытые будут. А у нас-то, что было? Что подадут — то и было...» [2]. Нередко семье ветерана приходилось жить за счет подаяний: «Я вместе с папой с 5 лет, и даже когда в школе уже был, по всем великим праздникам ходил в церковь: на Пасху, Крещение. Тогда мы с ним ходили 6 километров пешком, отец на ко-

стылях, а я за ним. Возле церкви там люди сидели — гостинцы раздавали, и мы что давали, то брали: пирожки, пироги, хлебушек — все то, то подадут. И это были не объедки, а люди сами давали, от души. Кто что мог, ведь тогда многим тяжело жилось, поэтому помогали друг другу, как могли...» [2].

Весьма тяжело пришлось семье Иванова Е. С. в начале 1960-х, когда он, как инвалид и участник войны из-за девальвации советского рубля фактически лишился пенсии — единственного постоянного заработка: «В 1961 г. на деньгах нули сократили, девальвация была. Вот до этого папа получал 200 рублей, а потом раз и стал получать 20, а позже — 10. Это что за жизнь была! Жили за счет своего хозяйства, за счет того, что папа умел валенки делать, сапоги, строил, потом по ночам сторожил. Вот так и жили, тяжело было, конечно» [2].

Лишь в последние годы жизни семье ветерана повезло: «В 1964 г. в мае-июне месяце, мне тогда еще 12 не было, к нам приехал папин однополчанин, он тогда был в звании полковника или генерала, точно не знаю. Они встретились, и тот его спросил:

— Егор Степанович, сколько ты получаешь?

— Рублей 10.

— Это что ж такое! Давай садись, напиши заявление министру обороны.

— Я не умею писать, в школу не ходил. А вот сын умеет.

Потом он на меня показывает, я тогда уже в школу ходил. Полковник говорит:

— Тогда ты садись, а я продиктую, а ты, Егор, распишешься, как умеешь.

Потом они еще посидели, и он уехал. Мы 3 месяца не получали пенсии. А потом нам почтой прислали деньги. Папа считать не умел, меня позвал, я посчитал, и получилось 510 рублей! И 170 рублей назначили пенсию. На то время это были такие большие деньги!» [2].

Конечно, счастью не было предела, но до конца вывести свою семью из нищеты Егор Степанович не смог — подвело здоровье. Вот как рассказывает о последних днях жизни отца его сын Александр: «Это было в декабре 1964 г. До этого, весной, мы переехали в новый дом, папа его сам построил, хороший дом из дерева. Где-то в октябре-ноябре он заболел. Парились в бане — полегчало, а потом хуже и мы не знали, что делать, ведь скорой тогда не было. Завезли его в больницу, а они сказали, что рак какой-то. Он полежал недели две. Я тогда каждый день его навещал, носил ему пельмени, пирожки, велосипеда тогда у меня не было. Мне 12 лет было, но я тогда уже никого не боялся. А потом ему становилось все хуже, и нам сказали: «Забирайте его, ничем помочь не можем».

Папа нам скомандовал: «Сходите и натопите мне баню». Он очень баню любил, каждый день ходили. Ведь у нас, на Урале, зимы суровые были, поэтому в баню каждый день ходили. Мы его отнесли в баню, он попарился с нами, помылся. Потом старшие братья уехали — один учился, а старший работал уже. Папа лег спать на печи, я вместе с ним. Наутро я просыпаюсь, толкаю его: «Папа, папа...» — а он не отвечает... Вот так и ушел» [2].

Нужно сказать, что жизнь Иванова Егора Степановича — это не только жизнь простого солдата-труженика, опаленная войной, но и пример жизни миллионов людей, которые ценой своей жизни отстаивали свободу и право жить над мирным небом. Это пример мужества, стойкости и героизма людей, которые своими действиями и поступками писали историю — историю, которую нужно знать потомкам. Ведь тогда мы будем смотреть на мир другими глазами.

Список литературы

1. 84-я Харьковская Краснознаменная стрелковая дивизия имени Тульского пролетариата [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.rkkawwii.ru/division/84sdf1>. Дата обращения: 11.09.2022.

2. Воспоминания Иванова Александра Егоровича, 1952 г. рождения, уроженца города Перми Российской Федерации от 2 мая 2022 г. (Личный архив автора).

3. ГАОО Гродненской области — Ф. 10. Оп. 53. Д. 52.

4. Иванов Егор Степанович. Память народа. [Электронный ресурс]. Режим доступа — https://pamyat-naroda.ru/heroes/isp-chelovek_spisok477436/?backurl=%2Fheroes%2F%3Fadv_search%3Dy%26last_name%3DИванов%26first_name%3DEгор%26middle_name%3DСтепанович%26date_birth_from%3D1902%26static_hash%3D263990de820a61d01f108a6e951d5acsv7%26data_vibitiya_period%3Don%26group%3Dall%26types%3Dpamyat_commander%3Anagrady_nagrad_doc%3Anagrady_uchet_kartoteka%3Anagrady_ubilein_kartoteka%3Apdv_kart_in%3Apdv_kart_in_inostranec%3Apamyat_voenkomat%3Apotery_vpp%3Apamyat_zsp_parts%3Akld_ran%3Akld_bolezn%3Akld_polit%3Akld_upk%3Akld_vmf%3Apotery_doneseniya_o_poteryah%3Apotery_gospitali%3Apotery_utochenie_poter%3Apotery_spiski_zahoroneniy%3Apotery_voennoplen%3Apotery_iskluchenie_iz_spiskov%3Apotery_kartoteki%3Apotery_rvk_extra%3Apotery_isp_extra%3Asame_doroga%26page%3D1%26grouppersons%3D1&. Дата обращения — 11.09.2022.

5. ЦАМО РФ. Ф. 6217. Оп. 113865. Д. 3.

6. ЦАМО РФ. Ф: 6217. Оп. 113865. Д. 2.

Abstract

The article traces the life path of Yegor Stepanovich Ivanov, a veteran of the Great Patriotic War. The author reconstructed the biography of his relative using Internet resources and memories of relatives.

Key words: *Ivanov E. S., Ivanov A. E., Great Patriotic War, 41st Rifle Regiment, post-war hard times.*

Информация об авторе: Розмысл Егор Викторович, студент 3 курса, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, Гродно, Республика Беларусь, erorozmysl@gmail.com

СУДЬБЫ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ В ЛАГЕРЕ КОЛОСЙОКИ № 8 В ПЕТСАМО В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Чурлик Анна Юрьевна

МБУ «Историко-краеведческий музей Печенгского муниципального округа», ВШСГН и МКСАФУ им. М.В. Ломоносова, Никель

Аннотация

Статья посвящена судьбам военнопленных в лагере Колосйоки № 8 в Петсамо в годы Великой Отечественной войны. Исследование опирается на финские, советские/российские архивные источники и фотодокументы. На этой основе предпринята попытка систематизировать полученную информацию о лагере военнопленных Колосйоки № 8.

Ключевые слова: *советские военнопленные, финский лагерь, Великая Отечественная война.*

Как известно, никель — стратегически важный в военном деле металл [1, с. 3]. Без присадок никеля невозможно производство брони. По мере продолжения Второй мировой войны рос и спрос на никель для военной промышленности. Выгодные для разработки медно-никелевые руды были обнаружены в районе Петсамо в первые десятилетия XX века и вызывали растущий международный интерес.

С началом Великой Отечественной войны Финляндия выступила против Советского Союза на стороне Германии. Руководство фашистской Германии воспользовалось выгодной ситуа-

цией и по договоренности с финским правительством стало вестидобычу рудных запасов района Петсамо.

Для добычи медно-никелевых руд использовался в основном труд военнопленных РККА.

Сконца лета 1941 года на территории поселка Колосйоки финнами при содействии гитлеровцев был организован трудовой лагерь для военнопленных.

На территории Петсамо было организовано несколько подобных трудовых лагерей для военнопленных, которые были задействованы и на различных других сопутствующих промышленных объектах: строительстве дорог, каменоломнях, строительстве гидроэлектростанции.

Согласно финским данным, лагерь № 8 (в военном дневнике лагеря используется название — нижний лагерь Колосйоки № 8) был основан 6 августа 1941 года в окрестностях довоенного никелевого комбината. Должность начальника лагеря в разное время осуществляли финские военнослужащие: лейтенант А. Kari, лейтенант Emil Thorvald Petersen, лейтенант U.A. Halttunen, лейтенант E. Tammivuori, лейтенант K. Holm [2, с. 72].

Первым начальником лагеря был назначен лейтенант А. Kari с 6.7.1941–10.9.1941, в октябре он был переведен в юго-западную часть Финляндии (Турку-Пори), где 8 сентября 1941 г. был основан концентрационный лагерь для советских офицеров под его руководством.

По установленным координатам лагерь Колосйоки № 8 был расположен в 900 м от современного плавильного цеха и в 1200 м от жилого фонда поселка Никель. Недалеко от этого места находится и кладбище с могилами военнопленных. На сегодняшний день установлены имена и фамилии, захороненных там 47 красноармейцев.

С большой степенью достоверности можно утверждать, что в отличие от лагеря № 1, расположенного в Kõyliö, и в котором содержались советские офицеры, в лагере № 8 были только рядовые. Об этом свидетельствуют списки военнопленных, предоставленные финским национальным архивом.

Списки были доставлены в Россию по инициативе сотрудников финского национального архива в рамках финского проекта «Судьбы военнопленных и интернированных в Финляндии 1939–1955 гг.». Списки были переданы председателю благотворительного военно-патриотического фонда «Застава Святого Ильи Муромца». Получив информацию, поисковики российского фонда выехали в Печенгский район и на территории кладбища члены поискового отряда «Омега» провели мемориальные работы. 24 июля 2014 г. состоялось открытие памятного креста и мемориальных таблиц с фамилиями советских военнопленных, погибших в лагере Колосйоки № 8.

При анализе данных финского национального архива установлено, что из 47 военнопленных шестеро человек расстреляны, троиз них были убиты при попытке к бегству. В списке указаны и причины смерти остальных военнопленных. Среди таких причин названы: острая сердечная недостаточность, вынужденное голодание, сложный перелом теменной части, отравление угарным газом, паралич, водянка, пневмония.

В процентном соотношении выходит, что 6% военнопленных расстреляны и подавляющее большинство — 63% военнопленных — скончались от истощения (голода).

В книге «Судьбы военнопленных — Советские военнопленные в Финляндии в 1941–1944 гг.» исследуются причины высокой смертности в различных финских лагерях для военнопленных.

Финский исследователь Миркка Даниэльсбакка утверждает, что финские власти не ставили целью истребление военнопленных, как это происходило, например, в нацистской Германии, но, тем не менее, физическое истощение военнопленных на тяжелых работах и смерть в результате явно недостаточного для восполнения сил питания — результат сознательных действий лиц, ответственных за бесчеловечные условия содержания в лагерях. В своей книге Миркка Даниэльсбакка пишет, что в Финляндии никто и не отрицает факта высокой смертности среди советских военнопленных. Продолжаются дискуссии и о том, была ли это осознанная политика властей Финляндии.

Военнопленные лагеря Колосйоки № 8 работали на никелевом комбинате и условия их труда изначально требовали высококалорийного суточного рациона. Между тем, их смерть по причи-

не голодания наступала не позже как через несколько месяцев с момента заключения. Это явно указывает на неприемлемые условия питания, вызывавшие быстрое истощение организма. Например, отрывок из письма — воспоминания очевидца тех трагических лет: «Военнопленные выглядят слабыми. Они и были слабыми и изможденными, так как не имели достаточного питания, так откуда же они могли набраться силы. В середине 1943 г. в рудничной шахте их работало более 100 человек...» [4, с. 401].

Из этого следует, что некоторые финны проявляли сострадание и пытались помочь советским военнопленным, подкормить их. У военнопленных действительно было постоянное ощущение голода, но иногда возникала и возможность моментальных контактов с местным населением. Общение с русскими военнопленными происходило, в частности, через обмен пищи на ремесленные поделки ручной работы. Пленные мастерили примитивные, но искусные поделки, которые в особенности привлекали школьников. Дети специально припасали дома еду, чтобы обменять ее на игрушки. Когда сведения о фактах такого обмена дошли до руководства, то на столбе электропередач вывесили объявление о том, что запрещается приносить пищу пленным [4, с. 401].

Аналогичной была и ситуация в других лагерях на территории Петсамо. Например, из протокола допроса советских военнопленных 1942–1943 гг.: рабочий день 16 часов, питание — утром кофе, обед — суп картофельный или капустный, на ужин — кофе, хлеб — 300 г в сутки. Табак только для украинцев, 2 сигареты в неделю. Баня — два раза в месяц, смена постельного белья — один раз в месяц. Финское население относится к военнопленным с сочувствием... Был случай передачи рыбаками тайком рыбы военнопленным [6].

Финский исследователь Lars Westerlund утверждает, что лагерь военнопленных был расформирован 25.11.1944 г. [2, с. 72].

Выписки военного дневника лагеря военнопленных № 8 свидетельствуют:

«... 4.09. война между Финляндией и СССР окончена...»

«5.09. ... все заключенные в лагере № 8 прекратили работу...»

«5.09 ... начать с 6.09 ... с утра начать движение в Ивало...»

«6.09 0.10 лейтенант из 8 лагеря объявил оставить нижний лагерь... 00.30 установлена связь... 10.40 объявление из лагеря Колосйоки... Р. М. отправился в..., а заключенные в Ивало...»

«7.09... 10.30грузовой автомобиль с имуществом штаба отправлен в Рованиemi...» [3, с. 9].

Таким образом, рассматриваемая тема требует дальнейшего детального исследования, перевода финских источников на русский язык для восстановления полной картины содержания советских военнопленных в лагере Колосйоки № 8.

Фрагментарно вышеуказанный материал был представлен 27 октября 2022 г. на III Международной научно-практической конференции «Безопасность арктических рубежей: экология, история, образы будущего».

На основании представленных на конференции материалов организаторы в резолюции рекомендовали заинтересованным международным и национальным организациям приарктических стран в п. 4.16 «на основе введенных в научный оборот исторических документов в отношении лагеря «Колосйоки № 8» следует уделить повышенное внимание изучению практики Финляндии по созданию в годы Второй мировой войны на Крайнем Севере трудовых лагерей для советских военнопленных в части, касающейся установления фактов бесчеловечного отношения, расстрелов, иных деяний, имеющих признаки преступлений против человечности и не имеющих сроков давности».

Результатом историко-источниковедческого анализа документальных материалов обеих сторон подтверждается достоверность исторического факта: в финском военном дневнике лагеря Колосйоки № 8 3 мая 1944 в 12.00–12.20 зафиксирована воздушная тревога в районе Ивало. Одинокый вражеский самолет высоко пролетел над Ивало. Подтверждением данной записи имеются в журнале боевых действий 7 воздушной армии Карельского фронта:

«Части 7 ВА вели разведку аэродромов: Луостари, Сальмиярви, Маятало и движения войск противника на участке Ивало-Вуотсо с попутным бомбардированием автогаража в р-не нас. пункта Вуотсо и обстрелом нас. пункта Пеураиеми на Мурманском направлении и выполняли спецзадания на Мурманском и Медвежегорском направлениях» [7].

12.25–14.15 Бостон произвел разведку движения войск противника на участке Ивало-Вуотсо на Мурманском направлении. Задание выполнено.

Записи подтверждаются и в Журнале боевых действий 1 гв. смешанной авиационной дивизии:

«Один Бостон — 3, летчик вел разведку движения войск противника по дорогам на участке Ивало-Вуатсо. Высота разведкиот 1500 м до бредущей. Задание выполнено. Попутно произвел бомбардирование противника в районе нп Вуатсо....На дороге Ивало-Вуатсо в движении на север 1 автомашина» [6].

Таким образом, военный дневник лагеря Колосйоки № 8 является источником административно-организационного характера, в котором описаны события, происходившие в лагере с 9.04.1944 г. по 22.11.1944 гг., что позволяет более детализировано представить картину жизни финского лагеря на территории Петсамо.

Список литературы

1. *Autere E., Liede J.* Petsamon Nikkelli // Helsinki, 1989. — 304 с.
2. *Lars Westerlund.* Talvi-, jatko- ja Lapin sodan sotavanki- ja siviilileirit 1939–1944 Käsikirja // Helsinki, 2008. — 281 с.
3. Sotapäiväkirja. — № 8 (6661) 9.4.44–22.11.44 — с. 17.
4. *Мацак В.А.* Печенга. Опыт краеведческой энциклопедии // Мурманск, 2005. — 1006 с.
5. Судьбы военнопленных — Советские военнопленные в Финляндии в 1941–1944 гг. // Издательство Tammi, 2016.
6. ЦАМОФ. 14/30 оп. 15 д. 20 л. 27.
7. База данных проекта «Судьбы военнопленных и интернированных в Финляндии 1939–1955 гг.» <https://kronos.narc.fi/sfv2/sfv2.html>
8. Сайт «Память народа» // <https://pamyat-naroda.ru/>

Abstract

The article is devoted to the fate of prisoners of war in the Finnish Kolosjoki camp No. 8 in Petsamo during the Great Patriotic War. The research is based on Finnish, Soviet/Russian archival sources and photographic documents. On this basis, an attempt has been made to systematize the information received about the Kolosjoki prisoner of war camp №. 8.

Key words: *Soviet prisoners of war, Finnish camp, Great Patriotic War.*

Чурлик Анна Юрьевна, методист по научно-просветительской деятельности МБУ «Историко-краеведческий музей Печенгского округа», магистрант Северного Арктического Федерального университета имени М. В. Ломоносова, Никель, AnnamissAnnamiss@yandex.ru

ПРИЛОЖЕНИЕ

СТАНИСЛАВ ВАСИЛЬЕВИЧ ТЮТЮКИН. ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Удальцов Иван Сергеевич

Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации;
Общественная комиссия по изучению и популяризации творческого наследия профессора С. В. Тютюкина, Москва

Аннотация

На основе личных воспоминаний автор предпринимает попытку наметить контуры портрета Станислава Васильевича Тютюкина как человека и как ученого.

Ключевые слова: С. В. Тютюкин; личность; воспоминания.

*Для его славы уже ничего не нужно. Это он нужен для нашей славы.
С французского*

I

Я родился в тот же год, когда увидела свет книга «Меньшевизм: страницы истории» — самая объемная и, пожалуй, самая масштабная монография Станислава Васильевича. Хорошо помню ее желтоватую, со следами многочисленных правок машинопись, некоторые листы которой в дальнейшем послужили материалом для моих детских рисунков: Станислав Васильевич имел привычку расправляться с черновиками уже опубликованных произведений самым безжалостным образом, превращая их в так называемые «оборотки» и даже не задумываясь о том, что для кого-то они могут иметь ценность не только в качестве расходного материала.

Через семнадцать лет, семь месяцев и девять дней он умер. Ровно столько мы прожили со Станиславом Васильевичем под одним небом, хотя и не все время — в одном городе или даже в одной стране. Бессмысленно спрашивать — много это или мало, потому что ответ будет неодинаковым, с какой стороны ни посмотри. Для меня (в настоящий момент) — это очень много, для него — значительно меньше. Но не думаю, что физическое время играет определяющую роль, когда речь идет об отношениях между людьми. Здесь важны скорее желание и способность понять друг друга.

Надеюсь, я сумел понять Станислава Васильевича достаточно хорошо, чтобы когда-нибудь стать его достойным.

II

Среди всех людей, с которыми мне приходилось общаться, не было человека более спокойного, доброжелательного и нравственно целостного, чем Станислав Васильевич Тютюкин. К нему, как мне кажется, было совершенно не применимо выражение «вышел из себя», потому что в любой ситуации он неизменно оставался самим собой (что доступно только тому, кто хоть что-то из себя представляет в нравственном отношении). Его спокойствие происходило не от апатии или безразличия, а от истинной, глубинной мудрости, и выражалось оно не бездействием, но обдуманном действием, всегда соразмерным и адекватным сложившейся обстановке. На моих глазах Станислав Васильевич ни разу не поддался ни гневу, ни черной тоске; ни разу я не замечал в его словах или поступках даже малейших признаков зависти или тщеславия. Он обладал отчетливым видением мира, ясно осознавая свое в нем место.

Помню, как осенью 2018 года мы со Станиславом Васильевичем закончили очередной этап работы по упорядочиванию библиотеки: все его печатные труды были расставлены на полках

в хронологическом порядке: от пожелтевших, рассыпающихся сборников статей и тезисов конференций, отпечатанных в шестидесятые годы прошлого столетия — до третьего тома коллективной монографии «Реформы в России с древнейших времен до конца XX века», вышедшего в 2016 году и до сих пор не утратившего характерного типографского запаха. Солнце только что село, но было еще светло. И вот, среди этих серых с желтым отливом сумерек, сидя у окна в своем высоком кресле и глядя на ряды книг и книжечек, вобравших в себя его жизнь, Станислав Васильевич сказал в ответ на какую-то мою реплику — просто, безо всякого надрыва и театральности: «Не хочу ни преувеличивать своих достижений, ни преуменьшать. Я сделал достаточно».

В некотором смысле эти слова — «я сделал достаточно» — стали его автоэпитафией, и едва ли можно выразиться точнее.

III

В быту Станислав Васильевич был прост — не примитивной простотой одноклеточного, но той простотой, которая отличает творение истинного гения от работы мастера, пусть даже и талантливого, той простотой, которая возникает на месте переусложненной структуры и во всем ее превосходит. Так же просто он держался и с людьми — причем со всеми, без различия классов и сословий. Он умел слышать и понимать, и с каждым — будь то его малолетний внук, коллега по работе или высокопоставленный чиновник от науки — разговаривал как с равным; умел, будучи образованнее многих и умнее большинства своих собеседников, ничем не выказать своего превосходства. Станиславу Васильевичу была совершенно нехарактерна уверенность в непогрешимости собственных суждений, иногда дающая о себе знать в поведении признанных, маститых ученых, он не стремился подавить визави своим несомненным авторитетом. Как-то раз мне довелось разговаривать со школьной учительницей истории, которая в начале своей карьеры несколько раз встречалась со Станиславом Васильевичем на научных мероприятиях. По ее словам, именно эти встречи, память о которых она сохранила на протяжении тридцати с лишним лет, помогли ей в полной мере осознать всю красоту исторической науки. Самого Станислава Васильевича она и по сей день считает «эталоном настоящего ученого-историка и педагога». Я уверен, что с этими словами могли бы согласиться и многие другие люди — его коллеги, друзья, ученики (одним из которых осмелюсь назвать и себя). Очень немногие из наших современников подходят под такое определение, но Станислав Васильевич, несомненно, принадлежал к числу этих немногих.

IV

Его простота была плодом мудрости, а мудрость — источником внутренней силы, помогавшей сохранять духовную целостность и стоическую непреклонность даже в самые непростые времена. При этом он не был догматиком, не впадал в доктринерство или тупоумное начетничество. На своем пути — и в науке, и в жизни — Станислав Васильевич сталкивался с сомнениями, ошибался (как ошибаются все, кто предпочитает бездействию действие), пересматривал некоторые убеждения. Но главный его принцип — принцип постоянной человечности — оставался неизменным. Потому и путь Станислава Васильевича, при всей своей диалектической сложности, — это путь прямой и последовательный, ведущий от чистого начала к достойному и бестрепетному концу. Не удалось бы пройти такой путь человеку, не обладавшему большим — не бытовым, а бытийным — мужеством, спокойствием и внутренней силой, которая удерживает слово и дело вместе, не дает им разъединиться и стать уже не равновеликими сосудами духа, но бессмысленными и бесплодными понятиями, то есть орудиями умственной эквилибристики и гордого самообольщения. Станислав Васильевич, с честью прошедший свой путь, этими качествами обладал. Он сумел избежать бесчисленных ловушек — ловушек гордыни и страха, злобы и отчаяния — подстерегающих неосторожного путника на поворотах и перекрестках жизни. Более того, своим примером он смог вселить в души знавших его добрую надежду, хоть и готовую временами

угаснуть, но все же — спасительную. Я, по крайней мере, и сейчас чувствую внутри себя ее мерное, успокаивающее свечение.

Здесь я хотел бы процитировать небольшое стихотворение академика Юрия Александровича Полякова, посвященное юбилею Станислава Васильевича. Это незатейливое восьмистишие в хорошем плане двусмысленно: с одной стороны, оно является поэтическим описанием статуэтки-совы — подарка на юбилей, а с другой — достаточно точно характеризует самого юбиляра:

*Уходят в прошлое слова
И радость унося, и хмурость,
Но хладнокровная сова
За веком век хранит нам мудрость.*

*И если грусти миг придет,
Сову окиньте легким взглядом,
И все печальное пройдет,
А радость снова встанет рядом.*

V

Нельзя не упомянуть и о феноменальном трудолюбии Станислава Васильевича. Сколько я его не помню — за исключением самых последних месяцев жизни — он всегда был чем-то занят, погружен в какой-то проект, задействован в очередном авторском или редакторском коллективе. Он очень много читал — на нескольких языках, и не только научную литературу своего профиля. Станислав Васильевич любил и прекрасно знал русскую и зарубежную классику. Одним из его любимых писателей был Чехов, увлечение которым он разделял со своей супругой Маргаритой Ивановной Удальцовой. На последнем этапе жизни, не всегда имея возможность читать самостоятельно, именно рассказы Чехова он просил меня почитать вслух (что я и делал с большим удовольствием). Станислав Васильевич питал интерес к Толстому (см. статью «Л. Н. Толстой и Первая российская революция»), а художественная литература рубежа XIX — XX веков, равно как и позднейшие произведения об этом периоде, входили непосредственно в область его академических интересов. Он тонко чувствовал особенности духовной жизни Серебряного века, справедливо полагая ее неразрывно связанной с политической обстановкой того времени. Недаром в работах Станислава Васильевича не раз упоминаются Марина Цветаева, Андрей Белый, Зинаида Гиппиус, дневник которой послужил важным источником для монографии «Александр Керенский: страницы политической биографии». Среди бумаг случайно сохранились несколько библиотечных абонементов, свидетельствующих о знакомстве Станислава Васильевича с историческими (или псевдоисторическими) романами второй половины прошлого столетия. Это, например, «Нечистая сила» Валентина Пикуля и «Красное колесо» Александра Солженицына, хотя ими, разумеется, не ограничивалось его знакомство с современной литературой (более того, конкретно эти книги вызывали у него раздражение и неприятие). Как человек своего времени, он не оставался равнодушным к творчеству и «шестидесятников», и более поздних поколений писателей и поэтов.

Стоит ли говорить о том совершенно фантастическом количестве научных текстов, которые Станислав Васильевич изучал в силу профессиональных обязанностей? Занимая должность главного редактора «Отечественной истории», он прочитывал практически все поступающие в редакцию статьи, и не просто прочитывал, но вникал в их суть, правил, интенсивно переписывался с авторами, подсказывая пути к углублению их исследований. А ведь еще приходилось находить время и для создания собственных трудов, и для научно-организационной работы, связанной с членством в ученых и диссертационных советах, поездками в регионы, участием в конференциях, «круглых столах» и симпозиумах! Творческий процесс шел непрерывно, большой письменный стол, прослуживший не одно десятилетие, всегда был завален множеством бумаг и книг. В последние годы, когда прогрессирующая болезнь не давала Станиславу Васильевичу занимать-

ся самостоятельно, я старался помочь ему, чем мог, читая вслух и записывая тексты под его диктовку, хотя, боюсь, моих усилий было недостаточно. Тем не менее эта работа, наравне с трудами по систематизации архива и библиотеки, стала важной формой нашего общения, и сейчас я очень рад, что находил для нее время и силы.

До последних дней жизни сохранил Станислав Васильевич и увлечение классической музыкой и балетом, которое возникло у него еще в юности. Однажды, весной 2019 года, когда мы остались дома вдвоем, он попросил меня включить запись «Вальса цветов» из балета «Щелкунчик» Чайковского. Это происходило около полудня. Комната была залита золотистым, янтарно-медовым светом, в полуоткрытое окно, за которым расплывалось бескрайнее, без единого облачка небо, проникал удивительно свежий для Москвы воздух. При первых же звуках гениальной музыки лицо Станислава Васильевича изменилось — он даже не помолодел, но как-то возвысился над признаками времени: увидев его в те минуты, никто не сказал бы, что этому человеку остается жить чуть более полугода.

VI

Однажды — на рубеже 2011 и 2012 годов — я сопровождал Станислава Васильевича в деловой поездке: нужно было забрать у посыльного какую-то то ли рукопись, то ли книгу. Встречу назначили на станции «Площадь Революции». Кажется, тогда я увидел ее впервые — может, отчасти и поэтому мне так хорошо запомнился тот день. Ясно вижу: вот мы прошли до самого края платформы, вот — посыльный, невысокий худощавый человек, лет тридцати — тридцати пяти, довольно благообразный, в очках. Не могу точно сказать, кто это был, но скорее всего — сотрудник издательства или какого-то редакционного аппарата. Во всяком случае, Станислав Васильевич его знал. В короткую минуту относительной тишины, какая бывает между прибытием и отбытием поездов, он успел не только забрать пакет, но и перемолвиться с курьером парой фраз — с присущей ему теплотой и искренностью поинтересоваться, как продвигается работа над статьей. Было заметно, что посыльный тронут — может быть, тем интересом, который признанный ученый проявил к его исследованию, а может и тем только фактом, что такой ученый запомнил его в лицо. Тут раздался нарастающий рев, и вскоре из тоннеля вылетел тормозящий состав. Курьер попрощался и поспешил к последней двери последнего вагона, а мы со Станиславом Васильевичем остались стоять, пережидая, пока схлынет толпа — нам нужно было ехать в противоположную сторону на другом, еще не подошедшем поезде.

Я посмотрел на Станислава Васильевича, и в эти несколько мгновений, среди неприятного, пугающего скрежета металла о металл, среди шумного движения пестрой толпы, среди тускло-желтого света ламп метрополитена, он предстал перед моим взглядом не таким, как я привык. Он стоял среди хаоса — спокойный и неколебимый, с легкой улыбкой на губах. Я вдруг понял — и в первый ли раз? — насколько этот человек высок, насколько он силен и светел; понял, как мало таких людей рождается в нашем несчастном мире.

Тогда я не смог вполне осознать увиденное. Смог ли потом? Не знаю. Но в день его смерти, который, по слову поэта, был «темным и холодным днем», я подумал, глядя на смертные останки Станислава Васильевича: разве может исчезнуть бесследно такая светлая сила, разве может она без остатка раствориться в земле, воде или воздухе, разве может перестать существовать, буд-то ее никогда и не было?

Разумеется, ответ на эти вопросы — отрицательный.

VII

У Витторе Карпаччо — итальянского художника эпохи Возрождения — есть картина под названием «Портрет рыцаря». Ее главный герой обладает замечательным портретным сходством с молодым Станиславом Васильевичем. Это сходство, само по себе случайное и вроде бы бессмысленное, на самом деле глубоко символично, потому что именно рыцарем — рыцарем исти-

ны — Станислав Васильевич и был до своего последнего вздоха. Истина была его главным нравственным императивом — и в науке, и в повседневной жизни, и в жизни духовной. Истина была внутренним стержнем всей его жизни — не слишком богатой событиями, но исключительно наполненной внутренне.

В каждом поколении есть такие люди — не великие вожди и герои, но те, кто любит правду больше, чем себя; те, кто твердо стоит на земле и без страха смотрит в ночное небо. В каждом поколении их очень мало, но именно они составляют фундамент всякого поколения и всякого народа. К числу таких праведников принадлежал и Станислав Васильевич Тютюкин, с достоинством проживший жизнь и точно так же встретивший смерть. Для меня, как и для многих других, он навсегда останется образцом бескорыстной доброты, нелицемерного милосердия, незамутненного здравомыслия и глубокой мудрости — всего, что присуще человеку в прямом и самом высоком значении этого слова.

VIII

Смерть несправедлива, как и всякий универсальный принцип. Особенно ярко ее несправедливость становится видна, когда умирает по-настоящему великий человек, заменить которого невозможно, без которого мир сразу становится как-то темнее и теснее. Но все же, хотя бы ради светлой памяти такого человека, — нужно найти в себе силы, чтобы встать на ноги и с улыбкой ожидать рассвета нового дня, который — можно в этом не сомневаться — однажды все-таки наступит.

*... Вот и ветер затих.
Не осталось ни сада, ни дома —
Только пепел и прах,
Беспредельная пустошь вокруг.
Ну и что же теперь?
Разве мы не сумеем вернуться?
Разве мы не мечтали,
И разве нас Бог не любил?*

Abstract

Based on personal memories, an attempt is made to outline the contours of the portrait of Stanislav Vasilyevich Tyutyukin as a person and as a scientist.

Key words: *Stanislav Tyutyukin; personality; memories.*

Информация об авторе: Удальцов Иван Сергеевич, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации; секретарь Общественной комиссии по сохранению и популяризации творческого наследия профессора С. В. Тютюкина, г. Москва, udaltsov2002@gmail.com

СТАНИСЛАВ ВАСИЛЬЕВИЧ ТЮТЮКИН. ТВОРЧЕСКАЯ БИОГРАФИЯ¹

Удальцов Иван Сергеевич

Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации;

Общественная комиссия по изучению и популяризации творческого наследия профессора С. В. Тютюкина, Москва

Аннотация

В статье кратко характеризуются основные этапы творческой деятельности доктора исторических наук, профессора С. В. Тютюкина (1935–2019), приводится перечень основных дат биографии историка.

Ключевые слова: С. В. Тютюкин; ИРИ РАН; историография, Г. В. Плеханов; А. Ф. Керенский.

Станислав Васильевич Тютюкин родился 29 сентября 1935 года в Москве, в семье служащих. Несмотря на то, что его детские годы были омрачены тяготами предвоенного времени, войны и послевоенной разрухи, он рано начал проявлять незаурядные способности в разных областях — страстно увлекался оперой и балетом, архитектурой и живописью, сам неплохо рисовал и занимался музыкой, а кроме того оставался круглым отличником на протяжении всех десяти школьных лет. В 1953 году, окончив школу с золотой медалью, поступил на исторический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, который и окончил пять лет спустя с красным дипломом.

Вся дальнейшая творческая биография Станислава Васильевича оказалась неразрывно связана с Институтом истории АН СССР (позднее — Институтом истории СССР АН СССР и Институтом российской истории РАН), куда он попал по распределению после выпуска из университета, хотя в первое десятилетие ему и пришлось немало поскитаться по другим учреждениям. Сперва, оставаясь сотрудником Института, он был командирован в МИД СССР, где занимался подготовкой к печати дипломатических документов, затем, в 1963–1966 годах, учился в аспирантуре, а в 1966–1968 числился сотрудником Института этнографии АН СССР (ныне Институт этнологии и антропологии имени Н. Н. Миклухо-Маклая РАН). В 1967 году он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Идейная борьба в рабочем движении России в 1914–1917 гг.» и уже в следующем, 1968, окончательно вернулся в родной Институт, где и проработал вплоть до выхода на пенсию (2015).

Широкий круг научных интересов Станислава Васильевича, включавший историю рабочего класса, трех российских революций, общественной мысли и общественного движения (в особенности меньшевизма), сформировался довольно рано. Уже в первой своей монографии, написанной на материале кандидатской диссертации («Война, мир, революция. Идейная борьба в рабочем движении в России 1914–1917 гг.», 1972), он продемонстрировал те выдающиеся качества глубокого исследователя, которые впоследствии отличали все его научные труды: документальную обстоятельность, бережное обращение с фактом, стилистическое мастерство и академическую смелость. Характерной чертой его работ была глубина проработки источников, прекрасное знание зарубежной и отечественной историографии, умение увязать постановку научных проблем с вызовами эпохи. Неслучайно, что многие его публикации вызывали не только собственно научный, но и общественный резонанс, не оставляя равнодушными ни тех, кто разделял взгляды автора, ни тех, у кого они вызывали раздражение и даже критическое неприятие.

¹ За помощь в подготовке статьи автор благодарит М. И. Удальцову и В. В. Шелохаева.

Следующая монография Станислава Васильевича — «Первая российская революция и Г. В. Плеханов. Из истории идейной борьбы в рабочем движении России в 1905–1907 гг.» (1981) — стала основой уже для докторской диссертации, защищенной год спустя (1982). В этом масштабном исследовании впервые с должной тщательностью и объективностью была рассмотрена позиция Плеханова в годы Первой российской революции.

Органичным продолжением «плехановской» темы в творчестве профессора Тютюкина явилась монография «Г. В. Плеханов. Судьба русского марксиста» (1997), ставшая одним из наиболее глубоких исследований биографии «отца русского марксизма» и окончательно закрепившая за своим автором репутацию ведущего «плехановеда» не только в России, но и в мире.

Но еще раньше увидели свет две другие монографии Станислава Васильевича — новаторское исследование «Июльский политический кризис 1906 г. в России» (1991), в котором нашел объективное отражение один из ключевых моментов революции 1905–1907 годов, и написанный в соавторстве с В. В. Шелохаевым труд «Марксисты и русская революция» (1996). Последний был в значительной степени основан на материалах из архива Института марксизма-ленинизма, причем многие из них впервые вводились в научный оборот и получали взвешенную оценку.

Настоящей «жемчужиной» в творческом наследии Станислава Васильевича можно считать его самую объемную книгу под емким названием «Меньшевизм. Страницы истории» [14]. Эта монография представляет собой первую в отечественной и зарубежной историографии попытку представить полный очерк истории такого важного для России начала XX века общественно-политического феномена, как меньшевизм, — и попытку, согласно консолидированному мнению мирового сообщества историков, в высшей степени удачную.

Последняя монография Станислава Васильевича, «Александр Керенский. Страницы политической биографии (1905–1917 гг.)» (2012), позволяет нам еще раз убедиться, что профессор Тютюкин действительно был непревзойденным мастером исторического портрета: в этой книге ему удалось найти свою, уникальную точку зрения на достаточно широко освещенную в научной и популярной литературе личность «временного» премьер-министра, не изменив при этом высочайшим академическим стандартам качества.

Кроме авторских монографий, насчитывающий более 400 пунктов список трудов Станислава Васильевича составляют также десятки глав в монографиях коллективных, сотни научных и научно-популярных статей и рецензий, материалы докладов и тезисы выступлений на всесоюзных (всероссийских) и международных конференциях. Много сил ученый отдавал и редакторской работе, считая редактирование не меньшим искусством, чем собственно писательство. Стоит ли удивляться, что одним из наиболее плодотворных периодов его жизни стали годы в должности главного редактора «Отечественной истории»¹ — одного из наиболее авторитетных периодических изданий в области российской истории?² Благодаря обширным талантам и неизменному трудолюбию Станислава Васильевича, журнал не только не утратил высоких позиций в академическом мире, но и упрочил их — посредством постоянного роста качества публикаций.

На протяжении многих лет важную часть жизни Станислава Васильевича составляли преподавание и просветительская деятельность. Еще в советское время он часто выступал с публичными лекциями, а в 1990-е годы занимал должность профессора кафедры истории в Институте профессиональной переподготовки и повышения квалификации МГУ. Ораторское мастерство

¹ Ранее — «История СССР», ныне — «Российская история».

² Прежде чем стать в 1995 году главным редактором, Станислав Васильевич пять лет проработал в составе редколлегии журнала. Покинув в 2007 году руководящую должность, он продолжал поддерживать связи с многими сотрудниками редакции, а в 2013 вошел в состав нового органа, Редакционного совета, членом которого и оставался до конца своих дней. Также необходимо сказать и о работе Станислава Васильевича в редколлегии продолжающегося издания «Исторические записки» (1971–1991), Общественном совете культурно-просветительского журнала «Любимая Россия» (2003–2006) и редакционном совете ежегодного сборника «XX век и Россия: общество, реформы, революции» (2013–2017). Важную часть творческого наследия выдающегося историка составляют десятки коллективных и индивидуальных монографий, сборников статей и материалов конференций, вышедших под его редакцией.

и умение доступно, без излишнего упрощения и схематизма изложить самый сложный материал делали его прекрасным лектором, способным увлечь любую аудиторию — от школьников, студентов и слушателей лектория Политехнического музея до титулованных коллег-историков. Кроме того, Станислав Васильевич активно публиковался в крупнейших научно-популярных, партийных и общественных изданиях, выходявших огромными тиражами. Его статьи, рецензии и интервью появлялись на страницах «Правды», «Известий», «Солидарности», «Литературной газеты», «Новой газеты», «Нового мира», «Науки и жизни», «Невы» и других газет и журналов. Также он — автор и соавтор ряда учебников и пособий для высшей школы (в частности, по истории российских политических партий), публикаций в педагогических журналах «Преподавание истории в школе» и «Преподавание истории и обществознания в школе», участник дискуссий по проблемам развития среднего и высшего образования.

Нельзя не упомянуть и о его научно-организационной работе — в ВАК РФ (заместитель председателя экспертного совета по отечественной истории), Российском гуманитарном научном фонде (заместитель председателя экспертного совета по истории, археологии и этнографии, координатор секции «Отечественная история XX века»), ученом и диссертационном совете ИРИ РАН, ученом совете Музея современной истории, Научном совете РАН по истории революций в России (председатель Совета, заместитель председателя Совета), Научном совете по программе фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН «Русская культура в мировой истории», Международной комиссии Международного комитета исторических наук «История революционных движений в России» (президент Комиссии) и других академических структурах.

Скончался Станислав Васильевич 29 октября 2019 года в возрасте 84 лет. Его прах захоронен на Ваганьковском кладбище.

Основные даты жизни и творчества С. В. Тютюкина³

1935, 29 сентября — родился в роддоме им. Н. К. Крупской в Москве.

1943–1953 — учился в московской школе № 167 (ныне — школа № 2054; окончил школу с золотой медалью).

1953–1958 — учился на историческом факультете МГУ (окончил университет с красным дипломом).

1958–1963 — работал в Институте истории АН СССР (включая командировку в МИД СССР).

1963–1966 — учился в аспирантуре Института истории АН СССР.

1966–1968 — работал в Институте этнографии АН СССР.

1967 — защитил кандидатскую диссертацию на тему «Идейная борьба в рабочем движении России в 1914–1917 гг.».

1968–2015 — работал в Институте истории АН СССР (позднее переименованном в Институт истории СССР АН СССР и Институт российской истории РАН).

1972 — опубликовал монографию «Война, мир, революция. Идейная борьба в рабочем движении России 1914–1917 гг.».

1973–1992 — работал в составе редколлегии продолжающегося издания «Исторические записки».

1981 — опубликовал монографию «Первая российская революция и Г. В. Плеханов: из истории идейной борьбы в рабочем движении России в 1905–1907 гг.».

1983 — защитил докторскую диссертацию на тему «Первая российская революция и Г. В. Плеханов».

1984–1987 — работал в должности заведующего сектором истории исторической науки Института истории СССР АН СССР.

1985 — награжден медалью «Ветеран труда»

³ Составители — И. С. Удальцов, М. И. Удальцова

1990–1995 — работал в составе редколлегии журнала «История СССР» («Отечественная история»).

1991 — опубликовал монографию «Июльский политический кризис 1906 г. в России».

1995–2007 — работал на посту главного редактора журнала «Отечественная история».

1996 — опубликовал (в соавторстве с В. В. Шелохаевым) монографию «Марксисты и русская революция».

1997 — опубликовал монографию «Г. В. Плеханов. Судьба русского марксиста».

1997–1998 — работал в должности председателя Научного совета РАН по истории революций в России.

1997–2000 — работал в должности президента Международной комиссии Международного комитета исторических наук «История революционных движений в России».

1999 — присвоено ученое звание профессора.

2002 — опубликовал монографию «Меньшевизм: страницы истории».

2003–2006 — работал в составе Общественного совета журнала «Любимая Россия».

2007 — награжден медалью «Г. В. Плеханов» Фонда Плеханова.

2012 — опубликовал монографию Александр Керенский. Страницы политической биографии (1905–1917 гг.)».

2013–2017 — работал в составе редсовета ежегодного сборника «XX век и Россия: общество, реформы, революции».

2013–2019 — работал в составе редсовета журнала «Российская история».

2013–2019 — работал в должности заместителя председателя Научного совета РАН по истории социальных реформ и революций в России.

2019, 26 октября — скончался в своей квартире в Москве. Прах захоронен на Ваганьковском кладбище.

Abstract

The article briefly characterizes the main stages of the creative activity of Stanislav Tyutyukin (1935–2019), provides a list of the main dates of the historian's biography.

Key words: Stanislav Tyutyukin; historiography, Georgi Plekhanov; Alexander Kerensky.

Информация об авторе: Удальцов Иван Сергеевич, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации; секретарь Общественной комиссии по сохранению и популяризации творческого наследия профессора С. В. Тютюкина, г. Москва, udaltsov2002@gmail.com

Электронное научное издание

**РОЛЬ ЛИЧНОСТИ В ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ.
ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА С. В. ТЮТЮКИНА**

Составитель: Удальцов Иван Сергеевич

Выпускающий редактор Е. И. Осянина
Подготовка оригинал-макета О. В. Майер

Подписано к использованию 07.09.2023. Формат 60x84/8.
Усл. печ. л. 28,4. Заказ 1814.

Издательство «Бук». 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

БУК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
www.bukbook.ru

ISBN 978-5-907753-29-7

9 785907 753297